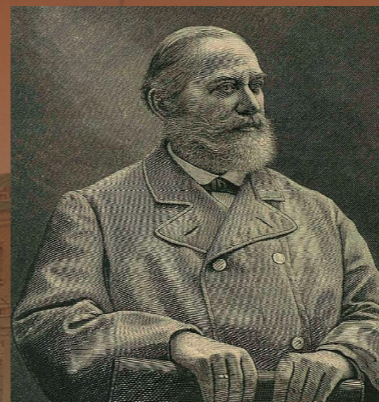

Сборник статей посвящен 200-летию юбилею
великого русского историка
Сергея Михайловича Соловьева.

В нем на обширном документальном материале
раскрывается многогранная деятельность ученого
на уровне отечественной исторической науки и образования,
прослеживается рецепция его научного наследия
в историографии с конца XIX в. и до сегодняшних дней,
рассматриваются актуальные проблемы
истории и исторической науки России
в период жизни и деятельности
С.М. Соловьева

С.М. Соловьев
и его эпоха:

*К 200-летию
со дня рождения
историка*

С.М. Соловьев и его эпоха

9 785805 503888

Российское историческое общество
Институт российской истории Российской академии наук
Государственный исторический музей

С.М. Соловьев и его эпоха:

*К 200-летию
со дня рождения историка*

Москва
2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С60

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Фонда «История Отечества»

Ответственный редактор
Ю.А. Петров

Редакционная коллегия:

Д.Г. Дитяткин, В.Н. Захаров, А.К. Левыкин,
Л.А. Сидорова, В.В. Тихонов

С60 С.М. Соловьев и его эпоха : К 200-летию со дня рождения историка. [Текст] : сборник статей / [отв. ред. Ю.А. Петров] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — Москва : Ин-т рос. истории РАН , 2020 . — 407, [1] с.

ISBN 978-5-8055-0388-8

Сборник статей посвящен 200-летию юбилею великого российского историка Сергея Михайловича Соловьева. В нем на обширном документальном материале раскрывается многогранная деятельность С.М. Соловьева на ниве отечественной исторической науки и образования, прослеживается рецепция его научного наследия в историографии с конца XIX в. и до сегодняшних дней, рассматриваются актуальные проблемы истории и исторической науки России в период жизни и деятельности С.М. Соловьева. Авторы статей сборника представили результаты своих исследований на Всероссийской конференции с международным участием «С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка», которая состоялась в Москве 20—21 октября 2020 г.

ISBN 978-5-8055-0388-8

© Институт российской истории РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

Содержание

Ю.А. Петров. Традиции российской исторической науки:
Сергей Михайлович Соловьев 7

С.М. Соловьев: жизнь, деятельность, научное творчество

А.М. Дубровский. Концептуальные идеи в лекционных курсах
С.М. Соловьева 13

А.В. Сидоров. С.М. Соловьев как историограф 24

В.В. Фомин. С.М. Соловьев и его критика «ультранорманизма».... 34

О.Ю. Казакова. Диалектика личного, корпоративного
и общественного в рецензии С.М. Соловьева
на «Историю царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова 52

А.В. Журавель. «Светило» на фоне «беззаконных комет»:
С.М. Соловьев — М.П. Погодин — Н.С. Арцыбышев 62

Л.П. Грот. Проблема института верховной княжеской власти
в русской истории в творчестве С.М. Соловьева 84

Л.В. Пашкова. С.М. Соловьев о причинах возвышения
Москвы, завещаниях московских князей (Ивана Калиты,
Семена Гордого, Ивана Красного, Дмитрия Донского)
и договоре Калитовичей 1348 года 108

Е.И. Малето. О становлении дипломатической службы
великого княжества Московского в трудах С.М. Соловьева 118

<i>Н.В. Гурская.</i> Воззрения С.М. Соловьева на положение казачества в истории России	130
<i>Т. Амброзьяк.</i> Люблинская уния и ее место в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева.....	138
<i>М.М. Сафонов.</i> С.М. Соловьев, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 года.....	152
<i>И.В. Лобанова.</i> Влияние личности С.М. Соловьева на судьбы и жизненный выбор его детей	170

С.М. Соловьев и историческая наука России

<i>Ф.А. Петров.</i> Материалы о С.М. Соловьеве и историках «государственной школы» в собрании отдела письменных источников Государственного исторического музея.....	183
<i>А.А. Чернобаев.</i> Иконография С.М. Соловьева как исторический источник	207
<i>Д.А. Цыганков.</i> В.И. Герье и формировании памяти о С.М. Соловьеве в Московском университете.....	212
<i>М.Г. Вандалковская.</i> Тема «Соловьев-Ключевский». Суждения ученых	223
<i>Т.В. Агейчева.</i> Г.Ф. Карпов — ученик С.М. Соловьева.....	231
<i>В.П. Корзун.</i> «Рукописи не горят»: С.М. Соловьев глазами А.В. Флоровского	241
<i>Л.А. Сидорова.</i> «Бессознательный марксист»: научное наследие С.М. Соловьева в интерпретации М.Н. Покровского	253
<i>В.В. Левченко.</i> Н. Л. Рубинштейн как исследователь исторических воззрений С.М. Соловьева.....	262

<i>В.В. Тихонов.</i> «Труды С.М. Соловьева... принадлежат к числу того наследия дореволюционной исторической науки, которым по праву гордятся советские историки»: К истории издания трудов С.М. Соловьева в СССР к 1950—60-е гг.	274
<i>М.А. Виноградов.</i> Выставка в школьном музее к 200-летию со дня рождения С.М. Соловьева	281
Время С.М. Соловьева: люди, события, проблемы	
<i>Д.Г. Дитяткин.</i> Проблема генезиса древнерусской государственности в отечественной историографии середины — второй половины XIX в.	289
<i>К.А. Аверьянов.</i> Когда Киевская Русь стала Московской?	304
<i>И.В. Поткина.</i> Экономическая деятельность в нравственном измерении: концепция добра В.С. Соловьева	324
<i>А.М. Иванов.</i> Труд И. Красева «Статистическое обозрение уездного города Вязьмы, Смоленской губернии» — первый опубликованный источник по истории города	338
<i>И.Е. Барыкина.</i> Граф Д.А. Толстой (1823—1889) — историк во власти	342
<i>Н.В. Черникова.</i> Между интеллектуальной свободой и фрондой: отечественная профессура второй половины XIX в.	359
<i>А.Н. Долгих.</i> К вопросу о так называемом кризисе буржуазной историографии в России на рубеже XIX—XX вв.: А.А. Кизеветтер	377
<i>О.А. Плех.</i> Дореформенное чиновничество в трудах историков второй половины XIX — начала XX в.	393
Сведения об авторах	405

Традиции российской исторической науки: Сергей Михайлович Соловьев

17 мая 2020 г. исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося отечественного историка Сергея Михайловича Соловьева. Его имя так же неотделимо от российской исторической науки и культуры, как неоспорим внесенный в их развитие вклад.

Размышляя в преддверии 200-летнего юбилея своего любимого исторического героя — Петра I о том, как следует российской обществу отметить эту дату, сам С.М. Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом» говорил:

«Таким образом, первая обязанность общества образованного разъяснить для себя значение деятельности великого человека; сознать свое отношение к этой деятельности, к ее результатам, узнать, во сколько эти результаты вошли в нашу жизнь, что они произвели в ней, какое их значение для настоящего, для будущего, иначе праздник будет праздным. И мы собрались здесь накануне праздника, чтоб приготовиться к нему; накануне праздника усиливается работа для человека, который хочет светло, достойно праздновать; во имя величайшего из тружеников русской земли приглашаю вас, господа, к труду — обзреть труд его, подумать над ним»¹.

Эти слова великого историка как нельзя лучше формулируют задачу настоящего издания, в которое включены статьи участников Всероссийской научной конференции с международным участием, состоявшейся в Москве 20—21 октября 2020 г. и посвященной юбилейной дате самого Сергея Михайловича Соловьева.

Чтобы оценить вклад ученого в развитие исторической науки России, необходимо рассмотреть широкий круг вопросов, среди которых центральным является философия истории С.М. Соловьева. С самых первых шагов в исторической науке Сергей Михайлович, анализируя сочинения своих российских предшественников и современников, изучая европейский опыт исследования истории,

---

¹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. 18. М., 1995. С. 6.

основной задачей исторической науки середины XIX в. полагал необходимость формулирования теории исторического процесса.

Постигая многовековую историю России, он выработал свой взгляд на ее прошлое, в котором взаимосвязанные и обуславливавшие друг друга периоды сменяли друг друга, определяя поступательный характер развития человеческой цивилизации. «Пора оставить толки о сказках, о мифах и подмечать общие законы исторических явлений»², — писал Сергей Михайлович. Он призывал историков «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды. Но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм»³. Такой подход стал, говоря современным языком, визитной карточкой ученого.

С.М. Соловьеву, ярчайшему представителю «государственной школы» в российской исторической науке, по праву принадлежит приоритет в разработке ключевых положений государственной теории. Им была предложена концепция родового быта, в рамках которой историк анализировал общественный строй славян IX—XII вв. Примечательно, что С.М. Соловьев отстаивал взгляд на родовые отношения как общую стадию развития для всех европейских народов.

Главенствующей темой научного творчества С.М. Соловьева стала история Российского государства. Она находилась в русле традиций, заложенных его предшественниками — М.М. Щербатовым, Н.М. Карамзиным, М.П. Погодиным. Однако в своем подходе к этой проблематике Сергей Михайлович сделал значительный шаг вперед, отказавшись от идеи провиденциализма и поставив развитие политических институтов в зависимость от экономических факторов.

Особый интерес С.М. Соловьева был отдан государственной деятельности Петра Великого. Основанный на многочисленных документах вывод историка о подготовленности и обусловленности петровских преобразований, о неразрывном единстве древней и новой истории России стал неотъемлемой частью последующей историографии, остается крайне актуальным и для современной науки.

История экономического и социального развития России в трудах С.М. Соловьева была подчинена, в основном, ее политической истории. Поэтому вполне закономерно, что сформулированная им теория закрепощения и раскрепощения сословий проистекала из его

² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. М., 1962. С. 438.

³ Там же. Кн. 1. М., 1959. С. 55.

понимания роли и места государства в истории России и основывалась преимущественно на совокупности юридических признаков.

Особое место в исторической концепции С.М. Соловьева принадлежало вопросам влияния природной среды на историческое развитие народов. Широко известна его антитеза «камня» и «леса». «Природа для Западной Европы, для ее народов была мать, — писал он и продолжил: — для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха»⁴. Географический фактор послужил основой для объяснения С.М. Соловьевым причин задержки социально-политического и экономического развития России, особенностей ее государственного и национального устройства. Учет этого фактора при анализе исторической действительности прочно вошел в исследовательский арсенал историков.

Концептуальные выводы С.М. Соловьева на много лет вперед определили направления исторических исследований в России. Его «История России с древнейших времен», 29 томов которой издавались с 1851 по 1879 гг. и которая по праву оценена как научный подвиг, входит в золотой фонд отечественной культуры. Такая долгая жизнь этого фундаментального труда С.М. Соловьева, равно как и всего научного наследия ученого объясняется богатством предложенных в нем подходов к изучению прошлого и широтой и разнообразием их источниковой базы.

Но не только этими, чисто академическими своими особенностями, исследования С.М. Соловьева вызывают к себе непреходящий интерес. Во многом это проистекает из нравственных принципов, которые демонстрировал ученый в своем творчестве.

В статье, посвященной С.М. Соловьеву, его младший современник, известный историк Владимир Иванович Герье обратил внимание на важную грань исследовательского почерка Сергея Михайловича. Она заключалась в том, что научный метод С.М. Соловьева основывался на твердых моральных устоях. Призвание историка, писал В.И. Герье, совпадало, по убеждению Сергея Михайловича, со «служением *правде*, правде, неукрашающей и нелестящей ни лицам и народам, ни интересам и мнениям. Он понимал науку в самом высоком ее смысле: она была тождественна для него с исполнением нравственного долга»⁵.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 7. С. 8.

⁵ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев // С.М. Соловьев. Сочинения в 18 томах. Кн. XXIII заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве. М., 2000. С. 329.

В этом отношении С.М. Соловьев был чрезвычайно требователен к себе самому, в первую очередь, и к своим коллегам по историческому цеху. Непременным условием для каждого историка он считал соблюдение принципов объективности и историзма. Их нарушение Сергей Михайлович связывал с «непривычкой высвобождаться от своих настоящих условий жизни и переноситься в условия того времени, которое хотим понять, и которое никак не поймем, если не отстанем от этой привычки»⁶.

Следование исторической правде и во времена С.М. Соловьева, и в настоящее время остается более чем актуальным, имея в виду особенности истории как науки об обществе. «История — это свидетель, от которого зависит решение дела, и понятно стремление подкупить этого свидетеля, заставить говорить его только то, что вам нужно. Таким образом, из самого стремления исказить историю всего яснее ее важность, но от этого науке не легче»⁷, — писал С.М. Соловьев. Залог преодоления тенденциозности в освещении проблем истории Сергей Михайлович видел в «многосторонности» понимания исследуемых проблем, одновременно подчеркивая, что стремиться ученому надо к недостижимому «всестороннему пониманию»⁸. Это требование историка в полной мере сохраняет свою актуальность и сегодня.

Обширное творческое наследие С.М. Соловьева интересно не только историкам-профессионалам, которые используют в своей исследовательской работе высказанные великим историком суждения и мысли, черпают факты, бесчисленное множество которых извлечено Сергеем Михайловичем в результате его неустанной работы над необъятным массивом архивных документов. Каждому человеку, в руках которого оказываются сочинения историка, передается толика того неподдельного всепобеждающего интереса к истории России, который руководил многолетним подвижническим трудом Сергея Михайловича Соловьева.

Надеемся, что этот сборник статей поможет ответить на чрезвычайно важный и актуальный вопрос: в чем творческое наследие С.М. Соловьева созвучно современной науке и почему его труды по-прежнему востребованы не только в науке, но и в обществе. Эта проблема занимала центральное место в научных дискуссиях, состоявшихся в ходе проведения организованной Российским историческим обществом,

---

⁶ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. 18. М., 1995. С. 46.

⁷ Цит. по: Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 17.

⁸ Там же. С. 17—18.

Институтом российской истории РАН и Государственным историческим музеем Всероссийской научной конференции с международным участием «С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка». Осуществление этого юбилейного проекта — проведение научной конференции и издание настоящего сборника статей — стало возможным благодаря финансовой поддержке Фонда «История Отечества», которому Организационный комитет конференции и редакционная коллегия издания выражают глубокую признательность.

*Ю.А. Петров,
Директор Института российской истории РАН*

С.М. Соловьев:
жизнь, деятельность,
научное творчество

А.М. Дубровский

Концептуальные идеи в лекционных курсах С.М. Соловьева

Conceptual ideas in S.M. Solovyov's lectures

Аннотация: С 1860-х гг. С.М. Соловьев читал лекционные курсы только по новой истории России. Хорошо сохранился текст двух курсов 1867—1868 гг. и 1870-х гг. Их он начинал с введения, которое и рассматривается в настоящей статье. Главной задачей такого введения было обоснование общей идеи, которая была принципиально важна для понимания учебного курса.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, история России, лекции, введение, связи между историческими периодами, роль монарха, Запад и Восток.

Annotation: S.M. Solovyov delivered lectures only about new Russian history from 1860'. The texts of two courses 1867—1868 and 1867' are well preserved till our days. He began his lectures from special introduction which is the subject of investigation in this article. The main goal of this introduction consisted in basing of one idea which was important for understanding of the whole course.

Keywords: S.M. Solovyov, Russian history, Lectures, Introduction, Relations between historical periods, Role of monarch, West and East.

Научно-исследовательская работа Соловьева была тесно связана с его преподаванием курса истории России. Учебные лекции предваряли написание того или иного тома его основного труда. В них высказывались в первоначальном виде идеи историка, потом они получали разработку в ходе исследовательской деятельности и дальнейших размышлений над материалом. Уже в силу этого соображения тема о Соловьеве как преподавателе интересна и важна. Добавим и то, что в лекционных курсах Соловьева освещены такие сюжеты, которые не были разработаны ни в его «Истории России», ни в отдельных монографиях. Соловьеву как преподавателю посвящено значительное по объему и разносторонности охвата исследование А.Н. Шаханова¹. Тем не менее, нужно сказать, что эта работа не исчерпала тему. Ее разработка была продолжена автором настоящей статьи². Цель предлагаемой статьи — дальнейшее изучение темы и рассмотрение вводной части к лекционному курсу.

¹ Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002. С. 96—137.

² Дубровский А.М. Научно-педагогическая деятельность С.М. Соловьева и развитие его исторических воззрений: курс 1867—1868 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв.: сб. статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2019. С. 70—108.

А.Н. Шаханов заметил, что «изложение конкретного материала профессор предварял пространным теоретическим введением, в котором раскрывал свои взгляды на предмет, задачи науки и содержание чтений. Оно занимало в среднем от трех-четырех до трети объема курса»³. В наиболее полном виде такие части представлены в двух курсах лекций — 1867—1868 учебного года⁴ и курсе, прочитанном не позднее 1879 г, который можно условно называть курсом 1870-х гг.⁵

К 1860-м гг. у Соловьева уже давно сложились представления о чтении лекционных курсов. До него полного курса истории России никто не читал. Его непосредственный предшественник М.П. Погодин читал лекции, опираясь на Карамзина. Поэтому Соловьеву приходилось идти непроторенными путями и вырабатывать собственные требования к содержанию лекционных курсов. Взгляды историка на деятельность профессора и сам процесс преподавания начали формироваться еще в пору его студенчества, когда он слушал лекции М.П. Погодина. Позже, во время поездки по Европе, он мог оценить то, как читали лекции в Берлинском и Парижском университетах. По мнению молодого историка, университетское преподавание должно иметь характер проповеднический, назидательный. В нем должны сочетаться мысли и чувства, философия и религиозность. Лекция должна содержать в себе систематичность, «обилие содержания». Ему претила шеголеватость и небрежность некоторых французских преподавателей, склонность опускать подробности и «разжидить содержание»⁶. Этих принципов Соловьев придерживался всю жизнь, что наложило отпечаток на те части лекционных курсов, которые будут рассмотрены ниже.

Первоначально, когда молодой историк только начинал преподавательскую деятельность, он предварял свой рассказ историографическим введением⁷. В 1860-х гг. Соловьев передал чтение курса по древней русской истории Н.А. Попову, а сам сосредоточился на преподавании истории России в петровское и послепетровское время, что согласовывалось с его занятиями многотомной «Истории

³ Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель. С. 101.

⁴ Соловьев С.М. Лекции по русской истории 1867/68 года. XVIII — начало XIX века. Брянск, 2020.

⁵ РГАДА. Ф. 70 (Цветаева). Оп. 1. Д. 4.

⁶ См. подробнее: Кучурин В.В. К характеристике научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв.: сб. статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2019. С. 54—69.

⁷ См.: Дубровский А.М. Научно-педагогическая деятельность С.М. Соловьева и развитие его исторических воззрений: курс 1867—1868 гг. С. 71.

России». Вводная часть в его лекционном курсе уже не имела историографического обзора, а должна была увязать содержание предыдущих лекций с последующими, древний период отечественной истории с новым периодом. Таким образом, вводная часть носила не столько теоретический (методологический) характер, как можно понять из слов А.Н. Шаханова, сколько итоговый, концептуальный, обобщающий ход истории в период существования древней Руси.

Каждый год Соловьев начинал читать курс лекций по-своему. В курсе 1867—68 г. он повел свой рассказ с мысли о том, что с развитием истории расширяется историческая сцена — на ней появляются новые государства, активные деятели международной жизни. Так исподволь профессор вел слушателей к теме вхождения России в семью европейских народов в роли активного деятеля в результате реформ Петра; «вступлением ее в общую европейскую жизнь заканчивается собрание европейской земли воедино. Это вступление России в общеевропейскую жизнь положило начало новой русской истории и обусловило собой особый отдел общеевропейской истории. Обстоятельства, причины и следствия этого вступления России в общеевропейскую жизнь и составляют предмет нашего курса»⁸.

Рассмотрим основное содержание вводной части этого курса. Она занимала 9 лекций из 32. Нужно сказать, что из-за праздников и иных обстоятельств количество лекций каждый год было разным. В 1867 г. введение к курсу лекций занимало несколько менее третьей части содержания этого курса.

Мимоходом, уже в конце первой лекции Соловьев коснулся вопроса о соотношении внутренней и внешней (внешнеполитической) истории и заявил о том, что «эти две стороны разрезать нельзя». Что же касается такой части внешней истории как войны, то они должны «входить в историю общую своею стороною именно как мерило народных сил, которыми решаются великие вопросы», но без таких подробностей как планы битв, размещения и движение войск⁹. Эти детали должны быть предметом специальной сферы знаний — военной истории.

Соловьев объяснил, почему историкам приходится обращать много внимания на правительственные лица и тем самым вызывать нарекания на то, что они мало говорят об истории народа. Он

---

⁸ Соловьев С.М. Лекции по русской истории 1867/68 года. С. 40.

⁹ Там же. С. 44.

подчеркнул, что «правительственная форма есть результат народной жизни, из истории народа создается правительственная форма». Люди, стоящие во главе государства, «имеют громадное влияние на судьбу народа»¹⁰.

В этих предварительных соображениях чувствуются последствия полемики, вызванной выходом в свет томов «Истории России». Так, К.С. Аксаков упрекал Соловьева в том, что он не заметил в истории русского народа. «История» Соловьева может быть названа Историей государства Российского¹¹.

Далее историк обратился к главному вопросу — «почему русская история состоит из... двух половин и откуда такие особенности в сравнении с историей Западной Европы»¹². Здесь историк прибег к объяснению с помощью географических условий, указав на природу-мать для народов Западной Европы и природу-мачеху для населения Европы Восточной.

Из природных условий выростала сильная центральная власть. Князья и дружины оказались первоначальным фактором, объединившим население обширной равнины. Родовые княжеские отношения, предполагавшие частую смену князей на столах в разных землях, передвижения князей из одной земли в другую, послужили самым мощным фактором объединения страны, сплочения народа. С перенесением центра политической жизни на северо-восток «правительство усаживается, усаживаются и князья в своих имениях, которые делаются теперь родовыми и получают название уделов»¹³. Начинается собирание Русской земли. Этот процесс шел долго, так как стране приходилось бороться с кочевниками, с «варварским Востоком». Когда эта борьба закончилась, начался новый период русской истории. Страна «обращается на Запад»¹⁴.

Соловьев рассмотрел, как постепенно совершался поворот русских к Западу. Особую роль в осознании своей отсталости сыграла борьба за выход к морю в XVI в. Встал вопрос о войске. Соловьев рассмотрел, как происходило развитие войска на Западе. Там быстро произошло оседание военных сил на землю. На Востоке дружины долго сохраняли право перехода от одного князя к другому. «Через много веков движение, наконец, начинает ослабевать на

---

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ См.: *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 123.

¹² *Соловьев С.М.* Лекции по русской истории 1867/68 года. С. 47.

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 55.

севере»; не имея иных средств, князья раздавали землю для содержания военных сил, «явилась так называемая поместная система»¹⁵. Бедность государства и рост его потребностей заставили закрепить крестьян. Потребность в войске нарастала, Россия должна была вести войны с Польшей и Турцией. Войны показали финансовую слабость государства. Между тем благодаря хозяйственным занятиям в поместьях боевой дух воинов падал. Понадобились постоянные войска, в России появились иноземные дружины — рейтары, гусары, драгуны. «Вопрос о необходимом преобразовании войска... неминуемо сливается с вопросом об улучшении финансового положения. Чтоб улучшить финансовое положение, обогатить государство, разумеется, нужно позаботиться развивать промышленность и торговлю, а для этого нужно море»¹⁶. Таким образом, в XVII в. проявились важные потребности, удовлетворение которых должно было дать простор для развития страны. Россия ждала «такого человека, который бы, осознав необходимые потребности государства, явился исполнителем сознанных им потребностей»¹⁷.

Историк обратил внимание еще на одну сферу, в которой сознавалась необходимость преобразований, — область просвещения. В ней столкновение старого с новым привело к расколу в церкви.

Далее он решил посмотреть с точки зрения Западной Европы, какое значение имело для нее появление на Востоке великого государя. И, решив показать это с позиции европейского исторического процесса, Соловьев развернул картину вхождения в общеевропейскую и мировую жизнь разных народов, картину расширения той исторической сцены, на которой разворачивалась международная жизнь. В начале XVIII в. на нее вступает восточная половина Европы с требованием места, участия в общей деятельности. То было очень важным событием, и потому можно сказать, что с него начался новый период в европейской истории. В течение этого периода значение России постоянно увеличивается до той громадной степени, которую она достигла в начале XIX в. в правление Александра I. Историк подчеркивал значение связи между событиями начала XVIII в. и событиями времен правления Александра. Это была концептуальная идея, которая отражала осмысление новой истории России.

Далее Соловьев показал состояние Европы в ту пору, когда в ее делах начала играть активную роль Россия. Все содержание 9-й

---

¹⁵ Там же. С. 67.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Там же.

лекции представляет собой очерк международных отношений в Европе. Здесь Соловьев выходил за пределы собственно отечественной истории и освещал историю всемирную. Главное в воспроизводимой им картине было соотношение военных сил и политического значения разных стран.

Постепенно Соловьев перешел к рассмотрению назревания предпосылок реформ Петра, к движению по направлению к реформам, что проявилось в развитии польско-малорусского влияния на русское образование и культуру. Однако это направление движения было бесперспективным, так как оно, по справедливому мнению Соловьева, не имело практической стороны. И уже с 10 лекции Соловьев начинал рассказ о воспитании Петра.

В курсе 1870-х гг. вводная часть составляет несколько более третьей части от общего объема курса. Здесь находим ряд идей, высказанных в более раннем курсе. Видимо, они и составляли то основное содержание, которое лектор хотел донести до своих слушателей и включал их в свой курс ежегодно. При этом, естественно, какие-то идеи были проиллюстрированы более подробно, лучше обоснованы.

Соловьев начинал первую лекцию с того, что отечественная история делится на два периода, в основе этого деления лежит деятельность одного человека — Петра; «и потому по естественной недоверчивости к силам одного человека является вопрос, правильно ли этот человек поступил, не ошибся ли, как свойственно всякому человеку?»¹⁸. Лектор указывал на то, что «народы никогда не действуют массою и всегда через своих представителей, так сказать, вожаков, передовых людей». Опровергая мнение о случайности этой хронологической грани, Соловьев указал на то, что вопрос решается сравнением «с подобными явлениями в жизни других народов». Он отождествлял эпоху реформ Петра с тем рубежом, который перешагнули народы Западной Европы на грани XV и XVI вв. Это была эпоха Возрождения, «большой переворот в их умственной жизни, отразившийся и в других сферах»¹⁹. Этих соображений не было в курсе 1867—1868 гг. Видимо, каждый раз историк нес в аудиторию то, что занимало его ум в последнее время, было предметом размышлений. Примечательно стремление сравнивать историю России с историей других стран, представление о единстве исторических законов.

¹⁸ РГАДА. Ф. 70 (Цветаева). Д. 4. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 2.

Далее как в одном курсе, так и в другом, историк объяснял особенности России, причины ее отсталости от Западной Европы, начиная с природных условий. В курсе 1870-х гг. Соловьев подчеркнул значение многофакторного подхода к предмету исследования: «Много ошибок в понимании исторических явлений происходит от того, что дают слишком большое значение какому-нибудь одному условию... Возможная многосторонность дает истинное понятие о влияниях»²⁰. В этом признании отражалась эволюция методологии Соловьева — от гегельянства к позитивизму.

В этой части курса Соловьев указывал на роль России в борьбе против кочевников Азии, в защите и распространении европейской цивилизации с XVI по XIX в. Он придавал большое значение «постепенному формированию громадной плотины со стороны Европы против наплыва азиатских орд»²¹.

В лекционном курсе 1870-х гг. историк развернул мысль о природе племени. Русский народ, по его мысли, — исторический, арийский. «Вот это-то происхождение и обуславливало его торжество в борьбе с дикарями. Вот как, следовательно, могущественна сила племенная, и как ничтожны перед нею силы мертвые, слепые, силы физические»²². Природа племени в изложении Соловьева оказывалась сильнее, значительнее влияния природы.

Древний период отечественной истории, по определению профессора, это время черной работы — «эта черная работа заключалась в защите родной страны от азиатских варваров»²³. В силу сосредоточенности на ней народ не мог участвовать в общей жизни европейских народов. Этой борьбе, как и предыдущем лекционном курсе, Соловьев придавал очень большое значение. Под углом противостояния татарам он обозревал историю страны в древности. Когда борьба с варварами закончилась, арийская природа русских двинула их к перениманию западной культуры; арийский народ — народ, способный к развитию.

«Таким образом, русская история делится с известной стороны на 2 части: азиатскую и европейскую, восточную и западную, степную и морскую»²⁴. С XVI в. начинается поворот к Западу (пока еще боком к Азии), с конца XVII и начала XVIII в. «происходит этот

---

²⁰ Там же. Л. 6 об.

²¹ Там же. Л. 12.

²² Там же. Л. 12 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 14.

поворот целой стороной уже к Европе». Переворот, называемый петровским преобразованием, совершился постепенно, готовился раньше Петра. «Только к известному времени, к известному царствованию готовятся такие средства, потребность переворота так усиливается, что обладая ею, исходя из нее, один гениальный человек может вдруг произвести очень многое»²⁵.

Здесь Соловьев как бы возвращался к мысли, высказанной в самом начале введения о роли одного человека, благодаря которому начинался новый период в истории страны. Поэтому он подробнее, чем в курсе 1867—1868 гг., говорил о подготовленности, постепенности такого перехода, о том, что не только в личности Петра дело, а в состоянии страны, народа: «Заслуга Петра, главным образом, состоит в том, что он, уразумев силу потребности, старался удовлетворить ей»²⁶.

Далее Соловьев разворачивал свою мысль о назревании нового периода, о движении страны к нему благодаря постепенному знакомству с достижениями Западной Европы. Он говорил о явлении западного человека сперва в виде посла, потом (что важнее) в виде купца, с которым вступали в непосредственное общение люди, видели его товары, сравнивали его с собой, его товары со своими²⁷. Русских людей поражали иностранные корабли. Из всего этого рождалось убеждение, что море дает богатства. Началась Ливонская война — война за море. Она показала, что необходимо более искусное войско. «Куда ни обратится русский человек, всюду встречает: одно связано с другим; начнет одно, приходится иметь дело с другим и все сходится к одной потребности к сближению с Западной Европой»²⁸. Так на основе типических ситуаций (без обращения к источникам и конкретным случаям) Соловьев обосновывал осознание российским населением необходимости сближения с Западом.

Он показал, что это осознание обострялось проблемами древней Руси. Прежде всего дала себя почувствовать бедность земледельческого государства. Кроме того, в обширной стране жителей было очень мало. «Для того, чтобы войско получало содержание за службу и могло обрабатывать свою землю, которую получало вместо жалованья, принуждены были закрепить крестьян»²⁹. Это исто-

---

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 14 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 16—16 об.

²⁹ Там же. Л. 16 об.

рик определил как банкротство древней России. Признаком банкротства была и русско-польская война, которая довела Россию до разорения. Уже у правительства Алексея Михайловича родилось стремление строить корабли.

Все описанное историком служило подготовкой для появления Петра. Важная черта преобразования — «эта поспешность, эта необходимость приниматься разом за все вытекала из самого порядка вещей, была естественной необходимостью»³⁰. Выше в лекциях и было показано, что изменять нужно было многое — войско, финансы, состояние промышленности.

Соловьев указал на тяжелое положение народа, пошедшего в учение к иностранцам. Пошел наплыв новых понятий, у людей «затрещала голова». Как и на Западе, в России главным учителем был издавна священник. Движение к новому началось сперва в церковной области; «наука вся заключалась в религиозной сфере»³¹. Русские люди потянулись к Киеву. После ознакомления с тамошней наукой местные учителя-священники в их глазах оказались невеждами. «И у нас... по одним и тем же причинам должна была повториться та же борьба между обскурантами и гуманистами, разумеется, в своем виде, своем образе, но по существу одинаково», — писал Соловьев, сопоставляя Россию с Западом и имея в виду церковный раскол³². Правительство светское и церковное приняло сторону новых людей. Вместе с тем и патриарх, и духовенство мало чем отличались от старообрядцев, имея ту же узость взглядов.

Переход к новому периоду русской истории произошел благодаря еще и тому, что у Петра была самодержавная власть. Эта власть установилась в стране исторически. Ее рождению способствовали огромное пространство, небольшое количество населения, открытость границ, постоянная опасность от неприятельских вторжений. В этом отношении Россия противоположна Англии. Там рано народ требует представительства, а в России верховная власть пользуется все большей и большей силой; «она усиливается, как в природе все усиливается, если не встречает препятствия в усилении других тел, других элементов, называйте как хотите»³³.

Соловьев рассмотрел условия, которые способствовали ограничению влияния церкви и не позволили стать ей самостоятельной

---

³⁰ Там же. Л. 18 об.

³¹ Там же. Л. 22.

³² Там же. Л. 22 об.

³³ Там же. Л. 26.

силой и противопоставить себя центральной власти. Аристократия также не смогла противопоставить себя монархии. Толпа помещиков кормилась от царя. Все это были холопы царя. На Западе существовал городской элемент. На Руси же в древней истории государство постоянно имело характер земледельческий. «То, что было на Западе в начале средних веков, у нас продолжалось очень долго», — отметил лектор. Таким образом, в руках Петра было мощное средство для успешного проведения реформ. Этих рассуждений не содержала вводная часть к курсу 1867—1868 гг.

Таким образом, общие соображения, которые выдвигал Соловьев в этой части курса, должны были способствовать решению одного вопроса, поставленного в самом начале лекций, — о роли одного человека в переходе страны из одного периода в другой.

Кроме того, Соловьев между прочим высказывался относительно обязанностей историка. Объясняя свой подход к предмету истории, Соловьев подчеркивал значение правительственной деятельности: «Первое условие развития народа — деятельность правительства. Поэтому историк, уясняя народную жизнь, должен обращать внимание на распоряжения правительства. ...В истории на первом плане отдельные лица, которые говорят за массы, и их слова историк записывает»³⁴. Общественная жизнь народа (внешнеполитическая) выражается в двух формах — в войнах и дипломатических отношениях. При этом Соловьев отмечал, что история сражений — это предмет специальной истории, военной. Дело историка — «смотреть на войну как на мерило внутренних сил», как на результат внутренней жизни. «Подробности историк не нужны, и если он вдается в них, то значит не уяснил себе предмета общественной истории». Такое же требование Соловьев выдвигал относительно изучения в курсе истории литературы, считая, что «литературные подробности» — дело специального изучения³⁵.

Таким образом, вводная часть к лекционным курсам Соловьева была посвящена осмыслению одной идеи. В первом случае (курс 1867—1868 гг.) историк вел речь о связях между двумя историческими периодами в жизни страны. Во втором случае (1870-е гг.) он представлял своим слушателям размышления о роли личности в истории. Естественно, что при этом лектор затрагивал разные стороны исторического процесса, высказывал и о них свои соображения. Однако при этом стержневая линия сохраняла свое значение.

---

³⁴ Там же. Л. 10, 10 об.

³⁵ Там же. Л. 11.

Историю России Соловьев освещал в тесной связи с историей соседних стран или тех, с которыми Россия входила в соприкосновение. Он стремился во всех случаях показать типичные, закономерные черты, этапы развития, повторяющиеся ситуации в истории России и стран Западной Европы. Аналоги историческим законам и ситуациям он усматривал и в жизни отдельного человека (тогда он сравнивал общество с поведением личности) и в природе.

Много внимания Соловьев уделял внешнеполитической деятельности русского правительства, так как именно в ней проявлялась роль России в европейских делах — важнейшая сторона ее истории, по мнению историка. Этот подход и его обоснование в лекционном курсе, а также соображения об изучении историком войн, областей искусства служат объяснением и к тексту основного труда ученого «Истории России с древнейших времен».

В введениях к лекционным курсам Соловьева встречаются идеи, которые он нигде больше не высказывал, например, о большем влиянии на историю природы племени, чем географических условий, в которых живет народ.

Таким образом, и содержание лекций в целом (что отмечал еще А.Н. Шаханов) и вводных частей к ним имеет важное значение для понимания воззрений С.М. Соловьева и его вклада как в науку, так и в университетское преподавание отечественной истории.

Литература

- Дубровский, А.М.* Научно-педагогическая деятельность С.М. Соловьева и развитие его исторических воззрений: курс 1867–1868 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. статей и материалов. — Вып. 5. — Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2019. — С. 70–108.
- Кучурин, В.В.* К характеристике научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. статей и материалов. — Вып. 5. — Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2019. — С. 54–69.
- Соловьев, С.М.* Лекции по русской истории 1867/68 года. XVIII — начало XIX века. — Брянск, 2020, — 584 с.
- Цамутали, А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. — 256 с.
- Шаханов, А.Н.* С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. 2002. Историографический вестник / Отв. ред. А.Н. Сахаров; Ин-т рос. истории. — Москва : Наука, 2002. — С. 96–137.

А.В. Сидоров

С.М. Соловьев как историограф

S.M. Solovyov as a historiographer

Аннотация: Представления С.М. Соловьева о развитии отечественной исторической науки базируются в первую очередь на понимании научности, историзма и комплексности использования источников.

Ключевые слова: История исторической науки, С.М. Соловьев, научность, историзм, источниковедческий анализ, самопознание народа, Н.М. Карамзин, А.Л. Шлецер, В.Н. Татищев.

Annotation: The views of S.M. Solovyov on the development of domestic historical science are based primarily on the understanding of scientific nature, historicism and the complexity of the use of sources.

Keywords: History of historical science, S.M. Solovyov, Scientific approach, Historicism, Source analysis, Self-knowledge of the people, N.M. Karamzin, A.L. Schletser, V.N. Tatishchev.

Двухсотлетний юбилей со дня рождения выдающегося русского ученого и организатора науки и образования С.М. Соловьева дает прекрасный повод историкам вновь обратиться к его творчеству. За два века развития отечественной исторической науки сменилось несколько поколений ученых, но каждое из них отдавало свою дань памяти этому поистине титану научной мысли. С.М. Соловьев в памяти потомков предстает, прежде всего, как автор классического многотомного труда «Истории России с древнейших времен», известного каждому историку-профессионалу со студенческой скамьи. При этом, конечно, каждый историк помнит о научном подвиге великого исследователя, не только создавшего оригинальную концепцию истории России, но и подробно обосновавшего на основе огромного количества архивных документов основные положения этой концепции. Не является исключением в этом ряду и поколение современных исследователей, вновь обращающихся к творчеству великого предшественника, ставя новые проблемы и вычлняя новые грани в разнообразном наследии этого ученого¹.

---

¹ См., напр.: *Лачаева М.Ю.* «Великий человек» и «великий народ» в концепции Сергея Михайловича Соловьева // VIII Барташевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милотина, С.М. Соловьева, И.Н. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 2018. С. 167—171; *Кучурин В.В.* Жизнь и научное творчество С.М. Соловьева в оте-

Важной частью этого наследия выступают труды по анализу работ его предшественников, посвященных узловым проблемам развития отечественной и зарубежной истории. Результаты этого анализа вылились в серию рецензий и статей историографического характера 1850-х годов: «М.П. Погодин “Исследования, замечания и лекции о русской истории”». Том IV. Период удельный. Москва. 1850» (1851), «Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: “История государства Российского”» (1853—1856), «Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер)» (1854), «Писатели русской истории XVIII века» (1855), «Каченовский Михаил Трофимович» (1855), «Август Людвиг Шлецер» (1856), «Шлецер и антиисторическое направление» (1857), рецензия на книгу Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (1858) и его рецензия «Уния, козачество, раскол» на исследования М. Кояловича, Н.И. Костомарова и А.П. Шапова (1859)². Среди позднейших его историографических работ особое место занимают речь 1 декабря 1866 в актовом зале Московского университета в день 100-летнего юбилея Н.М. Карамзина «Исторические поминки по историку» и рецензия «Византия в X веке» (1873) на труд выдающегося французского историка Альфреда Рамбо³.

Уже сам перечень этих трудов свидетельствует, какое большое значение С.М. Соловьев придавал историографии, изучению проблем зарождения и развития исторической науки в России. Конечно, в небольшой по объему статье невозможно даже кратко изложить весь комплекс вопросов, связанных с деятельностью С.М. Соловьева как историографа. Но есть вопрос, который красной нитью проходит через рассматриваемые ученым историографические проблемы. Это вопрос о научности исследования. Приоритет научности и позволил С.М. Соловьеву создать стройную концепцию зарождения и развития отечественной истории в XVIII веке, выявить направления

чественной историографии // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Сборник статей и материалов. Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 5—29; Малетю Е.И. Творческое наследие С.М. Соловьева — живая история: К 200-летию со дня рождения историка // Worldscience: problems and innovations. Сборник статей XLV Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 75—78; Заварзина Л.Э. Педагогическая ипостась выдающегося историка: К 200-летию С.М. Соловьева // Педагогика. 2020. Т. 84. № 8. С. 111—120.

² С.М. Соловьев. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М., 1995. С. 43—259, 277—452; Кн. XXIII. Заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве. М., 2000. С. 39—83, 181—209, 242—278.

³ Там же. Кн. XXIII. С. 162—170, 279—286.

развития науки, вскрыть вклад своих предшественников, дать оценку конкретных трудов отечественных и зарубежных исследователей. Какой-то отдельной работы, где С.М. Соловьев излагал бы вопрос о своем понимании научности, не существует, а потому приходится действовать в ситуации, как писал сам Сергей Михайлович, «когда историк вследствие извне возбужденных вопросов должен с невероятным усилием допрашивать молчаливые летописи»⁴. Но этими «летописями» выступают историографические труды С.М. Соловьева, а «неимоверные усилия» их допроса, к сожалению, неминуемо ведут к утяжелению текста многочисленными цитатами.

Исходным пунктом рассмотрения С.М. Соловьевым проблем научности являлся вопрос о пользе истории. Этот классический вопрос в XVIII веке претерпел определенную эволюцию, которую и отмечал историк. Польза науки вообще, начиная с петровских преобразований, рассматривалась исключительно в материальном смысле, как средство увеличения материальных сил, роста благосостояния и удобств жизни, когда, как писал С.М. Соловьев, «старались умножать число ученых, точно так же, как старались об умножении числа полезных ремесленников; о нравственном же влиянии науки на человека, о воспитании молодого поколения не заботились или заботились очень мало, полагая главное в ученье, а не в воспитании»⁵. Это ситуация делала положение ряда гуманитарных наук, их полезность весьма сомнительными, о них нередко были разговоры, как о почти бесполезных. Историки всячески старались защитить свою науку от подобных нападков, подчеркивая важность истории как науки опыта, значение которой велико для богословов, юристов, медиков, администраторов, дипломатов. Именно таким образом обосновывал полезность истории В.Н. Татищев. Отмечая это, С.М. Соловьев видит новое в оценке пользы истории во второй половине XVIII столетия. На основе анализа взглядов на эту проблему не только В.Н. Татищева, но и М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, и последнего выделяя особо, он отмечает, что «мы не встречаем толков о пользе истории как науки опыта и примера, но у него первого видим попытку смотреть на историю как на науку народного самопознания, старание сделать из истории прямое приложение к жизни, отыскать живую связь между прошедшим и настоящим, задать вопрос об отношениях старого к новому»⁶.

---

⁴ Там же. Кн. XVI. С. 150.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ Там же. С. 230.

Итог развития представлений о пользе истории в XVIII веке, по мнению С.М. Соловьева, может быть подведен сравнением взглядов на этот вопрос В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина: «Итак, мы видим, что взгляд историка XIX века на свой предмет в главных чертах сходен со взглядом историка XVIII века: оба смотрят на историю, как на науку опыта; оба следуют одному порядку при изложении ее пользы. Но при сходстве воззрения есть и разница: историк XIX века уже предчувствует в истории науку народного самопознания; говорит, что она есть дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»⁷.

Таким образом, С.М. Соловьев исторически, как результат векового развития российской мысли, обосновывает взгляд на науку как выражение народного самопознания, столь близкий сердцу ученого. В 1866 году он еще яснее выскажется по этому поводу, говоря об «Истории» Н.М. Карамзина: «Как же выразилось в этом произведении русское народное самопознание? Какая основная мысль труда? Мысль русского человека, мысль славянина, должна была остановиться прежде всего на том явлении, что из всех славянских народов народ русский один образовал государство, не только не утратившее своей самостоятельности, как другие, но громадное, могущественное, с решительным влиянием на исторические судьбы мира»⁸. И далее он отмечает, что «первое драгоценнейшее благо государства есть независимость, самостоятельность, потом возможность заявить свое существование в более или менее широкой деятельности, участвовать в общей жизни значительнейших государств, лучших представителей человечества»⁹.

Связь науки с современностью для С.М. Соловьева имеет и еще один важный аспект. В его трудах речь идет не только о тех задачах, которые ставит политическое и социальное развитие общества, но и о задачах, которые возникают в процессе развития науки. А потому историк должен видеть и этот аспект своего творчества. «Каждому дню его забота, каждому веку его труд; — отмечал С.М. Соловьев, — нашему времени завещано собрать воедино все части русской истории, найти смысл и в древнейшей Киевской, и Владимирской истории и *примирить* все эпохи»¹⁰.

Маркируя таким образом поле исследования русского историка, С.М. Соловьев обозначает и те принципы, опираясь на которые

---

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. Кн. XXIII. С. 166.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 168.

создает свои труды исследователь отечественной истории. Среди них центральное место занимает историзм. «Первая обязанность историка, приступающего к изображению какой-нибудь эпохи в жизни исторического народа, — отмечает С.М. Соловьев, — состоит в показании отношения избранной эпохи ко времени предшествовавшему, в показании, как эта эпоха вытекала из предшествовавшей»¹¹.

Понимание С.М. Соловьевым научности исследования самым тесным образом связано с принципом историзма. Недаром выделяя различные направления в развитии науки, он относил себя к историческому направлению, ведущему, по его мнению, свое начало от «Нестора» А.Л. Шлецера, и называя противников «анти-историческим направлением»¹². Принцип историзма в понимании С.М. Соловьева имел несколько граней. Одна из них была связана с преодолением тенденций к осовремениванию исторических реалий. Проблемой, казавшейся чрезвычайно неясной историкам нового времени, была проблема престолонаследия в Древней Руси. Общий ход ее решения в отечественной историографии С.М. Соловьев описал следующим образом: «Таков обычный ход нашей науки — начинать со внешнего, ближайшего к понятиям историка и потом, вглядываясь все внимательнее и внимательнее в глубь веков, объяснять неудобопонятные для нас явления древности согласнее не с нашими, но с тогдашними понятиями и обычаями»¹³. Нарушение историком этого подхода, иногда в угоду своей концептуальной установке, вызывало неприятие С.М. Соловьева. В своей статье о Н.М. Карамзине он не удержался, чтобы не высказать в адрес автора «Истории Российской» замечания: «Всюду заметны следы этого воззрения, по которому один только Владимирско-Московский князь был великим, а все другие, и Рязанский, и Нижегородский, и Тверской, — его удельными, ему подчиненными»¹⁴.

Принцип историзма был положен С.М. Соловьевым и в основания построения истории развития отечественной исторической науки. Это получило особенно яркое выражение в самой постановке исследовательских задач при рассмотрении «Истории» Н.М. Карамзина: «Каково же было отношение этого знаменитого труда к

¹¹ Там же. Кн. XXIII. С. 242.

¹² Там же. Кн. XVI. С. 321.

¹³ Там же. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 101.

трудам предшествовавшим? Как удовлетворил он требованиям современников и каково было его влияние на труды последующие?»¹⁵.

Давая оценки вкладу своих предшественников в создание научной истории России, С.М. Соловьев отмечал тот научный базис, на основе которого они могли работать. А потому заслуга В.Н. Татищева, по мнению Сергея Михайловича, будет состоять в том, что «он первый начал дело так, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название России, — одним словом, указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься русскою историею», добавляя, что «мы обязаны Татищеву сохранением известий из таких списков летописи, которые, быть может, навсегда для нас потеряны»¹⁶. А потому оценка деятельности неразрывно связана с состоянием науки того периода, в котором пришлось работать историку. Подчеркивая значение этого, С.М. Соловьев отмечает, «кто посвятил себя научным исследованиям, тот знает, как важны первые указания на предмет, на его различные стороны, как бы мнения первого указателя ни были неправильны, тот оценит великие услуги Татищева, как первого указателя»¹⁷. Именно понимание состояния исторической науки позволяет С.М. Соловьеву объяснить результат работы М.В. Ломоносова по изучению отечественной истории. Потребность в создании истории России уже ощущалась в начале XVIII века. Петр I надеялся получить национальную историю, поручив написание ее справщику московской типографии Ф.П. Поликарпову. Но результат не обрадовал царя-реформатора. «Шувалов заказал русскую историю первому таланту времени — Ломоносову; — отмечал С.М. Соловьев, — но хотя Ломоносов и не был Поликарповым, однако и тут оказалось, что история не торжественная ода, на заказ не пишется»¹⁸.

Уровень развития исторического знания определял возможности историков и в последующие периоды. Давая оценку творчеству М.М. Щербатова, С.М. Соловьев отмечал недостаточное уяснение

---

¹⁵ Там же. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 217.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Кн. XXIII. С. 165.

исследователем хода истории, что приводило к ряду заблуждений. «Разумеется, мы не станем обвинять в этом Щербатова: таков был естественный и необходимый ход исторической науки; и последующие историки разделяют взгляд и повторяют ошибки Щербатова»¹⁹.

Являясь основой науки о прошлом, историзм в понимании С.М. Соловьева связывает всю русскую историю в единый процесс. Разбирая представления мыслителей первой половины XVIII века, он отмечал разрыв в едином историческом процессе, который связывался с преобразованиями Петра Великого. Жизнь России, а следовательно, и ее история, казалась естественно разделенной этими преобразованиями. Но в таком разделении С.М. Соловьев видел недостаток исследователей, отход от исторической школы. «Переходя к новой России, к объяснению отношения ее к Руси древней, последователи исторического направления тесно связывают обе половины русской истории — допетровскую и послепетровскую; в явлениях последней видят результаты явлений первой»²⁰, — писал он. Но это не мешало ему связывать с петровскими преобразованиями рождение отечественной исторической науки. «Древняя, допетровская Россия оставила много летописей, погодных записок о важнейших событиях, оставила громадное количество правительственных и судебных актов — богатый материал для истории, но не оставила истории; — писал он, — были попытки извлечь из летописного материала что-нибудь для удовлетворения любознательности русского человека, слышался какой-то бессвязный, детский лепет и только»²¹.

С.М. Соловьев связывает начало исторической науки в России с деятельностью А.Л. Шлецера. Это начало состояло не только в том, что А.Л. Шлецер занимался самым ранним периодом русской истории, но и в том, что он подошел к ее изучению, как к науке: «он только начал, но начал как следует, именно *начал сначала*, и потому его труд лег в основу исторического направления в нашей науке»²². Что же выделяло труд А.Л. Шлецера, по мнению С.М. Соловьева, что позволило считать его началом исторической науки? Ответ на этот вопрос дает сам С.М. Соловьев, оценивая шлецеровского «Нестора»: «Гласно и решительно высказалось мнение, что рассказ об известном времени в жизни известного общества дол-

¹⁹ Там же. Кн. XVI. С. 235.

²⁰ Там же. С. 330.

²¹ Там же. Кн. XXIII. С. 165.

²² Там же. Кн. XVI. С. 320.

жен соответствовать этому времени во всех чертах своих, это соответствие выставлено как непогрешительная поверка подлинности памятника, оно выставлено главною нравственною обязанностью повествования, и труд, отличающийся таким соответствием, назван *честным*»²³. И далее С.М. Соловьев добавляет: «От сознания этой честности, как главной обязанности историка, проистекало у Шлецера это уважение к известиям источников, отвращение от произвольных прибавок и украшений»²⁴.

Тем самым работа с источником, его использование в научном исследовании для С.М. Соловьева превращается не только в важнейший элемент понимания научности, но и приобретает высоту профессиональной моральной ценности. А потому, оценка работы с источником выступает для него важнейшим критерием исторических исследований. Отступления от нормы кажутся ему недопустимыми, чем бы они ни объяснялись. Говоря об описании Н.М. Карамзиным в его «Истории» эпизода штурма Казани войсками Ивана Грозного, С.М. Соловьев отмечает: «Это описание, так ласкающее наш русский слух, есть произведение могучего таланта. Но наука имеет свои требования, и мы должны сравнить приведенное описание с источником, именно со сказанием, находящимся в Царственной книге»²⁵. Давая историографическую оценку, С.М. Соловьев детально разбирает состав источниковой базы того или иного исследования или его частей²⁶.

Становится понятным, насколько принципиальным был для С.М. Соловьева детальный разбор всех отклонений от текстов источника при изложении истории. Не боясь обвинений в том, что его статья о творчестве Н.М. Карамзина превратится в подробные комментарии к тексту «Истории», он последовательно замечает: «За рассказом о походах казанских следует рассказ о первой войне Новгородской. Рассказ этот вообще правилен, согласен с источниками, и мы должны остановиться только на некоторых немногих местах, требующих объяснения», к ним, в частности, были отнесены: «мало выставлено значение православия, которое было главным препятствием к соединению Новгорода с Литвою, о чем заметил князь Щербатов»; «деятельность Марфы Борецкой автор выставляет как явление, противное древним обыкновениям

---

²³ Там же. С. 317.

²⁴ Там же. С. 318.

²⁵ Там же. С. 169.

²⁶ См., напр.: Там же. С. 144.

и нравам славянским, которые, по мнению автора, удалили женский пол от всякого участия в делах гражданства»²⁷. По поводу рассказа в «Истории» Н.М. Карамзина о малолетстве Ивана Грозного С.М. Соловьев замечает: «Все эти: *опасались, полагали* — были бы чрезвычайно важны, если бы хотя из одного слова источников можно было видеть, чего опасались, что полагали в Москве в 1533 и 1534 годах»²⁸.

Проверка правильности выводов и оценок историков, по мнению С.М. Соловьева, опирается на источники, в том числе еще не введенные в силу ряда условий в научный оборот и которыми автор того или иного исследования воспользоваться заведомо не мог. Давая оценку «Истории» Н.М. Карамзина, С.М. Соловьев замечает, что «мы должны здесь ограничиться только некоторыми указаниями на отношение рассказа историографа к известиям источников, еще не изданных»²⁹. Хотя это, конечно, ни в коем случае не означает, что С.М. Соловьев предъявлял столь явно завышенные требования к трудам предшественников. Он, в частности, отмечал: «Критики, рассматривающие “Историю государства Российского” преимущественно с точки зрения художественной, справедливо предпочитают XII том всем предшествовавшим: события, здесь рассказанные, такого рода, что давали обильную пищу таланту автора. С точки зрения научной XII том теперь нам кажется слабее предшествовавших, потому что у нас много новых материалов, объясняющих удовлетворительнее эпоху; но статья наша не может иметь целию указание отношений “Истории государства Российского” к настоящим средствам нашей науки, ибо мы имеем дело не с современным сочинением»³⁰.

Разбирая источниковую базу исторических трудов, С.М. Соловьев подчеркивает требование использования всего комплекса источника: «Мы не можем признать за историком права выбора явлений из источников: он имеет только право располагать и уяснять явления; ни одна йота летописи не должна пропасть для истории»³¹.

Работа с источником, столь важная для С.М. Соловьева, служила основанием для определения места в истории науки того или иного исследователя, особенно в эпоху зарождения научной мысли

---

²⁷ Там же. С. 127.

²⁸ Там же. С. 147.

²⁹ Там же. С. 143.

³⁰ Там же. С.183—184.

³¹ Там же. С. 59.

в России. Это особенно заметно в его оценки научного творчества А.Л. Шлецера. «Заслуга Шлецера состоит не в установлении верных взглядов на явления всемирной истории: его заслуга состоит в том, что он ввел строгую критику, научное исследование частностей, указал на необходимость полного, подробного изучения вспомогательных наук для истории. Благодаря Шлецеровой методе наука стала на твердых основаниях, ибо он предположил изучению исторической физиологии занятие историческою анатомиею; по счастью, судьба привела самого мастера в Россию, чтобы поставить и русскую историю на это прочное основание»³².

Таким образом, историографические труды С.М. Соловьева позволяют воссоздать его представление о истории как науке. Это представление будет положено историком в основу создания концепции возникновения и развития исторической науки в России и станет базой для всесторонней оценки трудов его предшественников. Это представление позволяет конструировать модель исторического исследования середины XIX века. Оно стало фундаментом исторической исследовательской парадигмы, элементы которой сохраняются и сегодня в трудах отечественных историков.

Литература

- Заварзина, Л.Э.* Педагогическая ипостась выдающегося историка: К 200-летию С.М. Соловьева // Педагогика. 2020.— Т. 84. № 8.— С. 111—120.
- Кучурин, В.В.* Жизнь и научное творчество С.М. Соловьева в отечественной историографии // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Сборник статей и материалов. Под ред. А.М. Дубровского.— Брянск : Брянский ГУ, 2019.— С. 5—29.
- Лачава, М.Ю.* «Великий человек» и «великий народ» в концепции Сергея Михайловича Соловьева // VIII Баргневские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютин, С.М. Соловьева, И.Н. Тургенева, М.Н. Каткова.— Липецк : изд. ЛГПУ, 2018.— С. 167—171.
- Малет, Е.И.* Творческое наследие С.М. Соловьева — живая история: К 200-летию со дня рождения историка // World science: problems and innovations. Сборник статей XLV Международной научно-практической конференции.— Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020.— С. 75—78.
- Соловьев, С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет.— Москва : Мысль, 1995.— 556 с.; Кн. XXIII. Заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве.— Москва : Мысль, 2000.— 414 с.

---

³² Там же. С. 298—299.

В.В. Фомин

С.М. Соловьев и его критика «ультранорманизма»

S.M. Solovyov and his critique of «ultranormanism»

Аннотация: В статье показано состояние разработки варяжского вопроса в первой половине XIX в., охарактеризованное в науке как «ультранорманизм», и его критика С.М. Соловьевым.

Ключевые слова: «ультранорманизм», М.В. Ломоносов, А.Л. Шлецер, Г. Эверс, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, В.А. Мошин.

Annotation: The article shows the state of development of the Varangian question in the first half of the XIX century, described in science as «ultranormanism», and its critique by S.M.Solovyov.

Keywords: «Ultranormanism», M.V. Lomonosov, A.L. Shletzer, G. Evers, N.M. Karamzin, M.P. Pogodin, V.A. Moshin.

Состояние науки, формировавшее позицию подавляющего большинства ученых первой половины XIX в. по отношению к варяго-русскому вопросу, являющемуся отправным в рассуждениях о начале Руси, одинаково охарактеризовали специалисты, по-разному решавшие данный вопрос. Так, антинорманисты Ю.И. Венелин, С.А. Геденов и Д.И. Иловайский в 1830-х — 1870-х гг. определили это состояние как «скандинавомания», как «ультраскандинавский взгляд на русский исторический быт», как «крайний норманизм». В 1870-х гг. К.Н. Бестужев-Рюмин, исповедуя норманизм, вместе с тем говорил о «крайности норманистов», а его единомышленник и крупнейший знаток историографии варяжского вопроса В.А. Мошин в 1931 г. — об ««ультранорманизме» шлецеровского типа»¹.

Немецкий историк А.Л. Шлецер в 1802—1809 гг. в «Несторе», сразу же ставшем самой главной книгой для всех специалистов по истории Руси (с последних десятилетий XIX в. ее в таком каче-

---

¹ *Венелин Ю.И.* Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критическое рассуждение // Скандинавомания и ее небыллицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2015; *Геденов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. М., 2004. С. 442, прим. 247; *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 303, 317, прим.*; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 200; *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010. С. 24, 26—27, 33—35, 40, 44, 70.

стве заменяет «Начало Русского государства» датского лингвиста В. Томсена), представил Восточную Европу до прихода скандинавов «пустыней», в которой «малочисленные и полудикие» люди «жили рассеянно», «без правления» («подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса»), без «законов», не знали «скотоводства» и «большого звероловства». И «кто знает, — резюмировал германец Шлецер на фоне созданной собственным воображением, как он сам же оценил, «пустоты» русской истории до Рюрика, — сколь долго пробыли бы они еще в этом состоянии, в этой *блаженной* для полчеловека бесчувственности, ежели не были *возбужденны* германцами-скандинавами, распространившими в их землях «человечество». В связи с чем был категоричен в выводе: «*русская история* начинается от пришествия Рурика и основания русаго царства» шведами, и потому «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикова пришествия называлась уже *Русью*»².

При этом венчая свой взгляд на истоки русского бытия «аргументом», особенно гипнотизирующим русских историков (да и для них собственно предназначавшимся), что «*ни один ученый историк в этом не сомневается*» (а так он уточнил «аргумент» шведа Ю. Тунмана 1774 г., что в основании Русского государства скандинавами «никто не сомневается», являющийся, несомненно, перефразировкой слов другого шведа, О. Далина, 1746 г., что варяги «из *Скандинавских* мест пришли, сие никакого не требует доказательства»)³. А для наглядности бесцеремонно и в самой резкой форме обрывал тех, кто не видел ни пустоты, ни дикости «в ужасном... простирающемся расстоянии от Новгорода до Киева». К примеру, заключение немца-экономиста А.К. Шторха, высказанное в 1800 г. в «Историческом и статистическом изображении Русского государства», что на Руси до Рюрика были, благодаря торговле, города и князья, что «Рюрик нашел свой народ уже обладающим значительною и выгодною торговлей», назвал «глупой сказкой» и возмущался тем, сделав при этом показательную оговорку, «каким образом ученый человек... мог попасть не токмо на *ненаучную*, но и *уродли-*

² Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. XXVIII, нд-не, 51—52, 295, 304—306, 325, 419—420, 422, прим * к с. 368; ч. II. СПб., 1816. С. 168—169, 175, 178—180, 259—260, 288—289; ч. III. СПб., 1819. С. 347—348, 351. Здесь и далее курсив принадлежит авторам.

³ Далин О. История шведского государства. Ч. I. Кн. 1. СПб., 1805. С. 385, прим. «; Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Th. 1. Leipzig, 1774. S. 371; Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 325, прим. **.

вую мысль о древней Руси (которая, конечно, бы опровергла все, что до сих пор о ней думали)»⁴.

В 1809 г. Шлецер в последней части «Нестора» поместил приложение, не включенное в русское издание 1809—1819 гг., где крайне нервно отреагировал на появление монографии дерптского историка Г. Эверса, счастливо обретшего в России вторую родину, «О происхождении Русского государства» (1808). И отреагировал так потому, что бывший его студент, им же старательно возвращенный на норманистских ценностях, отверг их, на фактах отрицая связь руси со скандинавами и указывая на ее древнее пребывание на юге Восточной Европы, и доказывая, что государственность у восточных славян сложилась до призвания варягов-норманнов: «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрикова единовластия, коим однако же Шлецер начинает русскую историю... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело».

За такой антинорманизм (хотя и неполный) европейская знаменитость, не пускаясь в полемику (к которой и приглашал его ученик: Шлецер «полагает, что основатели самого крупного государства в мире пришли с берегов Балтийского моря, я же полагаю, что с берегов Черного моря. И все же к таким противоположным выводам нас незаметно привела общая цель: он искал истину, я тоже»), поспешил опорочить Эверс в глазах научного мира: он, будучи человеком «в высшей мере самонадеянным» и мнящим себя ученым, «ничего не знает из средневековой истории», истории права, возникновения государства, и «приговорил» его книгу к числу тех, которые «а ргіогі могут быть осуждены, так как они плохи в литературном и моральном отношении»⁵ (тем самым стремясь изгнать его из науки, как это давно уже делал, не покладая рук марая имя М.В. Ломоносова: он «совершенный невежда во всем, что называется историческою наукою», «об *ученом* историке... вовсе не имел понятия», пьяница, клеветник и пр.⁶) (Эверс, к его чести, не промолчал и издал «Неприятные воспоминания об Августе Людви́ге

⁴ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. 1. С. род, 388—390, ч. II. С. 259; Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. СПб., 1913. С. 141—143.

⁵ Ewers J.P.G. Vom Urschprunge des russischen Staats. Riga, Leipzig, 1808. S. VII, 186; Schlözer A.L. Nestor. Th. 5. Göttingen, 1809. S. XVI—XXXV.

⁶ Фомин В.В. М.В. Ломоносов-историк глазами Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера // Ключевские чтения — 2014. Россия и русский мир перед лицом глобальных угроз: Материалы Всероссийской научной конференции / Сб. научных трудов. М., 2015. С. 94—102.

Шлецере», в которых подчеркнул: многие предупреждали меня, что Шлецер, «не привыкший к критике, поведет себя как негодай», при этом прикрываясь любовью к истине. Но я считал, что он, сам свободно высказываясь на благо науки, не взирая на личности, позволит подобное и другим. Однако я ошибся, и «в гневе его ущемленное самолюбие перебороло его порядочность и заставило написать пасквиль на меня, который позорит пятую часть его “Нестора”»⁷).

Шлецер, отдавая приказ современным и будущим историкам: «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикова пришествия называлась уже *Русью*», и предавая аутодафе «выдумщика» и «поэта хазар» Эверса за его утверждения, во многом покоившиеся на показаниях восточных источников, об исконном пребывании руси в южных пределах Восточной Европы, старался перечеркнуть историографическую традицию, которая давно присутствовала в науке и которую он в недалеком прошлом сам всецело поддерживал.

В 1711 г. Г.В. Лейбниц указал, что в IX в. «приобрели известность русские, вероятно, древние роксоланы, которые были так могущественны, что даже осаждали Константинополь» (в 860 г.)⁸. В 1735 г. Г.З. Байер в статье «О варягах», от которой ошибочно вели начало норманской теории (была создана в Швеции в XVII в.⁹ и по своей антирусской направленности аналогична «Завещанию Петра Великого», сфабрикованному французами в следующем столетии), приведя известие Бертинских анналов о «росах» 839 г., заключил: «Се видишь, что народ русский прежде Рурика, о котором имени, далеко древнейшем, нежели русские летописи объявляют». В 1736 г. он говорил о первом нападении «киевских русов» на Константинополь в 860 году. Данный сюжет ученый вновь затронул в 1741 г., отмечая, что «россы приняли свое название не от скандинавов», ибо имя это не было ведомо на их родине¹⁰ (по словам П.Н. Милюкова,

⁷ Ewers J.P.G. Unangenehme Erinnerung an August Ludwig Schlözer. Dorpat, 1810. S. 1—16; Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010. С. 399—400.

⁸ Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 139.

⁹ См., напр.: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 8—57.

¹⁰ Bayer G.S. De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. IV. Petropoli, 1735. P. 281; *idem*. De russionum prima expeditione Constantinopolitana // Ibid. T. VI. Petropoli, 1736. P. 345; *idem*. Origines Russicae // Ibid. T. VIII. Petropoli, 1741. P. 401, 408—409, 411; Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 347.

Байер был убежден «в существовании Южной Руси, независимой от варягов-норманнов», и доказывал, что руссы были на Днепре «раньше Рюрика, следовательно, не были норманнами». В статье «О происхождении русских» 1741 г., подчеркивает ныне немецкая исследовательница Б. Шольц, он «оспаривает тот факт, что Рюрик и его варяги сыграли особую роль в возникновении русского государства», и стремится «показать, что русское имя, как и русское государство возникло до Рюрика»¹¹).

В.Н. Татищев также подытоживал, в том числе под влиянием Байера, что «у грек имя русь, или рось, задолго до Рюрика знаемо было». М.В. Ломоносов в замечаниях на речь-«диссертацию» Г.Ф. Миллера, написанных осенью 1749 г., объяснял ему, ссылаясь на статью Байера 1741 г., что в IX в., «на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился весьма славен народ русский, который и росс назывался. Фотий, патриарх цареградский, в окружном своем послании пишет о походе киевлян к Царюграду: “Руссы бесчисленных народов себе покорили и, ради того возносясь, против Римской империи восстали”. Толиких дел и с толь великою славою в краткое время учинить было невозможно. Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика»¹² (подобную мысль его оппонент решительно отрицал и в речи, и во время ее обсуждения. Но в 1761 и 1773 гг. уже сам убеждал, что «имя *российское* еще и до Рюрика было употребительно в *России*» и что «*россы* были и *прежде Рурика*»¹³).

В 1768 г. А.Л. Шлецер энергично проповедовал ту же идею существования южной руси (тогда он еще не был стопроцентным норманистом, и потому во многом рассуждал о русской истории самостоятельно и в соответствии с источниками. Но все изменится в корне, как ученый попадет, после работы Ю. Тунмана 1774 г., под полное влияние шведских авторов XVII в., создавших норманскую теорию, представ-

¹¹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 100, прим. **; Шольц Б. Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М., 2000. С. 112.

¹² Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962. С. 286, прим. 7 и 8 на с. 308; Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., СПб., 2011. С. 23.

¹³ РГАДА. Ф. Портфели Миллера. № 199. Оп. 1. 48. № 2. Л. 25 об. — 26 об., 38 об.; Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов. С. 371, 395; Его же. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Его же. Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. М., 2006. С. 101; Его же. О народах издревле в России обитавших // Там же. С. 87—89.

ляющую собой шведский взгляд на нашу историю). И эту русь Шлецер представлял могущественным народом, «который подчинил себе, как говорит Фотий, бесчисленное множество других народов», и который населял «сегодняшнюю Крымскую Татарию». Отмечая, что «Нестор четко отличает руссов от шведов» и что понтийские русы «имели свой собственный язык, бесценные следы которого дошли до нас благодаря императору Константину», историк, с одной стороны, отрицал их связь со славянами, готами и роксоланами, с другой, сближал с куманами, хазарами, болгарами, аланами, лезгинами¹⁴.

Однако в «Несторе» Шлецер, хотя и продолжал говорить, ибо не мог, в отличии от сегодняшних активных реаниматоров его «ультранорманизма» (В.Я. Петрухина, В.В. Мурашовой, Е.В. Пчелова и др.), игнорировать четкие показания Повести временных лет (ПВЛ), что «Нестор ясно отличает русских от шведов», постарался привести летопись в соответствие с норманской теорией, для чего изобрел «особый род» скандинавов — русов, родом из Швеции. А ставшую помехой его концепции русь, имя которой гремело в Причерноморье задолго до призвания варягов и которая в 860 г. чуть не взяла Константинополь, просто выкинул из русской истории (потому как эти руссы, «наверное, не были настоящие *руссы*», понтийских руссов за один народ с киевским приняли византийцы, а «простое сходство в названии *Ρως* и *Рус* обмануло и почтенного Нестора, и ввело его в заблуждение»)¹⁵.

Все, что было сказано Шлецером по поводу русской истории, было, в силу их сильнейших западнических настроений, благоговейно принято (а с невероятным энтузиазмом затем приумножено) нашими учеными, возведшими его в непререкаемый авторитет (он, по оценке М.П. Погодина 1871 г., есть «великий учитель»), а его «Нестор» — в ранг своего рода священного писания, в которое надо, под страхом отлучения от науки, слепо верить и, согласно его канонам, говорить о начале бытия русского мира (по словам того же Погодина от 1847 г., «его приемы, его уроки, его впечатления, его огонь — о, их достанет еще на много поколений, имеющих уши слышать и разум разумети! Студент, который на первых годах не восхитится Шлецером, тот не занимайся русской историей»¹⁶).

¹⁴ Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей // Скандинавomanия и ее небыллицы о русской истории. С. 279—283.

¹⁵ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. XXVIII, 258, 315—317, 330, 421; ч. II. С. 86—117.

¹⁶ Погодин М.П. О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачева, Лопова, Кавелина и Соловьева по части русской истории // Москвитянин. Ч. I. М., 1847. С. 169; *Его же*. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 1871. С. 79.

«Ультранорманистский» настрой нашей науки был усилен тем еще, что взгляд Шлецера на историю Руси подкрепил, отмечал И.Е. Забелин в 1876 г., своим авторитетом Н.М. Карамзин как выразитель «русского европейски-образованного большинства, вообще мало веровавшего в какие-либо самобытные исторические достоинства русского народа. И великий немецкий ученый и великий русский историк смотрели одинаково и вообще на славянский и в особенности на русский мир. И тот и другой почитали этот мир в истории пустым местом, на котором варяги-скандинавы построили и устроили все, чем мы живем до сих пор». Причем эта идея, заострял внимание Забелин, «в увлекательном рассказе историографа получила еще больше силы и путем литературного слова распространилась в обществе, как несомненная и ничем не опровержимая истина. На пустом месте варяги-норманны стали казаться уже такими деятелями, которым бы удивился и сам Шлецер»¹⁷.

Таковыми они особенно предстают в многочисленных монографиях, статьях и обзорах М.П. Погодина, изданных в 1825—1874 годах. Твердо считая, что «к числу сильнейших доказательств норманского происхождения варягов-руси принадлежат их *действия*», и что «действиие, приемы, осанка, походка наших варягов-руси... суть норманские» (Олег Вещий «пошел воевать по норманскому обычаю, куда глаза глядят», хитростью «умертвил Аскольда и Дира», потому как «норманны часто употребляли хитрости друг против друга»), он уверял, что «походы первых князей, по рекам и морям, взимание дани, нападения на Константинополь, вообще образ их действия, в войне и мире, дома и на стороне, их занятия, добрые и худые качества, самые предания и басни о разных частных и мелких поступках, одним словом вся их жизнь, весь их быт обличают в них норманнов. Наши летописатели описывают их почти одними и теми же словами, какими латинские, греческие и арабские описывают прочих норманнов», и что вообще ни одно известие ПВЛ «не противоречит норманскому происхождению варягов-руси». Их норманство историк отстаивал тем еще, что у варягов «*красота уважалась*», и «известно, как норманны уважали красоту», что у наших князей «*многоженство* допускатось», и «норманские обычаи были совершенно те же», что «*баню* очень любили норманны, которые ходили в оные по субботам», что «норманны любили пировать: Руси есть веселие пити, сказал Володимир».

---

¹⁷ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 88, 92—93.

Такого же плана были и характеристики, даваемые им русской знати: Олег Вещий есть «удалый», «истый» и «гордый норманн» с «норманским характером», дочь норманского конунга Рогволода Рогнеда — «гордая и страстная, истая норманка», Святослав Игоревич обладал «норманским характером», воспитан был «в бранных норманских обычаях» и «мечтал только о кровавых сечах или пирах за столом Одиновым, в чертогах Валгаллы», Ярослав Мудрый был верен «норманской природе, в нем обновленной», а Мстислав Великий — это «истинный витязь в норманском духе». Норманство княгини Ольги историк объяснял тем, что «она приняла христианскую веру, — и в этом происшествии я вижу указание на ее норманское происхождение: ибо первые христиане у нас были норманны», что «в самой жизни Ольгиной, в удержании власти после смерти Игоря, в гражданской деятельности, в путешествии в Царьград — виден дух более норманский, нежели славянский», что в том, как правительница Руси разговаривала с византийским императором и его послами, — «видишь пред собою величавую норманку».

Заполонив русскую историю норманнами, якобы наложившими на все свою печать (язык «варягов-руси, дошедший... в собственных их именах, именах днепровских порогов и некоторых словах гражданственных, обличает их норманское происхождение», русский язык есть «язык северный», который «мало-помалу потерялся» в славянском языке, Перун и Велес — боги норманнов, «христианством обязаны мы варягам точно так же, как и гражданским устройством», скандинавскими являются названия рек Нева, Ижора, Луга, Нарва, «норманской в своем основании» есть Русская Правда, «законы и обычаи русские=норманские=скандинавские=варяжские сохранились между нами, как верования, как имена, как язык, как дух»), Погодин открыл «первый период русской истории» — «норманский период», охватывающий историю Руси с момента призвания варягов до смерти Ярослава Мудрого.

И в который, как безудержно он славословил скандинавов — «самый деятельный и удалой народ в Европе» — и их свершения на Руси (почти что равные подвигам богов!): еще до призвания «смышленные пришельцы» основали Изборск, Торжок, Белоозерск, Ростов, Муром, Бежецк, Волок Ламский, распространили новгородскую торговлю до самого устья Волги. Затем «удалые норманны», уже призванные, «раскинули планы будущего государства, наметили его пределы, нарезали ему земли без циркуля, без линейки, без астро-

лябии, с плеча, куда хватала размахистая рука» (а при Святославе «Болгарии выпадал жребий сделаться Русью, Нормандией»), составили «главную, господствующую часть городов славянских и финских, и военное, высшее сословие нового государства». Под конец же жизни Ярослава Мудрого пределы его державы «распространились даже до Черного и Балтийского морей, до Уральских, Карпатских и Кавказских гор, до внутренней Польши. Вот как широко и далеко очертилась норманнами окружность Русского государства!», на землях которого они вводили «везде норманские порядки».

При этом Погодин подчеркивал, во-первых, что в «норманский период» «удалые варяги»-скандинавы «были почти совершенно отдельным племенем от славян, — они жили вместе, но не сплавлялись, не составляли одного народа», их влияние «на славян было более наружное — они образовали государство», славяне же «платили дань, работали — и только, а в прочем жили по-прежнему». И лишь только в следующую эпоху скандинавы «сделались славянами, приняв их язык, хотя и оставались их правительством». Во-вторых, что сообщение между Русью «и северными государями... не прерывалось ни на минуту. Наши князья у норманнов, норманские у нас, всегда находили родственную помощь и убежище», что скандинавы, «разумеется, приходили сначала толпами участвовать во всех действиях своих единоплеменников, так что первые предприятия могут назваться общими», что и русские князья, «в нужных случаях, посылали нарочно за помощью к норманнам, и получали ее всегда столько, сколько было нужно», в связи с чем их всегда окружали норманны: «наместники, посланники, кормильцы их, даже ближайшие служители были норманны, домашние и наезжие. Все важные места предоставлялись им», а проявлявшие безусловную покорность «туземцы совершенно не употреблялись, обреченные на любезное свое земледелие».

«Ультранорманистским» представлениям Погодин оставался верен до конца и с юношеским жаром проводил их в жизнь. В 1874 г., за год до смерти, он в монографии «Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями» все также был непреклонен в мнении (причем «только благодаря норманнской электризации, — по его красноречивому пояснению, — написал эти строки»), что, «по-моему, все наши древние до управления, до гражданского устройства относящиеся слова суть норманское, в чем я вижу одно из крепких доказательств норманского происхождения варягов руси: бояре, тиуны, гридни, гости, смерды, люди, ябедники, верви, дума, губа, вира, ряд, скот, гривна, стяги... В му-

жах княжих, отроках и детских, добрых людях, дружине, рабиче, огнищанах, закупах слышится перевод»¹⁸.

Картина истории Киевской Руси, представленная бойким пером Погодина, была принята, при некоторых оговорках, практически всей наукой (ее отвергли лишь антинорманисты, исчисляемые тогда единицами). Как отмечал, например, в 1846 г. И.Д. Беляев в рецензии на первые три его тома «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» (видя в них «добросовестный труд» «беспристрастного» «учителя настоящего поколения исследователей исторических», получивших для своих разысканий по русской истории «путеводную звезду»), что «весь норманский период нашей истории получил большую или меньшую ясность и определенность», что его доказательства «о норманском происхождении руси, несмотря на все усилия скептиков и отчаянных славянофилов, остались непоколебимы и приняты всеми учеными». Посему, твердо завершал разговор рецензент, «в нашей истории все столетние споры и толки о норманнах должны прекратиться. Это истинная и неотъемлемая заслуга автора». Попутно Беляев сам, зараженный «ультранорманизмом» своего университетского учителя, говорит о «норманском духе» и «норманской удали» новгородцев еще до прихода варягов-норманнов, что «наши древние законы и формы администрации были чисто норманские», что древние князья и их дружины имели «чисто норманский характер», а Киев так «переполнился» норманнами, «что иностранцам казался норманским городом»¹⁹.

¹⁸ *Погодин М.П.* О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение. М., 1825. С. 28, 39—43, 50—78 и др.; *Его же.* Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим писателям русским, сочинение М. Максимова. Киев, 1837 // Москвитянин. Ч. II. № 3. М., 1841. С. 229—231; *Его же.* Происхождение Русского государства // То же. М., 1842. № 1. С. 212; *Его же.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 1. М., 1846. С. 491; т. 2. М., 1846. С. 5, 32, 40—51, 67—92, 121—135, 184, прим. 288; *Его же.* т. 3 (имеет дополнительное пояснительное название «Норманский период»). М., 1846. С. 25, 75, 78, 87, 92—94, 99, 108—110, 122, 125, 132, 147, 187—188, 302—337, 359—360, 367, 378—386, 400—401, 416—425, 430—434, 439, 441, 443, 451—453, 478, 512, 545, прим. 126 на с. 78; *Его же.* Норманский период русской истории. М., 1859. С. 70, 76, 105, 107, 138—139, 144, 150; *Его же.* О публичном диспуте в зале С.-Петербургского университета, касательно происхождения Руси // Русская беседа. 1860. № I. С. 152—153; *Его же.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. С. 2—94; *Его же.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874. С. 365; Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. [Б.м.] и [б.г.]. С. 8, 28—29, 31—33.

¹⁹ *Беляев И.Д.* Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории (Москва. 1846 года; три тома) // Москвитянин. 1846. Ч. VIII. С. 168—169, 178—183, 188, 190, 194—197.

В начале своей научной карьеры глазами же М.П. Погодина, лекции которого по родной истории слушал в Московском университете, смотрел на варяго-русский вопрос и на связанные с ним проблемы С.М. Соловьев (а вместе с тем и глазами Н.М. Карамзина, которым с упоением зачитывался в детстве). Так, в 1842 г., в год окончания университета, он опубликовал в журнале «Москвитянин», издаваемом Погодиным, отзыв на книгу Ю.И. Венелина «Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах». И в которой отвергал южнобалтийскую версию происхождения варягов тем, «что мнение о варягах, как о скандинавах, вовсе не принадлежит Байеру, а старинное русское, и высказано положительно в первый раз не ровно сто лет тому назад, как говорит Венелин, а в 1573 году, в письме Иоанна Грозного шведскому королю, где царь прямо говорит, что *варяги были шведы*»²⁰.

Однако русский монарх так не говорит, а так его слова «выпрямил» Карамзин, ведомый «ультранорманизмом», все переиначивающим в пользу скандинавов. В послании же к шведскому королю Юхану III 11 января 1573 г. царь сказал, апеллируя к имени основателя Юрьева-Дерпта, бывшего для русских символом прибалтийских земель, за которые тогда велась затяжная война, неоспоримым доказательством справедливости и полной законности прав России на эту территорию, некогда входившую в состав Руси, следующее: «в прежних хрониках и летописцах писано, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом на многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы, и коли его слушали, ино то его были»²¹. Но в произвольной передаче историографа слова Ивана Грозного звучат абсолютно иначе: «Народ ваш искони служил моим предкам: в старых летописях упоминается о варягах, которые находились в войске самодержца Ярослава-Георгия: а варяги были шведы, следственно его подданные»²² (в таком виде их также цитировали и множили в XIX в. авторитетные в России и за рубежом А.А. Куник и В. Томсен, используя их в качестве аргумента в поль-

²⁰ Соловьев С.М. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историческое рассуждение Ю. Венелина // Москвитянин. М., 1842. № 8. С. 399.

²¹ Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 129. СПб., 1910. С. 238.

²² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1821. С. 219; Фомин В.В. Варяги в переписке Ивана Грозного с шведским королем Юханом III // Отечественная история. 2004. № 5. С. 121—133; Его же. Иван Грозный о варягах Ярослава Мудрого // Сб. РИО. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 399—418.

зу не только норманства варягов, но и «норманистских настроений» русского общества вообще).

В дальнейшем, что обращает на себя внимание, Соловьев уже не доказывал норманство варягов ссылкой на послание Грозного в передаче Карамзина, а в 1856 г. в «Истории России с древнейших времен» привел его в полном согласии с оригиналом²³. И объяснение тому видится в том, что в постстуденческие годы он, работая над магистерской и докторскими диссертациями, защищенными в 1845 и 1847 гг., а затем над «Историей России с древнейших времен», изучает источники непосредственно, а не принимает их в чьем-то тенденциозном пересказе, направляющем исследователя по ложному пути, знакомится с очень большим кругом самой разнообразной научной литературы. В связи с чем как ученый проходит гигантскую эволюцию. При этом не только осознав довольно явное, что русский царь никак не мог, конечно, в разгар многолетней Ливонской войны дать врагу Юхану III — в лице варягов-шведов своего прародителя Ярослава Мудрого, покоривших ему земли будущей Ливонии, — очень важный исторический аргумент в обосновании притязаний на нее, тем более тогда, когда за обладание ею уже шла русско-шведская война. Но и то, что «ультранорманизм» является, как он вынес из собственного опыта, серьезной помехой науке.

К этой же мысли его подвели и работы антинорманистов, среди которых (но не только!) он очень высоко ставил Г. Эверса, констатируя в 1874 г. в отношении его «Древнейшего русского права»: «Эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин ударял только на мои чувства, Эверс ударил на мысль; он заставил меня думать над русской историей»²⁴. А еще ранее, в 1855 г., ученый, специально обратившись к творчеству В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и М.Т. Каченовского, о которых в норманистской литературе накопилось столько неправды и заблуждений, подытоживал, во-первых, что Татищеву и Ломоносову «принадлежит самое почетное место в истории русской науки в эпоху начальных трудов». Во-вторых, что важная заслуга Каченовского, «в которой не отказывают ему даже отъявленные враги его, состояла в старании сблизить явления русской истории с однохарактерными явлениями у других и, что всего важнее, преимущественно у славянских народов, причем отрица-

²³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 5—6. М., 1993. С. 672.

²⁴ Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 57.

ние скандинавского происхождения Руси освобождало от вредной односторонности, давало простор для других разнородных влияний, для других объяснений, от чего наука много выигрывала»²⁵.

Во вредной односторонности скандинавского происхождения Руси Соловьев окончательно укрепился в ходе написания первого тома своей «Истории», который вышел в 1851 г. и в котором он, в условиях практически полного торжества «ультранорманизма» и в науке, и в обществе (но несколько не убоившись бросить ему вызов), обратился, в первую очередь на примере авторитетнейшего тогда Погодина, к принципиальной критике вопроса, «который так долго господствовал в нашей исторической литературе, именно к вопросу о норманском влиянии». Причем, что весьма символично, этой критикой историк как начинает том, так его и заканчивает, демонстрируя тем самым, что он весь пропитан анти-«ультранорманизмом». И в «Предисловии» Соловьев сразу же отмечает идею своего университетского учителя, что «начальная русская история есть история варягов», и подчеркивает, приводя затем тому примеры, что «при начале русского общества не может быть речи о *господстве* норманнов, о норманском периоде» (вместе с тем указывая, что скандинавы не стояли «выше славян на ступенях общественной жизни, следовательно, не могли быть среди последних господствующим народом в духовном, нравственном смысле»).

Далее критикует Соловьев Погодина за то, как он свое «желание»/«упорство» «видеть везде только одних» норманнов воплощал на деле (и таким образом создавал фикции, превращавшиеся в «аргументы», которые, в свою очередь, порождали подобные). Во-первых, пропагандируя тезис, «что наши князья, от Рюрика до Ярослава включительно, были истые норманны», в то время как Пясты в Польше, возникшей одновременно с Русью, действуют точно так же, как и Рюриковичи, хотя и не имели никакого отношения к норманнам. Во-вторых, что, «отправившись от неверной мысли об исключительной деятельности варягов во все продолжение первых двух веков нашей истории», «Погадин, естественно, старается объяснить все явления из норманского быта», тогда как они были в порядке вещей у многих европейских народов: «обычай наших князей ходить на полюдь не есть норманский, но необходим во всех ново-рожденных обществах: так, мы видим его и в Польше», причина со-

---

²⁵ Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений С.М. Соловьева. СПб., [1901]. Стб. 1350; *Его же*. Каченовский Михаил Трофимович // *Его же*. Сочинения. Кн. XXIII. М., 2000. С. 82—83.

вершать «походы преимущественно водою, на лодьях» «заключается не в норманском происхождении князей, а в природе страны», где «самый удобный путь был водный», «посылает Рюрик мужей своих рубить города, чтоб удобнее держать в подчинении окружные племена, — это норманский обычай, как будто все народы не поступали одинаково при подобных обстоятельствах», «сажает князь мужей вместо себя по городам — это ярлы скандинавские, посаженные творить суд и собирать дань, как будто славянские князья не могли точно так же распорядиться», «Рюрику наследует сын или родственник — скандинавский обычай: в Скандинавии благородство уважалось очень много, как будто в других странах оно не уважалось».

В-третьих, важное затруднение для него «представляло также то обстоятельство, что варяги-скандинавы кланяются славянским божествам, и вот, чтобы быть последовательным, он делает Перуна, Волоса и другие славянские божества скандинавскими. Благодаря той же последовательности Русская Правда является скандинавским законом, все нравы и обычаи русские объясняются нравами и обычаями скандинавскими». «Таковы, — заключал ученый, — вредные следствия того одностороннего взгляда, по которому варяги были исключительными действующими в начальном периоде нашей истории» (Соловьев, охарактеризовав, не увидев тому свидетельств, «влияние скандинавской народности на славянскую» как «очень незначительно», объяснял этот факт по А.Л. Шлецеру — их малым количеством: варяги-норманны «не составляют господствующего народонаселения относительно славян, не являются как завоеватели последних, следовательно, не могут дать славянам насильственно своих форм быта, сделать их господствующими, распоряжаться как полновластные хозяева на Земле». К тому же они «при своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию»)²⁶.

Одновременно с тем Соловьев в полном согласии с М.В. Ломоносовым, уже только этим нервирова «ультранорманистов» (по Погодину, повторявшему «великого учителя», тот «рассуждал очень поверхностно, как дилетант»²⁷), вел речь о дружинном составе варягов, т.е. также отрицал этническое содержание термина «варяги». Говоря, что в ПВЛ под варягами понимаются «все прибалтийские

²⁶ Соловьев С.М. История... Кн. 1. Т. 1—2. М., 1993. С. 9, 250—253, прим. 434, 435, 437 к т. 1.

²⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. 2. С. 180.

жители, следовательно, и славяне», в целом под ними ученый понимал, вслед за Ломоносовым, не какой-то конкретный народ, а европейские дружины, «составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых». А принимая во внимание присутствие руси, согласно восточным и византийским источникам, в доваряжский период на юге Восточной Европы, высказал мысль об отсутствии этнического содержания и в термине «русь», полагая, что он, как и имя «варягов», образовавшееся «на западе, у племен германских», являлся «на востоке у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин... означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским»²⁸.

На защиту Погодина и его «ультранорманистских» идей в том же 1851 г. поднялся К.Д. Кавелин, утверждая, что выступление Соловьева против «полновесного в настоящем вопросе авторитета» Погодина, «против влияния варягов и норманского периода не выдерживает критики» (хотя тут же говоря о «крайности» Погодина, однако более близкой «к истине, чем мнение г. Соловьева», тем самым повторяя свои слова 1847 г.: все происходившее «у нас с призвания варягов до кончины Ярослава» Погодин «присваивает одним скандинавам. В этом, конечно, есть преувеличение, односторонность, но за нее нельзя слишком винить автора. До некоторой степени она — достоинство и заслуга»). В 1875 и 1878 гг. А.А. Куник, вполне осознавая, что факты присутствия руси на берегах Черного моря до 862 г. сокрушают норманизм, утверждал, что они «несостоятельны полностью», потому как, говорил он с голоса Шлецера, там ее и не было (да и быть не могло), в связи с чем отвергал позицию Соловьева, отделявшего русь от варягов и видевшего в ней народ, до Рюрика живший на юге Восточной Европы²⁹.

Но в унисон с Соловьевым начали постепенно звучать слова других норманистов (на что их толкала и критика оппонентов). Так, в 1870-х гг. К.Н. Бестужев-Рюмин констатировал, что Погодин, под влиянием Шлецера (тот, «увлекаясь гордостью своего немецкого патриотизма... придал слишком преувеличенное значение варяжскому

²⁸ Соловьев С.М. История... Кн. 1. Т. 1—2. С. 87, 100, 198—199, 248, 250—251, 253, прим. 142, 147, 148, 150, 173 к т. 1.

²⁹ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1897. Стб. 99, 470, 473—474; Дополнения А.А. Куника // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875. С. 458—459, 688; Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903. С. 020, 043—045.

элементу, непоколебимую веру в скандинавизм которого он передал и своему ревностному ученику, Погодину») написав второй и третий тома своих «Исследований, замечаний и лекций о русской истории», при обозрении в последнем «общества в варяжский период» все приписал «скандинавскому, т.е. германскому влиянию: и религию, и право, и обычаи», что «борьба с этой крайностью норманистов велась с разным успехом в течение последних тридцати лет, и победа над этим заблуждением едва ли даже и теперь может считаться полностью. Как ни странно, то, что Погодин, которого русское чутье держало настороже против всего, что вредно национальному развитию и что противно внутренней правде, поддался этому заблуждению».

В 1877 г. чешско-русский славист И.И. Первольф с большой долей иронии емко охарактеризовал «ультранорманизм»: «Русь, Русская Правда, болярин или боярин, вервь, град, ряд, полк, весь, навь, смерд, вено и проч., все это оказывается поклонниками Одина и Тора, да и этот последний житель Валгалы едва ли не переселился на берега Днепра, переменив только фамилию в Перуна. Все делали на Руси скандинавские норманны: они воевали, грабили, издавали законы, а те несчастные словене, кривичи, северяне, вятичи, поляне, древляне только и делали, что платили дань, умыкали себе жен, играли на гусях, плясали и с пением ходили за плугом, если не жили совсем по-скотски. Так это было в блаженные времена Шлецера, Карамзина, Круга, Погодина»³⁰.

В 1931 г. норманист В.А. Мошин, подчеркивая, что монография С.А. Гедеонова «Варяги и Русь», вышедшая в 1876 г. (частично опубликовалась в 1862—1863 гг.), «сильно пошатнула основания норманской теории», заключил: он похоронил «“ультранорманизм” шлецеровского типа»³¹.

Не без помощи, стоит в этой связи заметить, С.М. Соловьева.

Литература

- Байер, Г.З.* О варягах // *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. — Москва : Русская панорама, 2006. — 462 с.
- Беляев, И.Д.* Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории (Москва. 1846 года; три тома) // *Москвитянин.* 1846. — Ч. VIII. — С. 168—179.
- Бестужев-Рюмин, К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). — Москва : Век, 1997. — 318 с.

³⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 199—200; *Первольф И.И.* Варяги-Русь и балтийские славяне // *Журнал Министерства народного просвещения.* Ч. 192. СПб., 1877. С. 39.

³¹ *Мошин В.А.* Указ. соч. С. 43—44.

- Венелин, Ю.И.* Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критическое рассуждение // Скандинавомания и ее небыллицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — Москва : Русская панорама, 2015. — С. 25—81.
- Геденов, С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. — Москва : Русская панорама, 2004. — 654 с.
- Герье, В.И.* Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. — Санкт-Петербург : Печатня В.И. Головина, 1871. — 207 с.
- Далин, О.* История шведского государства. — Ч. 1. — Кн. 1. — Санкт-Петербург : Императорская типография, 1805. — 955 с.
- Дополнения А.А. Куника // *Дорн Б.* Каспий. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1875. — 718 с.
- Забелин, И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. — Ч. 1. — Москва : Типография Грачева и К., 1876. — 645 с.
- Иловайский, Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — Москва : Типография Грачева и К°, 1876. — 466 с.
- Кавелин, К.Д.* Собрание сочинений. — Т. I. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. — XXXII с., 1052 стб.
- Карамзин, Н.М.* История государства Российского. — Т. IX. — Санкт-Петербург : Типография Н. Греча, 1821. — 472, 298, [4] с.
- Куник А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. — Ч. 2. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1903. — 192 с.
- Ломоносов, М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва ; Наука, СПб., 2011. — 686 с.
- Миллер, Г.Ф.* Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // *Миллер Г.Ф.* Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. — Москва : Наука, 2006. — 815 с.
- Миллер, Г.Ф.* О происхождении имени и народа российского // *Фомин В.В.* Ломоносов. — 462 с.
- Милюков, П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. — Санкт-Петербург : Издание М.В. Аверьянова, 1913. — 342 с.
- Мошин, В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — Москва : Русская панорама, 2010. — С. 11—102.
- Первольф, И.И.* Варяги-Русь и балтийские славяне // Журнал Министерства народного просвещения. — Ч. 192. — СПб., 1877. — С. 37—97.
- Погодин, М.П.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. — Москва : Типография Ф.Б. Миллера, 1874. — 393 с.
- Погодин, М.П.* Древняя русская история до монгольского ига. — Т. I. — Москва : Синодальная типография, 1871. — 402 с.
- Погодин, М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. — Т. 1. — Москва : Университетская типография, 1846. — 494 с.; — Т. 2. — Москва : Университетская типография, 1846. — 426 с.; — Т. 3: Норманский период. — Москва : Университетская типография, 1846. — 546 с.
- Погодин, М.П.* Норманский период русской истории. — Москва : Типография В. Готье, 1859. — 215 с.
- Погодин, М.П.* О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение. — Москва : Университетская типография, 1825. — 177 с.
- Погодин, М.П.* О публичном диспуте в зале С.-Петербургского университета, касательно происхождения Руси // Русская беседа. 1860. — № I. — С. 149—170.
- Погодин, М.П.* Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим писателям русским, сочинение М. Максимовича. — Киев, 1837 // Москвитянин. — Ч. II. — № 3. — М., 1841. — С 219—234.

- Погодин, М.П.* О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачева, Лопова, Кавелина и Соловьева по части русской истории // Москвитянин. — Ч. 1. — М., 1847.
- Погодин, М.П.* Происхождение Русского государства // Москвитянин. М., 1842. № 1. Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. [Б.м.] и [б.г.] / [Сост. и опубликовал В. Мордвинов]. — [Санкт-Петербург, 1860]. — 36 с.
- РГАДА. Ф. Портфели Миллера. № 199. Оп. 1. 48. № 2. Л. 25 об. — 26 об., 38 об.; Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). — Т. 129. — Санкт-Петербург : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1910. — 594 с.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. — Кн. 3. — Т. 5-6. — Москва : Голос, 1993. — 758 с.
- Соловьев, С.М.* Каченовский Михаил Трофимович // *Соловьев С.М.* Сочинения. — Кн. XXIII. — Москва : Мысль, 2000. — С. 69—83.
- Соловьев, С.М.* Общедоступные чтения о русской истории. — Москва : Республика, 1992, — 349 с.
- Соловьев, С.М.* Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений С.М. Соловьева. — Санкт-Петербург : Обществ. польза, [1901]. — Стб. 1317—1388.
- Соловьев, С.М.* Скандинавомания и ее поклонники, или столетняя изыскания о варягах. Историческое рассуждение Ю. Венелина // Москвитянин. 1842. — № 8. — С. 399.
- Татищев, В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. — Т. 1. — Москва ; Ленинград : Наука, 1962. — 500 с.
- Фомин, В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. — Москва : Русская панорама, 2005. — 486 с.
- Фомин, В.В.* Варяги в переписке Ивана Грозного с шведским королем Юханом III // Отечественная история. 2004. — № 5. — С. 121—133.
- Фомин, В.В.* Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — Москва : Русская панорама, 2010. — С. 339—511.
- Фомин, В.В.* Иван Грозный о варягах Ярослава Мудрого // Сб. РИО. Т. 10 (158). Россия и Крым. — Москва : Русская панорама, 2006. — С. 399—418.
- Фомин, В.В.* М.В. Ломоносов-историк глазами Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера // Ключевские чтения — 2014. Россия и русский мир перед лицом глобальных угроз: Материалы Всероссийской научной конференции / Сб. научных трудов. — Москва : ООО «Издательство «Спутник+», 2015. — С. 94—102.
- Шлецер, А.Л.* Нестор. — Ч. I. — СПб.: Императорская типография, 1809. — 479 с.; — Ч. II. — СПб., 1816. — 832 с.; — Ч. III. — СПб.: Императорская типография, 1819. — 686 с.
- Шлецер, А.Л.* Опыт изучения русских летописей // Скандинавомания и ее небывлицы о русской истории. — С. 251—353.
- Шольц, Б.* Немецко-русская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. — Москва: Наука, 2000. — С. 105—116.
- Bayer, G.S.* De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. — Т. IV. — Petropoli, 1735. — P. 281; *idem.* De russionum prima expeditione Constantinopolitana // Ibid. — Т. VI. — Petropoli, 1736. — P. 345; *idem.* Origines Russicae // Ibid. — Т. VIII. — Petropoli, 1741. — P. 411.
- Ewers, J.P.G.* Unangenehme Erinnerung an August Ludwig Schlözer. — Dorpat, 1810, — 16 S.
- Ewers, J.P.G.* Vom Urschprunge des russischen Staats. — Riga, Leipzig, 1808. — 271 s.
- Schlözer, A.L.* Nestor. Th. 5. — Göttingen, 1809.
- Thunmann, J.* Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. — Th. 1. — Leipzig, 1774. — 406 с.

О.Ю. Казакова

Диалектика личного, корпоративного и общественного в рецензии С.М. Соловьева на «Историю царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова

**Dialectics of personal, corporate and public in the review of
S.M. Solovyov on the “History of the reign of Peter the Great”
by N. G. Ustryalov**

Аннотация: Статья посвящена рецензии С.М. Соловьева на «Историю царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова как инструменту и этапу формирования его собственной исторической концепции.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, Н.Г. Устрялов, история Петра Великого, рецензия, историографический дискурс, пореформенная эпоха.

Annotation: The article is devoted to S.M. Solovyov’s review of the “History of the reign of Peter the Great” by N.G. Ustryalov as an instrument and stage of the formation of his own historical concept.

Keywords: S.M. Solovyov, N.G. Ustryalov, History of Peter the Great, Review, Historiographical discourse, Pre-reform era.

Концепция российской истории С.М. Соловьева является плодом многолетней рефлексии, одним из источников которой выступает оценка развития науки. Рецензии Соловьева на труды современных историков представляют собой и академическую дискуссию, и диалог с широкой публикой, и презентацию собственной точки зрения. Важнейшая для историка петровская эпоха красной нитью прошла через всю его научно-педагогическую карьеру, начиная с первых лекционных 1848—1849-го и специального 1847—1848 гг. курсов и заканчивая триумфом «Публичных чтений о Петре Великом» в юбилейном 1872-м году. Поэтому рецензия С.М. Соловьева в журнале «Атеней» (1858) на первые три тома «Истории царствования Петра Великого» (далее ИЦПВ) Н.Г. Устрялова приобретает существенное значение в контексте его научного наследия.

Интеллектуальная жизнь России XIX века была пропитана историософией, как следствие, общественный престиж историка необыкновенно возрос, а интерес публики к родной истории не ослабевал. В этих условиях публикация фундаментального труда о главном культурном герое имперского периода — Петре Вели-

ком — была насущна и всеми ожидаема. Еще А.С. Пушкин, попробовав себя на поприще историка пугачевского бунта, задумал такой масштабный проект. Работа над темой требовала высокой профессиональной квалификации, трудолюбия и самоотдачи, протекции для доступа в фондохранилище, а также гражданского мужества, ибо восприятие петровской эпохи обросло множеством стереотипов и мифов, находилось в центре научных и общественных споров.

За этот труд взялся один из самых титулованных историков второй трети XIX века Николай Герасимович Устрялов (1805—1870), выходец из крепостных князей Куракиных, питомец Петербургского университета, академик русской истории, один из создателей «теории официальной народности». Подчеркнем, Устрялов являлся академически значимой, но не публичной персоной, «властителем дум», как например, Т.Н. Грановский и М.П. Погодин, а в дальнейшем, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. ИЦПВ Н.Г. Устрялова была и венцом его научного творчества, и попыткой повысить свой общественный статус.

Прославившись в молодости как археограф («Сказания князя Курбского» (1833), «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (1831—1834)), с 1842 года он усердно работал над десяти-томной историей Петра, принеся ей в жертву и здоровье, и университетскую карьеру (в начале 1859 года он был уволен с поста декана историко-филологического факультета Петербургского университета). В работе над главным трудом своей жизни Устрялов придерживался концепции «старой и новой России», изложенной в диссертации «О системе прагматической истории» (1836) и развернутой затем в 3-й части университетского курса и учебника «Русской истории» (1838), а также уваровской триады («православие, самодержавие, народность»). Фрагменты рукописи он представлял в Академии наук и печати, начиная с 1844 года. Перемена царствования позволила ему «проскочить» цензуру (спустя девять лет!) и выпустить в 1858 г. первые три тома: «Господство царевны Софьи», «Потешные и азовский походы», «Путешествие и разрыв со Швецией». Солидно изданные, снабженные приложения, картами и гравюрами, эти тома вызвали живой общественный интерес, но умеренный отклик научного сообщества. В изучении рецензий на публикацию целесообразно выделить несколько уровней рефлексии авторов — личный (персональная симпатия/неприязнь к Устрялову), корпоративный (узкоспециальный научный разбор) и

общественный (оценка значения работы для современников). Рецензия С.М. Соловьева представляла собой диалектическое единство всех трех уровней и сама стала объектом рецензирования.

Рассматривая рецензии, важно учитывать не только имена авторов, но и их отношения с Устряловым и «направление» (политическую ориентацию) изданий, в которых они публиковались. В пореформенную эпоху война «толстых журналов» оказалась едва ли не главной формой гражданской активности. Поэтому ожидаемо рецензия Н.А. Добролюбова в «Современнике» была написана с радикальной по тем временам, демократической точки зрения и рассматривала общественное значение устряловского труда¹. Учасье в Педагогическом институте Петербургского университета, Добролюбов слушал курс Устрялова и даже восхищался им. Его рецензия была в целом доброжелательна, однако трактовка темы соответствовала «направлению» журнала. Под пером Добролюбова Петр предстает народным царем, борцом с отжившим самодержавием, а раскол и стрелецкие бунты — формами социальной борьбы. В заключение Добролюбов ставил Устрялова в один ряд с Карамзиным и предрекал долгую научную актуальность его труду.

«Сын Отечества», старинный политический, научный и литературный журнал, возобновленный в пореформенную эпоху А.В. Старчевским, придерживался невнятной либеральной ориентации. Молодой П.И. Вейнберг, выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета в деканство А. Зернина, диссертанта Н.Г. Устрялова, в рецензии (1858, № 21—26) проводил параллели между текущим моментом и петровской эпохой, подчеркивая тяжкую долю царя-реформатора в борьбе с невежеством массы, «закостенелостью и свирепостью России». В целом, за исключением мелких замечаний, рецензия Вейнберга была развернутой аннотацией ИЦПВ.

Авторитетные «Отечественные записки» поместили анонимную рецензию Императорской публичной библиотеки (1858. Т. 118), наполненную упреками Устрялову в игнорировании материалов петровской эпохи в библиотечных фондах.

Прожившее всего два номера безликое «Московское обозрение» опубликовало довольно поверхностную рецензию предположительно, молодого М.И. Семевского, увлеченного петровской

---

¹ Добролюбов Н.А. Первые годы царствования Петра Великого // Современник. 1858. № 6. С. 137—186; № 7. С. 1—40; № 8. С. 149—208.

эпохой (1859. Кн. 1). Уже имея под рукой рецензии Добролюбова и Соловьева, он предпочел первую, как «талантливую» и «поучительную». Изучив же разбор Соловьева, журналист «Московского обозрения» встал на сторону Устрялова, считая его интерпретацию источников более убедительной. Автор отважно бросал вызов исторической корпорации, требуя реформировать историографический канон, а именно, архаичный слог Карамзина и его подражателя Устрялова заменить языком Грановского и Костомарова.

Возрожденный в пореформенную эпоху «Атеней» (1858—1859), журнал критики, современной истории и литературы, вскоре умер, «истощив в борьбе с равнодушием публики все средства» из-за неопределенного политического облика. Его редактор Е.Ф. Корш объединил вокруг журнала цвет московской профессуры и известных писателей, боролся против модной злободневной, прикладной публицистики («направления» «Современника») за научную и художественную глубину («крепость задним умом»)².

Именно в «Атенеи» летом 1858 г. вышла в двух частях рецензия С.М. Соловьева. Это была полноценная научная критика, не лишённая, однако, личного соперничества, повышавшего градус полемического задора, но снижавшего качество анализа. В последнее время происходит переоценка роли и места академика Н.Г. Устрялова в отечественной исторической науке. Санкт-Петербургский университет позиционирует его как основателя петербургской школы русской истории. В таком контексте С.М. Соловьев, как основоположник московской школы русской истории, являлся не только его современником и коллегой, но и конкурентом в борьбе за место в интеллектуальной жизни эпохи и истории исторической науки.

В биографиях Соловьева и Устрялова много схожего. Они представляли противостоящие группы влияния: министр народного просвещения, президент Императорской академии наук граф С.С. Уваров покровительствовал Н.Г. Устрялову, непримиримый враг Уварова, попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов составлял протекцию С.М. Соловьеву. Оба историка возглавили кафедры русской истории и профильные факультеты своих университетов, составили популярные учебники по курсу,

² См. подробнее, *Корш Е.Ф.* Взгляд на задачи современной критики // *Атеней*. 1858. № 1. С. 61—69; *Дувакина В.Н.* Публикации Е.Ф. Корша в журнале «Атенеи» (1858—1859) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 38—46.

оба получили доступ к отечественным петровским архивам. Однако, академик Устрялов начал исследование раньше, работал в зарубежных фондохранилищах, дальше продвинулся в изучении темы. Более того, в 1850-е гг. он фактически прекратил административную и преподавательскую деятельность ради истории Петра.

В тексте рецензии Соловьева мы находим личные выпады против Устрялова. Неоднократно он упрекал автора ИЦПВ в нарративности изложения темы, называя его «бытописателем». Это отсылка к началу академической карьеры петербургского историка. В 1836 году он защитил диссертацию «О системе прагматической истории», в которой критиковал Карамзина — «бытописателя». В изучении эпохи Петра рецензент ставил Устрялова ниже Карамзина, который объяснил появление реформатора, тогда как в ИЦПВ он пришел чудесным образом. В другом месте Соловьев критиковал недооценку автором «Челобитной о стрельцах С. Романова», проводя некорректную параллель с перепиской Грозного с Курбским³. Как известно, молодой Устрялов составил себе имя на издании этой переписки, но не как историк, а как археограф-публикатор.

Некоторые замечания были сделаны Соловьевым в полемическом запале. Например, он упрекнул Устрялова за именованье князя И.А. Хованского «закоренелым раскольников» (в оригинале «закоренелым старовером») и напомнил его народное прозвище — Тараруй (пустомеля)⁴. За это уже самого Соловьева раскритиковал ученик Устрялова А. Зернин в «Библиотеке для чтения» (1858, тт. 152—153), напомнив, что стрельцы звали Хованского отцом. В учебнике русской истории, вышедшем на следующий год, Соловьев оставил вариант Зернина⁵.

Жесткой критике Соловьева подверглась авторская установка Устрялова, в которой идея (панегирик Петру) опережала факты, определяла их отбор и интерпретацию. Сам Устрялов в предисловии к изданию обличал такую позицию на примере П.Н. Крекшина (1684—1763), названного им «баснословцем». В рецензиях на ИЦПВ имя Крекшина стало нарицательным. Но если Добролюбов тонко иронизировал — «Все мы немножко Крекшины в своих научных воззрениях», а Зернин считал работы Крекшина цен-

³ Соловьев С.М. «История царствования Петра Великого» Н. Устрялова // Атеней. 1858. Т. 27. С. 18.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Соловьев С.М. Учебная книга Русской истории. Изд. 8-е. М., 1880. С. 241.

ными до сих пор, то Соловьев прямо ставил знак равенства между Крекшиным, кое-как державшимся на уровне науки XVIII века, и Устряловым, совершенно отставшим от современной истории. «Петр нуждается в истории, а не в панегириках», — писал он. Любопытно, что рецензент Ф.М. Достоевский также отзовется о «Публичных чтениях о Петре Великом»: «Ошибка историка Соловьева та, что всю историю у Петра нет ошибок. Это не история, а панегирик»⁶.

Корпоративные элементы рецензий связаны с обсуждением профессиональной компетенции и теоретико-методологических подходов к изучению отдельных аспектов петровской темы. Наш взгляд, критический настрой коллег по цеху в отношении ИЦПВ связан с быстрым развитием исторической науки, с нарушением преемственности исторических школ. С одной стороны, из-за цензурных препятствий труд Устрялова не попал в николаевскую историографию, а оказался в совершенно иной историографической и общественной ситуации пореформенной эпохи⁷. Рецензентам 1850-х гг. сам историк, его идеи, его слог казались устаревшими. С другой стороны, Устрялов — академик, создатель кафедры российской истории Санкт-Петербургского университета и многолетний декан историко-филологического факультета — не создал научную школу, то есть коллектив ученых-единомышленников, поэтому в хоре его критиков не хватало голосов авторитетных доброжелателей.

Соловьев, как профессиональный историк, уделил пристальное внимание научной критике оппонента. Он ловил его на противоречиях, ошибках интерпретации, нарушении логики, натянутости выводов.

Устрялов принадлежал к критической школе отечественной историографии, источниковедческий анализ всегда был его исследовательским приоритетом и визитной карточкой. Тем чувствительнее казались выпады Соловьева против игнорирования автором важных свидетельств ради анекдотов, избирательности (читай, конъюнктуры) в отборе источников о стрельцах, правлении Софьи, расколе. С другой стороны, Соловьев призывал бережнее и внимательнее относиться к историческим источникам. В сюжете

⁶ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30 тт. Л., 1978. Т. 18. С. 299.

⁷ *Соловьев Е.А.* «Великий революционер» или «довершитель»: мифология Петровских деяний в трудах эпохи Николая I (Н.А. Полевой и М.П. Погодин) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2004. № 3. С. 167—174.

о стрелецком бунте Устрялов отказался от ряда документов, считав их недостоверными. Соловьев же, напротив, указал на их ценность как продукта эпохи, в котором за ложными свидетельствами скрываются истинные мотивы авторов⁸.

Принципиальным вопросом профессиональной компетенции являлся историографический дискурс. Устрялов вел повествование в событийно-хронологическом порядке. Это был традиционный биографический метод историописания, на смену которому в XIX веке приходил проблемно-тематический подход с установлением причинно-следственных связей. В рецензии Соловьев отставивал его как единственно верный способ определения роли Петра в истории России. Согласно ему, Устрялов написал биографию великого человека, но не историю его времени⁹.

Язык историка также относился к профессиональной компетенции. Российская историография XIX века знала примеры как научно-популярных, так и крайне сухих, узкоспециальных публикаций. Устрялов сознательно пошел по пути Карамзина, адресуя красочное повествование широкой публике, а обширные примечания и приложения — специалистам. Несколько лет цензурных мытарств были потрачены им на исправление эпитетов «искренняя любовь», «пламенное рвение», «трепеща от страха», «свежие предания», «пытливая любознательность». Как и все рецензенты, Соловьев критиковал язык историка, однако не просто за цветистые фразы («человек смелый и решительный», «муж честный, но боязливый»), а за неправильные и пустые характеристики, не подкрепленные текстами источников. Что касается замеченной всеми рецензентами схожести слога Карамзина и Устрялова, то Соловьев, очевидно, опираясь на собственную публикацию в «Отечественных записках» (1853—1856) «Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского»», отдавал предпочтение Карамзину, чьи «цветы красноречия» выросли на твердой почве исторических фактов.

Соловьев подошел к разбору ИЦПВ с собственным видением петровского правления, которое он поверял устряловским текстом. Поэтому рецензент заострял внимание на сюжетах, важных для него самого больше, чем для рецензируемого. Из-за этого два текста порой разворачиваются параллельно. Например, Устря-

---

⁸ Соловьев С.М. «История царствования Петра Великого» Н. Устрялова // Атеней. 1858. № 27. С. 18.

⁹ Там же. № 28. С. 82.

лов стремился точно установить дату начала влияния Лефорта на Петра, чтобы доказать его ничтожность. Соловьев же считал дату неважной, как и персональное влияние Лефорта, а отстаивал комплексное и длительное воздействие среды и окружения на формирование взглядов Петра. Устрялов в духе «теории официальной народности» трактовал близость своего героя к народу как патриотизм, борьбу за интересы страны. Соловьев же, не обращая внимания на устряловскую версию, выдвигал собственную: «Великий человек является сыном своего времени, своего народа; (...) он высоко поднимается как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли»¹⁰.

«Дыхание пореформенной эпохи» чувствуется, прежде всего, в обсуждении рецензентами петровских преобразований, до которых Устрялов в первых трех томах еще не дошел (довел повествование до 1700 г.). То есть труд историка стал скорее информационным поводом для «толстых журналов» высказать свое кредо, чем материалом для анализа. Накануне либерально-буржуазных реформ Александра II давний спор западников и славянофилов о роли Петра в модернизации России разгорелся с новой силой. Общественные деятели искали (и находили) в сочинении Устрялова подтверждение своим идеям. Сам автор выделял хорошие, здоровые (самодержавие и православие) и плохие, больные начала (народная жизнь, культура, образование) допетровской России, а Петра рисовал победителем последних с помощью первых. В 1858 г. Соловьев опубликовал «Исторические письма», полемизируя со славянофилами. Здесь он отмечал, что «Петр Великий не был собственно преобразователем, ибо прежнего образа, который бы он изменил, не было: если что и было прежде, то разрушилось до него»¹¹. В рецензии он развил эту мысль, подчеркивая, что реформационный импульс имел глубокие корни в XVII веке, вектор модернизации был задан не личной волей самодержца, а общим ходом истории.

Эмансипацию можно считать признаком и эмблемой либерально-демократического дискурса пореформенной эпохи. Ее крайней, но модной формой было обсуждение роли женщины в истории. Закономерно, что образ царевны Софьи привлек внимание

---

¹⁰ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0150.shtml (Дата обращения: 30.07.2020).

¹¹ Соловьев С.М. Исторические письма. URL: http://dugward.ru/library/solovjev_s_m/solovjev_s_m_istoricheskie_pisma.html (Дата обращения: 30.07.2020).

всех рецензентов ИЦПВ. Устрялов рисовал портрет эгоистичной, властолюбивой и грубой правительницы, мечтавшей стать русской Пульхерией (Элия Пульхерия была регентом Византийской империи при своем младшем брате императоре Феодосии II в 414—421 гг.). Соловьев же, напротив, трактовал сведения, приведенные Устряловым, в ее пользу, подчеркивая, что сам факт пребывания женщины на троне свидетельствует о развитии образования и культуры, о высоком «нравственном состоянии общества» допетровской Руси¹². Он привел многочисленные примеры продуктивной и прогрессивной деятельности Софьи-законодательницы, которые без сокращения вошли в его учебник русской истории (1859).

Устрялов внимательно следил за общественной и научной реакцией на публикацию. В его фонде ИРЛИ РАН сохранилась папка с журнальными вырезками и списком рецензий, однако публично он никак на них не откликнулся. Рецензенты, опираясь на закрытость Устрялова и его тесные связи с придворными кругами николаевской эпохи, были поспешны с выводами о панегирике Петру, якобы созданным историком. В следующем году в обход очередности он выпустит 6-й том ИЦПВ «Царевич Алексей Петрович», который всколыхнет общественную и интеллектуальную жизнь России, вызовет «во всей публике колоссальное недоумение, смешанное с ужасом» (П.В. Анненков), станет предметом более десятка рецензий ведущих «толстых журналов».¹³

Безусловно, как рецензент первых томов ИЦПВ, С.М. Соловьев уже имел собственную концепцию петровской эпохи. Тем не менее, размышление над страницами устряловского сочинения повлияло на его исторические взгляды. Свою рецензию на книгу он перенес (часто текстуально буквально) на страницы «Учебной книги по русской истории» (1859), пришедшей на смену гимназическому учебнику Н.Г. Устрялова и выдержавшей десяток изданий, формируя, таким образом, историческое сознание нескольких поколений, массовые исторические представления.

¹² Соловьев С.М. «История царствования Петра Великого» Н. Устрялова // Атеней. 1858. № 27. С. 27—28.

¹³ См. подробнее, Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805—1870). Орел, 2005. С. 165—169.

Литература

- Веркеенко, Г.П., Казакова, О.Ю.* «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805—1870). — Орел : Картуш, 2005. — 200 с.
- Добролюбов, Н.А.* Первые годы царствования Петра Великого. // Современник. 1858. — № 6. — С. 137—186; — № 7. — С. 1—40; — № 8. — С. 149—208.
- Достоевский, Ф.М.* Замечания на статью Семевского о книге Устрялова «Царевич Алексей Петрович», «Русское слово» 1860. № 1 // Полное собрание сочинений. В 30 тт. — Ленинград : Наука, 1978. — Т. 18. — С. 104—107.
- Дувакина, В.Н.* Публикации Е.Ф. Корша в журнале «Атеней» (1858—1859). // Вестник Томского государственного университета. 2018. — № 431. — С. 38—46.
- Корш, Е.Ф.* Взгляд на задачи современной критики // Атеней. 1858. — № 1. — С. 61—69.
- Соловьев, Е.А.* «Великий революционер» или «довершитель»: мифология Петровских деяний в трудах эпохи Николая I (Н.А. Полевой и М.П. Погодин) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2004. — № 3. — С. 167—174.
- Соловьев, С.М.* «История царствования Петра Великого» Н. Устрялова. // Атеней. 1858. — Т. 27. — С. 3—29; — Т. 28. — С. 63—82.
- Соловьев, С.М.* Исторические письма. // Русский вестник. 1858. — Т. XIV. — № 5. — С. 5—28; — № 6. — С. 215—235.
- Соловьев, С.М.* Публичные чтения о Петре Великом С.М. Соловьева. — Москва : Университетская типография. 1872. — 144 с.
- Соловьев, С.М.* Учебная книга русской истории. — Москва : Тип. Э. Бархкиерха. 1859. — 588 с.

А.В. Журавель

«Светило» на фоне «беззаконных комет»:

С.М. Соловьев – М.П. Погодин –

Н.С. Арцыбышев

«Star» against the background of «lawless comets»:

S.M. Solovyov – M.P. Pogodin – N.S. Artsybyshv

Аннотация: На становление С.М. Соловьева как историка значительное влияние оказали труды Н.С. Арцыбышева и М.П. Погодина, но об этом он предпочел умалчивать.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, Н.С. Арцыбышев, М.П. Погодин, Н.М. Карамзин, источниковедение, идеи А.Л. Шлецера, отношение к В.Н. Татищеву, Московский университет, магистерская и докторская диссертации.

Annotation: Works of N.S. Artsybyshv and M.P. Pogodin had a significant impact on formation of S.M. Solovyev as a historian but he preferred to conceal it.

Keywords: S.M. Solovyev, N.S. Artsybyshv, M.P. Pogodin, N.M. Karamzin, source study, August L. Schlözer's ideas, View on V.N. Tatishchev, Moscow University, master's and doctoral theses.

В давно расчисленном кругу отечественной историографии четко определено, кто является «светилами», а кто «малыми планетами», крутящимися вокруг этих светил. Но время от времени выявляются «беззаконные кометы», не желавшие вписываться в общепризнанные каноны. Применительно в первой половине — середине XIX в. в такой роли выступает Николай Сергеевич Арцыбышев (1773—1841). Эта «комета» оказалась настолько «беззаконной», что на протяжении почти двух веков лишь считанные единицы читали главный труд его жизни — «Повествование о России»¹. Подавляющее большинство тех, кому вообще знакомо это имя (обычно в искаженной форме — как «Арцыбашева»), в лучшем случае пролистывали по диагонали первый том «Повествования» и разочарованно откладывали его в сторону: там имеется лишь «скучное» пе-

¹ *Арцыбышев Н.С. Повествование о России. Т. 1—2. М., 1838; Т. 3. М., 1843; Т. 4. М., б.г. Автор этих строк подготовил к изданию семитомное издание, в которое включена никогда не издававшаяся завершающая часть этого труда, доведенного до июля 1742 г. К сожалению, книга по объективным причинам в свет пока не вышла.*

реложение летописей с минимумом каких-либо чисто технических, обычно источниковедческих, комментариев.

В итоге его грандиозный труд, описывающий историю России с древнейших времен до правления Елизаветы Петровны, в общих трудах по историографии попросту игнорировался. Никакой попытки понять суть особой позиции, которую принципиально занял Н.С. Арцыбышев, сделано не было. Этот историк остро критиковал Н.М. Карамзина за умозрительность его выводов, за склонность к украшательству. Девиз Арцыбышева — никакого *лишесловия!* — был нацелен на установление фактов, но не на их осмысление. До осмысления фактов наука, по Арцыбышеву, еще не доросла².

Остался невыясненным и вопрос: как эта «беззаконная комета» взаимодействовала с крупнейшими «светилами» того времени — Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым? По поводу первого из историков я имел возможность высказаться на конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Карамзина³, и ныне, в год 200-летнего юбилея Соловьева, есть повод поговорить о творческих подходах названных историков, об их сходстве и различии в тот период, когда новая звезда лишь зажигалась.

С.М. Соловьев (1820—1879) занялся самостоятельной научной деятельностью уже после того, как Н.С. Арцыбышев (1773—1841) ушел из жизни. В 1844 г. начинающий историк стал адъюнктом кафедры русской истории Московского университета, и в 1845 г. опубликовал магистерскую диссертацию «Об отношениях Новгорода к московским великим князьям». С сентября 1845 г., т.е. в 25 лет, Соловьев начал читать лекции по русской истории. По его словам,

«в академический год 1845—1846 я успел прочесть только до смерти Ивана Грозного; из этих лекций я составил другую, докторскую, диссертацию под названием “История отношений между русскими князьями Рюрикова дома”, которую на вакации 1846 года подготовил к печати»⁴.

В этот период своего становления как историка Соловьев активно использовал арцыбышевское «Повествование о России». По свидетельству К.Н. Бестужева-Рюмина,

² *Журавель А.В.* «Страшный Арцыбашев» // Арцыбышев Н.С. Повествование о России. Т. 1. Кн. I, II. С. 18 (в верстке).

³ *Журавель А.В.* Н.С. Арцыбышев и «История государства Российского» // Карамзин и его эпоха. М., 2017.

⁴ *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов. М., 2003. С. 341.

«в первые годы профессорства в Московском университете Соловьев не уходил на занятия, не просмотрев "Повествования"»⁵.

Иными словами, имея в своем распоряжении три современных общих курса истории — «Историю государства Российского» Карамзина, «Историю русского народа» Н.И. Полевого и «Повествование о России» Арцыбышева, — начинающий лектор предпочитал пользоваться именно последним.

Встает вопрос: почему Сергей Михайлович в своих «Записках» ни словом не обмолвился об Арцыбышеве? В своих воспоминаниях Соловьев дал оценку трудам Карамзина, очень жестко и нелестно описал свои взаимоотношения с М.П. Погодиным (еще одной «беззаконной кометой» того времени!), упоминал Полевого с его «Историей русского народа», но почему напрочь забыл об Арцыбышеве — «забыл» в кавычках или без?

Именно этот вопрос — о кавычках — является ключевым: Соловьев действительно ли не придавал трудам Арцыбышева никакого значения или сознательно о них умолчал? Разумеется, ссылки на «Повествование о России» в знаменитой соловьевской «Истории» имеются, но, во-первых, это ссылки на отдельные частности; во-вторых, их не так много!

В связи с этим есть смысл внимательнее приглядеться к тому, как, в каких конкретных условиях Соловьев готовил свои первые книги, а также к его суждениям о Карамзине и Погодине.

На философском факультете Московского университета, где учился Соловьев, курс русской истории читался лишь на последнем четвертом курсе, а потому внимание студентов было отвлечено на иные дисциплины, прежде всего на классические древности и философию. Лекции по русской истории читал Михаил Петрович Погодин, который, согласно «позднему» Соловьеву, сначала повествовал о славянских древностях по Шафарику, затем основное внимание уделил варяжскому вопросу, излагая содержание собственных дис-

⁵ Высшие женские курсы. Лекции по историографии проф. К.Н. Бестужева-Рюмина за 1881—1882 гг. СПб., б.г. С. 85. На это свидетельство первым обратил внимание Ю.В. Гусаров (*Гусаров Ю.В.* Цивильский затворник. Чебоксары, 2000. С. 106). Исследователям научного творчества С.М. Соловьева оно осталось неизвестным. См., например: *Кучурин В.В., Дубровский А.М.* 1) Лекционные курсы по истории России в научно-педагогической деятельности С.М. Соловьева второй половины 1840-х — 1850-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3; 2) Наблюдения и размышления над программами курса лекций С.М. Соловьева в 1840-х — 1850-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 4.

сертаций, а в оставшееся время читал выдержки из «Истории государства Российского» — «выбирал из Карамзина места красивые, превращал лекцию русской истории в лекцию риторики»⁶.

Биографы Соловьева обычно идут на поводу своего героя и воспроизводят его нелицеприятные оценки университетских «трудов и дней» Погодина, т.е. личности и деятельности этого историка. Между тем, в своих «Записках» Соловьев переносит свое позднейшее — резкое отрицательное — отношение к своему предшественнику на кафедре русской истории на ранний период их общения — то есть на 1841—1842 (4-й курс) и 1842—1844 гг., когда Соловьев находился за границей, но поддерживал переписку с Погодиным, называя себя в тот период его *воспитанником*.

Сохранилось несколько писем Соловьева к Погодину того времени.

Так, 29 января 1844 г. молодой человек писал: «*Очень радуюсь, что в своих занятиях я заочно следовал советам вашим*»⁷; 28 июля 1844 г. он завершает свое послание такими словами: «*Прощайте, милостивый государь, и не забывайте вечно преданного и признательного своего воспитанника*»⁸. 7 августа он перед возвращением на родину просит «благого совета», как поступать, «*чем навеки обяжете своего всепреданного воспитанника*»⁹.

Эти высказывания нуждаются в комментариях. По окончании университета Соловьев отправился за границу в качестве домашнего учителя. Нанял его для обучения своих детей граф Александр Григорьевич Строганов, брат С.Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа. В течение проведенных за границей двух лет с лишним лет (июль 1842 — сентябрь 1844) Соловьев при случае слушал лекции в университетах тех городов, где находилась семья Строгановых, и свободное время посвящал изучению истории.

Впрочем, интересы его тогда еще не вполне определились: упомянутые в первом письме *занятия* были посвящены истории Рима, западного средневековья и, в частности, варварства; именно к этому направлению научной работы — а также к истории славянства — подталкивал своего ученика Погодин, решивший уходить из Московского университета, но в свои преемники предназначал других историков — либо В.В. Григорьева, либо А.Ф. Бычкова, причем на-

⁶ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 304—305.

⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1893. Т. 7. С. 341. Курсив в цитатах здесь и далее мой. — А.Ж.

⁸ Там же. С. 343.

⁹ Там же. С. 344.

мерения эти сложились у него еще до того, как он узнал о существовании пытливого студента Соловьева¹⁰. Между тем С.Г. Строганов, видевший в Погодине ставленника своего врага, министра народного просвещения С.С. Уварова, именно в Соловьеве увидел человека, способного вытеснить Погодина из университета.

Юный Соловьев, ставший жертвой этих «взрослых» интриг, понимал, что Строганов видит в нем преемника Погодина («ясно было, что Строганов хотел, чтобы я занял кафедру русской истории в Московском университете...»¹¹), но, очевидно, не подозревал, что его учитель придерживался на этот счет иной точки зрения. Когда это осенью 1844-го, а особенно в 1845 г. обнаружилось, Соловьев счел это предательством, вследствие чего его взгляд на учителя поменялся на полярно противоположный: в «Записках» он показал Погодина как человека бесчестного, не имевшего внятной научной позиции и являвшегося к тому никудышным преподавателем.

Между тем Погодин его не предавал, и если и был виноват, то лишь в том, что вовремя не открыл своему *воспитаннику* правду о сложившейся ситуации. А не сделал этого он, видимо, потому, что думал, что Соловьев все знал и так, что он сам вел себя лицемерно: мол, юноша лишь изображал себя верным учеником, а на деле шел напролом, опираясь на протекцию попечителя Московского учебного округа¹².

Вряд ли правомерно историку XXI века брать на себя роль судьи, но вот задаться вопросом, чему именно научился Соловьев у Погодина, необходимо: как бы ни сложились их личные отношения, Погодин являлся *единственным* учителем Соловьева — хорошим или плохим, вопрос другой.

---

¹⁰ С Григорьевым вопрос о кафедре русской истории в Московском университете обсуждался еще в 1842 г.

¹¹ *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих. С. 331.

¹² С.М. Соловьев передает свои впечатления о письме Погодина, пришедшее весной 1844 г.: «Если он вышел из университета, если кафедра опросталась и я должен занять ее, то я должен спешить для этого в Россию; какая же мне польза оставаться за границей, когда я уже пробыл здесь два года? И что значит, что мне будет готово место адъюнкта!» (Там же. С. 329). Мальчишка, вчерашний студент, находит предложение Погодина двусмысленным, а место адъюнкта университетным — ему сразу должность профессора подавай! О том, что на это место могут претендовать и другие, более старшие по возрасту и имеющие реальные научные достижения ученые, он даже подумать не хочет. Стоит ли удивляться, что Погодин счел последующие действия этого талантливого выскочки бестактными и относился впоследствии к нему сдержанно? 1844 год выдался для М.П. Погодина бедственным: 16 февраля он подал в отставку, ссылаясь на состояние здоровья (о чем впоследствии жалел), 16 мая сломал ногу, а 6 ноября умерла его жена Елизавета Васильевна (*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 7. С. 289, 381, 474). И к этому добавилась бесцеремонность *воспитанника*.

Путешествуя по странам Европы, Соловьев систематично заниматься русской историей возможности не имел. Прежде всего потому, что для этого нужно было обладать немаленьким по объему комплектом русских летописей и постоянно возить их с собой. Но взять с собой одну-другую самую нужную книгу — например, первый том «Повествования», где имелся систематичный свод летописных и иных данных до смерти Ивана Грозного, — начинающий историк вполне мог бы. А о том, что живой интерес к русской истории в нем не угасал, свидетельствует весьма двусмысленное признание Соловьева в письме к Погодину из Парижа от 29 января 1844 г.:

«У вас уже есть летописи Киевская и Волынская, а я здесь пробавляюсь еще Ипатьевскою, которую *похитил* у Тургенева: старик стал очень хил, не думаю, чтоб долго прожил»¹³.

Эту только что изданную летопись Соловьев, видимо, все же не похитил, а выпросил у москвича же А.И. Тургенева, поскольку еще в июле 1843 г., после восьми месяцев изучения «средней истории, этих семи дней творения нового общества, с *постоянным приложением к миру словен и Руси*», понял: «Хочу писать о двух Иванах III и IV»¹⁴. Возможность такая у него была:

«Жизнь в Карлсбаде и Теплице (1844 г.) не представляла для меня ничего замечательного: днем — уроки, *собственные занятия*; вечером — одинокие прогулки по красивым окрестностям»¹⁵.

Какими именно были эти занятия, историк не сообщил, но догадаться нетрудно: нужно было готовиться к магистерским экзаменам. Сводный и свободный от *лишесловия* труд Арцыбышева годился в качестве учебного пособия лучше, чем какая-либо иная книга¹⁶.

¹³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 7. С. 342. Речь, видимо, идет о 59-летнем историке Александре Ивановиче Тургеневе (1784—1845), в начале 1844 г. находившемся в Париже (*Гиллельсон М.И.* А.И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники. М., 1964. С. 497).

¹⁴ Из письма к М.П. Погодину от 1 июля 1843 г. из Карлсбада (*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 7. С. 339). Ипатьевская летопись была впервые издана в 1843 г. как второй том Полного собрания летописей, т.е. уже после отъезда Соловьева из Москвы.

¹⁵ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 330.

¹⁶ Автор не случайно в «Уведомлении» (предисловии) написал буквально следующее: «В долговременных и тяжелых трудах своих я отнюдь не стремился к частной пользе, а искал только общественной, и ревностно желаю, чтобы они оказали услугу отечеству; особенно же преподавателям их нужда в чистой и посторонними вставками не запутанной истории, довольно мне известна» (*Арцыбшев Н.С.* Повествование о России. Т. 1. С. II).

Вернувшись в Москву осенью 1844 г., Соловьев взялся за дело:

«Я начал готовиться к экзамену, т.е. стал писать диссертацию. Выбрал тему: княжение Иоанна III; прежде всего начал заниматься Новгородом и увидел, что для понимания последних судеб Новгорода, последних отношений его к московскому государю необходимо представить полную историю его отношений к великим князьям, и, таким образом, вместо диссертации об Иоанне III вышла диссертация об отношениях Новгорода к великим князьям. Что касается до экзамена, то я перечитывал выписки, сделанные мною прежде из всего прочтенного, и этого было достаточно»¹⁷.

Таким образом, экзамены, не слишком удачно сданные в январе — начале февраля 1845 г., были для Соловьевым делом проходным. Главным являлась магистерская диссертация: подал он ее «в начале Великого поста»¹⁸, т.е. вскоре после 25 февраля / 9 марта, а защитил 3/15 октября того же года. Тогда же она была и опубликована — объемом 202 стр.¹⁹ Докторская диссертация (по материалам лекций, по словам Соловьева) тоже была подготовлена очень быстро — на вакации, т.е. летом 1846 г. (утверждена к печати Советом Московского университета 16 декабря и издана весной 1847 г.) Объем этой монографии огромен — 700 стр.

Встает вопрос: как молодой в общем-то человек, пусть и начитанный, пусть всерьез интересующийся русской историей, сумел за столь короткий срок написать так много? Для этого ему необходимо было научиться читать древнерусские тексты и разобраться в хитросплетениях межкняжеских отношений, а самое трудное — определиться с множеством источниковедческих проблем, которые неизбежно возникают перед *исследователем*, а не просто вдумчивым *читателем*!

Стоит напомнить, что тот же Карамзин подготовил первые пять томов своей «Истории» (с древнейших времен до начала правления Ивана III), к весне 1811 г.²⁰: тем самым ему для этого понадобилось около восьми лет! Что же позволило Соловьеву работать быстрее и при этом вроде бы эффективнее, чем его предшественники?

Историки любят в этой связи цитировать Т.Н. Грановского, который, прослушав первые лекции начинающего ученого, по словам последнего, заявил: «Мы все вступили на кафедры ученика-

¹⁷ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 332.

¹⁸ Там же. С. 336.

¹⁹ Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1845 (разрешение печатать дано Советом Московского университета 16 августа).

²⁰ Афиани В.Ю., Козлов В.И. От замысла к изданию «Истории государства Российского» // Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 520.

ми, а Соловьев вступил уже мастером своей науки». Но при этом забывают прибавить другие слова того же мемуариста, касающиеся вскоре последовавшего диспута о магистерской диссертации: «Грановский возразил не помню что, что-то пустое, *ибо он, несчастный, вовсе не зная русской истории*, обязан был возражать как официальный оппонент»²¹. Это означает, что на деле эффективное высказывание Грановского мало чего стоит по той простой причине, что оно — *дилетантское*; оно было всего лишь поверхностной реакцией на форму изложения и на радостную для западника новость, что ученик Погодина оказывался своим по духу.

Итак, официальный оппонент на защите диссертации вовсе не разбирается в русской истории, так что действительно знающими людьми оказываются все тот же Погодин, его единомышленник С.П. Шевырев и К.Д. Кавелин, который был старше Соловьева на какие-то два года. Недовольство первого и восторг третьего имели во многом внеисторические причины: Погодин был обижен настырностью и бесцеремонностью ученика, а Кавелин — рад неожиданно выявившемуся единомыслию.

Однако желательно отрешиться от эмоций и выяснить, что же реально содержалось в ранних работах Соловьева и благодаря каким факторам молодой историк столь быстро их подготовил. О некоторых чертах своего характера Сергей Михайлович говорит откровенно:

«С самого вступления на кафедру я предался сильнее литературной деятельности по страсти к предмету, по любопытству, съедавшему меня с детских лет, по крайней необработанности предмета моего преподавания. <...> Во-первых, отличительною чертою моего характера была торопливость: я спешил во всем — скоро ел, скоро ходил, всегда являлся первый; называли это аккуратностью, но это была торопливость <...> понятно, что я точно так же торопился писать и издавать. Во-вторых, <...> я добыл себе место с бою и должен был удерживать его боем, должен был в короткое время сделать столько, чтоб не смели сказать, что университет проиграл, заменивши старого профессора Погодина новым»²².

Итак, страсть к предмету и любопытство, торопливость, честолюбие (боем отбил место у своего учителя!). Это объясняет многое, но не раскрывает, как действовал историк, стремясь как можно быстрее получить значимый и отличный от предшественников — прежде всего от Погодина — результат.

---

²¹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 340.

²² Там же. С. 378—379.

Действительно, если отрешиться от историографического «титла» Соловьева, значительно превзошедшего своего учителя статусом, а взглянуть на работы юного историка как они есть, оценивая не достоинства и новизну его концепций, а само построение его диссертаций, то в глаза бросится именно торопливость. И придется признать, что Погодин совсем не случайно остался недоволен работами Соловьева, и это связано не только с его напором в добывании себе должности профессора.

Во-первых, поражает «безлюдность» соловьевских диссертаций: он ни словом не говорит об историографии выбранных тем, по сути представляя дело так, что никто до него никогда не касался ни темы взаимоотношений Новгорода и великих князей, ни темы междукняжеских отношений. Более того, в основном тексте двух работ, т.е. на пространстве почти 900 страниц (!) ни разу не упомянут никто из историков: упоминание о Татищеве — это всегда ссылка на текст, помещенный в «Истории Российской» В.Н. Татищева. Лишь во второй книге *в сносках* появляются ссылки и суждения о тех или иных мнениях историков (Карамзина, «Арцыбашева», Татищева)²³, дается цитата из «исследования Волуева о местничестве»²⁴, но подобных содержательных замечаний немного. Ссылки, в том числе на труды названных историков, почти всегда — чисто технические; это источник информации, но не мыслей.

Во-вторых, в книгах Соловьева отсутствуют списки литературы, а потому появляющиеся в сносках без каких либо пояснений сокращения типа *Акты арх. эксед.*, или *Script. Hist. Вуз.*, или *Иоак. у Татищ.*²⁵ мало кто из неспециалистов может понять.

В-третьих, совершенно отсутствует какая-либо характеристика источников. Нужные автору источники просто цитируются, и

²³ См., например: *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 232, 283—284.

²⁴ Там же. С. 314. Речь идет о книге: *Д.В. [Валуев Д.А.]* Исследование о местничестве. М., 1845. Д.А. Валуев (1820—1845), сверстник С.М. Соловьева, рано умерший от чахотки, был потенциально способен стать его конкурентом в борьбе за должность профессора. Оговорка Погодина при рекомендации Соловьева начальству — «это лучший студент курса по русской истории, один из лучших во все продолжение моей профессорской службы; не скажу: лучший из всех — были прежде и другие такие же» (*Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих. С. 310) — несомненно, касалась именно Валуева. К слову: во вступлении к книге Валуева даны и описание опубликованных источников, и основные работы по теме, включая статьи М.П. Погодина (*Д.В. [Валуев Д.А.]* Исследование о местничестве. С. 3—13). Почему так же не поступил Соловьев?

²⁵ *Соловьев С.М.* 1) Об отношениях Новгорода к великим князьям. С. 162, 163; 2) История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 54.

лишь иногда он считает нужным давать какие-либо дополнительные к ним пояснения. Чаще всего это касается текстов, взятых из книги В.Н. Татищева²⁶.

Все эти странности говорят о том, что диссертации Соловьева готовились наспех и к моменту публикации оставались еще *сырыми*. Отчетливо видно, как автор по ходу дела набирался опыта в работе с источниками: если первоначально все его внимание было обращено на подбор нужной ему информации, необходимой для обоснования его мыслей, то лишь во второй книге молодой историк начинал, так сказать, оглядываться по сторонам, т.е. использовать работы других исследователей по теме, находя и в них подтверждения своим доводам.

Все эти вещи не мог не видеть опытный профессор Погодин. При желании ему ничего бы не стоило использовать эти недоработки Соловьева для того, чтобы *разгромить* магистерскую диссертацию своего ученика и тем самым остановить его поступь к кафедре русской истории. Однако ничего подобного Михаил Петрович не сделал! В своем первом, еще неофициальном, отзыве Погодин сказал ученику в глаза:

«Я долго думал, как объявить вам мое мнение о вашей диссертации, ибо я чувствую, как тяжело должно быть для вас на первый раз при первом опыте выслушать отзыв нелестный: диссертация ваша как магистерская очень хороша, но как профессорская вполне неудовлетворительна; приступ блестящий, правда, есть новое, чем я и сам воспользуюсь, но в изложении нет перспективы, точно так, как в сочинениях Беляева; повторяю: труд прекрасный как магистерская диссертация, но как профессорская не годится»²⁷.

Соловьев, как известно, этим оскорбился, увидев в таком отзыве желание Погодина сохранить за собой должность профессора²⁸ — как будто его учитель этого права уже больше не имел! — и не простил ему этого до последних своих дней, но при этом как ни в чем ни бывало продолжал частенько посещать «подлеца» Погодина и пользоваться рукописями из его древлехранилища. Между тем, ему стоило бы оценить *деликатность* своего теперь уж оппонента, который ни в тот раз, ни во время диспута не высказал о ней своего подлинного мнения²⁹ и не сделал упор на объективных не-

²⁶ Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. С. 179—180, 181, 188.

²⁷ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 337.

²⁸ «“Подлец!” — повторял я снова и снова, идя по Полю» (Там же).

²⁹ Из дневника Погодина: «Читал Соловьева. Ужасный вздор, а на диспуте Бодянский, Давыдов и прочие чинят поклонение новой мысли. *Говорят мои мысли, а хоть бы кто вспомнил об мне*» (Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1893. Т. 8. С. 93—94).

достатках диссертации, высказав всего лишь несогласие с главным тезисом автора (о влиянии новых городов на политику великих князей). Погодин, в свою очередь, имел все основания негодовать на *неприличные действия*³⁰ своего ученика, который не считал нужным даже упомянуть работы своего учителя, прямо и косвенно касавшиеся поднятых Соловьевым сюжетов.

Начинающий историк прекрасно знал о существовании статей Погодина, написанных им в 1830—40-е гг. и переизданных в 1846 г., практически одновременно с докторской диссертацией Соловьева, в сборнике «Историко-критические отрывки»³¹. Соловьев в «Рюриковом доме» дает в примечании ссылку на вторую статью Погодина, но ссылку частную, не касающуюся сути погодинского исследования³².

Работа эта, состоящая из двух частей, прямо соотносится с соловьевским «Рюриковым домом» и называется «О старшинстве между великими князьями древней России». В ней Погодин кратко, но емко, рисуя схемы и приводя множество источников, обосновывал тезис: «Древнее наше престолонаследование основывалось на праве старейшинства, ограниченного правом отчинным. Недостаточно было для наследования того или другого княжества быть старшим в роде; нужно было, чтоб то княжество было когда-нибудь прежде во владении отцовском»³³. В другой своей работе — «Приращение Москвы» — историк утверждал: «Москва есть корень, зерно, семя Русского государства. <...> Новгород и Киев древнее Москвы; они начинают русскую историю, но не начинают историю нынешнего Русского государства. Они присоединились к Москве, а не Москва присоединилась к ним»³⁴.

Если совместить две эти идеи — внутриродового соперничества за старейшинство и Москвы как семени русской государственности, — то можно прийти к идее борьбы родового и государственного начал как движителю русской истории. Не исключено, что Соловьев так и сделал — и именно поэтому предпочел скрыть источники концепции, вошедшей в историографию как соловьев-

³⁰ О разговоре с Шевыревым: «Говорили о диспуте. *Наглость* Соловьева заметил и он» (Там же. С. 94).

³¹ *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. М., 1846.

³² «См. также попытку г. Погодина уяснить родовые княжеские счета счелами местническими» отношения» (*Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 26).

³³ *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. С. 111.

³⁴ Там же. С. 164.

ской. Получается, что Соловьев, заимствовав у Погодина его концепцию старейшинства, своим умолчанием об исследовании предшественника в историографическом смысле присвоил ее себе.

Это уже второй случай странной «забывчивости» этого историка! Первой — напомним — является нежелание упоминать Арцыбышева, хотя «Повествование о России» — один из основных источников информации для его ранних работ. О третьем случае вспоминает сам Соловьев и при этом — даже спустя много лет! — делает вид, что ничего не понимает:

«А это хорошо с вашей стороны, — продолжал Погодин, — начать первую лекцию и не сказать ни слова обо мне, вашем предшественнике?» «Решительно в голову не пришло», — отвечал я. Действительно, в голову не пришло, а если бы пришло, то я очутился бы в крайнем затруднении: что я мог сказать хорошего о Погодине как о профессоре?»³⁵.

Поблагодарить своего предшественника Соловьев мог бы и должен был из-за простой вежливости — за свое *воспитание*, которое некогда сам признавал, за пользование погодинским древлехранилищем³⁶, за использование его идей и, наконец, за нежелание Михаила Петровича разрушать репутацию своего неблагодарного ученика.

Вопрос о концептуальных источниках, породивших соловьевскую теорию борьбы родового и государственного начал в русской истории, требует специального рассмотрения. Не следует забывать лишь о «скорострельности» Соловьева: в условиях жесткого цейтнота он в своих книгах выстраивал факты IX—XVI вв., имея уже готовые исторические концепции (не только общие теоретические идеи!) Он мог действовать по-разному — либо тщательно, неспешно вычитать весь имевшийся летописный материал, осмыслить его и оформить разрозненные догадки в ясные формулировки, либо взять готовые чужие идеи и на их основе сформулировать гипотезу. Второй путь намного легче и быстрее по времени. Поэтому есть все основания думать, что автор действовал именно так. Обратим далее внимание на источниковедческую сторону дела.

³⁵ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 342—343.

³⁶ Так, в последнем примечании своей магистерской диссертации Соловьев дает ссылку: «Все эти подробности взяты из рукописи, находящейся в библиотеке М.П. Погодина и носящей название Часть четвертая древней летописи Русской» (Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. С. 200).

Выше уже приводились злые слова Соловьева о курсе Погодина (мол, вместо лекций читал выдержки из «Истории» Карамзина). Между тем, именно Погодин в 1826—1830 гг. опубликовал в своем «Московском вестнике» острокритические замечания Арцыбышева в адрес Карамзина, а в ответ на возмущение поклонников историкографа высказался недвусмысленно:

«Вся вина, если есть такая, в помещении замечаний г-на Арцыбышева, простирается на одного меня, ибо оно ни от кого больше не зависело. Прибавлю однако ж, что если б случилось мне опять попасть в такие же обстоятельства, то опять поступил бы я так же, хотя б всетеро неприятностей должно было мне вынести после»³⁷.

Затем Погодин выступил в роли редактора «Повествования о России», так что без его помощи выход в свет трех томов книги Арцыбышева в рамках ЧОИДР (в 1838 и 1843 гг.; в них содержались книги I—VI) был бы невозможен. Переписку с Арцыбышевым Погодин поддерживал вплоть до смерти Николая Сергеевича³⁸.

Такая противоречивая позиция — согласен с Арцыбышевым, но пользуюсь текстами Карамзина — для Погодина, очевидно, была естественной: он не считал нужным придерживаться какой-то одной жесткой позиции. Как источниковед, Арцыбышев прав, но его отказ от обобщений ошибочен и, стало быть, Карамзин имел право делать те выводы, которые сделал, безотносительно к источниковедческим частностям. Тем самым историкам следует учесть недостатки обоих этих крупных ученых и найти синтетический путь: оставаясь строгими при работе с источниками, следует выработать общую идею, способную придать смысл и оживить сухие исторические факты.

Именно такой урок мог преподать опытный историк юному, допуская его в свое древлехранилище и тем самым прививая ему вкус работы с источниками. В ходе неформального общения профессора Погодина со студентом Соловьевым имя Арцыбышева звучало наверняка, и уж во всяком случае *свежее* «Повествование о России» представляло для юноши куда больший интерес, чем *старая* «История государства Российского»: по словам Соловьева, «в гимназии и в университете я почти не дотрагивался уже до Карамзина, ибо он не представлял более для меня ничего нового»³⁹.

³⁷ Московский вестник. 1829. Ч. 2. С. 261.

³⁸ См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1893. Т. 6. С. 124—128.

³⁹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 308.

При работе с источниками Соловьёву трудно было выйти за рамки подходов, очерченных Карамзиным и Арцыбышевым — права свободно оперировать фактами, иллюстрируя ими взятую извне философскую или общественную идею, или же отказа от такого права, отказа от *лишесловия*. Попытка найти компромисс между этими крайностями может состоять в разработке на их основе исторической концепции, являющейся эмпирическим обобщением фактов, сформированным — это принципиально важно! — не на основе привнесенного извне идеологического постулата.

Таким критерием, возможно, мог руководствоваться «старый профессор» Погодин (на деле не столь уж старый — всего 44 года!), оценивая труд своего ученика и высказывая ему свое недовольство и разочарование прочитанным.

На деле, увы, взятые извне идеи в головах историков имеются, и споры между ними слишком часто оказываются именно столкновением идеологий, а не исторических концепций. В идеале, однако, желательно «забыть» подобные внешние идеологические и психологические привнесения и постараться отыскать чисто исторические основания, которыми руководствовались как учитель, так и ученик.

При этом следует учесть еще одно обстоятельство. Карамзин и Арцыбышев, приступая к работе с источниками, имели сходные методологические принципы: они оба опирались на подход А.Л. Шлецера, требовавшего критически относиться к документам, отдавать предпочтение первоисточникам или, по крайней мере, источникам более ранним. Из-за этого Карамзин выражал тотальное недоверие к поздним текстам, особенно к оригинальным свидетельствам В.Н. Татищева; у Арцыбышева подход был более осторожным и взвешенным⁴⁰.

Свое отношение к его «Нестору» имелось и у Погодина, и его он, без сомнения, внушал и студентам, в том числе и Соловьёву. Вот как историк выразил его в письме к В.В. Григорьеву, который отказывался от профессуры в Московском университете, ссылаясь на то, что он — не *шлецерист* и иначе относился к русским летописям, нежели Погодин:

---

⁴⁰ См.: Журавель А.В. Н.С. Арцыбышев и «История государства Российского» // Карамзин и его эпоха. М., 2017. С. 45—47. Впоследствии Карамзин в разговорах позволял себя пренебрежительно отзываться о Шлещере (Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 84), что совершенно не меняло его источниковедческих принципов работы.

«Шлецерист, это слово ныне без смысла. Что осталось от Шлецера? Ничего. Я советую молодым студентам читать его, чтоб загореться любовью к делу, чтоб приучиться к методу, чтоб получить ученое уважение в русской истории — вот и все. Что касается до мыслей, оне почти уже все устарели, или переработаны, проведены далее. Шлецеристом ныне быть нельзя. Я благоговейю перед Шлецером, но мнение его о руссах 866 г., неизвестно откуда пришедших и куда ушедших, считаю нелепым; мнения его о сагах — детскими; о шведизме варягов-руси — неосновательными, *о вариантах — неприкладными*; об истории народов с первого только об них упоминения, а не прежде — обветшалым; о важности летописей перед другими источниками, например, языком и проч. — отсталыми; *о качествах и достоинствах русской летописи, например, Никоновского списка, Воскресенского и проч. — поверхностными*. Ну, что же остается от него, повторяю? Его огонь, его дух, его энергия, его пример, его указания. <...> Я перечитываю Шлецера и Карамзина почти всякие два года. Читать, читать и перечитывать. <...> Для пояснения судеб русского народа сделано еще очень мало»⁴¹.

В этом пространным высказывании важны два обстоятельства: Погодин постоянно перечитывал тексты Шлецера и Карамзина, а стало быть, знал их очень хорошо. Но от этого Шлецер превратился для него всего лишь в символ направления — полезный для обучения студентов, но малоприменимый на практике. Это касалось как конкретных выводов (вплоть до *шведизма* русов), так и вопросов источниковедческих: суждения *о вариантах* — то есть поиск и анализ разночтений в сходных списках — на деле мало что дают, а критические оценки поздних (XVI в.) летописей как малодостоверных поверхностны. Говорил ли Погодин такое студентам и, в частности, Соловьеву, мы не знаем, но само по себе общее критическое отношение к Шлецеру должно было так или иначе себя проявить. А это означает, что жестко критический, «карамзинский», вариант толкования Шлецера для него был неприемлем, а мягкий, «арцыбышевский», казался более правильным.

Здесь важно отметить, что в ту эпоху «низшая», источниковедческая, критика источника ценилась невысоко; более важной считалась критика «высшая», под которой понималось умение оценить достоверность фактов с точки зрения знаний, которыми обладает в данный момент наука. Главным связующим эти знания целым фактически выступала историческая концепция, способная наилучшим образом истолковать наибольшее число имеющихся в источниках фактов. Такое понимание «низшего» и «высшего» ясно проявилось при обсуждении (фактически — осуждении) разбора

⁴¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 6. СПб., 1892. С. 329—330. Курсив принадлежит автору; полужирный курсив — мне. — А.Ж.

«Истории государства Российского», проведенного Арцыбышевым.

Например, М.А. Дмитриев в ответ на его пожелание увидеть в книге Карамзина описание использованных им рукописей и образцы почерков разразился следующей гневной филиппикой:

«Карамзин совершил подвиг исполинской <...> это значит требовать от Фиция, чтоб он сам выламывал мрамор и возил его! — Пусть всякой берет труд по своим силам и способностям; пусть выламывают и возят мрамор г-да Арцыбашевы, а в будущее время сделают из него статую все-таки Карамзины!»⁴².

Такое понимание дела — источниковеды, всякие там бесталанные пигмеи-арцыбышевы, достойны быть в лучшем случае подмастерьями у настоящих историков, которым незачем ковыряться в мелких деталях и подробностях — было характерно для той эпохи.

Можно возразить: мол, так пишут поэты — М.А. Дмитриев, П.А. Вяземский, Е.А. Боратынский. Но вот суждение профессионального историка:

«После ставшего неудобоваримым Щербатова, внутренними и внешними средствами поднялась знаменитость — Карамзин. Явление не прошло *без завистливых протестов со стороны ученой братии* и со стороны шумливых и невежественных либералов, этой язвы нашего зеленого общества, убивающей в нем всякое правильное движение к свободе. Карамзин свысока, аристократически равнодушно взглянул на *чернорабочих копотунов*, да и *нельзя было иначе*, когда они, выругавшись, протягивали к нему руку за милостыню, как Ходаковский...»⁴³

Это сказал не кто иной, как... Соловьев, причем Соловьев зрелый! *Чернорабочими копотунами* из числа ученой братии, писавшими критические замечания, оказываются Д. Золенга-Ходаковский, Й. Лелевель, М.Т. Каченовский, М.П. Погодин, Н.С. Арцыбышев⁴⁴. Казалось бы, к конкретным замечаниям знающих специалистов стоило бы отнестись по крайней мере с уважением. Вместо этого — аристократическое высокомерие: мы (Карамзин и Соловьев) здесь — в высших сферах, а чернорабочие, копающиеся в текстах, — где-то внизу.

⁴² Дмитриев М.А. О противниках и защитниках историографа Карамзина. Статья вторая. О мелочных критиках // Атеней. 1829. С. 441—442.

⁴³ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 387.

⁴⁴ Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 84—85, 88—89, 100—105, 109—112.

Строго говоря, впрочем, таково восприятие Соловьева, а не действительная позиция Карамзина! Иными словами, самому Соловьеву ближе «высшая критика», чем «низшая» — устанавливать факты, идя от теории к источникам, а не наоборот: мол, без исторической концепции историкам доступна лишь «низшая критика».

И это не случайно. Его путь в науку был именно таким. Первой его работой стал «Феософический взгляд на историю России», написанный на третьем курсе, т.е. еще до того, как Соловьев всерьез взялся за изучение русской истории, но зато, как и многие другие студенты философского факультета, увлекался идеями Гегеля⁴⁵. Можно спорить насчет того, насколько глубоким было его гегельянство⁴⁶, но, как оказалось, целый ряд положений, впервые сформулированных (заимствованных им?) в «феософии», обнаруживаются в его позднейших трудах⁴⁷.

Поэтому Соловьев, приступая к работе над магистерской и докторской диссертациями, имел уже априорные «феософские» и исторические идеи, которым при изучении источников искал подтверждение. Их он отчасти заимствовал, отчасти выработал сам на основе работ своих предшественников. Без этого условия быстро написать свои работы Соловьев не сумел бы.

Вряд ли он сумел бы это сделать, не будь в его распоряжении уже четко структурированный материал в виде карамзинской «Истории» и арцыбышевского «Повествования». Оттуда молодой историк мог черпать информацию в обработанном виде и тут же находить исходную цитату в различных ее версиях. Особенно удобно в этом отношении именно «Повествование о России», в кото-

---

⁴⁵ «Время проходило не столько в изучении фактов, сколько в думании над ними, ибо у нас господствовало философское направление; Гегель кружил всем головы, хотя очень немногие читали самого Гегеля, а пользовались им только из лекций молодых профессоров; занимавшиеся студенты не иначе выражались как гегелевскими терминами. И моя голова работала постоянно: схвачу несколько фактов и уже строю на них целое здание. Из Гегелевых сочинений я прочел только «Философию истории»; она произвела на меня сильное впечатление <...> но отвлеченности были не по мне; я родился историком» (Соловьев С.М. Мои записки для детей моих. С. 308—309).

Ср., например: Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 79—80; Ерыгин А.Н. Философия истории Гегеля и русская мысль XIX века. Ростов-на-Дону, 2012. С. 109—113. Интересно, что предпосылку для разрыва с гегелевской философией истории последний автор увидел уже в студенческом «Феософическом взгляде».

⁴⁷ Дубровский А.М., Кучурин В.В. «Феософия» С.М. Соловьева // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. Брянск, 1992.

ром цитаты даны тут же, в нижней части страницы, в то время как примечания Карамзина помещены в конце томов.

Так как же и какие источники цитировал Соловьев в своих диссертациях? К какому «стандарту» он ближе — к жесткому карамзинскому или умеренному арцыбышевскому? Ответ однозначен: к арцыбышевскому, но с одной очень существенной оговоркой.

Соловьев в этих своих работах — совсем не *шлецерист*. Он — не источниковед, во всяком случае в гораздо меньшей степени, чем Карамзин, а тем более Арцыбышев. Он почти исключительно — пользователь информации, но не ее критик. Он просто берет из источников то, что ему нужно.

Шлецеровское влияние в диссертациях проявляется лишь в том, что при описании материала IX—XIII вв. историк использует преимущественно Новгородскую I, Лаврентьевскую и свежеизданную Ипатьевскую летописи, и лишь иногда, как вспомогательные, использует летописи Псковскую, Софийскую, Воскресенскую, Никоновскую. В достоверности последней он, вопреки Карамзину (мол, «никоновский невежда»), не выказывает никаких сомнений, а лишь иногда (в основном во второй половине второй книги) замечает ее ошибочные чтения по сравнению с другими текстами.

Несколько иначе относится Соловьев к татишевским известиям. Зная о критическом отношении к ним Карамзина, молодой историк, цитируя Татищева, часто считает нужным показать, что его данные вполне согласуются с материалами ранних летописей, а потому заслуживают доверия⁴⁸. Порой цитата из Татищева оказывается завершающей, итоговой, при обсуждении летописных разночтений. Обратных вариантов, т.е. указаний на недостоверность татишевской информации, нет совсем. Иначе говоря, он доверял Татищеву больше, нежели Арцыбышев, не говоря уже о Карамзине.

Особо следует указать на цитирование Соловьевым Радзивилловской летописи. Как известно, она была издана в 1767 г., но издана некачественно — с изъятием ряда фрагментов, с перестановками их на другое место, вставками из иных текстов.

Эта ее особенность позволяет *доказать текстологически*, что Соловьев, формально ссылаясь на печатное издание, фактически брал цитаты из книги Арцыбышева. Дело в том, что у Николая

---

⁴⁸ Соловьев С.М. 1) Об отношениях Новгорода к великим князьям. С. 184—185; 2) История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 108, 113, 268.

Сергеевича имелся на руках — помимо печатного издания (1767 г.) «Летописи Несторовой... по Кенигсбергскому списку» — еще и более полный и исправный рукописный ее список, из-за чего он в примечаниях давал двойную ссылку — и на печатное издание, и на рукопись.

Так в примечаниях № 1295, 1296 Книги II, при описании вокняжения во Владимире князя Михалка Юрьевича, он дает длинную цитату из полного списка, перемежая ее вставками из других летописей — показывая варианты чтения⁴⁹. Соловьев воспроизводит их в своих примечаниях № 57 и 74⁵⁰. При сравнении с изданием 1767 г. получается такая картина:

№ 57

Кенигсбергский список, 1776 г.	Об отношениях Новгорода к великим князьям	Повествование о России
«Новгородцы <i>же</i> изначала, и Смолняне и Кияне и Полочане, и вся власти, <i>егда на вече</i> сходятся, <i>что</i> старейшии здумают, на том ж и пригороди станут» ⁵¹ .	«Новгородци бо изначала; и Смолняне и Кияне и Полочане, и вся власть яко же на думу на вече сходятся, на что же старейшии здумают, на том же и пригороди станут».	«Новгородци бо изначала и Смолняне, и Кияне и Полочане и вся власти якоже на думу на вече сходятся, на что же старейшии здумают, на том и пригороди станут».

Нетрудно увидеть, что печатный вариант имеет множество отличий от того, что процитировал Соловьев, в то время как отличий от арцыбышевского варианта намного меньше: иначе расставлены знаки препинания, написано *новгородци* вместо *новогородци* *власть* вместо *власти*, а также пропущена частица *же* в конце фразы. Такие отличия можно счесть простыми описками⁵².

Во втором случае ситуация еще интереснее. В издании 1767 г., сократив фрагмент после «радость бысть в Володимире», вставили далее взятую оттуда фразу (предварительно «отредактировав»!) «не убояшась прещения бояр» вместо начального «в Володимире граде только». Но поскольку Соловьев брал цитату из книги Арцыбышева, «прещение бояр» у него отсутствует вовсе! Прочие разночтения

⁴⁹ Арцыбышев Н.С. Повествование о России. Кн. II. С. 210.

⁵⁰ Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. С. 166, 169.

⁵¹ Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. СПб., 1767. С. 261.

⁵² Это знаменитое высказывание, содержащееся в летописях в рассказе о вокняжении князя Михалка Юрьевича во Владимире в 1174 г., Карамзиным в нужном месте не цитируется вообще.

Кенигсбергский список, 1776 г.	Об отношениях Новгородца к великим князьям	Повествование о России
<p>«и бысть радость велика в Володимире. За 7 недель без князя будуще, <i>не убояшась прещения бояр</i>, но возложиша всю надежду на бога и на пречистую его мать и на свою правду <...> города старый Ростов и Суждаль, и вси бояре <i>хотяще</i> свою правду поставити, а не хотяху правды божией творити, а не хотяху правды божией творити, но како нам любо, рекоша, тако же сотворим; Володимир есть пречистой богу и пречистой его матери и правде божией, <i>слушающе</i> злых человек развратников, не хотящих нам добра завистью, ни граду сему и живущим в нем... Ростовцы и суждальцы старши творящесь, не разумеша правды божией исправити, а <i>нове людие володимирстии</i> уразумееше, яхашь по правду крепко, и рекоша вси: “Любо Михалка князя налезем себе и брата его Всеволода, а любо главы своя за святую богородицу и за тые князи сложим”. <i>Отселе бо</i> володимирцы прославлени богом по всей земли, за их правду богу им помогающе”¹.</p>	<p>«и бысть радость велика в Володимире. За 7 недель без князя будуще, <u>Володимире граде</u> только возложиша всю надежду на бога и на пречистую его мать и на свою правду ..... города старый Ростов и Суждаль, и вси бояре <i>хотяще</i> свою правду поставити, а не хотяху правды божией творити, но како нам любо, рекоша, тако же сотворим; Володимир есть пречистой его матери и правде божией, <i>слушающе</i> злых человек развратников, не хотящих нам добра завистью, ни граду сему и живущим в нем ..... Ростовцы и суждальцы давние старши творящесь, <i>нови же людие и мизениши володимирстии</i> уразумееше, яхашь ко правду крепко, и рекоша вси: “любо Михалка князя налезем себе и брата его Всеволода, а любо главы своя за святую Богородицу и за тые князи сложим” ... <i>Се бо</i> володимирцы прославлени Богом по всей земле, за их правду Богу им помогающе».</p>	<p>«и бысть радость велика в Володимире, <i>видяще у себе великаго князя и всея земли Ростовская, мы же да подымаем чюду новому, и великому, и пречистому матери Божья, како заступи град свой, от великих бед гражаны своя укрепляеть, не вложит в им Бог страха, и не убояшася князя два имуща в власти сей, ни бояр их прещенья ни во что же положима</i>. За 7 недель без князя будуще, <u>Володимире граде</u> только возложиша всю надежду на бога, и на пречистую его мать, и на свою правду <...> города старый Ростов и Суждаль, и вси бояре <i>хотяще</i> свою правду поставити, а не хотяху правды божией творити, но, как нам любо, рекоша, также сотворим; Володимир есть пречистой богу, и правде божией, <i>слушающе</i> злых человек, развратников, не хотящих нам добра завистью граду сему и живущим в нем <...> Ростовцы и суждальцы, давнии старши творящесь; <i>нови же людие и мизениши володимирстии</i> уразумееше: яхашь на правду крепко и рекоша вси: “любо Михалка князя налезем себе, брата его Всеволода, а любо главы своя за святую Богородицу и за тые князи сложим”. <...> <i>Се бо</i> володимирцы, прославлени богом по всей земле, за их правду богу им помогающе».</p>

¹ Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. С. 261 — 262.

также не оставляют сомнений в том, что цитируется именно «Повествование о России», а не издание 1767 г.

В чем же дело? Что же мешало Соловьеву дать прямую ссылку на книгу Арцыбышева? В подобных случаях, не имея на руках нужный источник, не стыдились ссылаться на «Историю государства Российского» ни Арцыбышев, ни Погодин⁵³.

Причина, видимо, психологическая: начинающий историк так стремился скрыть свои основные источники. Ему казалось, вероятно, что ссылки на работы Погодина и Арцыбышева покажут, насколько незрелыми были еще его ранние исследования. Ему же хотелось выгладеть, во-первых, солидным ученым, достойным профессорской кафедры; во-вторых, первопроходцем, открывающим совершенно новые пути.

И, надо признаться, он полностью в этом преуспел. Созданная его неустанными трудами «История России с древнейших времен» скрыла от последующих историков как все предыдущие общие описания русской истории (от Татищева до Арцыбышева), так и его самые первые, еще не вполне самостоятельные диссертации: к ним историки обращаются редко и чисто историографически. Между тем рождение этого научного «светила» на фоне «беззаконных комет» крайне интересно. Во всяком случае углубленный источниковедческий анализ этого сюжета может принести еще немало интересного.

Литература

- Арцыбышев, Н.С.* Повествование о России. — Т. 1. — Москва : В университетской типографии, 1838. X, 375, VI с.; — Т. 2. — Москва : В университетской типографии, 1838. — 407, XXVII с.; — Т. 3. — М., 1843. — 464, IV с.; — Т. 4. — М., б.г. — 308, 16 с.
- Афиани, В.Ю., Козлов, В.П.* От замысла к изданию «Истории государства Российского» // Карамзин Н.М. История государства Российского. — Москва : Наука, 1989. — Т. 1. — 637 с.
- Барсуков, Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. — Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1892. — Т. 6. — 400 с.
- Барсуков, Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. — Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1893. — Т. 7. — 603 с.
- Барсуков, Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. — Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1894. — Т. 8. — 629 с.
- Высшие женские курсы. Лекции по историографии проф. К.Н. Бестужева-Рюмина за 1881—1882 гг. — Санкт-Петербург, б.г. — 225 с.
- Гиллельсон, М.И.* А.И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — С. 441—504.

⁵³ См., например: *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. С. 87, 88.

- Гусаров, Ю.В.* Цивильский затворник: Очерк жизни и творческой деятельности Н.С. Арцыбышева. — Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2000. — 184 с.
- Д.В. [Валуев, Д.А.]* Исследование о местничестве. — Москва : В типографии Августа Семена, 1845. — 166 с.
- Дмитриев, М.А.* О противниках и защитниках историографа Карамзина. Статья вторая. О мелочных критиках // Атеней. 1829. — Ч. 1. — С. 424—444.
- Дубровский, А.М., Кучурин, В.В.* «Феософия» С.М. Соловьева // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. — Брянск : БГПИ, 1992. — С. 96—106.
- Ерыгин, А.Н.* Философия истории Гегеля и русская мысль XIX века. — Ростов-на-Дону : Издательство ЮФУ, 2012. — 214 с.
- Журавель, А.В.* Н.С. Арцыбышев и «История государства Российского» // Карамзин и его эпоха. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — С. 42—49.
- Журавель, А.В.* «Страшный Арцыбашев» // Арцыбышев Н.С. Повествование о России. — Т. 1. — Кн. I, II (в верстке).
- Козлов, В.П.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. — Москва : Наука, 1989. — 221 с.
- Кучурин, В.В., Дубровский, А.М.* Лекционные курсы по истории России в научно-педагогической деятельности С.М. Соловьева второй половины 1840-х — 1850-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. — № 3. — С. 47—56.
- Кучурин, В.В., Дубровский, А.М.* Наблюдения и размышления над программами курса лекций С.М. Соловьева в 1840-х — 1850-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. — № 4. — С. 83—92.
- Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. — Санкт-Петербург : При императорской Академии наук, 1767. — 301 с.
- Погодин, М.П.* Историко-критические отрывки. — Москва : В типографии Августа Семена, 1846. — 447 с.
- Соловьев, С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. — Москва : В университетской типографии, 1847. — 700 с.
- Соловьев, С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов. — Москва : АСТ, Астрель, 2003. — 510 с.
- Соловьев, С.М.* Об отношениях Новгорода к великим князьям. — Москва : В университетской типографии, 1845. — 202 с.
- Цимбаев, Н.И.* Сергей Соловьев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 366 с.

Л.П. Грот

Проблема института верховной княжеской власти в русской истории в творчестве С.М. Соловьева

The problem of the institution of supreme princely power in Russian history in the work of S.M. Solovyov

Аннотация: В статье показано влияние западноевропейских утопий XVI — XVIII вв. на взгляды С.М. Соловьева относительно начального периода русской истории и его основополагающего вопроса — возникновения верховного института княжеской власти. Представлена авторская концепция роли готицизма и теории Общественного договора в формировании взглядов Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера, транслировавших модные западноевропейские теории в российскую историческую науку, влияние которых прослеживается у С.М. Соловьева.

Ключевые слова: С.М.Соловьев, Г.Ф.Миллер, А.Л.Шлецер, готицизм, Общественного договора теория, институт верховной княжеской власти.

Annotation: The article shows the influence of the West European utopias of the 16th — 18th centuries on the views of S.M. Solovyov regarding the initial period of Russian history and its fundamental issue — the emergence of the supreme institution of princely power. The author's concept of the role of Gothicism and the theory of the Social Contract in the formation of the views of G.F. Miller and A.L. Schletzer, who translated fashionable Western European theories into Russian historical science, whose influence can be traced in S.M. Solovyov, is presented.

Keywords: S.M. Solovyov, G.F. Miller, A.L. Schletser, Gothicism, Social contract theory, The institution of the supreme princely power.

В монументальном труде С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» древнерусский институт княжеской власти отождествляется с «правительственным началом», которое было принесено приильменским словенам варягами. А доваряжскому периоду, согласно историку, соответствовал родовой быт. Относительно варягов С.М. Соловьев высказывается совершенно определенно: варяги «летописца суть скандинавы».

Представления С.М. Соловьева о тождестве летописных варягов и скандинавов, а также его идеи о докняжеском и княжеском периоде в русской истории во многом сходны с взглядами Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера, которые, в свою очередь, сформировались под влиянием целого ряда западноевропейских утопий, развивавшихся в течение XVI—XVIII вв. В статье кратко описа-

ны эти утопии и их трансформация во взглядах Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера, а также показано их влияние на взгляды С.М. Соловьева относительно возникновения верховного института княжеской власти.

Взгляды Миллера и Шлецера на институт княжеской власти в русской истории

В речи «О происхождении имени и народа российского», подготовленной в 1749 г. для публичного выступления в связи с тезоименитством императрицы Елизаветы, Г.Ф. Миллер писал: «По изгнании варягов из северных части России упоминается о царе оныя земли *Буриславе*... Что Бурислав был славенской породы, и по имени явствует; токмо, где он владел, неизвестно; чтоб он державствовал в Новгороде, за тем не может статься, что там в оное время правление было демократическое, причем однако *Гостомысл* честный и благоразумный муж пред другими отменную власть имел. Новгородский летописец объявляет, будто *Гостомысл* был в Новгороде князем, а сын его Словен близ того места, где ныне Псков, построил город, где он по трилетнем владении скончался, оставя наследником сына своего Избора, который от угрызения змеи умер. Помянутый город по *Словене* сперва *Словенск*, а потом по Изборе *Изборск* назван. Но всяк видит, что все вышеописанное новгородцами вымышлено токмо для своего прославления. В Несторовой яко в древнейшей российской летописи о новгородских князьях славенского рода ничего не упомянуто, но наипаче объявляется, что новгородцы были без владетелей, пока варягов для принятия княжения назад не призвали. Нестор называет Гостомысла *старейшиною*, а тогда и другие славенские народы такими же старейшинами были управляемы...»¹.

Летописные княженья Миллер объявляет субъектами родовой организации: «Нестор сверх того пишет, что иное было княжение киевское, иное *древлян*, иное *дреговичев*, иное *славян новгородских*, иное *полочан*, иное *кривичев*. Сии имена означивают разные роды, на которые славенский народ, как пишут, в первые времена в России разделился»².

И тут же он поясняет, каким образом в русской истории совершился переход от «демократического» правления к монархиче-

¹ Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // В кн.: Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 396—397.

² Там же. С. 375.

скому: «Сего довольно о славянах. Объявим еще и о другом народе, от которого Россия нетокмо жителями населена, но и царей и имя свое получила... А именно как славяне Россиею владели, то от времени до времени приходили от севера *скандинавы*, народ силою своего оружия на море и на сухом пути, также и торговым промыслом пред другими славной.

Варягами они назывались либо от *искусства в мореплавании*, в чем наиболее упражнялись, и для того, что морем в Россию пришли... либо от *искусства воинского*, от старинного слова *вар*, что войну у скандинавов значило, в какой силе у англичан и поныне употребляется»³.

Мысль о разделении древнерусской истории на два четких периода: на «демократическое» правление у новгородцев до призвания варягов и на период, «когда царей им поставили» — в качестве важного теоретического положения Миллер продолжает постулировать и в своих последующих работах даже через много лет: «...в 859 году Словене Новгородские, равно как Меры и Кривичи возмущившись противу Варяг, выгнали их из земли, стали сами собою правительствовать и строить города. Но они не наблюдали никакой правды и верности. Один род вставал противу другого; произошло междоусобие и великое кровопролитие.

По сему сделано было у них собрание, на котором предложено, чтобы избрать им над собою Князем кого-нибудь или из своих, или из Козар, или из Полян Киевских, или из Варяг. Новгородская летопись повествует при этом, что таковой совет подал им один знатный старейшина народа Новгородского именем Гостомysl. Сие обстоятельство доказывает, что тогдашний образ правления в Новгороде был общенародный, и что Гостомысла никак признать не можно владетельным государем, и который будто бы искал себе преемника или наследника, как то другие об нем мыслили...»⁴.

Неслучайность, методологичность идеи о «демократическом» правлении в Новгороде до призвания варягов в работах немецких историков подтверждается тем, что она красной нитью проходит и у Шлецера. Рассматривая Сказание о призвании варягов, он рассуждает таким образом: «Какая была *цель* призывающих? — Они не искали государя, самодержца в настоящем смысле. Люди, взра-

³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 376—377.

⁴ Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитавших / С немецкого на российский язык переведено И. Долинским. СПб., 1773. С. 91—93.

щенные в дикой свободе и может... столь же мало знавшие, что такое значит *король*, не могли вдруг и добровольно переменить *гражданское* свое право на *монархическое*. Они искали только защитников, предводителей, оберегателей границ... Но говорят, что трех братьев призвали быть *князьями, княжитами*, т.е. царствовать? Да и сами они, по своему роду, будто были *князья*, т.е. государи, принцы. — Но надобно знать, что на других славенских наречиях значит еще и теперь слово *князь*. В Лаузице оно вообще ознаает почтение: *млоды кнезь*, молодой дворянин, *кнеин*, барыня, *кнество*, дворянство. В верхнем Лаузице священника называют *кнезь духовный*... Кому тут придет на ум принц или государь?»⁵.

Вот еще один пример из Шлецера: «*Русская история* начинается от пришествия Рурика и основания Рускаго царства... Перед сею эпохою все покрыто мраком как в России, так и в смежных с нею местах. Конечно, люди тут были, Бог знает с которых пор и откуда зашли; но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняя их леса, не отличавшиеся ничем, не имевшие никакого сношения с южными народами, почему и не могли быть замечены и описаны ни одним просвещенным южным европейцем. Цари Финландские, Лифландские, Пермские, также Князья Новгородские и государи Киевские до Рурика принадлежат к бредням Исландских старух, а не к настоящей Русской истории»⁶.

Эти отрывки из шлецеровского «Нестора» очень представительны для иллюстрации той методологической базы, на которую немецкие историки опирались в работе с русским летописанием. Типичными в них выступают представления о том, что вся история человечества строго подразделяется на первобытный хаос, безвременье, с одной стороны, и следующим за ним основанием царства, т.е. началом «настоящей» истории.

Приведенные исторические взгляды Миллера и Шлецера сформировались под влиянием целого ряда западноевропейских утопий, складывавшихся в общественной мысли Западной Европы в период XV—XVIII вв. Особенности этих утопий необходимо учитывать при анализе российской исторической мысли, поскольку их идеи, начиная с XVIII в., стали наполнять российскую общественную мысль.

---

⁵ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. 305—308.

⁶ Там же. С. 419—420.

Западноевропейские утопии, сформировавшие взгляды Миллера и Шлецера

1. Готицизм

В деятельности ученых кругов Германии, Франции, Англии, Италии, Голландии, Швеции и других западноевропейских стран в XVI—XVIII вв., наряду с научными открытиями, получили развитие различные утопии, в том числе и утопии исторические.

В первую очередь среди них следует назвать готицизм, т.е. идейно-политическое течение, родившееся в Германии и в скандинавских странах в XVI—XVII вв. Готицизм был вызван к жизни антиготской направленностью деятельности итальянских гуманистов, в рамках которой подвергалась осмеянию история и культура немецкоязычного населения Священной Римской империи, отождествлявшегося с потомками древнего народа готы. В XIV—XV вв. параллельно с возвеличиванием своего славного античного прошлого в деятельности итальянских гуманистов стало постепенно набирать силу очернение исторического прошлого североевропейских народов в форме поругания готы, как разрушителей великой античной культуры Рима. Эта мысль получила последовательное развитие в трудах итальянских политиков, занимавшихся историей. «Готское» стало представляться синонимом «варварского»⁷.

Готы в произведениях итальянских гуманистов представлялись виновниками крушения Римской империи, уничтожившими античную культуру и науки. Готы рисовались даже как передовой отряд варваров, который был более, чем разрушителем культуры, но и началом, враждебным всяческой культуре. Итальянские гуманисты писали о готах, что они положили начало темному, варварскому периоду в истории Европы⁸.

Защитная реакция против нападков итальянских гуманистов на «готское» начало, т.е. на исторические традиции немецкоязычного населения Священной Римской империи, вызвала к жизни ответное движение протеста, вошедшее в науку под названием *готтицизма*. Сторонники готицизма стремились возродить и показать величие исторического прошлого древнего народа готы, прямыми предками которого стали считать себя народы Германии и сканди-

⁷ Гром Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-Русский вопрос в историографии. Под ред. В.В.Фомина. М., 2010. С. 104—174; Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967. S. 56.

⁸ Haslag J. «Gotic» im 17. und 18. Jahrhundert. Köln, 1963. S. 1, 37.

навских стран. Возникнув в нездоровой обстановке несправедливых обвинений и предъявления абсурдных исторических «счетов», готицизм изначально был обречен стать рассадником исторических мифов и утопических взглядов⁹.

В лоне готицизма стали создаваться произведения, возвеличивавшие германскую древность. В них прославлялись высокие моральные качества, якобы отличавшие германские народы: геройский дух — создатель сильных держав в Европе, вечное преклонение перед мудростью и справедливостью, постижение христианского учения ранее других народов (Франциск Иреник). Постепенно германцы стали провозглашаться не разрушителями Рима, а законными наследниками традиций Римской империи и создателями сильных монархий в Европе¹⁰.

Немецкими готицистами была оформлена концепция тождества *готского* и *германского* (Виллибальд Пиркхеймер), столь привычная нам, но, по всей видимости, не существовавшая в древности, если внимательно читать, например Прокопия Кесарийского. В процессе конструирования образа гото-германского единства к нему подсоединили и шведов как один из народов «на германских островах», поскольку юг Швеции — Геталанд уже получил статус прародины готов по созвучию названий. Этот вклад немецких гуманистов послужил важным стимулом для складывания шведского готицизма¹¹.

Благодаря такому подходу на шведов автоматически не только распространилась слава германских завоеваний, которые объявили причиной возникновения государственности в Европе. Но Швеция в качестве обретенной прародины готов получала статус колыбели всей германской культуры, что вдохновило шведских писателей на создание произведений, в которых расцвели буйные фантазии с картинами вымышленной истории Швеции в древности.

Программным трудом для шведского общества стала работа крупнейшего деятеля шведского готицизма Юханнеса Магнуса «*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*»/«История всех королей свеев и готов» (1554). Для русской истории здесь было интересным то, что в ней вымышленные предки шведо-готов под пером Иоанна Магнуса стали впервые бороздить восточноевропейские реки от Балтики до Черного моря, совершая на всем пути

⁹ *Johannesson K. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982. S. 118; Svennung J. Op.cit. S. 7—10, 58—59.*

¹⁰ *Johannesson K. Op. cit. S. 118.*

¹¹ *Ibid. S.118—119.*

победоносные походы. «Решение» подобной задачи облегчалось тем, что Магнус включил в свое произведение историю скифов, свободно преподнося ее как историю шведо-готов¹².

Такова была методика готицизма: когда не хватало собственных материалов и источников для сооружения исторических декораций, то совершался рейд в чужую историю, материалы и источники которой объявлялись своими и начинали осваиваться для собственного историописания.

Дальше всех на этом пути ушел шведский писатель и профессор медицины Улоф Рудбек в его знаменитом произведении «Атлантида» или «Атлантика» («*Atland eller Manheim*»). Основной мыслью рудбековской «Атлантиды» стало стремление автора «обосновать» идею о том, что шведы с древнейших времен были основоположниками государственности и культуры в историях большинства европейских народов, а Швецию представить колыбелью общеевропейской культуры — «кузницей народов и матерью племен». В своей «Атлантиде» Рудбек исходил из убеждения, что за именами многих народов и стран у античных и других древних авторов скрывались прямые предки шведов. Но данные факты с течением времени забылись, оказались утерянными и т.д. И Рудбек взял на себя труд «реконструировать» утраченную шведскую историю через отождествление со Швецией платоновской Атлантиды, острова гипербореев или Эликсии, Скифии, Варягии и др.¹³

Шведский исследователь готицизма и рудбекианизма Ю. Свеннунг (1895—1985) охарактеризовал «Атлантиду» О. Рудбека как произведение, в котором шовинистические причуды фантазии шведов были доведены до пика абсурда.¹⁴

Но в конце XVII — первой половины XVIII в. готицизм получил общеевропейскую популярность. Произошло это тогда, когда в рамках немецкого и шведского *готицизма* окончательно сложился миф о величии готско-германского прошлого, и в этот идейный спор втянулись сначала представители английской общественной мысли, а затем и французской.¹⁵ И уже на базе общеевропейского готицизма идеи величия готов в древности и исходного родства всех потомков гото-германских народов стали приобретать большую популярность.

¹² *Гром Л. П.* Указ. соч. С. 128—130.

¹³ *Rudbeck O.* *Atland eller Manheim.* Uppsala och Stockholm, 1937. Första delen. S. 191, 228, 265, 293, 324.

¹⁴ *Svennung J.* *Op. cit.* S. 91.

¹⁵ *Haslag J.* *Op. cit.* S. 113—190; *Svennung J.* *Op. cit.* S. 62—67, 97—103.

Дискуссия о прародине готов, которой признавалась Швеция, получила развитие среди английских историков и отразилась в таких работах, как «Британия» Уильяма Кэмдена (1610), как «История Великобритании» Джона Спида (1611), как «Archaeologus» Генри Спельмана (1626) и др. Мысль о родстве англичан с великими готами сформулировал историк Джеймс Тюрелль: «Все германцы имеют готское происхождение, а англосаксы относятся к древним германцам, описанным Тацитом...». Ему вторил государственный деятель и дипломат Уильям Темплъ: «Саксы были ветвью готских народов, рои которых вылетели из северного улья и под руководством Одина еще в древние времена заняли все страны вокруг Балтийского моря».¹⁶

Стоит подчеркнуть, что теории готицизма давали идеологическое обоснование и колониальной политике Британской империи, наделая ее, как якобы преемницу «готского» наследия, историческим правом выступать завоевателями — строителями новых государств¹⁷.

Помимо Англии готицизм получил поддержку и от виднейших представителей французского Просвещения, отдавших обильную дань поклонения Рудбеку. Среди них следует назвать Монтескье, Вольтера, Руссо, Шатобриана. И как раз французские просветители среди всех германских народов особо прославили предков шведов.

Норвежский историк Й.П. Нильсен обратил внимание на то, что именно у «Монтескье мы находим идею о скандинавах как родоначальниках монархии. Повсюду, куда они ни приходили, они устанавливали, посредством своего вторжения, “монархию и свободу”... Европы... Путем норманского господства была... установлена монархическая система, где одна отдельная личность правила при помощи твердо установленных, основополагающих законов и с опорой на знать»¹⁸.

Аналогичные образы встречаем и у Ф.М. Вольтера в его «Истории Карла XII» (1731): «Считается, что именно из Швеции, той ее части, которая по-прежнему зовется Геталандией, вышли полчища готов и заполонили Европу, отвоевав ее у Римской империи, в течение пятисот лет бывшей ее владыкой и тираном. В те времена скандинавские страны были более плотно населены...»¹⁹. Эту книгу Вольтер писал, будучи в Англии, и, как говорит Свеннунг, находился под большим впечатлением от английского готицизма²⁰.

¹⁶ Haslag J. Op. cit. S. 10—22; Svennung J. Op. cit. S. 64—65.

¹⁷ Гром Л.П. Большая игра: Британия и США против России // Электронный ресурс: <http://pereformat.ru/2017/04/bolshaya-igra-protiv-rossii/>. Дата обращения 08.04.2017.

¹⁸ Нильсен Й.П. Рюрик и его дом. Архангельск, 1992. С. 17—18.

¹⁹ Voltaire. Karl XII. Stockholm, 1993. S. 12.

²⁰ Svennung J. Op. cit. S. 98.

И с этого периода, с освоением готицизма английскими и французскими историками и философами, теории готицизма стали чуть не до наших дней становым хребтом значительной части западноевропейской историографии, пронесшей через века мысль о германских завоеваниях (где скандинавские завоевания рассматриваются их частью) как первопричины возникновения государственности в Европе. Но готицизм с самого начала не имел научного характера. Рожденный духом протеста против нападков итальянского гуманизма, также злоупотреблявшего преломлением исторических источников в политико-идеологических целях, готицизм породил историческое мифотворчество самых необъятных масштабов, когда известные источники стали препарироваться и домысливаться с безграничной фантазией в угоду схоластических версий, часто поддерживаемых политическими интересами. Яркий пример — вышеупомянутые труды шведских готицистов Ю. Магнуса и О. Рудбека.

2. Германо-славянский спор в лоне готицизма

От защиты своего исторического прошлого «потомки» готов вскоре перешли к наступлению в форме создания пышных фантазий на темы своего воображаемого великого исторического прошлого.

Начались поиски древних предков германцев и споры о том, чьи предки были самыми древними и обладали самой прославленной историей. Эта дискуссия оформилась в так называемый германо-славянский спор. Она началась в XVI в. в немецкоязычной и славяноязычной среде Западной Европы, в условиях становления там национальных государств. Первым на путь этой дискуссии, по мнению А.С. Мыльникова, встал известный немецкий богослов и историк Альберт Кранц (1450—1517), стремившийся обосновать тезис о первичности германцев и происхождении от них славян. Кранц ссылался на так называемую хронику, приписываемую вавилонскому историку IV—III вв. до н.э. Беросу, где упоминалось о короле Туисконе, который «основал в Сарматии множество народов» и правил на территории от Дуная до Рейна. Кранц высказал предположение о том, что Туискон был сыном праотца Иафета и прародителем всех германцев, живших между реками Доном и Рейном, отчего эта территория называлась Великой Германией. Родословную всех славянских народов Кранц выводил от сына Туискона Вандаля.

Кранц, правда, оговаривался, что на территории Великой Германии было много разных языков, но верховная власть, по его версии, принадлежала отцу германцев, Кранц, правда, оговаривался,

что на территории Великой Германии было много разных языков, но верховная власть, по его версии, принадлежала отцу германцев, соответственно, можно было думать, что германцам принадлежало и властное превосходство²¹.

В ученой среде Европы XVI—XVII вв. в рамках дискуссий о генеалогическом превосходстве германцев или славян стали формироваться не только идеи о народах как общностях, связанных кровным родством, но и стремления наделить эти народы конкретными качествами, поясняя эти качества происхождением от разных библейских первопредков. Именно в лоне этих дискуссий и возникла, например, идея о некоем имманентном славянам народоправстве — идея такая же книжная, как и создаваемая в это время библейская генеалогия.

Эту идею поднял на щит прусский историк Христофор Харткнох (1644—1687). В своем трактате по истории Пруссии он стал утверждать, что славяне не знали изначально монархической власти, но жили в народоправстве. При этом он ссылаясь на Прокофия Кесарийского (VI в.), который в труде «Войны с готами» писал о том, что «славяне и анты не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии)...»²². Харткнох распространил эту характеристику также и на вендов, воспользовавшись тем, что в труде Иордана (ум. ок. 552 г.) имя склавинов соединяется с именем венетов²³.

Для Харткноха не составило проблемы соединить Прокопия Кесарийского с Иорданом и начать утверждать и даже развивать мысль о том, что и народы, известные под именем венетов/венедов тоже не имели монархического правления, а выбирали на время военных предводителей: «Некоторые вендские или славянские народы, когда они переходили через Вислу, выбирали себе полководцев, но как только оседали в определенном месте, то вскоре добивались для себя вольности, которой обладали до того, и не желали терпеть над собой никаких князей или королей». Эти рассуждения Харткнох переносил на польскую историю: «В качестве примера мы имеем наших поляков, которые наряду с другими вендскими народами, переправились в VI или VII вв. через Вислу и овладели краем, в наши дни именуемым Великой и Ма-

²¹ Мьльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. С. 39—41.

²² Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод с греческого С.П. Кондратьева. Вступительная статья З.В. Удальцовой. М., 1950. С. 267.

²³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960. С. 90.

лой Польшей, выбрав для этого своим вождем Леха, и как считают нынешние историки, охотно подчинялись ему, пока тот был жив. Но как только он скончался, они избрали 12 знатных вельмож, которым передали правление»²⁴.

Таким образом, Харткнох, врезав с польским летописанием, но оперируя легендой о славянских братьях, подвергает сомнению наличие института королевской власти у истоков польской истории. Во взглядах Харткноха явно сказывалось влияние готицизма и немецкой историографии, заложившей его основы.

На путях развития готицизма его представители стали нуждаться в объекте, на который можно было бы, в свою очередь, перенести обвинения в варварстве и неспособности к цивилизованному развитию, под которым подразумевалось и создание монархий. Такой объект был со временем отождествлен со славянскими народами. Так и сложилась «теория» о том, что буквально все славяне в начале своей истории жили в народоправстве и только в соприкосновении с германцами узнали монархический строй.

Мысль эта закрепилась в западноевропейской исторической науке, прежде всего в работах немецкоязычных авторов (Х. Харткнох тому пример), получив там длительную прописку. И вот уже в русле просветительской мысли, в работах младшего современника Миллера австрийского просветителя Г. Добнера (1719—1790), известного своими трудами по истории Чехии, она выступает как истина в последней инстанции: чехам и другим славянам в древности было присуще не монархическое, а демократическое общественное устройство²⁵.

На традициях североевропейского готицизма, утверждавшего превосходство германцев над славянами в создании государства и института монархической власти, и были воспитаны Миллер и Шлецер.

3. Теория Общественного договора

Помимо готицизма, на взгляды Шлецера и Миллера естественно повлияли идейные течения, которые породила эпоха Просвещения. Согласно сложившейся в этот период системе взглядов возникновение института верховной наследственной власти — княжеской или королевской — связывалось с возникновением государства, объединенного под властью одного правителя, что и

²⁴ *Hartknoch Ch. Alt- und neues Preussen oder Preussischer Historien zwey Theile. Frankfurt; Leipzig, 1684. S. 232—233.*

²⁵ *Мыльников А.С. Указ.соч. С. 234.*

рассматривалось как основа возникновения института верховной власти наследственных правителей — монархов. Как все это возникало, было установлено со всей определенностью: в результате сознательно заключенного между людьми договора, чему предшествовала стадия безвластного пребывания в «естественном состоянии человеческого рода» и «войны всех против всех». В историю науки эти взгляды, как известно, вошли под именем **теории Общественного договора**. Взгляды, сконцентрированные в данной теории, пропагандировались ведущими английскими и французскими мыслителями рубежа XVII—XVIII вв., т.е. теми же западноевропейскими интеллектуальными кругами, которые восхищались миражным историозодчеством шведских готицистов.

Эти идеи политической философии английских и французских мыслителей отчетливо видны в приведенных выше работах Миллера и Шлецера. У Миллера мы читаем о новгородских славянах, которые «не наблюдали никакой правды и верности. Один род вставал противу другого; произошло междоусобие и великое кровопролитие», прекратившееся после заключения договора о приглашении князя.

В сходном ключе рассуждал о жизни славян до призвания варягов и Шлецер: в жизни славян все было покрыто мраком, люди жили «без правления, подобно зверям и птицам», т.е. «в естественном состоянии».

Поскольку в эпоху Просвещения в общественной мысли полностью стал доминировать взгляд, согласно которому народоправство связывалось с первобытным хаосом и дикостью, а монархия — с утверждением порядка и цивилизации, то вышеупомянутый германо-славянский спор автоматически разрешался следующим постулатом: истории всех народов, принадлежавших к славянской языковой семье, наделялись первородной народоправной дикостью, а носители германских языков становились монопольными обладателями монархического начала и порядка. Харткнох «доказал» это положение на примере польской истории, Добнер — на примере чешской. Миллер и Шлецер, как видно из их работ, лишили монархического начала древнерусскую историю до призвания Рюрика. Все эти «открытия», в конечном итоге, создавали традицию беззастенчивого манипулирования источниками и искажения исторической картины в изучаемой стране, поскольку из нее изымалась часть материала в угоду насаждаемой догме.

Несложно понять, что в сознании немецких академиков теории Общественного договора гармонично накладывалась на тра-

диции готицизма об исконном диком «народоправстве» у славян, что давало большую свободу для толкования в привычном русле содержания русских летописей, без основательного изучения этих источников. С новым методологическим оружием в руках можно было легко входить в глубины чужой истории, сортировать историковедческий материал, якобы «очищая» его от ошибок, а, иначе говоря, подгоняя источники под теоретические новинки или огульно отрицая все, что стояло на пути новых догм.

Но надо подчеркнуть, что ни Миллер, ни Шлецер не являлись основоположниками или хотя бы теоретиками названных положений — они были простыми эпигонами и популяризаторами идейных течений, сложившихся в рамках североевропейского готицизма и Просвещения, включая и идеи скандинавского происхождения летописных варягов. Но они стали активными проводниками в российскую историческую науку вышеназванных западноевропейских исторических взглядов.

Князя и верховный институт власти у С.М. Соловьева

В первой половине XIX в. в изучении начального периода русской истории произошли определенные сдвиги. Историческая мысль стала постепенно отходить от классических представлений о моментальном возникновении из первобытности государства и его атрибута — верховного института княжеской/королевской власти. Получила развитие теория родового быта, согласно которой государство постепенно и в течение длительного периода выходило из родовой организации, а род рассматривался как совокупность семей.

Подобные взгляды мы видим в творчестве немецкого и российского историка Г. Эверса (1781—1830). Историки В.В. Фомин и Л.В. Исакова отмечали, что Г. Эверс объяснял основные результаты внутренней жизни общества эволюционным путем развития по аналогии с представителями немецкой исторической школы права и исторической школы Л. Ранке. Одним из особо важных моментов в работе Эверса историками выделяются его взгляды о доваряжском периоде русской истории: «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрика единовластия, коим однако же Шлецер начинает русскую историю... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». Эту плодотворную идею, подчеркивают исследователи, развивали в данный период и некоторые норманисты.

Согласно Эверсу, указывается исследователями, в доваряжский период у восточных славян существовали протогосударственные образования. Они уже тогда имели верховных правителей, в связи с чем, резюмировал Эверс, единое государство Рюрика было неважно и не заслуживает того, чтобы начинать с него русскую историю. Посредством своей родовой теории Эверс стремился определить такие предгосударственные формы, которые постепенно переросли в государство, и обосновать вывод, что процесс возникновения и развития Русского государства — закономерный, соответствующий общему ходу мировой истории²⁶.

Возникновение Русского государства не является темой данной статьи, но в рассматриваемый период образование государства неизменно связывалось и с возникновением института верховной власти.

Взгляды Г. Эверса оказали большое влияние на формирование С.М. Соловьева как историка. Прежде всего, это касалось его теории родовой быта. Как отмечает А.Ю. Дворниченко, С.М. Соловьев достаточно ярко и подробно рисовал период родовых отношений у восточных славян²⁷.

Теория родовой быта у Соловьева связана и с его взглядами на возникновение верховного института княжеской власти, появление которого было обусловлено переходом от докняжеской к княжеской эпохе. Соловьев не разделял взглядов Эверса по доваряжскому периоду, считавшего, что «призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». Историк считал, что до прихода Рюрика у приильменских словен был родовой быт и соответственно, отсутствовал верховный институт княжеской власти: «О дорюриковском родовом быте восточных славян самое ясное указание находим в известных словах летописца: “Живяху каждо с своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим”. ... если поляне владели по родам, каждый род сам по себе, каждый владел целым родом совокупно, если каждый род составлял отдельное совокупное *владение*, то спрашивается, какой же может быть здесь другой быт кроме родовой?»²⁸

Но важно обратить внимание на то, что, давая определение понятию «род», Соловьев рассматривал его все же как категорию в

²⁶ Фомин В.В., Исакова Л.В. Вклад Густава Эверса в изучение начального периода истории Руси // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018. Vol. 17. № 1. С. 151—174, 156, 164—166.

²⁷ Дворниченко А.Ю. Государство Киевская Русь» как историографический феномен // Ранние формы политических систем. СПб., 2012. С. 241.

²⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 1. С. 284.

процессе исторического развития: «...предки наши знали только род, который означал всю совокупность степеней родства, как самых близких, так и самых отдаленных; род означал и совокупность родственников и каждого из них («Изъбрашася три братья с роды своими», т.е. с родственниками своими); первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи вне родовой и потому употребляли слово род также в смысле соотечественника («Приплу под Угорское (Олег), похоронив вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: ”яко гость есмь, идем в Греки от Олга и от Игоря княжича; да придета к нам, к родам своим”»), в смысле народа (от рода Русского); для означения родовых линий употреблялось слово племя. Единство рода, связь племен поддерживалась единым родоначальником, эти родоначальники носили разные названия — старцев, жупанов, владык, князей и проч.; последнее название, как видно, было особенно в употреблении у славян русских и по словопроизводству имеет значение родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца семейства»²⁹.

Используя современные категории, можно сказать, что Соловьев, далеко опережая свое время, наметил поэтапную эволюцию рода как социального института: от совокупности семей до совокупности племен «в смысле народа», руководимого «единым родоначальником».

Подробно анализируется Соловьевым и такое понятие, как летописные князья, о которых в источниках говорится и до призвания Рюрика. Эти летописные князья характеризовались Соловьевым только как главы родов. Таким ему представлялся легендарный князь Кий у полян: «... Кий был знаменитый владыка рода, ходивший в Царьград, принявший большую честь от императора и построивший на возвратном пути Киевец; позднейшие походы русских киевских князей в Грецию, к Дунаю, естественно, влекли, к такому представлению точно так, как господство родовых понятий заставляло летописца предполагать в Кие князя, старейшину рода — “и Кий княжаше вроде своем”, — хотя дальний поход в Грецию и желание поселиться на Дунае, в стране более привольной, обличают скорее беспокойного вождя дружины, чем мирного владыку рода...»³⁰.

Эту же мысль Соловьев повторяет относительно других летописных князей до призвания Рюрика: «Что старшины родов назывались у нас до прихода варягов князьями, о том есть ясное свиде-

---

²⁹ Там же. С. 96.

³⁰ Соловьев С.М. Указ.соч. С. 94.

тельство у летописца, напр.: “Се Кий княжаше в роде своем. И по сих братьи держати начаша род их княженъ в Полях”...»³¹.

Здесь интересно отметить, как истолковывает Соловьев слово *князь*, поскольку его толкование идет вразрез с намечавшимся в его время в российской науке германоцентристским, навеянным готицизмом, толкованием этого понятия. Как отмечал еще Н.М. Карамзин, слово князь «многие ученые производят.. от Восточного имени *Каганъ* и Немецкого *König*»³².

Против подобных толкований и выступал Соловьев: «Слово *князь* или *конязь* происходит от корня кон, предел, граница, вершина, начало; корень же *кон* есть санскритский — *джан* — рождать, и князь в санскрит[ском] имеет себе соответственные: *джанака*, *джанатри*, откуда латинское *genitor*... Отсюда древнее название новобрачных *князь* и *княгиня*, потому что, вступая в брак, они становятся домовладками, начальниками особого, имеющего произойти от них рода... Слово *князь* имеет значение родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца семейства...»³³.

Полагаю, уместно добавить, что аналогичного толкования придерживались и некоторые другие российские ученые. Соловьев упоминал в этой связи мнение Ф.И. Буслаева³⁴.

Такая же точка зрения высказывается Г. Дьяченко со ссылкой на И.И. Срезневского³⁵. Среди советских ученых этого же толкования придерживался Б.А. Рыбаков³⁶. Вопрос об этимологии слова *князь* не относится непосредственно к теме статьи, поэтому отмечу только, что толкование слова *князь*, отстаиваемое Соловьевым, представляется не только лингвистически, но и исторически более верным по сравнению с доминирующим в современной науке убеждением о заимствовании этого слова от древнегерманского корня *kun-īng. Однако данная тема заслуживает отдельной статьи.

Длительное сохранение родового быта в начальный период русской истории объяснялось, по мнению Соловьева, влиянием природного фактора. Ему представлялись: «... племена, разбросанные на огромных пространствах и живущие формами родового быта. На севере племена эти, по всем вероятностям, вследствие столкно-

---

³¹ Там же. С. 282.

³² Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга I. М., 1988. С. 45.

³³ Соловьев С.М. Указ.соч. С. 282.

³⁴ Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. М., 1848. С. 164.

³⁵ Дьяченко Г. Полный Церковно-славянский словарь. М., 1899. С. 255—256.

³⁶ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1993. С. 256.

вения с другими историческими народами, сознают необходимость выйти из родового быта, для чего призывают власть извне, призывают князя из чужого рода. Соединенные посредством нового начала, силы действуют; князь северных племен пользуется силами последних и подчиняет себе остальные племена на всем огромном пространстве великой восточной равнины»³⁷.

Так очерчивал Соловьев процесс формирования древнерусских институтов власти: от племен, живущих разобщенной жизнью отдельных родов к осознанию необходимости выйти из родового быта и наконец, призывание «власти извне», выступающей как «правительственное начало» и соединяющей «племена на всем огромном пространстве великой восточной равнины».

Картина общественной жизни накануне призвания Рюрика, по мнению Соловьева, выглядела следующим образом: «... при описании междоусобий, предшествовавших призванию князей, летописец говорит, что встал род на род; из этого ясно видно, как развито было общественное устройство, видно, что до призвания князей оно не переходило еще родовой грани; первым признаком общення между отдельными родами, живущими вместе, должны были быть общие сходки, советы, веча, но на этих сходках мы видим и после одних старцев, у которых все значение; что эти веча, сходки старшин, родоначальников не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать им единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизм, — доказательством служат усобицы родовые, кончившиеся призванием князей»³⁸.

В ней мы также видим стремление историка запечатлеть «общественное устройство» в движении, в процессе эволюционных перемен: от слабеющих родовых связей к пониманию новой общественной потребности, что, по мнению Соловьева, и обусловило призвание князей.

И с Рюрика, по убеждению Соловьева, начинается новый этап социополитической эволюции в русской истории, хотя родовые отношения продолжали играть в ней немалую роль: «... я признаю полное господство родового быта только до половины IX в., а после являются условия, которые нарушают эту полноту, как постоянно и показывается в моей книге...»³⁹.

---

³⁷ Соловьев С.М. Указ.соч. С. 269.

³⁸ Там же. С. 100.

³⁹ Там же. С. 283.

В сущности, представления Соловьева о том, как у славянских племен менялось общественное устройство, не так уж далеки от понимания Эверсом процесса перерастания предгосударственных форм в государство. Правда, Соловьев использует только такие понятия, как родовой быт и «правительственное начало», пришедшее ему на смену и давшее единство против родовых усобиц. Но сходно с Эверсом, считавшим процесс возникновения Русского государства закономерным, соответствовавшим ходу мировой истории процессом, Соловьев также подчеркивал, что «... нет никакого основания делать из разъединения и несогласия славянских племен отличительную черту славянской народности; разрозненность и вражда племен славянских были необходимыми следствиями их формы быта, быта родового, а эта форма быта не есть исключительная принадлежность славянского племени, через нее проходят все народы с тем только различием, что один оставляет ее прежде, а другой — после вследствие разных исторических обстоятельств...»⁴⁰. Поэтому можно согласиться с Д.Г. Дитяткиным в том, что взгляд Эверса на генезис государства получил дальнейшее развитие в труде Соловьева⁴¹.

Соловьев выделял внутренние предпосылки, которые стимулировали поиски «правительственного начала». Помимо субъективного фактора, который он определял как понимание новой общественной потребности, Соловьев называл и объективный фактор, который он видел в наличии городов у славян⁴², а городская жизнь, по мнению Соловьева, должна была подталкивать роды, «столкнувшиеся на одном месте и потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, третьего судью, а таким мог быть только князь из чужого рода.»⁴³.

Но, наряду с новым эволюционистским подходом, мы видим у Соловьева и следы западноевропейских утопий XVII—XVIII в., в частности, влияние готицизма и теории Общественного договора, отменно представленных у Миллера и Шлецера. Так, готицистские

---

⁴⁰ Там же. С. 132.

⁴¹ Дитяткин Д.Г. Проблема образования Древнерусского государства в отечественной исторической науке второй половины XIX в. М., 2018. С. 50.

⁴² Соловьев С.М. Указ.соч. С. 99—100.

⁴³ Там же. С. 128.

построения о том, что славяне не знали изначально монархической власти, буквально транслируются Миллером, как видно на примере представленных выше статей: «новгородцы были без владетелей, пока варягов для принятия княжения назад не призвали. Нестор называет Гостомысла *старейшиною*, а тогда и другие славенские народы такими же старейшинами были управляемы...». Отзвуки этих взглядов мы видим и у Соловьева, в его рассуждениях о том, что до прихода варягов славяне управлялись старейшинами родов, родоначальниками, которые призывают «власть извне, призывают князя из чужого рода».

Как известно, согласно теории Общественного договора, гражданская история общества начинается с возникновения государства, которое мыслилось как объединение разобщенных социальных институтов или групп (родов, племен) под рукой одного правителя, при этом можно было точно определить время этого события. Эти взгляды, как видно, безапелляционно переносились немецкими академиками на русскую историю. Шлецер в вышеприведенной работе именно так и постулировал: «*Русская история* начинается от пришествия Рурика и основания Русаго царства...».

Отражение этих взглядов мы видим и у Соловьева, когда он определяет основополагающее значение для призвания Рюрика: «...какое значение имеет призвание Рюрика в нашей истории? Призвание первых князей имеет великое значение, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти»⁴⁴.

Принципы теории Общественного договора проповедовал Миллер. В приведенной выше статье он сначала описывает «войну всех против всех» в княженьи Словен: «...они не наблюдали никакой правды и верности. Один род вставал противу другого; произошло междоусобие и великое кровопролитие...», а потом подчеркивает, что все завершилось заключением общественного договора: «По сему сделано было у них собрание, на котором предложено, чтобы избрать им над собою Князем...».

Наследие названной теории прослеживается и у Соловьева, который пишет о столкновении родов и затем о соглашении на призвание власти извне: «Роды, столкнувшиеся в одном месте и

---

⁴⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 130.

потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд... после изгнания варягов они не хотят возвратиться к разрозненному родовому быту и, не видя выхода из него при эгоизме родов, соглашаются призвать власть извне, призывают князя из чужого рода»⁴⁵.

Соловьев был убежден в том, что государствообразующее начало или по его определению, правительственное начало, было привнесено в русскую историю со стороны: «Равнинность страны, а главное, величина и обилие рек условили быстрое очертание огромной государственной области, ... этим условились два явления, имевшие решительное влияние на жизнь русского общества: **от варягов пришло правительственное начало** (выделено мной. — Л.Г.), от греков — христианство. Быт племен родовой условил явления, побудившие к призванию князей, он условил и отношения между призванным началом и призвавшими его, князь мог явиться не иначе, как в значении родоначальника; **по отсутствию наследственности родового старшинства** (выделено мной. — Л.Г.) в одной линии старшины родов не могли выдвинуться на первый план с ограничивающим княжескую власть значением...»⁴⁶.

Поскольку, по убеждению Соловьева, варяги «летописца суть скандинавы»), то «правительственное начало» ильменским словенам принесено со Скандинавского полуострова: «... **Скандинавия — старинная колыбель народов** (выделено мной. — Л.Г.), высылают многочисленные толпы своих пиратов, которым нет места на родной земле; но континент уже занят, скандинавам уже нет более возможности двигаться к югу сухим путем, как двигались их предшественники; им открыто только море, они должны довольствоваться грабежом, опустошением морских и речных берегов»⁴⁷.

И далее С.М. Соловьев объясняет, почему, по его мнению, именно «германское племя» выступило в роли «сосредоточивающего начала, власти»: «... так народы германского племени оставили формы родового быта прежде вследствие переселения на римскую почву, где они приняли идеи и формы государственные, а славяне, оставаясь на востоке, в уединении от древнего исторического мира, оставались и при прежних, первоначальных формах быта»⁴⁸.

---

⁴⁵ Там же. С. 128—129.

⁴⁶ Там же. С. 270.

⁴⁷ Там же. С. 130.

⁴⁸ Там же. С. 132.

В этих словах снова мы видим очертания западноевропейских утопий, проступающих сквозь текст Соловьева. Выше были приведены концепции немецких готицистов XVI—XVIII вв., согласно которым германцы провозглашались законными наследниками Римской империи и создателями сильных монархий в Европе. На этих идеях воспитывались поколения и поколения немецкоязычных историков, они были той образовательной средой, в которой сформировались и немецкие академики. Поэтому естественно предположить, что идея о «правительственном начале», т.е. об институте верховной власти, якобы привнесенном в русскую историю извне, от «скандинавов» или германцев, была занесена в российскую историческую мысль Миллером и Шлецером.

Однако не все так просто. Ранее было также показано, что идеями немецких и шведских готицистов заинтересовались такие влиятельные мыслители французского Просвещения, как Монтескье и Вольтер. Идею о скандинавах как родоначальниках монархии мы находим у Монтескье. А Вольтер, увлекшись фантазиями О. Рудбека о шведо-готах, свято уверовал в то, что из Швеции вышли полчища готов и заповилили Европу, отвоевав ее у Римской империи. Так что взгляды, которые мы видим у Соловьева, являлись становым хребтом всей западноевропейской исторической мысли. Поэтому отрицание княжеской власти у приильменских словен до призвания Рюрика в работах Миллера и Шлецера — это трансляция модных западноевропейских теорий, что и способствовало их позитивному восприятию в российском обществе. Кроме того, непосредственному знакомству Соловьева с западноевропейской исторической и философской мыслью способствовало его путешествие по Европе в качестве домашнего учителя в семье А.П. Строганов в 1842—1844 гг.

Но великолепное знание русских источников позволяло Соловьеву и критически осмысливать многие положения западноевропейской историософии, вырабатывая собственные взгляды. Так было, например, с этимологией слова *князь*. Так было и с именем Русь. Оно образовалось, по убеждению Соловьева, в Восточной Европе и до призвания варягов, поскольку «название русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX в., прежде прибытия Рюрика с братьями». И хотя отступая от летописных сведений, Соловьев посчитал, что Русь было не именем народа, а названием «людей-мореплавателей, приходя-

щих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским»⁴⁹, тем не менее важным моментом было утверждение Соловьева об автохтонном восточноевропейском происхождении имени Русь.

Выводы

В эпохальном труде крупнейшего российского историка С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» отразился целый ряд западноевропейских утопий, повлиявших на развитие его концепции о возникновении русского государства и института верховной княжеской власти, который Соловьев именовал «правительственным началом».

Внутренним стержнем этой концепции было стремление историка запечатлеть феномен «общественного устройства» славянских племен в движении, в процессе эволюционных перемен и показать постепенный переход от слабеющих родовых связей к новой «жизни гражданской», давшей единство против родовых усабиц. К важнейшим достижениям Соловьева относятся его мысли о том, что междоусобицы в догосударственный период русской истории являются общеисторическими закономерностями, характерными для всех народов на определенном этапе исторического периода.

Но в размышлениях Соловьева о том, что народы германского племени оставили формы родового быта раньше славян вследствие переселения на римскую почву, где они приняли римские идеи и формы государственные, проявляются готицистские теории о германцах — наследниках римских государственных традиций и носителях этих традиций в Европе. Развитием этой же мысли является утверждение историка о выходцах из скандинавских стран как представителях «германского племени», принесших «правительственное начало» ильменским славянам. Утверждение о Скандинавии как старинной колыбели народов, которая высылает многочисленные толпы своих пиратов, явно навеяно образом Рудбековской Швеции как «кузницы народов и матери племен», а также переключается со словами Вольтера о том, что из Швеции вышли полчища готов и заполнили Европу, отвоевав ее у Римской империи.

Во взглядах Соловьева ощущается влияние и теории Общественного договора. Историк считал, что до прихода Рюрика у прииль-

---

⁴⁹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 126.

менских словен был родовой быт и соответственно, отсутствовал верховный институт княжеской власти. А летописные князья до призвания Рюрика характеризовались Соловьевым только как главы родов: князь как начальник одного рода, при этом утверждалось отсутствие наследственности у таких начальников родов.

Сейчас хорошо известно, что институт наследственной власти возникает еще в позднепервобытный период. В общем ходе современных исследований процессов политогенеза обнаружилась утопичность взглядов эпохи Просвещения, согласно которым наследственные институты власти возникают только с появлением государства. При изучении проблематики институтов власти в доклассовых обществах было установлено, что институт наследственной власти зарождается задолго до образования государства, в рамках еще первобытного общества, в недрах которого появляется верховная власть, которую отличает сакрализованный и наследственный порядок преемственности⁵⁰. Эти результаты анализа институтов власти в доклассовых обществах мало учитываются в работах российских медиевистов, занимающихся начальным периодом русской истории, и летописные князья характеризуются примерно также, как это было в XIX в. Вот фрагмент из монографии историка Н.Ф. Котляра, посвященной образованию и развитию государственности восточных славян: «... источники, западные и древнерусские постоянно называют князьями племенных вождей, но это вовсе не означает, что они ими были. Князь в подлинном значении этого термина появится в восточнославянском обществе лишь тогда, когда начнет рождаться государственность»⁵¹. Как видим, князь и государственность в русской истории по-прежнему неотделимы друг от друга. Подобный подход мог быть оправдан в XIX в., но явно изжил себя в XXI в.

Литература

Буслаев, Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. — Москва : Универ. тип., 1848. — 211 с.
Грот, Л.П. Большая игра: Британия и США против России // Электронный ресурс: <http://pereformat.ru/2017/04/bolshaya-igra-protiv-rossii/>. (Дата обращения 08.04.2017).

⁵⁰ Грот Л.П. Рюрик и традиции наследования власти в догосударственных обществах // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX—XXI вв. Липецк, 2009. С. 33—72.

⁵¹ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 35.

- Грот, Л.П.* Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии. — Москва : «Русская панорама», 2010. — 619 с.
- Грот, Л.П.* Рюрик и традиции наследования власти в догосударственных обществах // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX—XXI вв. — Липецк : Липецкий государственный педагогический университет, 2009. — С. 33—72.
- Дворниченко, А.Ю.* Государство Киевская Русь» как историографический феномен // Ранние формы политических систем. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2012. — 383 с.
- Дитяткин, Д.Г.* Проблема образования Древнерусского государства в отечественной исторической науке второй половины XIX в. — Москва : «Проспект», 2018. — 208 с.
- Дьяченко, Г.* Полный Церковно-славянский словарь. — Москва : Тип. Вильде, 1899. — 1120 с.
- Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. — Москва : Издательство восточной литературы, 1960. — 436 с. .
- Карамзин, Н.М.* История государства Российского. — Кн. I. — Москва : «Книга», 1988. — 162 с.
- Котляр, Н.Ф.* Древнерусская государственность. — Санкт-Петербург : Алетея, 1988. — 443 с.
- Нильсен, Й.П.* Рюрик и его дом. — Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 1992. — 69 с.
- Миллер, Г.Ф.* О происхождении имени и народа российского // В кн.: Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. — Москва : «Русская панорама», 2006. — 464 с.
- Миллер, Г.Ф.* О народах, издревле в России обитавших / С немецкого на российский язык переведено И. Долинским. — Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1773. — 132 с.
- Мыльников, А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. — Санкт-Петербург : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 320 с.
- Проклопий из Кесарии.* Война с готами. Перевод с греческого С.П. Кондратьева. Вступительная статья З.В. Удальцовой. — Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1950. — 519 с.
- Рыбаков, Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. — Т. I. — Москва : Наука, 1993. — 592 с.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. — Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1959. — 818 с.
- Фомин, В.В., Исакова, Л.В.* Вклад Густава Эверса в изучение начального периода истории Руси // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018. — Vol. 17. — № 1. — С. 151—174.
- Шлецер, А.Л.* Нестор. — Ч. I. — Санкт-Петербург : Печатано в тип. К. Шнора, 1809. — 686 с.
- Hartknoch, Ch.* Alt und neues Preussen oder Preussischer Historien zwey Theile. — Frankfurt ; Leipzig : Hallervorden, 1684. — 668 s.
- Haslag, J.* «Gotic» im 17. und 18. Jahrhundert. — Köln : Böhlau Verlag, 1963. — 203 s.
- Johannesson, K.* Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. — Stockholm : Almqvist & Wiksell international, 1982. — 334 s.
- Svennung, J.* Zur Geschichte des goticismus. — Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1967. — X, 116 s.
- Rudbeck, O.* Atland eller Manheim. — Uppsala och Stockholm : Första delen. Almqvist & Wiksells boktryckeri AB, 1937. — 708 s.
- Voltaire. Karl XII. — Stockholm : Natur & Kultur, 1993. — 304 s.

Л.В. Пашкова

С.М. Соловьев о причинах возвышения Москвы, завещаниях московских князей (Ивана Калиты, Семена Гордого, Ивана Красного, Дмитрия Донского) и договоре Калитовичей 1348 года

S.M. Solovyov on the reasons for the rise of Moscow, the testaments of the Moscow princes (Ivan Kalita, Semyon Gordy, Ivan Krasny, Dmitry Donskoy) and the treaty of Kalitovich in 1348

Аннотация: Статья посвящена краткому обзору взглядов С.М. Соловьева на причины возвышения Москвы, а также его характеристике завещаний Ивана Калиты и его ближайших преемников: Семена Гордого, Ивана Красного, Дмитрия Донского.

Ключевые слова: возвышение Москвы, духовные грамоты, Владимирское княжество, удел, вотчина, частный акт, ордынский фактор, родовые и государственные отношения, докончание, единовластие.

Annotation: The article is devoted to a brief review of S.M. Solovyov's views on the reasons for the rise of Moscow, as well as his characteristics of the testaments of Ivan Kalita and his closest successors: Semyon Gordy, Ivan Krasny, Dmitry Donskoy.

Keywords: Elevation of Moscow, Testaments, Vladimir Principality, Inheritance, Patrimony, Private act, Horde factor, Family and political relations, Treaty, Monarchy.

С.М. Соловьев — крупнейший историк середины и второй половины XIX века, которого традиционно относят к государственной школе русской историографии. Однако он привнес в ее концепцию столько нового, что стоит несколько особняком и воспринимается как вполне самостоятельная фигура в отечественной исторической науке. Например, говоря вслед за представителями государственно-юридического направления о влиянии географической среды на жизнь общества и важной «роли государства в организации общественных сил», историк придавал большее значение народной жизни, проявлявшейся в колонизации восточноевропейской равнины, — процессу, который во многом определил возвышение Москвы¹.

---

¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 323, 325.

В отечественной науке еще в 1830-е гг. были предприняты первые попытки определить общеисторические, объективные условия образования и возвышения Московского княжества во время правления Ивана Калиты и его ближайших преемников: Семена Гордого, Ивана Красного, Дмитрия Донского. Например, Н.В. Станкевич (1834 г.), М.П. Погодин (1846 г.) выделяли такие факторы усиления Москвы, как выгодное географическое положение города, умелая политика Даниловичей в Орде, поддержка церкви и бояр². Из этих идей С.М. Соловьев принципиальное значение отводил географическому фактору, который, по мнению ученого, определил территориальный рост Московского княжества и его постепенное превращение в вотчину великого московского князя. Ученый отметил, что Москва, находясь на границах старой, Южной, и новой, Северо-Восточной, Руси, стала связующим звеном между ними и превратилась в центр притока населения от набегов из Орды.

Также ученый подчеркнул значение экономического фактора возвышения Москвы — накопления у Даниловичей земель и денег, которые «не только служили для продовольствия двора, но шли также в торговлю», благодаря чему князья стали материально сильнее. Эти выводы историка имели важное значение, так как главный предшественник Соловьева Н.М. Карамзин при изучении возвышения Москвы акцентировал внимание на поддержке Орды и субъективном факторе — личностях и политике московских князей³. Впрочем, Соловьев не отрицал значимости умелых действий Даниловичей, которые, пользуясь выгодами своего положения, сумели расширить наследственные владения⁴. Таким образом, Соловьев характеризовал их как собственников земель — хозяев, которые больше заботились о присоединении и сбережении наследственных и приобретенных вотчин, чем о решительных политических мерах по усилению своего великокняжеского статуса, который напрямую зависел от накопленной ими материальной силы.

² *Станкевич Н.В.* О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Ученые записки императорского Московского университета. 1834. № 2. С. 43, 47, 247, 255, 277; *Погодин М.П.* О Москве // Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 140, 145, 152.

³ *Рубаник В.Е.* К дискуссии о причинах и предпосылках образования Русского централизованного государства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5 (8). С. 100.

⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Он же.* Сочинения. Кн. II. Т. III. М., 1988. С. 444, 460—461, 482.

По замечанию В.А. Кучкина, заслугой Соловьева является то, что он «впервые попытался определить географию владений московских князей, относившихся к их уделам волостей и селений». Он сравнивал территориальные единицы, упомянутые в их завещаниях и междукняжеских договорах, с картами и списками земель XIX века. Однако Кучкин отметил, что ученый использовал устаревшую методологию, которая не позволила ему верно определить местоположение некоторых земель; кроме того, он допустил ряд географических ошибок⁵. Заслуга Соловьева в изучении возвышения Москвы несомненна, однако он уделил меньше внимания другим княжествам, которые выступали соперниками Москвы в собирании земель.

Предшественники и современники Соловьева придавали большое значение умелой ордынской политике Даниловичей в Орде. Например, его учитель М.П. Погодин утверждал в 1846 г., что Ивану Калите удалось прочно закрепить великокняжеское достоинство за Москвой, поскольку он снискал «вполне доверенность хана своими услугами», так что последний «дает московскому князю Владимир, а все князья получают приказание его слушаться»⁶. Соловьев же считал ордынский фактор второстепенным в истории Московского княжества, указывая, что постепенно «князья освобождались совершенно от татарского влияния на свои внутренние распоряжения...»⁷.

Превращение Москвы в центр собирания русских земель Соловьев считал временем борьбы родовых и государственных начал, завершившейся победой последних. Историк считал этот этап (от правления Ивана Калиты до Ивана IV) третьим периодом в русской истории, когда произошло объединение удельных княжеств вокруг Москвы.

Развивая в рамках государственной школы теорию эволюции родовых отношений в государственные, ученый отметил усиление княжеской власти в рассматриваемый период. Однако историк полагал, что вплоть до XVI в. в Московском княжестве не утвердились окончательно политические отношения, так как в княжеском семействе шла борьба между старшими и удельными правителями. По мере ликвидации старых пережитков «Северо-Восточная Русь собирается в одно целое... московские князья пользуются выгод-

⁵ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 14.

⁶ Погодин М.П. О Москве. С. 137, 139.

⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. II. Т. III. С. 477.

ным положением своей срединной области, наибольшим стечением в нее народонаселения, богатеют, усиливаются, подчиняют себе остальных князей», в результате чего «родовые княжеские отношения должны уступить место единовластию»⁸.

Соловьев разработал теорию особого вотчинного, землевладельческого хозяйства, которую впоследствии продолжил В.О. Ключевский. По мнению историка, земли стали материальной основой политического усиления московских князей. В отличие от других представителей государственной школы К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, Соловьев не выделял отдельный вотчинный период в истории Московского княжества, а считал его лишь экономической основой нового политического строя⁹.

Исходя из вышеуказанных положений, Соловьев характеризовал завещания московских князей — Ивана Калиты и его ближайших преемников: Семена Гордого, Ивана Красного и Дмитрия Донского. Характеризуя правление Ивана Даниловича, Соловьев в своем фундаментальном труде 1853 г. назвал его «собирателем Русской земли», который «дал современникам почувствовать... выгоды единовластия», а также подчеркнул его заслуги в прекращении набегов Орды на Русь.

Соловьев считал, что духовные грамоты Ивана Калиты (1336 и 1339 гг.) отразили переход междукняжеских отношений из родовых в государственные, т.к. старший наследник, Семен Иванович, получил бóльшую часть волостей («величина уделов следует старшинству, следовательно, самый старший и материально сильнее, при том города его значительнее...») и был экономически сильнее своих младших братьев, Андрея и Ивана Ивановичей, и эти земли должны были составить основу его политического преимущества над ними¹⁰.

Данная характеристика была шагом вперед в изучении духовных, так как другие ученые считали завещания частными актами, не придавая им политического значения. Например, М.П. Погодин в 1835 г. отметил, что Иван Данилович, стремясь уравнять уделы своих сыновей, распорядился московскими землями на семейном основании, не думая «еще об единой державии и все свои приобретения, все наследственные владения и самую Москву разделил поровну между своими сыновьями». Такой характер духовных грамот Ивана Калиты Погодин объяснил тем, что «государственные мысли

---

⁸ Там же. С. 639.

⁹ *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С. 296.

¹⁰ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. II. Т. III. С. 234—235.

не принадлежат его веку», а политическое значение Московского княжества утвердилось только благодаря тому, что правитель, великий князь Владимирский, остался в нем княжить, таким образом решив вопрос о том, что «семенем России быть Москве»¹¹.

То же самое утверждал представитель государственной школы Б.Н. Чичерин, который в 1858 г. отметил, что Иван Калита поделил наследство «между женой и детьми, как свою собственность; он раздает им города, волости, села, разные доходы, движимые вещи, стада, одним словом, все, что ему принадлежит, совершенно на одинаковом основании». По мнению ученого, отсутствие в духовных статьи о переходе наследнику Владимирского княжества свидетельствует об их частном характере. По его словам, Иван Данилович не смог прочно закрепить эти земли, поскольку передача их «тому или другому князю зависела от хана Золотой Орды»¹².

Соловьев же акцентировал внимание на успехах великокняжеской политики Ивана Калиты и, ссылаясь на сведения Никоновской летописи, отметил, что он заранее позаботился в Орде, чтобы Семен Гордый как будущий верховный правитель помимо лучшей доли в вотчине должен был «получить и великокняжескую область Владимирскую с Переяславлем»¹³.

Соловьев сделал очень ценное наблюдение, касающееся правильной датировки завещаний Ивана Даниловича. Он определил, что в грамотах упомянута не первая жена князя Елена, а его вторая супруга — княгиня Ульяна — обстоятельство, которое ставило вопрос о пересмотре даты их составления, так как предшественники историка (М.М. Щербатов, Н.И. Новиков, Н.М. Карамзин, составители «Собрания государственных грамот и договоров» (1813 г.)) относили их к первому периоду правления Ивана Калиты — 1320—1330-м гг. Наблюдения же Соловьева вынуждали отодвинуть датировку на более поздний срок — ближе к концу его правления, когда Иван Калита мог в полной мере подвести итог своей великокняжеской и домениальной политики¹⁴.

¹¹ *Погодин М.П.* Начертание русской истории для гимназий. 2-е изд. М., 1837. С. 101; *Он же.* О Москве. С. 138.

¹² *Чичерин Б.Н.* Опыт по истории русского права. М., 1858. С. 240, 245.

¹³ *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // *Он же.* Сочинения. Кн. XIX. М., 1996. С. 129; *Он же.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. III. С. 234—235.

¹⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. III. Прим. 468 на с. 337; *То же.* Кн. II. Т. IV. Прим. 169 на с. 654; *Кучкин В.А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // *Источниковедение отечественной истории.* М., 1989. С. 207—208.

Рассуждения Соловьева о княжеском землевладении оказали глубокое влияние на его ученика В.О. Ключевского, который, сохранив основные мысли своего учителя, частично переработал «понятие “удела” как собственности... соби́рание земли частно-правовыми приемами прикупа и иных примыслов...»¹⁵. Так, Ключевский считал духовные Ивана Даниловича частными актами, но признал, что именно с них наблюдается «стремление московских князей-завещателей делить свою вотчину на неравные части: размеры каждой части соответствовали степени старшинства получавшего ее наследника».

Этот историк, являясь основоположником экономического направления в отечественной историографии¹⁶, большое значение придавал материальному усилению московских князей за счет средств, получаемых благодаря развитию торговли и выгодному географическому местоположению Москвы. По его мнению, с помощью этих денег они добыли ярлык на Владимирское княжество в Орде в обход других претендентов, хотя их генеалогическое положение не давало им прав на эту территорию¹⁷.

Договор Калитовичей 1348 г. Соловьев характеризовал как результат развития междукняжеских отношений. Историк подчеркнул, что dokonчание доказывает упадок родового строя, поскольку Семен Гордый взял себе звание «не начальника рода княжеского, но главы всей Русской земли, государства» и «требует безусловного повиновения... как государь». Обе стороны «уже не смотрят более на себя, как на братьев, не верят родственному союзу, видят друг в друге отдельных владельцев», и «то одно обстоятельство, что они (Андрей и Иван Ивановичи. — *Л.П.*) заключают договор со старшим, показывает тщету их требований». Ученый придавал принципиальное значение терминологии родства и определению статусов обеих сторон. Сравнивая традиции старины, когда князья называли друг друга не иначе как «брат» и «отец», с реалиями середины XIV в., Соловьев обратил внимание на появление обращения «господин князь великий» по отношению к Семену Гордому. Исследователь считал, что использование этого титула вместе с пунктом о защите земельных уделов является ключевым в dokonчании, отраз-

¹⁵ Пресняков А.Е. С.М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 86.

¹⁶ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 445.

¹⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. М., 1988. С. 20, 30, 37—39.

ив переход от родовых отношений к частновладельческим, которые, в свою очередь, являются ступенью к образованию государства. Соловьев акцентировал внимание на значении статьи, в которой «братья... толкуют о собственности, о своих участках», т.к. ее содержание, по его словам, подтверждает, что возникновение частной собственности на уделы способствовало развитию государственных отношений. По словам В.А. Кучкина, Соловьев первый «обратил внимание на весьма важные аспекты соглашения, касавшиеся... фиксации их (князей. — Л.П.) владельческих прав»¹⁸.

Возражая составителям «Собрания государственных грамот и договоров», Соловьев отметил, что договор не мог быть заключен сразу после смерти Ивана Калиты в 1341 г., хотя не привел аргументов в пользу своего предположения. Вообще в своих работах историк использовал лишь семь статей источника (это меньше, например, чем проанализировал Н.М. Карамзин), и, возможно, поэтому некоторые аспекты, связанные с унаследованием великокняжеской власти после смерти Ивана Калиты, выпали из поля его исследования. Тем не менее, ученый, сославшись на татищевские известия о съезде князей в Москве при Семене Гордом, на котором он выступил как верховный правитель, подчеркнул усиление его великокняжеской власти¹⁹.

Соловьев первый из дореволюционных историков в 1853 г. подчеркнул важность сосредоточения бóльшей части наследства после смерти Семена Гордого у его брата Ивана Красного (в обход вдовствующей княгини Марии Александровны, которая по завещанию мужа 1353 г. должна была владеть великокняжеским доменом), получившего «два удела Московского княжества», которые «соединились теперь в один, и, таким образом, сила великого князя Иоанна увеличивалась вдвое». Соловьев говорил о переходе к нему не только участков в Москве, но и остальных земель Семена Гордого. Он предположил, что, возможно, «у Симеона остался малолетний сын, который скоро умер», хотя допустил, что в дефектном месте завещания речь могла идти о дяде князя Василии, который упомянут в начале грамоты²⁰.

Ученик Соловьева Ключевский несколько иначе взглянул на эту проблему. Распоряжение Семена Гордого о переходе великокняже-

---

¹⁸ Кучкин В.А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. 2009. № 8. С. 116.

¹⁹ Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрика дома. С. 135, 137; *Он же*. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. III. С. 240, 251.

²⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. III. С. 251, прим. 457 на с. 336.

ского удела его вдове он объяснил обычаем «удельного княжеского владения как частной собственностью владельца», когда наблюдалось «постоянное участие княгинь-вдов в наследстве...». По мнению ученого, Семен Иванович руководствовался этим правилом и, «умирая бездетным, завещал весь свой удел жене помимо братьев». Историк, сославшись на духовные Ивана Даниловича, который передал часть вотчины своей жене с дочерьми, отметил, что решение его старшего сына о домене не противоречило практике раздела земель в Московском княжестве. Ключевский сравнил грамоту 1353 г. с положениями Русской Правды и заключил, что личная воля Семена Гордого нарушила нормы этого источника, так как по его завещанию Мария Александровна вместо части наследства должна была владеть всем уделом на правах полной собственности²¹.

Соловьев придавал большое значение концентрации большей части земель в руках старшего наследника московского князя — обстоятельству, которое, по словам ученого, усиливало его власть. Характеризуя завещательные распоряжения Ивана Красного 1359 г., историк в 1853 г. отметил, что «Димитрий (будущий Донской. — *Л.П.*) получил удел дяди Семена», затем после смерти своего младшего брата Ивана в 1365 г. «соединил два участка, при которых владел еще Владимирской великокняжеской областью с прикупам дедовскими; Владимир Андреевич (племянник Ивана Красного. — *Л.П.*) имел только один участок отцовский, борьба между братьями была поэтому невозможна, и Владимир должен был подчиниться распоряжениям Димитрия...»²².

Оценка Соловьева сложной ситуации, сложившейся в Москве после смерти Ивана Красного и кризиса власти из-за малолетства его наследника Дмитрия, несколько отличается от мнения его учителя М.П. Погодина, который в 1846 г., анализируя итоги правления сыновей Ивана Даниловича, большое значение придавал случайности, благодаря которой Москва сохранила единство. По его словам, смерть нескольких представителей «гнезда Калиты» из-за чумы помешала дроблению Москвы, так что осталось всего два наследника: Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич Серпуховский²³.

Характеризуя завещательное распоряжение Дмитрия Донского 1389 г. о передаче Владимирского княжества (которое к концу XIV в. уже перестало быть реальным политическим центром Северо-Вос-

²¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 38.

²² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. III. С. 255.

²³ Погодин М.П. О Москве. С. 142.

точной Руси, но при этом оставалось объектом борьбы между князьями, так как его обладатель считался верховным правителем) старшему сыну Василию (до сих пор ярлык на Владимирский стол выдавался ханами в Орде, и князья не могли передавать его по наследству в прямой нисходящей линии), Соловьев связал этот пункт с внешнеполитическими победами правителя (победой в Куликовской битве, успешной борьбой с Тверским, Рязанским княжествами, Литвой), который «уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля; он уверен и в согласии хана, потому что в случае отказа московский князь так силен, что может обойтись и без хана...».

Исследователь считал, что оговорка завещателя о возможном переходе великокняжеских владений следующему по старшинству сыну, Юрию Звенигородскому и Галицкому, подразумевала бездетную смерть Василия Дмитриевича: «...Здесь, как и во всех других завещаниях, разумеется кончина беспотомственная, ибо речь идет о целом уделе Васильевом, которого отчинная часть, если исключим великое княжение Владимирское, должна была переходить к сыновьям покойного». Данную статью духовной грамоты Соловьев назвал лишь видимой уступкой «прежним родовым понятиям», т.к. на самом деле «великий князь как собственник передает свое право располагать своей собственностью по произволу жене...».

Автор считал, что прочное закрепление за Василием Дмитриевичем великокняжеской Владимирской территории, «уже теперь верно переходившей как отчина в потомство последнего», а также выделение ему дополнительных доходных статей в Москве доказывает, насколько «усилена собственность старшего»²⁴. Поскольку специалист полагал, что «вотчинное владение... составляет материальную опору... политической власти», то указанные распоряжения свидетельствовали, по его мнению, о возникновении государственных отношений, основанных на «начале собственности»²⁵.

Это мнение Соловьева сильно расходилось с точкой зрения другого представителя государственной школы Б.Н. Чичерина, который в 1858 г. указал, что «случайность и частный способ приобретения определяли и случайность разделения» Дмитрием Донским земель, в том числе, — его распоряжения о Владимирском княжестве, которое «не считается чем-то особенным, а ставится наряду

²⁴ Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 155, 159—160; *Он же*. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. III. С. 297, прим. 540 на с. 341; *То же*. Кн. II. Т. IV. С. 447, 465—466.

²⁵ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 333—334.

с другими владениями». Так как Чичерин, в отличие от Соловьева, полагал, что в вотчинный период полностью отсутствовали политические отношения, то он отметил, что вопрос о прямом наследовании Владимирского стола оставался открытым, поскольку «с обладанием великим княжеством соединено было право родового старшинства», которое противоречило господствовавшему в то время порядку, когда «завещатель... распоряжается своими владениями, как безусловно принадлежащим ему имуществом...»²⁶. Таким образом, Соловьев внес большой вклад в изучение духовных грамот московских князей, указав на наличие в них элементов политического сознания и доказав, что они не были лишь семейными, частноправовыми актами. Такой подход позволяет использовать эти источники для изучения становления единовластия и территориального роста Московского государства.

Литература

- Ключевский, В.О. Курс русской истории. — Ч. II. — Москва : Мысль, 1988. — 447 с.
- Кучкин, В.А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. — № 8. — Москва : Индрик, 2009. — С. 101—176.
- Кучкин, В.А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. — Москва : Наука, 1989. — С. 206—226.
- Кучкин, В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. — Москва : Наука, 1984. — 347 с.
- Погодин, М.П. Начертание русской истории для гимназий. 2-е изд. — Москва : Университетская типография, 1837. — 411 с.
- Погодин, М.П. О Москве // Историко-критические отрывки. — Москва : Типография Августа Семена, 1946. — С. 131—161.
- Пресняков, А.Е. С.М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Сб. статей. — Вып. 5. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1963. — С. 76—86.
- Рубаник, В.Е. К дискуссии о причинах и предпосылках образования Русского централизованного государства // Вектор науки ТГУ. — № 5 (8). — Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2009. — С. 100—105.
- Рубинштейн, Н.Л. Русская историография. Москва : ОГИЗ Госполитиздат, 1941. — 659 с.
- Соловьев, С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // Сочинения. — Кн. XIX. — Москва : Мысль, 1996. — 526 с.
- Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. — Кн. II. — Т. III—IV. — Москва : Мысль, 1988. — 765 с.
- Станкевич, Н.В. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Ученые записки императорского Московского университета. — № 2. — Москва : Университетская типография, 1834. — С. 247—279.
- Чичерин, Б.Н. Опыты по истории русского права. Москва : Типография Эриста Фаркиехта и К^о, 1858. — 393 с.

²⁶ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 246, 270—271.

Е.И. Малето

О становлении дипломатической службы великого княжества Московского в трудах С.М. Соловьева

On the formation of the diplomatic service of the grand duchy of Moscow in the works of S.M. Solovyov

Аннотация: В статье анализируются взгляды известного русского историка XIX века С.М. Соловьева на процессы формирования Русского государства и становления дипломатической службы великого княжества Московского в конце XIV — первой половине XV столетия.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, внешнеполитические факторы исторического развития, дипломатическая служба, великое княжество Московское, государственное строительство, русская средневековая история, удельная Русь, образование Русского централизованного государства, единодержавие, самодержавие.

Annotation: This article analyzes the views of the famous Russian historian of the XIX century S.M. Solovyov on the process of formation of the Russian state and the formation of the diplomatic service of the Grand Duchy of Moscow at the end of the XIV — first half of the XV century.

Keywords: S. M. Solovyov, Foreign policy factors of historical development, Diplomatic service, The Grand Duchy of Moscow, State construction, Russian medieval history, Specific Rus, Formation of the Russian centralized state, The autocracy, The monarchy.

Концептуальное осмысление вопросов формирования Русского государства и, прежде всего, определявших его факторов, историографы связывают с посткарамзинской наукой середины XIX столетия и, в частности, с появлением «новой исторической школы» С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина¹.

Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — профессор Московского университета, автор «Истории России с древнейших времен»², изданной в 29 томах в период с 1851 по 1879 гг., сторонник цивилизационного подхода, который был впервые сформулирован им в рус-

¹ Сахаров А.М. Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе. (Из истории русской исторической науки): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 1972. С. 13—14; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 45—49.

² Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. В 18-ти кн. М., 1988.

ской исторической науке, по праву считается одним из основоположников «государственной школы» в отечественной историографии.

Свою научную деятельность знаменитый историк начал в 1840-е годы XIX столетия и очень скоро стал крупнейшей фигурой русской историографии. Именно в это время в процессе создания «органической» концепции истории России, отразившем полемику славянофилов и «новой исторической школы», проблема образования Московского государства и, прежде всего, факторов государственного строительства, приобрела характер самостоятельной научной проблемы.

Политические процессы, протекавшие внутри Великого княжества Московского, его внутреннее устройство, между княжеские отношения, вопросы государственного строительства, междоусобная борьба князей, противоборство великого княжества Московского с Литвой и тонкие хитросплетения средневековой дипломатии стали излюбленной темой С.М. Соловьева — историка.

Вслед за Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьев полагал, что время государственной раздробленности было своего рода смутой, «временем темным, молчаливым». Центром объединительного процесса в силу многих причин (экономических, политических) стала Москва. Со времени Ивана Калиты она оказалась во главе Владимирского великого княжества, а затем формирующегося Русского государства. Предшественники С.М. Соловьева — дворянские историки — объясняли возвышение Москвы всецело особыми личными качествами московских князей. В противовес им, С.М. Соловьев подчеркивал объективные факторы, обусловившие интенсивный приток сюда населения: удобные речные пути, благоприятные условия для земледелия, удаленность от Золотой Орды, которые прежде всего и определили то, что «Москва собрала около себя Северо-Восточную Русь».

Образование Русского централизованного государства, согласно его концепции, было исторически подготовленным явлением, а Иван III стал лишь «счастливым потомком целого ряда умных, трудолюбивых и бережливых предков». Комплексное рассмотрение внешнеполитических факторов в историческом развитии удельной Руси, наряду с природно-географическими, демографическими и этническими факторами принадлежит также к числу несомненных заслуг ученого.

По мнению С.М. Соловьева, «три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа

племени, к которому он принадлежит, ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают»³.

Ученый много и образно писал о борьбе «леса» со «степью», т.е. оседлых народов с кочевниками, «старых» и «новых» городов, передовых начал европейской цивилизации с отжившими формами общественной жизни. При этом справедливо отмечал, что в этой борьбе с азиатскими кочевниками русский и другие славянские народы прикрывали Западную Европу. Формирование единого государства связывал с острой борьбой государственных отношений с родовыми. Развитие первых шло по линии расширения и укрепления централизации, перехода от «единодержавия» к самодержавию». Препятствием на этом пути была удельная система, самовластие князей и боярской знати в своих владениях⁴.

Государство, подчеркивал С.М. Соловьев, является воплощением особенностей общества. При этом его взаимодействие с государственной (княжеской) властью носило однонаправленный характер: «Если князья могли влиять на изменение общественного устройства, то сам род Рюрика, как род владетельный не подчинялся влиянию никакого другого начала»⁵.

Само появление Московского государства — «единодержавного» и «самодержавного», полагал он, имело в своей основе подчинение общества государственной власти князей. Иначе говоря, общество в процессе государственного строительства играло пассивную роль «строительного материала», полностью зависящего от воли государственной власти. Духовенству, как его части, придавалось, в общем, такое же значение.

Оценка С.М. Соловьевым церковного участия в государственном строительстве XIV—XV вв. подробной характеристики в его трудах, к сожалению, не получила, и представлялась им лишь в общих чертах как «содействие возвеличиванию Москвы... и утверждению единовластия» так, что «когда московские князья начали стремиться к единовластию, то стремления их совершенно совпали со стремлениями духовенства»⁶.

Как отмечают современные исследователи, «факты активного участия представителей церкви в политических процессах эпохи

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1988. С. 27.

⁴ Там же. Кн. I. Т. 1—2. М., 1988. С. 56—73.

⁵ Там же. Кн. II. Т. 4. М., 1988. С. 442, 636, 639.

⁶ Там же. С. 403.

формирования государства, интерпретировались С.М. Соловьевым лишь как действия одного из элементов системы московского великокняжеского управления. Этот элемент ограничивался кругом высшей церковной иерархии, представлявшим...определенное направление в реализации власти московских князей»⁷.

В целом, представления С.М. Соловьева об общественных противоречиях и государственном строительстве позволили по-новому осветить многие стороны исторического развития России, привлечь и ввести в научный оборот ранее не опубликованные исторические источники (в частности, материалы посольских книг XV в., в которых содержалась переписка Ивана III с литовским князем Александром по вопросу о не принуждении своей жены Елены — дочери Ивана III — к переходу в католическую веру и др.)⁸, встать не только у истоков изучения института княжеской власти удельной Руси, но также внешнеполитических и историко-дипломатических проблем. Как известно, С.М. Соловьев изучал отечественную историю в тесной связи с мировой, особенно при рассмотрении вопросов внешней политики.

Органическая связь его исторической и историографической концепции заключалась в том, что к оценке всех явлений он подходил с одних и тех же позиций, стремился определить закономерность их развития и показать преемственность исторических процессов, рассматривая историю возникновения и развития Русского государства и государственности в целом, как внутренне обусловленный процесс, прежде всего, выраженный в явлениях и событиях политической истории.

В работах С.М. Соловьева одни исторические явления впервые стали предметом изучения, другие получили более верную и глубокую оценку сравнительно с предшествующими упоминаниями о них в исторической литературе, но с точки зрения советской, а тем более — современной российской историографии, там многое, безусловно, упущено⁹.

⁷ Цит. по: *Гребенюк А.В.* Православная церковь и государственное объединение Северо-Восточной Руси в конце XIV — начале XV. столетий: проблемы отечественной историографии. Нижний Новгород, 2014. С. 27.

⁸ *Столяров А.М.* Взгляд С.М. Соловьева на проблему образования Великого княжества Литовского // *Филология и культура. Philology and culture.* 2013. № 1 (31). С. 198—201.

⁹ *Иллерицкий В.Е.* Советские историки о С.М. Соловьеве // *Вопросы истории,* 1981, № II. С. 124—130; *Сахаров А.М.* История России в трудах С.М. Соловьева // *Вестник Московского университета. История,* 1971, № 3. С. 73—87.

В понимании общего хода исторического развития историк, естественно, опирался на современные ему философско-исторические идеи, выдвинутые передовыми представителями европейской общественно-научной мысли. Огромная научная заслуга С.М. Соловьева в том, что он, исходя из таких идей, привлекая множество нового исторического материала, создал целостную картину исторического развития России с древнейших времен почти до середины XIX века. В этом, пожалуй, нет С.М. Соловьеву — историку равных ни в русской, ни в мировой исторической науке.

Дальнейшее развитие темы образования единого государства получило свое продолжение в трудах ученика и преемника С.М. Соловьева по кафедре русской истории в Московском университете — В.О. Ключевского¹⁰; Н.А. Полевого¹¹; К.Н. Бестужева-Рюмина, который главной причиной успеха московских князей в борьбе за Великое княжение Владимирское считал «ловкость и такт» москвичей в обращении с Ордой¹²; его ученика и представителя петербургской историографической школы — С.Ф. Платонова¹³; А.Е. Преснякова¹⁴; позднее — в работах уже советских и современных российских историков (В.В. Мавродина; Л.В. Черепнина; Я.С. Лурье; В.А. Кучкина, Г.В. Вернадского и проч.)¹⁵. Шло оно, в основном, по пути конкретизации входящих в нее вопросов и выделения новых, ранее не изученных, или мало изученных аспектов.

Одним из них стала проблема формирования дипломатической службы Великого княжества Московского (далее — ВКМ) эпохи государственного объединения, у истоков пробуждения научного интереса к которой тоже стоял С.М. Соловьев.

В частности, ему принадлежит заслуга систематизации летописных данных о боярах (старших и младших), о казначеях, кормилицах, княжеских воеводах и дьяках, осуществлявших диплома-

¹⁰ *Ключевский В.О.* Курс русской истории Кн.П.М., 1988. С. 15—19, 45; *Он же.* Боярская Дума Древней Руси. М., 1882; *Он же.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

¹¹ *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 1—6. М., 1829—1883.

¹² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 1. СПб., 1881. С. 389, 391.

¹³ *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Пг., 1917.

¹⁴ *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

¹⁵ *Мавродин В.В.* Образование единого русского государства / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1951; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984; *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998 и др.

тическую работу по поручению князя в период правления великих князей московских Василия Дмитриевича I и Василия Васильевича II (Темного), главным содержанием правления которого была длительная феодальная война второй четверти XV в., развернувшаяся в московском княжеском доме. Причиной смуты оказались притязания на великое княжение со стороны сына Юрия Звенигородского — Дмитрия Шемяки.

Итак, отмечает С.М. Соловьев, важнейшее влияние на государственные дела при великом князе Василии I Дмитриевиче оказывал сначала боярин Федор Андреевич Кошка, а потом сын его Иван, «подле которых мы видим и родичей их младших сыновей Федора Кошки — Федора Федоровича и Михаила Федоровича, и родного племянника его Игнатия Семеновича Жеребцова, бывшего коломенским воеводою и убитого в сражении с пронским князем»¹⁶.

Старшими боярами, ссылаясь на письмо хана Эдигея, опубликованного в Собрании государственных грамот и договоров (СГГиД. Ч. 2. № 15. С. 16—17.), которое тот прислал великому князю Василию, возвращаясь от Москвы в степи, С.М. Соловьев называет Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, из которых первый, по родословной, оказывается сыном известного Ивана Родионовича Квашни.

В летописях, отмечает С.М. Соловьев, «знаменитый боярин Донского Федор Андреевич Свибл больше не упоминается; но в духовных грамотах своих великий князь Василий говорит о селах Федора Свибла, которые он взял за себя, и о холопах, которых он отнял у него: это выражение указывает на опалу; но между боярами Василия упоминается родной брат Свибла Михаил Андреевич Челядня. Из известных нам прежде родов и лиц упоминаются также между боярами: Константин Дмитриевич Шея, сын Дмитрия Александровича Зерна, внук Четов; Иван Дмитриевич, сын Дмитрия Всеволожа; Владимир Данилович Красный-Снабдя, бывший наместником в Нижнем Новгороде; Даниил и Степан Феофановичи Плещеевы, родные племянники св. митрополита Алексея... Из неизвестных упоминаются: Дмитрий Аффинеевич, подписавшийся на первой духовной Василия на третьем месте; Андрей Албердов, занявший Двинскую землю; Александр Поле, Иван Марин (оба под 1401 годом); Селиван (или Селиван Борисович, внук Дмитрия Михайловича Волынского, или Селиван Глебович Куту-

¹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 4. С. 378.

зов); Дмитрий Васильевич, Степан Васильевич; наместником в Нижнем Новгороде вместе с Владимиром Даниловичем Красным были Григорий Владимирович и Иван Лихорь...»¹⁷.

По-мнению С.М. Соловьева, «в княжение Василия Темного чаще, чем прежде, встречаются имена служилых людей, бояр и воевод московских. ...Из князей Рюриковичей на службе московского князя виднее других являются князья Ряполовские и Палецкий, потомки Ивана Всеволодовича Стародубского и Оболенские, потомки св. Михаила черниговского. ...Из старых московских знатных фамилий прежнее значение удерживает фамилия Кобылиных-Кошкиных, которой представителями в княжение Темного являются Андрей Федорович Голтяев, внук старого главного советника при Василии Дмитриевиче, Федора Кошки, через второго сына его, Федора Голтяя, и другой внук того же Федора Кошки через третьего его сына, Александра Беззубца, Константин Александрович Беззубцев. ...Из знаменитой фамилии Акинфовых упоминается Федор Михайлович Челяднин. Верными слугами Темного являются члены другой древней фамилии — Плещеевы: Михаил Борисович и двоюродный брат его Андрей Федорович, правнуки Александра Плещеева, младшего брата св. Алексея, митрополита: Михаил был отправлен захватить Москву под Шемякою, Андрей — объявить в Москве об освобождении великого князя из татарского плена...»¹⁸.

Дипломатическая служба как особый вид профессиональной деятельности всегда являлась «службой государевой» и пользовалась со стороны государства пристальным вниманием, поскольку от эффективности ее функционирования зависел не только имидж государства на международной арене, но и выполнение конкретных внешнеполитических задач. Поэтому не удивительно, что изучение ее исторического прошлого привлекло внимание и С.М. Соловьева-историка.

Сегодня, в условиях переосмысления роли дипломатии в историческом процессе, анализ этого вопроса как никогда актуален. Важное значение приобретает также историческая составляющая зарождения, развития и эволюции дипломатической службы и государственного аппарата России.

Проблема давно обратила на себя внимание исследователей. Наряду с упомянутыми выше трудами и научными выводами С.М. Соловьева, достаточно вспомнить классические работы

---

¹⁷ Там же. С. 378—379.

¹⁸ Там же. С. 435—437.

В.И. Саввы, Н.П. Лихачева, С.А. Белокурова, С.К. Богдавленско-го, С.Б. Веселовского¹⁹.

Большую исследовательскую работу по сбору сведений о личном составе административных служб в конце XV—XVI вв. провел А.А. Зимин²⁰.

О зарождении чиновничьего аппарата Русского государства с точки зрения генеалогии писала известный медиевист М.Е. Бычкова. Ей же принадлежит авторство монографии, посвященной родословным книгам XVI—XVII вв.²¹

Важный вклад в изучение канцелярии московских великих князей внес В.А. Водов²². В ходе своих научных изысканий, ученый пришел к выводу, что «в XIV — и начале XV в. канцелярское делопроизводство велось при московском дворе под непосредственным контролем либо самого князя или очень близкого к нему человека, либо ограниченного круга бояр. Сосредоточенное в великокняжеской казне, это делопроизводство оставалось «дворцовым» и не породило ярко очерченного института «канцелярии» (в узком смысле этого термина), а слилось с другими функциями великокняжеского дворца. Практически это делопроизводство остается малоизвестным из-за скудости источников»²³.

Подвел итоги предшествующих исследований и предложил свою концепцию развития аппарата управления средневековой России Ю.Г. Алексеев²⁴. Ученый подробно и обстоятельно проанализировал процесс превращения Русской земли в единое государство, продолжавшийся почти два века. Историческим центром этого процесса

---

¹⁹ *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901 [переиздано — М., 2012.]; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888; *Белокуров С.А.* О Посольском Приказе. М., 1906; *Богдавленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2006; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. / Под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина М., 1975.

²⁰ *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971, Вып. 87. С. 219—286; *Он же.* Витязь на распутье. М., 1991.

²¹ *Бычкова М.Е.* Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства. Генеалогические заметки // Русско-литовская знать XV—XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика М., 2016. С. 174—183; *Она же.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

²² *Водов В.А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV—1425 г.) // Исторические записки. Вып. 103. М., 1979.

²³ Цит. по.: *Водов В.А.* Указ. соч. С. 346.

²⁴ *Алексеев Ю.Г.* «У кормила Российского государства»: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998.

явилась Москва, а основным стержнем — деятельность московских князей, направленная сначала на расширение и укрепление своего княжества, а затем, в силу осознанной необходимости — на создание качественно нового политического организма — государства всея Руси, пришедшего на смену прежнему раздробленному великому княжению. В центре внимания автора — должностные лица аппарата управления московских князей, а затем — государя всея Руси. В эволюции аппарата управления до Ивана III автор выделяет три этапа: 1). Княжеское управление старого типа, основанное на устных распоряжениях характерное для первых московских князей. В небольшом княжестве первых Калитичей его глава сам вникает во все важные дела, бояре-вассалы и советники — непосредственно выполняют его распоряжения. Письменный акт не нужен — господствует традиция. Княжеские дьяки-писцы мало чем отличаются от рядовых холопов. 2). Великокняжеская власть Дмитрия Донского и его сына опирается на сильно развитый боярский вассалитет. Бояре принимают непосредственное участие в управлении, через их руки проходит первая правительственная документация, а творцы этой документации играют только техническую роль. 3). Острый кризис великого княжения в десятилетия Шемякинской смуты приводит к третьему этапу. На сцене появляется эмансипированный дьяк, через которого посредством письменных распоряжений и управляет теперь Василий Темный. Канцелярия великого князя фактически превращается в центр административной власти. Время Ивана III — развитие той же тенденции и переход ее в новое качество. Появляется функциональная документация в виде посольских, разрядных и писцовых книг, начинается разделение функций прежде единой канцелярии. Тем самым закладываются основы будущей приказной системы. Ю.Г. Алексеев приходит к заключению, что зарождение и развитие дьячества — магистральная линия эволюции аппарата управления от Ивана Калиты до превращения Руси в единое Государство. Именно дьяки и являются управленцами по преимуществу в отличие от бояр, воевод, наместников и др. Время Ивана III — формирование дьяческого аппарата как социально-политического института в системе нового Российского государства. В этот период дьячество приобретает более или менее стойкие родовые черты. Эволюция системы управления на Руси от Ивана Калиты до Ивана III отражает общий процесс развития русской государственности — от патримониального княжества — к централизованному государству. Социальная гибкость и не замкнутость дьячества, а главное — непосредственная подчиненность дьяков ве-

ликокняжеской власти не дают оснований, по мнению историка, говорить о «касте» дьяков Ивана III. В целом формирование слоя профессиональных чиновников с точки зрения Ю.Г. Алексева, началось задолго до середины XVI в. и было неразрывно связано с образованием русского централизованного Государства.

Уже в 2000-е годы И.Г. Пономарева продолжила традиции своих предшественников и опубликовала в «Археографическом ежегоднике» поименный список великокняжеской канцелярии при Василии II²⁵. Исследовательница отметила, что сам термин «канцелярия» весьма условен и используется историками за неимением какого-либо другого, более подходящего. Специалисты не единожды предпринимали попытки составить подобные списки великокняжеской канцелярии. Часть дьяков первой половины XV в. названы в содержащих биографические сведения списках С.Б. Веселовского и А.А. Зимина, но оба историка сосредоточили свое внимание на периоде после правления Василия II. А.А. Зимину были известны поименно десять дьяков Василия II Ю.Г. Алексеев, специально исследовавший происхождение и деятельность лиц, входивших в штат канцелярии XV в. насчитал около двух десятков представителей дьяческого аппарата Василия II. Однако более внимательный подсчет позволил исследовательнице выделить более 30 подъячих, дьяков, дьяков введенных, казенных дьяков и казначеев Василия Темного. Она приводит их поименный список с указанием сведений о них по известным в настоящий момент источникам. Среди них — дьяк Василий Мамырев, подъячий князя великого Демех Трегубов, Иван Котов, Владимир Григорьевич Ховрин и другие.

Вопросы развития дипломатической службы и государственного аппарата находятся в центре профессиональных интересов и других современных исследователей: публикации Л.В. Мошковой и старшего советника историко-документального департамента МИД РФ Г.Н. Песковой в этом ряду безусловно заслуживают упоминания²⁶.

Таким образом, благодаря усилиям представителей отечественной науки, которые развили и во многом дополнили научные изыскания

²⁵ Пономарева И.Г. Великокняжеская канцелярия при Василии Темном (Поименный список) // Археографический ежегодник за 2006 г. М., 2011. С. 118—143.

²⁶ Мошкова Л.В. Русские посольские книги: начало формирования // Конференция Великое стояние на р. Угре и формирование централизованного Российского государства. Калуга, 2017; Пескова Г.Н. Становление и развитие дипломатической службы России в IX—XV вв. Режим доступа: <https://idd.mid.ru/-/stanovlenie-i-razvitie-diplomaticeskoy-sluzby-rossii-v-ix-xv-vv-> [Электронный ресурс историко-документального департамента МИД РФ].

В.М. Соловьева, оказалось возможным проследить изменения в статусе великокняжеской канцелярии, тесно связанной с личностью великого князя, процесс сращения служилых и аристократических фамилий средневековой Руси и другие вопросы, а также систематизировать богатый фактический материал по государственно-политической истории России и международных отношений, заложить основы для расширения диапазона научных исследований по данной проблематике. Однако при всей фундаментальности трудов указанных авторов, они являются все же составными частями большого мозаичного панно, т.к. в целом проблема и сегодня остается в полной мере не решенной, в том числе, монографически.

Подытоживая рассуждения о взглядах С.М. Соловьева на процессы формирования Русского государства и становления дипломатической службы великого княжества Московского в конце XIV — первой половине XV столетия, отметим, что сохранив свою актуальность до настоящего времени, труды С.М. Соловьева являются ключом к пониманию важнейших вопросов государственного строительства (его внутренних и внешних закономерностей), составляющих целостность течения всей русской истории. Пытливый ум современных исследователей при внимательном и тщательном «прочтении» творческого наследия С.М. Соловьева, без сомнения, обнаружит еще много интересных направлений и идей, важных для понимания истории нашего Отечества.

Литература

- Алексеев, Ю.Г.* «У кормила Российского государства»: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. — Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 1998. — 352 с.
- Белокуров, С.А.* О Посольском Приказе. — Москва : Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1906. — 170 с.
- Бестужев-Рюмин, К.Н.* Русская история. — Т. 1. — СПб. : Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1881. — 742 с.
- Богоявленский, С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков / Отв. ред. С.О. Шмидт. — Москва : Языки славянской культуры, 2006. — 603 с.
- Бычкова, М.Е.* Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства. Генеалогические заметки // Русско-литовская знать XV—XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. — Москва : Квадрига, 2016. — 368 с.
- Бычкова, М.Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. — Москва : Наука, 1975. — 215 с.
- Вернадский, Г.В.* Русская историография. — Москва : «Граф», 1998. — 448 с.
- Веселовский, С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. / Под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина. — Москва : Наука, 1975. — 611 с.
- Водов, В.А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV—1425 г.) // Исторические записки. — Вып. 103. — Москва : Наука, 1979. — 373 с.
- Гребенюк, А.В.* Православная церковь и государственное объединение Северо-Восточной Руси в конце XIV — начале XV столетий: проблемы отечественной историографии. — Нижний Новгород : ННГАСУ, 2014. — 174 с.

- Зимин, А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. — Вып. 87. — С. 219—286.
- Зимин, А.А.* Витязь на распутье. — Москва : Мысль, 1991. — 286 с.
- Иллерицкий, В.Е.* Советские историки о С.М. Соловьеве // Вопросы истории, 1981, № II. — С. 124—130.
- Ключевский, В.О.* Курс русской истории — Кн. II. — Москва : «Мысль», 1988. — 447 с.
- Ключевский, В.О.* Боярская Дума Древней Руси. — Москва : тип. б. Миллера, 1882. — 554 с.
- Ключевский, В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. — Москва : Типография Грачева и К^о, 1871. — 465 с.
- Кучкин, В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. — Москва : «Наука», 1984. — 349 с.
- Лихачев, Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. — Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева, 1888. — 559 с.
- Лурье, Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд.], 1960. — 532 с.
- Мавродин, В.В.* Образование единого русского государства / Отв. ред. Д.С. Лихачев. — Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1951. — 328 с.
- Мошкова, Л.В.* Русские посольские книги: начало формирования // Конференция Великое стояние на р. Угре и формирование централизованного Российского государства. — Калуга : [б. и.], 2017. — С. 232—250.
- Пескова, Г.Н.* Становление и развитие дипломатической службы России в IX—XV вв. Режим доступа: <https://idd.mid.ru/-/stanovlenie-i-razvitiye-diplomaticeskoj-služby-rossii-v-ix-xv-vv-> [Электронный ресурс историко-документального департамента МИД РФ].
- Платонов, С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. — Пг., 1917. — 546 с.
- Полевой, Н.А.* История русского народа. — Т. 1. — Москва : в Тип. Августа Семена, при Имп. мед.-хирургической акад., 1829. — 368 с.; — Т. 2. — М., 1830. — 472 с.; — Т. 3. — М., 1830. — 415 с. — Т. 4. — М., 1833. — 366 с.; — Т. 5. — М., 1833. — 666 с., — Т. 6. — М., 1833. — 459 с.
- Пономарева, И. Г.* Великокняжеская канцелярия при Василии Темном (Поименный список) // Археографический ежегодник за 2006 г. — Москва : Наука, 2011. — 460 с.
- Пресняков, А.Е.* Образование Великорусского государства. — Петроград : Изд-во: Тип. Я. Башмаков и К^о, 1918. — 468 с.
- Савва, В.И.* Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, Изд-во: Типография и Литография — Москва : Зильберберг и С-вья. 1901. — 265 с. [переиздано — Москва : «Кучково поле», 2012. — 256 с.].
- Сахаров, А.М.* Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе. (Из истории русской исторической науки): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. — Москва : Изд-во «Моск. ун-та», 1972. — 29 с.
- Сахаров, А.М.* История России в трудах С.М. Соловьева // Вестник Московского университета. История, 1971, № 3. — С. 73—87.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. В 18 кн. — Кн. I. — Т. 1—2. — Москва : «Мысль», 1988. — 797 с.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. В 18 кн. — Кн. II. — Т. 4. — Москва : «Мысль» 1988. — 765 с.
- Столяров, А.М.* Взгляд С.М. Соловьева на проблему образования Великого княжества Литовского // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 1 (31). — Казань : Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. — С. 198—202.
- Черепнин, Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. — Москва : Изд-во «Соц-экономич. литературы», 1960. — 899 с.

Н.В. Гурская

Воззрения С.М. Соловьева на положение казачества в истории России

S.M. Solovyov's views on the position of the Cossacks in the history of Russia

Аннотация: Историко-философские взгляды С.М. Соловьева о казачестве продолжают оставаться предметом пристального изучения и обсуждения в исторической науке.

Ключевые слова: географическое положение, колонизация, военные общины, степные границы, противостояние «леса» и «степи», казацья анархия, социальные особенности, расширение границ.

Annotation: Historical and philosophical views of S.M. Solovyov about the Cossacks continue to be the subject of close study and discussion in historical science.

Keywords: Geographical location, Colonization, Military communities, Steppe borders, Opposition of “forest” and “steppe”, Cossack anarchy, Social features, Expansion of borders.

Сергей Михайлович является одним из основоположников исторического знания о месте и роли казачества в истории России. В своем 29-томном сочинении ученый собрал значительный материал, раскрывающий различные аспекты жизни и деятельности казачества. Факты и явления, выделенные ученым, характеризовали казачество со множества сторон; ряд факторов и признаков, обозначенных историком, повлиявших на складывание самобытных черт казацкой культуры, получил основополагающее значение в деле изучения истории казачества. К их числу следует отнести географическое положение русского государства, внешний фактор опасности (исходивший от кочевых и полукочевых племен), анархический характер поведения казаков (действующих самовольно и противоправно), заинтересованность власти в казацкой службе. Ряд научных вопросов, затронутых историком, не утратил свою актуальность по сей день: временные рамки, предпосылки, причины и условия происхождения казачества, национальная принадлежность казаков в период средневековья, разновидность социального положения отдельных казацких групп, взаимоотношения казачества с центральной властью. В ходе написания многотомного труда исследователь сам пытался разобраться в выявленных научных проблемах, ответить на поставленные научные вопросы.

Сергей Михайлович признавал существование казаков на Руси до монголо-татарского нашествия. Он сравнивал казаков с богатырями, даже обращался к фольклорному источнику (народной песне), где Илью Муромца величали старым «козаком»¹. Ученый писал, что в X веке общество выделяло богатырей также, как в XVII столетии, и этот процесс не прекращался, а на смену старому названию пришло новое — «козаки». Сергей Михайлович называл «днепровскую Украину» (Древнюю Русь) страной военных поселений прежде всего из-за географического положения с ее степными просторами и пустынными пространствами. Именно с географическим положением государства ученый связывал появление казачества на Руси.

Одним из главных явлений русской жизни, по его мнению, являлась колонизация Восточной Европы и Северной Азии. Сергей Михайлович отмечал, что в колонизирующихся странах народонаселение выделяло из себя людей особого типа, предпочитающих новое старому. Надеясь только на собственные силы, такие люди ради выживания вынуждены были соединяться в братства, общины, для которых главным занятием служила война. По мысли Сергея Михайловича, выделение подобных людей и образование ими военных общин с избранным вождем обыкновенно вело к созданию нового государства, «к началу исторической жизни, исторического движения для народа; из подобных людей образуется высшее, вооруженное, народонаселение, которое так или иначе определяет свои отношения к остальной, невооруженной, массе народа»². Процесс образования военных обществ на окраинах Руси происходил в уже образовавшемся государстве. С одной стороны, уход на пограничье сильных людей ослаблял страну, в обществе ощущалась нехватка населения; с другой стороны, удаление беспокойных сил от метрополии создавало благоприятные условия для беспрепятственной централизации государства.

Население Руси изначально было разноплеменным, на «днепровской Украине» встречались разноименные «народцы»: полукочевые, полuosедлые, с воинственным характером, признававшие власть русских князей; к их числу ученый относил торков, берендеев, коуев, турпеев, которые именовались общим названием черные клобуки³. Вслед за Н.М. Карамзиным Сергей Михайлович ссылаясь

¹ Козак — устаревшее наименование казаков в русском обществе.

² Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен / отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев: в 18 т. Т. 13—14. М., 1991. С. 42.

³ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 5—6. М., 1989. С. 306.

на русскую летопись с Воскресенского списка⁴, в тексте которой автор сообщал о том, что черные клобуки и есть черкасы. Черкасами же в московских документах именовали малороссийских казаков. Ученый полагал: поскольку упомянутые «народцы» составляли зерно малороссийского казачества, то, с другой стороны, в Литовской Руси не было также недостатка в причинах, по которым бы к этому зерну не присоединились многочисленные толпы казаков чисто русского происхождения⁵. «Любопытно, — писал Сергей Михайлович, — что против наших русских козаков мусульманский мир от противоположной степной украины выставял также своих казаков»⁶. Вызывало удивление у историка и другое явление: азовский казачий атаман именовался Сенка Ложник (хотя азовские казаки считались татарскими казаками), а донской атаман носил имя Сары-Азман (несмотря на то, что донские казаки считались русскими). Василий III требовал от турецкого султана, чтобы он запретил азовским и белгородским казакам оказывать помощь Литве. Очевидно, что казаки являлись представителями разных национальностей, но судить их деятельность с учетом этого фактора не следовало, так как они действовали, прежде всего, по собственному выбору, исходя, первоначально, из личных интересов. Однако помимо национальности, казаков друг от друга отличало еще и социальное положение.

Более точное описание социального положения казаков-переселенцев Сергею Михайловичу удалось определить по документам, начиная с правления Василия III (начало XVI в.).

Одним из вариантов заселения пограничья являлся законный путь через жалованные и уставные грамоты. При Василии III встречались пожалования дикими лесами с правом ставить там себе дворы и «перезывать посельников». Именно посельники и заинтересовали Сергея Михайловича. В качестве примера он привел текст из уставной грамоты, данной некоему Науму Кобелю: «Имеет Наум право людей к себе звать на те места, нетяглых и неписьменных, добрых и не ябедников, не воров и не разбойников, которые из городов и волостей выбиты»⁷. По мнению ученого, под нетяглыми и выбитыми из волостей людьми подразумевались как раз казаки. Сергей Михайлович описал один из вариантов социального положения русского

⁴ Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. Ч. 2. СПб, 1794. С. 21.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 5—6. С. 306.

⁶ Там же. С. 305.

⁷ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 5—6. С. 304.

казака: в Северо-Восточной Руси «козаками» называли работников, не имевших собственного хозяйства, не имевших земли, даже своего дома, так называемые «бездомовые», живущих за счет собственных трудов. Не привязанные к земле, как это бывало в феодальном обществе, они свободно перемещались с одного места жительства на другое и промысел выбирали себе по способностям и по силам. Приглашались казаки по прибору на окраины страны в качестве работников, вместе с тем на них рассчитывали, как на охрану. Здесь имеет место упомянуть о городских казаках, которые несли службу в городах вместе с другими служилыми людьми, таким образом, они не входили в состав пограничных казачьих братств. В мирное время правительство давало им дворы и пахотную землю, «не брало с них оброка и никаких податей, а во время службы давало им жалованье»⁸.

Другой социальный образ казака Сергей Михайлович сформулировал, когда описывал юго-восточную границу государства, там появились казаки-воины. Рязанские земли являлись наиболее ослабленной стороной российских границ, жители находились в постоянном напряжении, опасаясь набегов, сдерживая степные орды, тем самым, они защищали от нападений внутренние районы Руси. Рязанским казакам поручали выбирать подходящие места для передачи послов в степи; они сопровождали московское посольство в Константинополь. Рязанские казаки хорошо знали места на Дону, и, как писал Сергей Михайлович, они там остановились и впоследствии стали называться донскими⁹. Существование казаков, по мнению ученого, было естественно и необходимо как пограничного воинственного народонаселения, т.к. степные границы постоянно подвергались набегам кочевых племен. Сергей Михайлович подчеркивал следующее: «на степных границах... никто не смел селиться, не имея характера воина, готового всегда отражать нападение, сторожить врага»¹⁰.

Казаки-воины и казаки-работники, по суждению Сергея Михайловича, находились в определенной зависимости от государства,

⁸ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 13—14. С. 71.

⁹ Есть и другие версии заселения Дона казачеством, например, версия от академика Иоганна Готлиба Георги, историка-предшественника Сергея Михайловича. В своем сочинении он писал: *При Татарском еще владении первобытными Козаками, при реке Дон был сделан городок и назван Донским. Всех почти до одного Мещерских казаков, живших по разным городам, царь Иоанн I перевел на Дон, за лучшее почел из тех Козаков сотворить заслон от будущих набегов Татарских* (Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб, 1799. С. 200).

¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 5—6. С. 305.

но он подчеркивал, что московская власть была более заинтересована в переселенцах, чем они в ней, рассчитывая на их деятельность во благо государства. В этом плане ученый писал: «общество должно было постоянно выделять из себя толпы людей, искавших привольные степи, составлявших передовые дружины колонизации, по имени зависевших от государства, на деле мало обращавших внимание на его интересы»¹¹ или «границы запасались козаками, которые находились в большей или меньшей зависимости от государства, более или менее подчинялись его распоряжениям»¹².

Наряду с вышеупомянутыми статусами, Сергей Михайлович привел еще одну социальную позицию, отличительную от предыдущих: между казаками находилось не мало таких, которые тяготились любой зависимостью, они предпочитали вести воинственную, опасную, но более привольную, разгульную жизнь в степи¹³. Эта анархическая часть казачества, примыкая к казачьим военным общинам, вносила свою лепту в дело расшатывания нравов в среде служивых казаков, призванных государственной властью на службу. «Ушедши в степь для воли, козаки могли подчиняться государству номинально, исполняли приказания правительства только тогда, когда это им было выгодно; но при первом разладе их интересов с интересами государства козаки давали резко чувствовать, что они люди вольные»¹⁴. Казаки всех выше перечисленных категорий перемешивались при взаимодействии друг с другом, и между ними стирались различающие их социальные черты. Провинившиеся в чем-либо перед властью, на Дон уходили городовые казаки (прежде находившиеся под ближайшим надзором государства). Таким образом, военные казачьи общины, воспринимаемые властью как пограничная защита, стали рассматриваться как оплот неповиновения.

К причинам возрастания одичалости и безнаказанности казачества ученый относил такие факторы, как отдаленность от метрополии и, как следствие, слабость центральной власти. Казаки, получившие возможность послужить, не всегда исполняли присылаемые приказы и поручения, это мы и видим из письма посла Новосильцева: «Мишкина прибора козак поместный Сила Нозрунов на твою государеву службу не пошел, воротился из Рыльска к себе в вотчину Рыльскую»¹⁵.

---

¹¹ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 5—6. С. 670.

¹² Там же. С. 305.

¹³ Там же. С. 304.

¹⁴ Там же. Т. 13—14. С. 42.

¹⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 5—6. С. 672.

Казачество не ограничивалось неисполнением приказов, часть из них нападала на торговые и посольские суда, занималась разбоем.

В XVI в. увеличилось число документальных свидетельств о недовольстве противоправными действиями казаков. Деятельность пограничного казачества являлась предметом обсуждения на уровне правящей власти соседствующих государств. В княжение Василия III сохранились упоминания о смоленских казаках: «Сигизмунд не раз жаловался великому князю, что они нападали на литовские владения»¹⁶. Хан Саип-Гирей тоже жаловался королю Сигизмунду на черкасских и каневских казаков за то, что они нападали на его воинов, совместно действовали с русскими казаками: «черкасские и каневские властели пускают козакв вместе с козаками неприятеля твоего и моего (великого князя московского), вместе с козаками путивльскими по Днепру под наши улусы и, что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву»¹⁷. В правление Ивана IV Грозного жалоб на казаков не уменьшилось. Отрывок из послания ногайского князя Юсуфа: «Наши люди ходили в Москву с торгом, и, как шли назад, ваши казаки и севруки¹⁸, которые на Дону стоят, их побили»; другой отрывок текста из письма московского правительства ногайскому мурзе: «Вам гораздо ведомо: лихих людей где нет? На поле ходят козаки многие... смешавшись, ходят; и те люди как вам тати, так и нам тати и разбойники; на лихо никто их не учит»¹⁹. Тех же казаков, которые городки на Дону построили и занимались грабежом, Иван IV признал своими «холопами», приговаривая: для вас делают лихо, и для нас, послали их добыть да в Поле убежали, а вы добудете — присылайте к нам.

Воеводы пытались поймать провинившихся казаков, но это было сделать не так-то просто на малонаселенных и малоизведанных территориях. Казаков ловили и казнили, другие же разбегались. По мнению ученого, казаки (во главе с Ермаком Тимофеевичем) перебрались на Каму и подались на службу к промышленникам Строгановым, потому что Иван IV Грозный принял суровые меры по разгону казаков-разбойников на Волге.

По мнению Сергея Михайловича, борьба между государством и казаками была неизбежна, так как противостояние было заложено самой природой: с одной стороны лес, с другой — поле. Ученый пи-

---

¹⁶ Там же. С. 306.

¹⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. Т. 2. СПб., 1848. С. 186, 190.

¹⁸ Севруки — малороссийские казаки.

¹⁹ Соловьев С.М. Указ.соч. Т. 5—6. С. 671.

сал: «Россия делилась по духу, характеру народонаселения, на северную, земскую, и на южную, украину со степями, козацкую. Степь условливалась постоянно эту бродячую, разгульную козацкую жизнь с первобытными формами, лес более ограничивал, определял, более усаживал человека, делал его земским, оседлым»²⁰. В казачьих военных общинах таилась угроза государственной власти. Он сравнивал казаков с германскими дружинами, от напора которых произошло падение Римской империи. Наиболее опасный характер борьба приобрела в годы смуты, когда бояре и земские люди отстаивали установившийся строй, в то время как казаки стремились образовать свое государство. Смутное время ученый назвал «козацким царством», и очищение русской земли от поляков им рассматривалось как освобождение от казачьей анархии, как торжество государственности.

Сергей Михайлович описывал казаков XVII столетия в образе некротимых бунтарей, будто бы они ждали появления подходящего вождя, коим и явился Степан Разин. Запертые Турцией с устьев Дона, они перебрросились на Волгу, Яик (Урал), Каспийское море, устроили погромы на персидских берегах; «но Персия была крепче сибирского юрта Кучумова, и Разин не мог поклониться царю Алексею Михайловичу Персидою, как Ермак Тимофеевич поклонился Грозному Сибири»²¹. Как и в Смутное время, под предводительством казаков поднялись низшие слои населения против власти, но и в этот раз государство сумело выстоять против анархических сил. Сергей Михайлович отмечал, что Речи Посполитой в этот период повезло меньше. Воспользовавшись ослаблением правящей верхушки, гонением на православную веру, украинские казаки после долгой борьбы сумели из своей старшины образовать новое высшее сословие в стране (гетманы).

XVII и XVIII столетия оказались переломными для казаков, они не смогли изменить политику власти в своих интересах, метод бунтов и восстаний оказался не эффективным. «В Великой России новое богатырство, или козачество, благодаря существованию крепкого государства никогда не играло главной, исключительной роли; Разины, богатыри, которые в старину, в богатырские эпохи, делались основателями государства, тут гибли от государства... вот почему в Великой России имена старых богатырей и сохранились»²². Рассуждая о проигранной борьбе, ученый не осуждает козачество, наоборот подчеркивает, что казаки старинные остались в памяти народной.

²⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 13—14. С. 45—46;

²¹ Там же. С. 44.

²² Там же. С. 137.

Воззрения Сергея Михайловича на казачество носят противоречивый характер: с одной стороны, казаки у него работники и защитники, потомки богатырей; с другой — непостоянные в своей службе люди, антигосударственная сила, разбойники. Возможно ли сочетать столь различные между собой образы казаков?! История, а вместе с тем и жизнь людей, находятся в постоянном движении. Сами по себе различные (по национальным и социальным признакам) группы казаков год от года, из века в век, под действием внутренних и внешних причин, менялись. На месте лесов вырастали города, а степные просторы поэтапно присоединялись к российским землям. В XVII веке мы наблюдаем социальное расслоение в среде донского казачества, когда старые казаки стояли за связь с государством, а молодое казачество в компании с людьми пришлыми (из других слоев общества) желали разгуляться, поживиться за счет разбоя. И в дальнейшем такая тенденция сохранилась: часть казаков неоднократно подтверждала верность государству во время социальных потрясений. Поэтому государство, ограничивая казачью волю, не отказывалось от казачьей службы, так как иррегулярная армия была выгодна и необходима государству. Наступление власти на права казачества оборачивалось тем, что казачьи войска все больше теряли свою независимость, начиная с XVIII века. В то же время расширение российских границ побуждало правительство создавать новые казачьи войска — Оренбургское казачье войско, Семиреченское казачье войско и другие казачьи формирования.

Позиция Сергея Михайловича по отношению к казачеству неоднозначна, он находил в их деятельности как отрицательные, так и положительные стороны. Объективность и беспристрастность суждений, документальная обоснованность при подаче материалов делают труды Сергея Михайловича востребованными для науки и образования по сей день.

Литература

- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (1506—1544): в 5 т. — Т. 2. — Санкт-Петербург : в Типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1848. — 405 с.
- Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. — Ч. 2. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1794. — 320 с.
- Соловьев, С.М. Сочинения. История России с древнейших времен / отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев: в 18 т. — Т. 5—6. — Москва : Мысль, 1989. — 783 с.
- Соловьев, С.М. Сочинения. История России с древнейших времен / отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев: в 18 т. — Т. 13—14. — Москва : Мысль, 1991. — 701 с.

Т. Амброзяк

Люблинская уния и ее место в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева

The union of Lublin and its place in the “History of Russia from the Earliest Times” by S.M. Solovyov

Аннотация: В данной статье рассматриваются изложенные в «Истории России с древнейших времен» взгляды С.М. Соловьева на характер, способ заключения и значение Люблинской унии, а также на ее последствия для Великого княжества Литовского. Автором изучено не только описание событий 1569 года, но и место Люблинской унии в предложенной ученым общей схеме прошлого, а также проанализирована использованная историком при описании польско-литовских отношений терминология. В статье отмечены определенные противоречия в описании С.М. Соловьевым данного события, касающиеся, в том числе, вопроса о продолжении существования Великого княжества Литовского как самостоятельного государственного субъекта в период после 1569 года. Автором изучено также, каким образом взгляды Соловьева пересекались с предшествующей ему российской историографической традицией.

Ключевые слова: Люблинская уния, Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Польская Корона, польско-литовские отношения, история историографии, российская дореволюционная историография.

Annotation: This article examines the nature and method of conclusion, as well as the significance of the Union of Lublin and its consequences for the Grand Duchy of Lithuania in the “History of Russia from the Earliest Times” by S.M. Solovyov. The author studied not only the description of the events of 1569, but also the place of the Union of Lublin in the general scheme of the past proposed by the scientist, and also analyzed the terminology used by the historian while describing the Polish-Lithuanian relations. The article notes certain contradictions in the description of S.M. Solovyov of this event, concerning, among other things, the question of the continuation of existence of the Grand Duchy of Lithuania as an independent state entity after 1569. The author also studied how Solovyov’s views intersected with the Russian historiographic tradition that preceded him.

Keywords: Union of Lublin, the Polish-Lithuanian Commonwealth, Grand Duchy of Lithuania, Polish Crown, Polish-Lithuanian relations, History of historiography, Russian pre-revolutionary historiography.

Изучение Люблинской унии было и остается предметом постоянного историографического внимания. Отмеченное в прошлом году 450-летие этого события дополнительно актуализировало проблему исследования различных ее аспектов, многие из которых, несмотря

на то, что в последние годы появился ряд интересных работ¹, все же не дождалось детального и удовлетворительного анализа. В современной науке отмечается также интерес к наследию предыдущих поколений ученых². На наш взгляд, однако, до сих пор актуальным является высказанное А.М. Столяровым мнение, что до сих пор малоизученной является российская дореволюционная историография по истории Великого княжества Литовского³.

В данной статье будет рассмотрено то, как С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» оценивал значение Люблинской унии и ее последствия для Великого княжества Литовского. Мы обратимся не только к самому описанию событий, произошедших в 1569 г., но и к месту Люблинской унии в предложенной ученым общей схеме прошлого. Будет также изучено, ка-

¹ Среди них стоит упомянуть: *Zakrzewski A.* Between the Union of Lublin and the Mutual Pledge of the Two Nations: From the Union of Two States to the Commonwealth of Three Provinces // *Zapiski Historyczne*. Т. LXXXIV. R. 2019. Z. 4. S. 5–40; *Zakrzewski A.* Między Unią Lubelską a Zaręczeniem Wzajemnym Obojga Narodów – przemiany pozycji Wielkiego Księstwa Litewskiego w Rzeczypospolitej // Проблемы інтеграції і інкарпарації ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.). Мінск, 2010. С. 232–245; *Zakrzewski A.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.): prawo – urząd – społeczeństwo. Warszawa, 2013. S. 262–286; *Амброзяк Т.* Положение Литвы в структуре государственной власти Речи Посполитой после Люблинской унии // Уральский исторический вестник. № 2 (63). 2019. С. 64–70; *Frost R.* The Oxford History of Poland-Lithuania. Vol. 1: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569. Oxford, 2015. P. 36–46; *Uruszczak W.* Unio regnorum sub una corona non causat eorum unitatem. Unia Polski i Litwy w Krewie w 1385 r. Studium historyczno-prawne. Kraków, 2017. S. 76–77 (http://www.khpp.wpia.uj.edu.pl/documents/106750129/0/unia_polski_i_litwy_v3/a46ba21f-340d-411f-8c-67-962e0e9c90a1 [дата доступа: 12.07.2020]).

² *Шэйфэр В.* Дзяржаўныя уніі Вялікага Княства Літоўскага і Каралейства Польскага ў ацэнцы расейскай гістарыяграфіі 19 – першых дзесяцігоддзяў 20 ст. // Гістарычны Альманах. Т. 5. 2000. С. 123–134; *Juśca M.* Unia polsko-litewska. Toruń, 2004. S. 9–80; *Błaszczuk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich. Т. II: Od Krewa do Lublina. Cz. I. Poznań, 2007. S. 15–26; *Michaluk D.* Unia lubelska w polskiej historiografii XIX i XX wieku // Unia lubelska z 1569 roku. Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej. Toruń, 2011. S. 151–184; *Rusina J.* Unia lubelska w historiografii ukraińskiej // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19–20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki i Užytkowej. Vilnius, 2011. S. 389–394; *Zakrzewski A.B.* Wielkie Księstwo Litewskie... S. 9–31; *Czerniecka-Haberko A.* Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej. Toruń, 2013; *Ambroziak T.* Ivan Ivanovich Lappo's Views on the Circumstances of Establishing the Union of Lublin in the Context of Pre-Revolutionary Russian Historiography // *Zapiski Historyczne*. Т. LXXXIV. R. 2019. Z. 4. S. 97–122; *Амброзяк Т.* Характер Люблинской унии и польско-литовской Речи Посполитой в оценке Ивана Ивановича Лаппо // Российская история. 2020. № 4. С. 122–133.

³ *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX – начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 4.

ким образом взгляды Соловьева пересекались с предшествующей ему российской историографической традицией.

На первый взгляд, изучению Люблинской унии историк в своем труде не уделил особого внимания. Ее описание мы находим в начале шестой главы («Стефан Баторий») шестого тома «Истории России с древнейших времен»⁴. Прежде чем обратиться к изложению событий сейма в Люблине, ученый указал на продолжающееся во время правления Сигизмунда I литовское стремление к «особности». В качестве иллюстрации этого явления он приводит пример посольства от литовских вельмож к монарху в 1526 г., которое выступило против коронации Василия III, за которую ратовал посол папы римского. Литовские послы, указав на несостоявшуюся коронацию Витовта, подчеркивали, что поляки хотят, чтобы «Великое княжество Литовское было всегда в унижении, чтоб было присоединено к Короне Польской» и просили не допускать этого. Они просили Сигизмунда не соглашаться на подчинение Литвы Короне, отмечая, что сохранение «отдельности» от Польши его «отчинного панства» будет выгодно не только им, но и самому королю и его потомкам. В качестве гарантии сохранения литовской «отдельности» они указывали на коронацию Сигизмунда Августа на литовского короля, поскольку полагали, что «когда Великое княжество Литовское будет королевством, то уже не может быть присоединено к Короне Польской, ибо корона в корону внесена быть не может»⁵.

Кроме этого стремления литовцев к «особности», на пути унии стояло также «давнее соперничество двух народов», проявлением которого стали споры о месте заключения унии: польская шляхта стремилась к тому, чтобы это происходило в Польше, литовская — в Литве. Делу «соединения» Короны и Великого княжества препятствовало также существенное различие их политического строя: в Польше, согласно ученому, «брала перевес шляхетская демократия», в то же время в Литве господствовала опасаящаяся демократии аристократия.

Причины заключения унии автор определил лишь вкратце. По его мнению, данный вопрос стал актуален ввиду бездетности Сигизмунда Августа. Соловьев заявляет, что до того единственной связью между Литвой и Польшей являлась совместная династия, косвенно указывая, что в случае незаключения унии оба государст-

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен: [кн. 1–6]. СПб, [1895–1896].

⁵ Там же. Кн. 2. Т. 6. С. 230–231.

ва стали бы совершенно независимыми. Путь к решению этой проблемы открыла, по его мнению, смерть Николая «Черного» Радзивилла, самого сильного литовского противника унии. На самом же Люблинском сейме принятие унии стало возможным из-за отсутствия поддержки Литвы со стороны русского населения, не чувствовавшего никакой привязанности к Великому княжеству и литовской знати⁶.

Несмотря на то, что фрагмент, посвященный описанию Люблинской унии, был помещен ученым в рамках описания событий Ливонской войны, Соловьев не указывал прямо на то, что причиной ее заключения стала внешнеполитическая ситуация Великого княжества или его тяжелое положение во время конфликта и вызванная этим необходимость получения поддержки со стороны Польши.

Стоит отметить, что в освещении Соловьевым процесса заключения унии мы встречаем определенные противоречия. Ученый не объясняет, каким образом были преодолены те препятствующие ей факторы, которые имели структурный характер, т.е. литовское стремление к «особности» и различие политического строя обоих государств. Если первый из этих факторов был настолько сильным и проявлялся в течение долгого периода времени (а об этом свидетельствует приведенный им пример литовского посольства в 1526 г.), то почему он перестал иметь значение после смерти Радзивилла? В частности, почему литовские вельможи все же согласились приехать для переговоров об унии в Польшу? Автор не объясняет также, каким образом были преодолены различия политического строя между Короной и Великим княжеством. Ученый не указал также, кто являлся активным сторонником заключения унии. Он отмечает, что бездетность короля «заставляла ускорить решение вопроса о вечном соединении Литвы с Польшею», но не указывает точно, кого именно — самого монарха, поляков? Если поляков, то были ли они едины в этом стремлении или же отмечались среди них разногласия (и если так, то между кем)?

Соловьев почти не описал событий Люблинского сейма. Им отмечено было лишь «сильное упорствование» Литвы против унии и принуждение к ее заключению вследствие отсутствия поддержки

---

⁶ Там же. Кн. 2. Т. 6. С. 230; на противоречие подобного объяснения с общей концепцией прошлого Великого княжества Литовского обратил внимание А.М. Столяров: *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского... С. 171–172.

со стороны Руси. Из последствий унии ученый указал на «уступление» Литвой Польше Подляшья, Волыни и киевского «княжества», превращение Ливонии в совместную «принадлежность» Короны и Великого княжества, избрание короля на общем сейме, а также проведение совместных сеймов и заседаний сената.

Суть произошедшего в Люблине оказалась в описании историка не вполне ясной. Соловьев определял унию 1569 г. как «соединение» или «вечное соединение» Польши и Литвы. Но в отношении Подляшья, Волыни и Киевщины ученый писал о «непосредственном соединении» их с Короной, не объясняя, однако, в чем заключается разница между соединением «вечным» и «непосредственным».

Более того, именно тот же термин — «соединение» — мы встречаем и в других местах труда ученого, описывающих отношения Польши и Литвы в XIV—XVI вв. Это понятие историк употребил в случае Кревской унии⁷ или вступления на польский престол великого князя литовского Александра Ягеллончика⁸. Можно было бы полагать, что в этих фрагментах своего труда Соловьев понимал «соединение» Польши и Литвы как нахождение их под властью одного монарха.

Однако в отдельных местах своей работы ученый понимал «соединение» Польши и Литвы как более тесную связь этих государств или даже непосредственное включение одного в состав другого, предполагающее прекращение существования первого как самостоятельного субъекта. Пример этому встречаем при описании упомянутого уже литовского посольства к Сигизмунду I. Несмотря на то, что этот монарх уже являлся одновременно королем и великим князем литовским, посольство жаловалось на польское стремление к присоединению Великого княжества к Короне. В глазах литовских вельмож «соединение» Литвы и Польши предполагало принижение Великого княжества, а средством для сохранения его государственности они считали превращение Литвы в равное Короне королевство, поскольку, как полагали, «корона в корону внесена быть не может»⁹. На мысль о подобном двойственном по-

⁷ «Эти потери были только предвестницами страшной опасности, которая начала грозить ему [Тевтонскому ордену. — Т.А.] от соединения Литвы с Польшею вследствие брака Ягайла на Ядвиге»: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 3. С. 995.

⁸ «Паны отвечали, что отправление великих послов задержано было смертью польского короля Яна Альбрехта, наследником которого провозглашен был Александр. Опять Литва соединилась с Польшею, но чрез это соединение, как и прежде, силы ее не увеличились»: Там же. Кн. 1. Т. 5. С. 1472.

⁹ Там же. Кн. 2. Т. 6. С. 231.

нимании этого термина приводит также упомянутый выше факт употребления ученым в отношении Подляшья, Волыни и Киевщины, включенных напрямую в состав Короны, словосочетания «непосредственное соединение».

Указанная проблема вытекает из использования Соловьевым для описания отношений Литвы и Польши отнюдь не специфического, но довольно общего, многозначного по своей сути понятия. Тот же термин — «соединение» — ученый употреблял и к целому ряду другого рода явлений, среди которых, в частности, можно упомянуть принятие Новгородом власти литовского великого князя¹⁰, собирания Москвой земель Северо-Восточной Руси¹¹, планируемого Василием III занятия кроме московского также литовского престола¹² или Флорентийской унии¹³.

В чем же тогда была, по мнению ученого, суть проведенного в 1569 г. «вечного соединения»? А.М. Столяров указывает, что Соловьев рассматривал Люблинскую унию как заключительное событие в длительном процессе объединения обоих государств¹⁴. Сам Соловьев отмечал, что все предшествовавшие «соединения» заключались в правлении общей династии. Таким образом, Люблинская уния должна была выработать некоторые новые институты, которые связывали бы оба государства. Однако историк не указал прямо, какие «связи» между Польшей и Литвой сыграли эту роль, отмечая лишь то, что в итоге унии были введены общие сеймы и заседания сената, а также совместный выбор монарха.

Таким образом, Соловьев не ставил вопрос о том, сохранило ли Великое княжество Литовское государственность после Люблинской унии и, если да, то в какой форме. Для освещения этой проблемы мы должны обратиться к другим местам труда ученого. Однако полученный нами ответ представляется довольно противоречивым. С одной стороны, можно отметить постепенное исчезновение со страниц «Истории России с древнейших времен» Литвы как самостоятельного субъекта политического процесса и действу-

¹⁰ «в Новгороде (...) нашлись люди, которые не разделяли мнения большинства относительно препятствий к соединению с Литвою»: Там же. Кн. 1. Т. 5. С. 1353.

¹¹ «Русь Северо Восточная — государство Московское увеличивалось областями, соединение которых было прочно по единоплеменности и единоверию народонаселения»: Там же. Кн. 1. Т. 5. С. 1510.

¹² «Василий хотел воспользоваться смертью бездетного зятя для мирного соединения Литовской Руси с Московскою»: Там же. Кн. 1. Т. 5. С. 1583.

¹³ «неудачно кончилась попытка римского двора восстановить Флорентийское соединение»: Там же. Кн. 1. Т. 5. С. 1404.

¹⁴ *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского... С. 171.

ющее лицо международных отношений. Со времен Люблинской унии в этом качестве начинает выступать Польша. Сами названия «Литва» и «Великое княжество Литовское», этнонимы «литовцы» и «литва», а также прилагательное «литовский» появляются, чаще всего, лишь в тех моментах, в которых Соловьев следовал тексту источника, или прямо его цитируя, или — подобных мест в «Истории России с древнейших времен» мы встречаем очень много — пересказывая текст источникового материала. В непосредственных же рассуждениях историка с шестой главы шестого тома преимущественно встречаются названия «Польша» и «Польская Корона», этноним «поляки» или прилагательное «польский». Знаменательно, что «поляками» Соловьев иногда называет даже видных литовских политических деятелей. Показательный этому пример мы можем найти во фрагменте, посвященном рассуждениям автора о лицах, заинтересованных в появлении самозванца. Задаваясь вопросом, можно ли подозревать «польских вельмож» в том, что «самозванец» был их кратурой, автор дважды называет имя литовского канцлера Льва Сапеги¹⁵.

С другой стороны, в «Истории России с древнейших времен» можно найти места, свидетельствующие о синонимическом употреблении ученым названий «Польша» и «Литва». К примеру, в оглавлении второй главы девятого тома его труда, посвященной событиям с 1616 г. до заключения Деулинского перемирия, одновременно встречаем формулировки: «Военные действия против Литвы», «Неудачные приступы поляков к Борису» и «Решение в польском стане».

Кроме того, в отдельных фрагментах труда ученого отмечается определенная степень политической самостоятельности Литвы. Особенно отчетливо этот феномен прослеживается в описании Соловьевым событий первых трех безкоролевий после смерти Сигизмунда Августа. Данные сюжеты рассмотрены историком в контексте внешней политики Московского государства и проектов избрания на престол одного из последних Рюриковичей — Ивана IV или Федора Ивановича. При этом, московские кандидатуры рассматривались как для избрания общим, польско-литовским монархом, так и отдельного избрания на один литовский престол.

---

¹⁵ «План придуман кем-нибудь из вельмож польских? Указывают на Льва Сапегу, канцлера литовского (...) Как бы то ни было, если заподозрить кого-нибудь из вельмож польских в подстановке самозванца, то, конечно, подозрение прежде всего должно пасть на Льва Сапегу»: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 2. Т. 8. С. 744–745.

Таким образом, Великое княжество продолжает иметь некий (не определенный точно ученым) государственный статус, сохраняется также сам титул великого литовского князя, что и позволяет ставить вопрос об отдельной литовской элекции. Литовские магнаты выступают в этих фрагментах в качестве самостоятельной политической силы, проводят собственную политику, ведут переговоры с московскими послами и послами других кандидатов, имеют определенные, собственные интересы, иногда находящиеся в противоречии с интересами коронными.

К примеру, в труде Соловьева во время третьего безкоролья вопрос сепаратной элекции Федора Ивановича ставится литовскими панамы настолько остро, что они предлагают московским послам отторгнуть от Польши Киевщину, Волынь, Подолье, Подлясье и Мазовию, обсуждая возможность защиты Литвы в случае ожидаемой после этого войны с Польшей. Московские послы согласились на это предложение и, «если будет Литовское государство соединено с Московским», от имени царя обещали его защищать, более того, насильственно присоединить «Польскую землю» к «Московскому и Литовскому государствам». В своих речах послы напоминали литовским панам, что Киев и другие земли были насильственно оторваны поляками от Великого княжества и обещали, отобрав их у Польши, «и к вам и к государству Московскому (...) присоединить»¹⁶. Даже после коронации Сигизмунда III Москва получала известия о том, что позиция монарха весьма непрочная и Литва готова поддаться под власть царя¹⁷.

Подобные примеры мы находим также в других отдельных местах. Самый яркий из них, но в то же время неоднозначный в интерпретации — приведенное Соловьевым предложение, которое сделал Еверт Горн новгородцам в январе 1614 г., «присоединиться к шведской короне не как порабощенные, но как особенное государство, подобно тому как Литовское государство соединено с Польским королевством»¹⁸. Ученый, однако, не прокомментировал это заявление Горна, по этому слону судить, насколько высказанная шведом оценка польско-литовских отношений разделялась историком.

Стоит также отметить, что в концепции Соловьева довольно неоднозначной оказалась роль религиозного фактора в польско-ли-

¹⁶ Там же. Кн. 2. Т. 7. С. 563.

¹⁷ Там же. С. 580.

¹⁸ Там же. Кн. 2. Т. 9. С. 1108.

товских отношениях. С одной стороны, историк неоднократно подчеркивал его значение. К примеру, при описании Кревской унии он, в первую очередь, обратился к рассмотрению событий в сфере религии и только после этого проанализировал события политические¹⁹. На роль религиозного фактора указывали также московские послы литовским панам во время третьего безкоролья, утверждая: «сами знаете, что поляки верою с христианами розны, а вы, паны рада литовские и вся земля Литовская, с нашею землею одной веры и одного обычая»²⁰.

С другой стороны, Люблинскую унию ученый описывал в сугубо политическом ключе, ее рассмотрение, как уже отмечалось, является частью описания Ливонской войны и внешних сношений Московского и польско-литовского государств. В качестве ее причин историк не упоминал фактор вероисповедания. В структуре работы ученого Люблинская и Брестская унии четко разделены и их рассмотрение помещено не только в разные главы, но и в разные тома «Истории России с древнейших времен»²¹. Несмотря на то, что уже в следующем после описания Люблинской унии фрагменте Соловьев обращается к рассмотрению религиозного вопроса — изучению реформации и контрреформации в Речи Посполитой — он рассматривает унию и конфессиональные разногласия как параллельные явления, причинно-следственная связь между которыми в его повествовании не прослеживается. Следствием контрреформации, на которое указывает историк, была борьба с православием, которая, в свою очередь, привела к «отторжению русских областей от Польши» и присоединению «Малороссии (...) к России Великой»²².

Указанные противоречия и отсутствие детального изучения характера Люблинской унии объясняются использованной Соловьевым методологией, а также ролью, которую это событие, и история Великого княжества Литовского в целом, играли в его общей концепции прошлого. Место Литвы в «Истории России с древнейших времен» оказалось довольно сложным.

Стоит отметить, что в российской историографии XVIII — первой половины XIX вв. Великому княжеству Литовскому как отдель-

¹⁹ Там же. Кн. 1. Т. 3. С. 997–998.

²⁰ Там же. Кн. 2. Т. 7. С. 563.

²¹ Люблинская уния описана в шестой главе шестого тома, Брестская — в первой главе десятого тома.

²² Там же. Кн. 2. Т. 6. С. 231.

ному предмету исследования посвящалось немного внимания. Оно рассматривалось через призму той роли, которую играло в истории России²³, при чем долго эта роль оценивалась отрицательно. В сочинениях Михаила Михайловича Щербатова²⁴ и Николая Михайловича Карамзина²⁵, придерживавшихся концепции существования одного лишь центра русской государственности, что в общих чертах являлось продолжением исторической схемы, выработанной в Москве еще в XV—XVI вв.²⁶, оно мыслилось как захватчик раздробленных русских земель на западе. После унии с Польшей эти же русские земли находились уже в польско-литовском подданстве.

Разработка новой концепции истории Великого княжества Литовского была проведена российскими историками в 30-е гг. XIX в. и во многом была вызвана политическими факторами — ноябрьским восстанием, влиянием польской культуры, а также католической и униатской церквей. Изменению идентичности населения территорий, которые раньше входили в состав Речи Посполитой, должно было послужить не только упразднение Виленского университета (1832 г.) и униатской церкви (1839 г.), но также разработка новой концепции понимания прошлого, вписывающейся в теорию официальной народности — уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность».

Подобная концепция была разработана Николаем Герасимовичем Устряловым в «Русской истории», написанной на основе прочитанных им лекций²⁷, а также в небольшой работе «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?»²⁸. Именно последняя сыграла существенную роль в развитии представления о Великом княжестве Литовском как самостоятельном предмете исследования. Оно являлось,

---

²³ *Дворниченко А.Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 98.

²⁴ *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1770—1791.

²⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. СПб., 1818—1829; прямая зависимость сочинения Карамзина от работы Щербатова отмечалась в науке еще в XIX в.; см. *Милуков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913; *Моисеева Г.Н.* М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин. (Записка «О повреждении нравов в России») // Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Ред. А.М. Панченко. Л., 1983. С. 80—92.

²⁶ *Милуков П.Н.* Указ. соч. С. 167—172.

²⁷ *Устрялов Н.Г.* Русская история: в 5 ч. СПб., 1837—1841.

²⁸ *Устрялов Н.Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб., 1839.

по мнению историка, не только чисто русским государством, но и вполне равноценным Москве центром объединения русских земель после периода раздробленности.

Оценка унии с Польшей, данная Устряловым, являлась крайне отрицательной. По его мнению, уния стала причиной потери той роли, которую Великое княжество играло в российской истории и источником «тягостного ига, которое досталось в удел целой половине русского народа и около четырех веков, как лютая язва, терзало страну»²⁹. Люблинская уния и смерть последнего Ягеллона стали тем моментом, когда «западная Русь сделалась добычей иезуитов, старавшихся истребить в ней все Русское, и к концу XVII века она действительно утратила многие черты своей национальности: Русские законы уступили место польским; язык был искажен; нравы и обычаи изменились; уния поколебала и веру православную»³⁰. Таким образом, уния открыла путь к утрате независимости Великого княжества, которое не только потеряло легитимность в соперничестве за объединение всех русских земель, но и само нуждалось в спасении со стороны настоящих русских царей — государей московских.

Концепция Устрялова, после ее утверждения министром народного просвещения С.С. Уваровым, стала официальной концепцией российского государства. Его работа была также основным учебником по российской истории в школах. Более того, дуалистическая концепция развития Руси стала основой других исследований, например «Русской истории» К.Н. Бестужева-Рюмина³¹.

Мысль Устрялова применил к решению более узких, конкретных вопросов его ученик, преподаватель Ришельевского лицея, а потом профессор Новороссийского императорского университета, Михаил Павлович Смирнов. В своих работах³² он утверждал, что Великое княжество Литовское, по сути являющееся русским государством, в итоге заключения Люблинской унии, к чему оно оказалось принужденным тяжелой внешнеполитической и внутренней ситуацией, оказалось полностью подчиненным Польше.

---

²⁹ Там же. С. 37.

³⁰ Там же. С. 19–20.

³¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история: в 2 т. СПб., 1872–1885.

³² *Смирнов М.П.* Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей // Записки Императорского Новороссийского университета. 1868. Т. 2. С. 1–259; *Он же.* Спор между Литвой и Польшей о правах на Волынь и Подолию // Торжественный акт Ришельевского лицея по случаю окончания 1862–63 академического года. Одесса, 1863. С. 5–71.

Если польская исследовательница К. Блаховская отметила существенную разницу между концепцией Н.Г. Устрялова и схемой прошлого России, разработанной Соловьевым³³, то, по мнению российского ученого А.М. Столярова, между обеими концепциями наблюдается заметное сходство, объясняемое заимствованием и развитием Соловьевым части идей, высказанных предшественником³⁴.

Как кажется, соотношение трудов обоих ученых является довольно сложным, а иногда даже противоречивым. Действительно, Соловьевым в определенной степени была принята, хоть и негласно, идея двух частей Руси (России) — Северо-Восточной и Западной. Схема существования этих двух (хотя историком не указано, что равноправных) частей Руси наглядно прослеживается в главах, посвященных описанию социальной и религиозной истории, где после описания «внутреннего состояния России» Северо-Восточной (Московского государства) следуют соответствующие фрагменты, посвященные «России Западной», т.е. тем землям, которые входили в состав Великого княжества Литовского и Польской Короны.

Однако в случае истории политической на смену этой схеме приходит повествование, главной сюжетной линией которого является описание событий и процессов, касающихся преимущественно Руси Северо-Восточной. В этом повествовании главным и непосредственным объектом изучения выступает Московское государство, а Литва (после 1569 г. — польско-литовская Речь Посполитая) становится субъектом внешним, актором международных отношений, наряду с другими соседями Московского царства. Политические события внутри Великого княжества (Речи Посполитой) со временем начинают освещаться лишь в той степени, в которой это необходимо для понимания контекста его (ее) сношений с Московским государством. Литва, «историческое движение которой прекратилось со времени соединения ее с Польшею»³⁵, перестает играть (по другим причинам, нежели у Устрялова) роль равноправного Москве собирателя русских земель, а Гедиминовичи (Ягеллоны) — ту роль, которую в русской истории играют Рюриковичи, особенно

³³ См. подробнее: *Столяров А.М.* Взгляды С.М. Соловьева на проблему образования Великого княжества Литовского // *Филология и культура.* 2013. № 1 (31). С. 198–201.

³⁴ *Błachowska K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. Warszawa, 2009. S. 189–210.

³⁵ Там же. Кн. 1. Т. 5. С. 1511.

ветвь Даниловичей³⁶. С прекращением династии Ягеллонов и началом вольной элекции в Речи Посполитой с одной, и началом правления Романовых в Москве с другой стороны, данная картина становится лишь выразительнее. Таким образом, детальное освещение заключения Люблинской унии и рассмотрение вопроса о ее характере во многом теряло в глазах ученого свою актуальность.

Резюмируя наши размышления, можно констатировать, что, несмотря на неоднозначное место, которое Великое княжество Литовское занимало в предложенной Соловьевым общей схеме русской истории, Люблинская уния рассматривалась ученым в рамках описания внешнеполитических сношений Московского государства. Этим во многом объясняются как отсутствие детальных рассуждений о ее причинах и характере, так и некоторые противоречия, которые были нами отмечены. Более детальное изучение Люблинской унии требовало при этом как введения нового источникового материала, так и разработки новых методологических подходов, что и стало задачей российской историографии во второй половине XIX — начале XX вв.

Литература

- Амброзьяк, Т.* Положение Литвы в структуре государственной власти Речи Посполитой после Люблинской унии // Уральский исторический вестник. — № 2(63), 2019. — С. 64—70.
- Амброзьяк, Т.* Характер Люблинской унии и польско-литовской Речи Посполитой в оценке Ивана Ивановича Лаппо // Российская история. 2020. — № 4. — С. 122—133.
- Бестужев-Рюмин, К.Н.* Русская история: в 2 т. — Т. 1. — Санкт-Петербург : Изд. Д.Е. Кожанчикова; Тип. А. Траншеля, 1872. — 480 с.; — Т. 2. — Санкт-Петербург : Тип. А. Траншеля, 1885. — 320 с.
- Дворниченко, А.Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. — № 12. — С. 97—120.
- Карамзин, Н.М.* История государства Российского: в 12 тт. — 2-е изд., испр. — Санкт-Петербург : Типография Н. Греча, 1818—1829.
- Милюков, П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. — Санкт-Петербург : Изд-во М.В. Аверьянова, 1913. — 344 с.
- Моисеева, Г.Н.* М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин. (Записка «О повреждении нравов в России») // Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Ред. А. М. Панченко. — Ленинград : Наука, 1983. — С. 80—92.
- Смирнов, М.П.* Спор между Литвой и Польшей о правах на Вольнь и Подолию // Торжественный акт Ришельевского лицея по случаю окончания 1862—63 академического года. — Одесса : Типография Францова, 1863. — С. 5—71.

³⁶ Пример этому можно найти во фрагменте, посвященном описанию начала дипломатических сношений Московского государства и Габсбургами, где отмечается, что кроме «подвластной» королю польскому и великому князю литовскому Руси «на северо-востоке есть еще *самостоятельное* [курсив мой. — Т.А.] Русское государство»: Там же. Кн. 1. Т. 5. С. 1489.

- Смирнов, М.П.* Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей // Записки Императорского Новороссийского университета. — Одесса : Типография Францова, 1868. — Т. 2. — С. 1—259.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен: [кн. 1-]. — Санкт-Петербург : Товарищество «Общественная польза», 1895—1896.
- Столяров, А.М.* Взгляды С.М. Соловьева на проблему образования Великого княжества Литовского // Филология и культура. 2013. — № 1 (31). — С. 198—201.
- Столяров, А.М.* История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX — начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2008. — 234 с.
- Устрялов, Н.Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. — Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. — 42 с.
- Устрялов, Н.Г.* Русская история: в 5 ч. — Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1837—1841.
- Шэйфер, В.* Дзяржаўныя уніі Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага ў ацэнцы расейскай гістарыяграфіі 19 — першых дзесяцігоддзяў 20 ст. // Гістарычны Альманах. — Т. 5. 2000. — С. 123—134.
- Щербатов, М.М.* История российская от древнейших времен. В 12 тт. — Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1770—1791. *Ambroziak, T.* Ivan Ivanovich Lappo's Views on the Circumstances of Establishing the Union of Lublin in the Context of Pre-Revolutionary Russian Historiography // Zapiski Historyczne. — Т. LXXXIV. — R. 2019. Z. 4. — S. 97—122.
- Włachowska, K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2009. — 410 s.
- Właszczuk, G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich. — Т. II: Od Krewa do Lublina. Cz. I. — Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2007. — 935 s.
- Czerniecka-Haberko, A.* Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej. — Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013. — 341 s.
- Frost, R.* The Oxford History of Poland-Lithuania. — Vol. 1: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385—1569. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 564 s.
- Jučas, M.* Unia polsko-litewska. — Toruń : Europejskie Centrum Edukacyjne, 2004. — 370 s.
- Michaluk, D.* Unia lubelska w polskiej historiografii XIX i XX wieku // Unia lubelska z 1569 roku. Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej. — Toruń : Wydawnictwo Polskiego Towarzystwa Historycznego, 2011. — S. 151—184.
- Rusina, J.* Unia lubelska w historiografii ukraińskiej // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19—20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej. — Vilnius : Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. — S. 389—394.
- Uruszczak, W.* Unio regnum sub una corona non causat eorum unitatem. Unia Polski i Litwy w Krewie w 1385 r. Studium historyczno-prawne. Kraków : Nakładem autora, 2017. — 77 s. (http://www.khpp.wpia.uj.edu.pl/documents/106750129/0/unia_polski_i_litwy_v3/a46ba21f-340d-411f-8c67-962e0e9c90a1 [дата доступа: 12.07.2020]).
- Zakrzewski, A.* Between the Union of Lublin and the Mutual Pledge of the Two Nations: From the Union of Two States to the Commonwealth of Three Provinces // Zapiski Historyczne. — Т. LXXXIV. — R. 2019. Z. 4. — S. 5—40.
- Zakrzewski, A.* Między Unią Lubelską a Zaręczeniem Wzajemnym Obojga Narodów — przemiany pozycji Wielkiego Księstwa Litewskiego w Rzeczypospolitej // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.) — Мінск : БІП — Інстытут правазнаўства ; Польскі Інстытут у Мінску, 2010. — С. 232—245.
- Zakrzewski, A.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI—XVIII w.): prawo — ustrój — społeczeństwo. — Warszawa : Wydawnictwo “Campidoglio”, 2013. — 323 s.

М.М. Сафонов

С.М. Соловьев, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 года

S. M. Solovyov, E. R. Dashkova and the Palace coup of June 28, 1762

Аннотация: В статье рассматривается, как С.М. Соловьев анализировал подлинную роль Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. Показано, что необыкновенное источниковедческое чутье ученого позволило С.М. Соловьеву высказать догадки, которые впоследствии подтвердились документами, еще неизвестными московскому историку.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, «История России с древнейших времен», Е.Р. Дашкова, Екатерина II, братья Орловы, заговор, дворцовый переворот, мемуары Е.Р. Дашковой, письмо Г.К. Кейзерлингу.

Annotation: The article examines how S.M. Solovyov analyzed the true role of E.R. Dashkova in the Palace coup of 1762. Shown that the scientist's unusual source-research flair allowed S.M. Solovyov to make guesses, which were later confirmed by documents still unknown to the Moscow historian.

Keywords: S.M. Solovyov, "History of Russia since ancient times", E.R. Dashkova, Catherine II, The Orlov brothers, Conspiracy, Palace coup, Memoirs of E.R. Dashkova, Letter to G.K. Keyserling.

С.М. Соловьев был одним из первых, кто обстоятельно описал и основательно проанализировал дворцовый переворот 28 июня 1762 г. В 1875 г. историк опубликовал юбилейный 25 том своего грандиозного труда «История России с древнейших времен». 90 лет спустя труд С.М. Соловьева был переиздан в СССР. С момента первой публикации работы московского историка прошло немного менее века, но она не потеряла своей научной значимости. Более того, можно сказать, восполнила белые пятна советской историографии, обходившей стороной такие сюжеты, как дворцовые революции в России XVIII в. Ленинской цитаты о том, что дворцовые перевороты «были до смешного легки»¹, советским историкам казалось вполне достаточно, для того чтобы считать тему исчерпанной. Хотя со времени советской републикации «Истории России с древнейших времен»² минуло еще чуть более полувека, исследование Соловьева о «дворцовой революции», в

¹ Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. М., 1969. С. 443.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 25—26. М., 1965. (Далее: Соловьев). С. 84—107.

результате которой Петр III был низвергнут, а на престол вступила его жена Екатерина II, продолжает по-прежнему быть актуальным, несмотря на то, что после перестройки в российской историографии появилось немало работ, исследовательски трактующих этот сюжет³. Особенно следует выделить его соображения о действительной роли Е.Р. Дашковой в том событии.

Автор комментариев к этой советской публикации Е.И. Колычева справедливо отмечала, что «излюбленными темами» Соловьева были «перипетии внутриполитической, главным образом дворцовой, борьбы», а также «тонкие хитросплетения дипломатических отношений»⁴. По ее мнению, «изложение обстоятельств переворота 28 июня 1762 г. принадлежит к числу лучших страниц 25-ого тома». Именно «здесь историк во всеоружии источников, он их внимательно сравнивает и часто доводит до совершенства анализ политической и психологической подоплеки определенного освещения событий тем или иным автором»⁵. Блестящим образцом источниковедческого анализа назвала Е.И. Колычева трактовку Соловьевым источников, описывающих переворот, приведший к власти Екатерину II. «Важным достоинством работы Соловьева является критическое в целом отношение к источникам, — отмечала комментатор. — Это достоинство тем значительнее, что историк, создавая свой монументальный труд, не имел ни времени, ни возможности заниматься специальным источниковедческим анализом каждого привлекаемого документа»⁶. Тем не менее, будучи ограничен в этой возможности масштабами своего грандиозного труда, С.М. Соловьев сумел продемонстрировать яркий образец своего источниковедческого искусства, важным компонентом которого являлось исследовательское чутье, выработанное многолетним опытом.

Соловьев пренебрег сочинениями иностранцев о перевороте 28 июня 1762 г. Ученый справедливо полагал, что в массе своей они не вызывают серьезного доверия по причине слабой осведомленности «иностранных описывателей»,⁷ как он выразился, о том, что происходило в действительности, а также ввиду их явной тенден-

³ *Курукин И.В.* «Эпоха дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762. Сер. «Неизвестная российская история: Исследования и документы. Т. 6. Рязань, 2003. С. 370—408.

⁴ *Колычева Е.И.* Комментарии к двадцать пятому и двадцать шестому томам «Истории России с древнейших времен» (Далее: Колычева Е.И.)// *Соловьев. С.* 606.

⁵ Там же. С. 602.

⁶ Там же. С. 600.

⁷ Там же. С. 88

циозности. «Сочинения иностранцев о России и русских событиях, — писал историк, — обыкновенно преисполнены ошибками, преувеличениями и смешениями всякого рода»⁸.

Прежде всего, это касалось сочинения Ж. Кастера «*Histoire de Impératrice Catherine II*»⁹. Автор никогда не был в России и не мог знать того, о чем писал. Правда, Кастера в своем опусе широко пользовался книгой К.-К. Рюльера «История и анекдоты о революции России 1762 г.»¹⁰. Автор находился в Петербурге в момент переворота и служил секретарем во французском посольстве. Но в его сочинении больше было анекдотов, сочиненных автором, нежели собственно истории. Недаром Д. Дидро, лично К.-К. Рюльера знавший, назвал его сочинение хорошо написанным романом или, как он выразился, «романтическим сплетением, лишенным действительного знания фактов и лиц»¹¹.

В основу своего исследования переворота 1762 г. С.М. Соловьев положил два основных источника российского происхождения, автором которых являлись непосредственные участники дворцовой революции. Причем наиглавнейшие и наиболее осведомленные: сама Екатерина II и Е.Р. Дашкова. Ученая княгиня, глава двух академий, получившая европейскую известность именно благодаря своему участию в перевороте 1762 г., оставила обширные мемуары «*Mon Histoire*», в которых подробнейшим образом описала переворот и свою собственную роль в нем. Правда, они были написаны в первом десятилетии XIX в., то есть почти полвека спустя после переворота. Императрица же Екатерина описала, как она взошла на престол, чуть более месяца спустя после своего воцарения. В письме к С.-А. Понятовскому 2 августа 1762 г. императрица подробно рассказала, как возник и созрел заговор против Петра III, обстоятельно изложила перипетии памятного дня 28 июня и последующих за ним событий.

Исследовательская проблема, которая сразу же вставала перед источниковедом, который взял бы в руки эти два источника, состояла в том, что оба автора, описывая одни и те же события, не только

---

⁸ Соловьев. С. 89.

⁹ *Castéra J. Histoire de Impératrice Catherine II*. Т. I. Paris, 1797. О публикациях книги Кастера с различными названиями см. подробно: *Сомов В.А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986. С. 213—214.

¹⁰ *Rulhier C.-C. Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762*. Paris, 1797.

¹¹ *Diderot D. Oeuvres complètes*. Paris, 1876. Т. XVII. P. 488; Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки княгини Е.Р. Дашковой. 1859. Лондон. Репринтное воспроизведение. М., 1990. 1859. Лондон. (Далее: Дашкова. 1990). С. 378.

не дополняли и не подкрепляли друг друга упущенными деталями и забытыми моментами, но, напротив, резко противоречили один другому, представляя прямо противоположные трактовки. Согласно княгине, именно она организовала заговор против Петра III и была главным действующим лицом переворота, его пружиной. Екатерина же, как действующее лицо заговора, в период его подготовки вообще отсутствует. В ходе же самого переворота ей отводится пассивная роль. За нее действуют другие. Прежде всего сама Дашкова¹².

Сама же императрица представила события совершенно в ином ключе. Именно она сумела скрытно от других участников переворота положить начало заговору, с величайшей осторожностью организовать его, найти верных и преданных скрытых сторонников, с их помощью свергнуть мужа и самой взойти на престол¹³. Правда, Екатерина не говорит об этом открыто. Она выдвигает на первый план братьев Орловых, которые действовали из патриотических соображений и привязанности к ней. Именно в их руках находился «узел секрета». Но при этом императрица бросает одну примечательную фразу, из которой явствует, за всем этим стояла она сама: «Все делалось, признаюсь вам, под моим ближайшим руководством»¹⁴. Описывая переворот, Екатерина ничего не говорит об участии в нем Дашковой. Более того, ее августейшая подруга без обиняков утверждала, что княгиня хотела приписать себе выдающуюся роль в перевороте, но ее претензии действительности не соответствовали¹⁵.

Историк обстоятельно проанализировал мемуары Дашковой. Он подробно пересказал читателю, что мемуаристка написала о своих отношениях с великой княгиней Екатериной. Исследователь подробнейшим образом воспроизвел все то, что мемуаристка рассказала о том, как она создала заговор в пользу Екатерины. Но это не был простой пересказ мемуаров княгини. Каждый фрагмент ученый сопроводил коротким, но очень выразительным комментарием, буквально в одно-два слова, и такой пересказ превратился по сути дела в источниковедческий анализ. Он не ставил под сомнение достоверность фактов, сообщенных мемуаристкой. Как раз напротив, историк подчеркивал, что Дашкова рассказала правду. Но если эти факты правдивы, то из них

---

¹² Соловьев пользовался опубликованными А.И. Герценом «Записками» Дашковой, перепечатанными в «Bibliothèque russe et polonaise». (Соловьев. С. 297).

¹³ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 560—571. Соловьев воспользовался подлинным письмом, хранившемся в Государственном архиве. (Соловьев. С. 301)

¹⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 570.

¹⁵ Там же. С. 569—570.

никак нельзя сделать тех заключений, на которых настаивает княгиня. Они, по мнению историка, как раз свидетельствуют об обратном.

На основании изложенного Соловьев пришел к любопытному заключению: «Из рассказа Дашковой ясно видно, какого рода был этот заговор, главою которого она себя считала. Она знала о сильном всеобщем неудовольствии, сама близко видела причины этого неудовольствия, сама раздражалась и потому хорошо понимала раздражение других; говорила некоторым молодым офицерам о необходимости произвести перемены в пользу императрицы, способной, по общему убеждению, дать ручательство в лучшем будущем; молодые офицеры совершенно соглашались, называли и некоторых других молодых офицеров, которые также были согласны с ними, говорили, что надобно непременно исполнить замысел, как скоро император уедет к заграничной армии; Дашкова говорила с Паниным, и тот соглашался, что другого средства нет спасти Россию, но как сделать и какие будут последствия? Дашкова постоянно употребляет слово *заговор*, но из ее рассказа прямо выходит, что заговора не было, а был один разговор»¹⁶.

Заключительный вывод историка был таков. «Мы не имеем никакого основания отвергать свидетельства Дашковой о собственной деятельности, ибо из них выходит одно, что она хотела перемены в пользу Екатерины и, при удобном случае толковала о своем желании с некоторыми людьми. Но этим все ограничивалось. Ее свидетельства очень важны, ибо ей очень хочется преувеличить свою роль, выставить себя главою заговора, но из ее слов выходит, что ее роль была очень не велика»¹⁷.

Подготовку заговора Соловьев изложил, пересказав письмо к Понятовскому, то есть воспроизвел интерпретацию императрицы, согласно которой все было сделано главным образом руками братьев Орловых. Они, по словам Екатерины, вместе со своими единомышленниками подготовили в гвардии 30—40 офицеров и около 10 тысяч ее сторонников. Эти сторонники были разделены на четыре группы.

---

¹⁶ Соловьев. С. 88.

¹⁷ Там же. Соловьев был уверен, что иностранные авторы преувеличили роль Дашковой, равно как и значение связанного с ней пьемонтца Ж.-Д.-Ж. Одара, не знавшего русского языка. Историк предположил, что Екатерина использовала его для сношения с другими лицами. И оказался прав. Через него она пыталась сделать заем у Франции, но потерпела фиаско. Об Одаре см. подробно: Сафонов М.М. Ж.-Д. -Ж. Одар, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 г. // Россия и Италия: Общие ценности. Сборник научных статей XVII Царскосельской конференции. СПб., 2011. С. 427—440.

Во главе каждой стоял один из верховодов заговора. Именно они, братья Орловы подготовили реальный заговор и совершили переворот. Н.П. Панин и К.Г. Разумовский были осведомлены об их замыслах. Что же касается Дашковой, то историк отметил: Екатерина не упоминает княгиню, описывая эти события, и прямо процитировал, что императрица говорит в этом письме об участии своей подруги в перевороте. «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хочет присвоить себе честь этой революции, но, не говоря уже о ее родстве, девятнадцатилетний возраст не позволял никому иметь к ней доверия. Она говорила, что все доходило до меня чрез нее: но в продолжение шести месяцев я сносила со всеми главами предприятия, прежде чем она узнала первое слово. Правда, что она очень умна, но ум ее испорчен чудовищным тщеславием и сварливым характером; главы предприятия ее ненавидят, но она была в дружбе с пустыми людьми, которые и рассказывали ей, что знали, т.е. мелочи»¹⁸.

Историк заключил, что это свидетельство справедливо, потому что подтверждается реальным содержанием «Записок» Дашковой. Но Соловьев счел необходимым подчеркнуть, что при этом она «показала необыкновенное усердие и самопожертвование, за что Екатерина сочла своею обязанностью ее отличить и наградить». Вместе с тем, исследователь отметил одну очень важную для определения достоверности свидетельств, исходящих от Екатерины II, деталь: императрица умолчала о том, что отличила и наградила Дашкову после переворота¹⁹. Историк очень тонко почувствовал, что Екатерина своими умолчаниями себя демаскировала. И это очень важный факт, требующий объяснения. «Екатерина умолчала об этом, — писал ученый, — позабыв о противоречии, какое произойдет между ее словами и делами. Знаменитая императрица иногда позволяла себе такие умолчания под влиянием раздражения и предубеждения против неприятных ей людей. Минута, в которую она высказала приведенное свидетельство о Дашковой, не принадлежала к числу покойных минут в жизни Екатерины: она была очень раздражена претензиями Дашковой и столкновениями ее в этих претензиях с людьми, принять сторону которых Екатерина имела сильные побуждения»²⁰.

Хотя Соловьев, как отмечала Е.И. Колычева, иногда старался замалчивать отрицательные стороны поведения Екатерины²¹, исто-

---

¹⁸ Соловьев. С. 90; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 569—570.

¹⁹ Соловьев. С. 92.

²⁰ Там же. С. 90—91.

²¹ Колычева. Е.И. С. 601.

рик оказался совершенно прав, когда отметил, что далеко не всем заявлениям Екатерины о Дашковой следует безоговорочно доверять. Основную причину появления филиппик против своей близкой подруги, которая рисковала жизнью ради нее, маститый историк считал возможным объяснить сиюминутным «раздражением», вызванным претензиями Дашковой, ее столкновениями с людьми, с которыми воцарившаяся императрица не желала портить отношения из-за княгини. Отчасти можно с этим согласиться. Надо только не упускать из виду: претензии княгини были вызваны тем, что она была сторонницей регентства, а ее подруга стала самодержавной императрицей²². Но основная причина заключалась в другом. Сегодня мы можем вполне определенно назвать ее, потому что теперь нам известны многие факты, о которых историческая наука не ведала, когда С.М. Соловьев создавал главный труд своей жизни.

Сразу же после переворота Екатерина считала необходимым выдвинуть Дашкову на первый план, публично называя ее главной виновницей своего воцарения. Представляя Екатерину Романовну вернувшемуся из ссылки великому канцлеру А.П. Бестужеву, императрица произнесла: «Это княгиня Дашкова! Можно было ли представить, что короной я буду обязана юной дочери Романа Воронцова»²³. Следует особо подчеркнуть, что императрица говорила об этом не только канцлеру, но и иностранным дипломатам²⁴. Члены дипломатического корпуса поспешили донести своим дворам о выдающейся роли Дашковой в полном соответствии с высказываниями самой императрицы²⁵.

Это и понятно: Дашкова, русская княгиня, дочь сенатора, племянница канцлера, к тому же родная сестра фаворитки Петра III. Если такие люди добивались свержения императора, то что говорить о прочих. Масло в огонь подлил Ж.-Д.-Ж Одар. Поскольку из

²² Замечания княгини Дашковой на книгу Рюльера о восшествии на престол Екатерины Второй // Архив князя Воронцова. Т. VII. М., 1875. С. 654—655.

²³ Дашкова Е.Р. Записки княгини Дашковой: Письма сестер Вильмот из России. М., 1991. (Далее: Дашкова. 1991). С. 78.

²⁴ Castéra J.-H. Vie de Catherine II. Paris, 1797. Т. 1. Р. 298 // ОР. БАН. Q 494. Р. 298.

²⁵ Россия и Испания. Документы и материалы. 1667—1917. Т. 1. 1667—1799. М., 1991. С. 185,187; Сб. Русского исторического общества. (Далее: РИО) Т. XVIII. СПб., 1876. С. 416, 439, 461; Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. II. Берлин. 1900. С. 637; Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 221—222; La cour de la Russie il y a cent ans. 1725 1783. Berlin, 1858. Р. 209; Брикнер А.Г. Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнергаузена) // Исторический вестник. 1884. Т. XVIII. Октябрь—декабрь. С. 11; РИО. Т. CXL. СПб., 1912. С. 9, 13.

вождей заговора он был связан только с Дашковой, то, желая подо- роже продать себя французской дипломатии, как будущего «агента влияния», он усиленно распространял мнение, что именно она была «главной опорой заговора»²⁶.

Но «идиллия» двух Екатерин продолжалась недолго. Ее нарушила Екатерина Романовна. Задолго до Екатерины II она попыталась вступить в переписку с патриархом Просвещения Вольтером. И.И. Шувалов написал фернейскому отшельнику письмо. В нем он рассказал о том, как Дашкова свергла Петра III, просил властителя дум воспеть подвиг молодой женщины и написать ей несколько строк²⁷. Когда об этом стало известно Екатерине, она развернулась на 180 градусов и немедленно стала прилагать максимум усилий, чтобы развеять, по ее словам, «ложное мнение о том, что восемнадцатилетняя женщина сменила правительство в России». Она просила С.-А. Понятовского убедить Вольтера, что его ввели в заблуждение²⁸. С такой же просьбой императрица обращалась к французскому послу в России Л.-О. Бретейлю²⁹. Наконец, через знакомого фернейского философа авантюриста Ф.-П. Пикте она сумела убедить писателя опубликовать в авторитетнейшем европейском издании «Энциклопедический журнал» письмо о перевороте, низводящее роль Дашковой до уровня второстепенной участницы³⁰.

В этом контексте понятно, чем была вызвана филиппика Екатерины против Дашковой в письме к Понятовскому. Отдадим должное автору многотомного труда по истории России. Не имея возможности досконально изучить все источники, освещавшие бесчисленное множество сюжетов, отраженных в «Истории России с древнейших времен», Соловьев во многом должен был полагаться на собственную интуицию. И она его не подвела. Можно лишь удивляться тому, как она выводила его на верный путь.

²⁶ Сафонов М.М. Ж.-Д.-Ж. Одар, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 г. С. 436—437.

²⁷ *Voltaire. Correspondence and Related Documents. Definitive Edition* by Theodore Besteman. V. XXV. Jane 1762 — 17 janvery 1763. Letters D. 10482 — D. 10972. Oxfordshire. 1973. P. 115.

²⁸ Дашкова Е.Р. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 570.

²⁹ Делеша Бретэйля 17 сентября 1762 г. // Бильбасов В.А. Исторические монографии. Т. III. СПб., 1901. С. 197; Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. СПб., 2005. С. 238; *Castéra J.-H. Vie de Catherine II*. Т. 1. P. 298.

³⁰ *Journal Encyclopedique*. 1762. Le 1 de Novembre. P. 122—131. См. подробно: Сафонов М.М. Екатерина Романовна Дашкова и Вольтер // Россия и западноевропейское Просвещение. Памяти Н.А. Копанева. СПб., 2016. С. 526.

Тот же исследовательский феномен прослеживается, когда мы с позиций сегодняшнего дня, в котором историческая наука располагает массой фактов, в XIX в. ей еще неизвестных, пытаемся понять, насколько верно Соловьев определил подлинную роль Дашковой в низвержении Петра. Созная, что императрица не всегда говорит правду, а в отдельные моменты ею движет раздражение против Дашковой, историк, тем не менее, изложил события, ставшие «спусковым крючком» переворота, в полном соответствии с тем, как их представила Екатерина.

«27 июня волнение в гвардии усилилось, речи, что императрица в опасности, раздавались громче, солдаты кричали, чтоб их вели в Ораниенбаум против голштинцев. К капитану Пассеку, главному в одном из четырех отделов, входит солдат и объявляет, что императрица, наверное, погибла. Пассек отвечает, что все это вздор, но солдат не успокаивается и прямо от него идет к другому офицеру с теми же речами. Этот офицер не принадлежал к числу соумышленников; услышав страшные слова и узнав от солдата, что он был у Пассека и тот отпустил его, офицер арестует солдата и идет к майору Воейкову донести ему обо всем. Воейков арестует Пассека и посылает донесение императору в Ораниенбаум. Весть об аресте Пассека привела в движение весь Преображенский полк, взволновала соумышленников и в других полках. Решено было отправить Алексея Орлова в Петергоф к императрице и привезти ее в Петербург, а Григорий Орлов с другим братом должны были приготовить все к ее приему. Гетман Разумовский, князь Волконский и Панин знали об этом решении, замечает Екатерина»³¹.

Императрица написала: «Они решили». Но среди решивших Дашковой нет. Соловьев же употребил безличную форму: «Решено было»³². И это отнюдь не случайно. Далее историк подчеркнул то обстоятельство, что никто другой, но именно Екатерина замечает: Панин, Волконский и Разумовский «знали об этом». То есть, это екатерининская версия событий. Но, кто именно принял решение, императрица не уточнила.

Соловьев допустил, что свидетельство императрицы «вполне справедливо», ибо оно как будто подтверждается рассказом самой Дашковой о ее разговорах с недовольными правлением Петра, которые мемуаристка безосновательно называла «заговором». Но

³¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 563—564; *Соловьев*. С. 90.

³² *Соловьев*. С. 90.

историка несколько смутило одно обстоятельство: императрица ничего не говорит о том, что княгиня «во всем этом деле показала необыкновенное усердие и самопожертвование». И за это Екатерина «сочла своей обязанностью ее отличить и наградить»³³.

Затем исследователь воспроизвел то, как сама Дашкова описала свое участие в перевороте накануне и в ночь на 28 июня. «У нее сидел Панин в то время, когда приехал к ней Григорий Орлов с известием об аресте Пассека. Дашкова встревожилась, но Панин с обычным своим хладнокровием начал рассуждать, что Пассек посажен за какой-нибудь беспорядок по службе. Дашкова просила Орлова поехать и осведомиться точнее о причине ареста, и если он арестован за государственное преступление, то чтоб возвратился к ней с подробным известием, а брата своего послал бы с тем же к Панину. После отъезда Орлова Дашкова выпроводила и Панина под предлогом, что хочет успокоиться, а сама, накинув мужской плащ, отправилась пешком к дому Рославлева. Отошедши немного от своего дома, она заметила всадника, быстро мчащегося по направлению к ее дому; как будто кто-то шепнул ей, что это должен быть Алексей Орлов, ибо она не знала никого из братьев, кроме Григорья. Она громко выкрикнула эту фамилию, всадник остановился, подъехал к ней и, когда Дашкова назвала себя, сказал: «Я ехал вас уведомить, что Пассек арестован за государственное преступление, четверо часовых стоят у дверей, по двое у окон. Брат мой отправился сообщить об этом Панину, а я сию минуту был за этим же у Рославлева». Тогда Дашкова стала ему говорить, чтобы он велел Рославлеву и Ласунскому ехать немедленно в свой Измайловский полк для принятия императрицы, когда она въедет в Петербург, а сам или кто-нибудь из его братьев мчался бы в Петергоф и упросил Екатерину от имени ее, Дашковой, сесть тотчас же в карету и ехать в Петербург, где Измайловский полк уже готов принять ее и провозгласить государынею. Дашкова прибавляет, что карета, в которой Екатерина должна была приехать из Петергофа, была выслана с четверкой лошадей по ее же, Дашковой, письму камер-лакеем императрицы Шкуриным. Дашкова распорядилась отправлением кареты, предвидя затруднения, какие могла встретить Екатерина насчет экипажа в Петергофе от людей, вовсе не расположенных помогать ей, и Панин смеялся над этою предосторожностью как лишнею.

---

³³ Там же.

Переговорив с Алексеем Орловым на дороге, Дашкова возвратилась домой и в страшном волнении легла в постель, чтоб не возбуждать подозрения в прислуге. Вдруг сильный удар в дверь с улицы заставил ее затрепетать. Она вскочила с постели и велела впустить, кто бы ни стучался. Вошел неизвестный молодой человек и объявил, что он Федор Орлов. «Я пришел, — сказал он, — спросить, не слишком ли рано ехать брату к императрице, полезно ли ее беспокоить преждевременным призывом в Петербург?» При этих словах Дашкова вышла из себя. «Вы потеряли самое дорогое время, — закричала она, — что тут думать о беспокойстве императрицы! Лучше привезти ее в обмороке в Петербург, чем подвергать заточению в монастырь или возведению на эшафот вместе со всеми нами». Молодой Орлов ушел, уверяя Дашкову, что брат его немедленно поедет в Петергоф»³⁴.

Историк сопоставил эти два рассказа. Он допустил мысль, что Дашкова ничего не выдумала, и предложил свою «догадку», позволяющую примирить эти два противоречивых свидетельства. Вожди заговора не любили Дашкову и не доверяли ей. Они внутренне смеялись над ее распоряжениями, потому что давно решили между собой и Екатериной, как им действовать. Григорий Орлов пришел к Дашковой потому, что искал Панина. Встреча с Алексеем Орловым на улице была случайной. Ф.Г. Орлов пришел ночью к княгине только затем, чтобы узнать, не затеяла ли она чего-либо в пользу своих родственников. Если же она осталась верна императрице, то «не замыслила ли, незваная, непрошенная, вмешаться в дело?»³⁵.

Допуская, что его «догадка» имеет полное право на существование, историк, однако, ее не принял. Он привел железный аргумент, против которого бессилён возразить непредвзятый аналитик. Догадки догадками, но есть «свидетельства неоспоримые: в списке наград за участие в событии 28 июня назначено: «Гетману, князю Волконскому, Панину по 5000 пенсиону» и непосредственно за ними: «Дашковой 12000». Кроме того, от 5 августа сохранилась записка Екатерины: «Выдать княгине Катерине Дашковой за ее ко мне и к отечеству отменные заслуги 24000 рублей»³⁶.

То есть, несмотря на убийственную критику мемуаров Дашковой, убедительнейшее доказательство того, что так, как описано в ее «Записках», в действительности не было, Соловьев утверждал: отрицанию Екатерины верить тоже нельзя. Дашкова в самом

---

³⁴ Там же. С. 91—92.

³⁵ Там же. С. 92.

³⁶ Там же.

деле сыграла в перевороте какую-то очень важную роль. Но какую именно, историк не знал. Никто из исследователей, писавших после него, не удосужился выяснить это.

Никто не дал себе труда ответить, за что же Дашкова получила столь щедрое вознаграждение? В чем заключались ее «отменные», по словам императрицы, «заслуги». А между тем существует источник, который дает недвусмысленный ответ на этот вопрос. Он исходит от той же Дашковой. Давно опубликован. Но остался совершенно неизвестным ни биографам главы двух академий, ни самой императрицы³⁷. К сожалению, не знал о нем и Соловьев.

В 1887 г., когда Соловьев уже закончил работу над 25-м томом, «Русский архив» опубликовал фрагмент написанного по-французски письма Дашковой Г.К. Кейзерлингу о перевороте³⁸. Оно оказалось самым ранним свидетельством его участия. Письмо написано либо в конце июня, либо в начале июля 1762 г.

Отрывок начинается с упоминания о том, что около 11 часов вечера офицер (имя его не названо) принес известие об аресте капитана Пассека. «Он был одним из главных наших, — замечает Е.Р. Дашкова, — и только что ушел от меня»³⁹. Последняя фраза указывает: арест Пассека как заговорщика сразу выводил следователей на Екатерину Романовну. Далее княгиня описывает замешательство среди участников заговора. Панин из деликатности постарался скрыть от Дашковой всю силу этой опасности. Он сделал вид, что нисколько не взволнован случившимся и предложил отложить до завтрашнего утра решение относительно того, какие меры следует принять на основании более точных сведений. Дашкова думала иначе. «Бывают мгновения, — патетически писала она Кейзерлингу, — когда превосходишь самого себя! Поэтому не удивляй-

³⁷ Если не считать упоминания об этом источнике потомком княгини американским историком А.И. Воронцовым—Дашковым. Он высказал предположение, что этот документ представлял собой тот текст, который Дашкова передала Э. Морган с правом опубликовать после ее смерти. Морган сообщила об этом Дашковой в письме 1816 г. По словам Морган, рукопись Дашковой могла быть названа “Notes quotidiennes sur la révolution”, то есть «Ежедневные заметки о революции». К сожалению, потомок Дашковой не оценил этот документ по достоинству. Он полагал, что этот документ мало, чем отличается от соответствующего фрагмента мемуаров княгини, и не заметил очень существенных отличий принципиального характера (*Princesse Dashkova. Mon Histoire : Mémoires d'une femme de lettres russe à l'Époque de lumières*. Paris, 1999. P. 260).

³⁸ Из письма княгини Е.Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой // Русский архив. 1887. № 10. (Далее: РА). С. 185—191.

³⁹ РА. С. 185.

тесь ..., тому, что я поняла опасность, не испугавшись ее. Я нашла, что обстоятельства столь щекотливы, что не стоит терять время на то, чтобы переубедить Панина — оно слишком дорого. Промедление ... создаст больше препятствий». Княгиня сделала вид, что должна отдохнуть, пока Орловы соберут более точные сведения.

Когда все ушли, Дашкова отправилась пешком к Синему мосту на Мойке в надежде встретить там кого-нибудь из своих единомышленников. Вскоре там появился Алексей Орлов. По его словам, он прибыл сюда, чтобы обсудить с ней, что они должны делать. Княгиня посоветовала ему отправиться к Н.И. Рославлеву побудить его идти к гетману К.Г. Разумовскому, возглавлявшему Измайловский полк, и рассказать ему о возникших критических обстоятельствах. Затем Орлову предстояло совершить поездку в Петергоф и доставить императрицу Екатерину в Измайловский полк. В скобках Дашкова поместила важнейшее разъяснение: почему именно было необходимо сделать это. «Car nous avons pris des mesures qu'au cas que le moindre de nous fût pris, les soldats fussent en état d'être rassemblés en diligence». То есть: «Потому что между нами было решено: в том случае, если даже самый незначительный из нас будет схвачен, солдаты имели бы возможность собраться тотчас же»⁴⁰. Схвачена могла быть и императрица Екатерина.

Эта реплика объясняет суть дела. Императрице угрожала опасность. Княгиня решила: чтобы Екатерину спасти, следовало во что бы то ни стало доставить ее в Измайловский полк и отдать под охрану измайловцев. А.Г. Орлов с ней согласился. Речь не шла о том, чтобы ее провозгласить регентшей или возвести на престол как государыню. Пока что дело заключалось лишь в том, чтобы уберечь Екатерину от грозившей ей опасности с помощью измайловских штыков. Никаких других решений в этом совещании на Синем мосту принято не было. Сделать ее недосыгаемой для Петра III, а дальше видно будет.

После того, как совет Дашковой был принят Алексеем Орловым, она вернулась домой. Чтобы не вызвать подозрений прислуги, она сразу отправилась в постель. Не успела княгиня лечь, как явился младший из Орловых Федор. Он пришел спросить, считает ли она совершенно необходимым предупредить Екатерину об опасности, и не потревожат ли ее совершенно напрасно. Дашкова убедила Федора, и он отправился к брату Алексею сообщить, что-

---

⁴⁰ РА. С. 186.

бы тот ехал в Петергоф. Далее княгиня написала следующие слова: «Tout fut en consequence de cet arrangement». — «Все прочее было сделано вследствие этого распоряжения»⁴¹. Свое письмо княгиня завершила такой красноречивой фразой: «Простите меня, если мое писание и мои действия не соответствовали вашему ожиданию, приняв во внимание, что *в пределах способностей моих, я не пренебрегала ничем. Если я не сумела больше, то по человечески не имела возможности*»⁴². (Курсив мой. — М.С.)

Из незатейливого изложения Дашковой ясно, что она была среди тех, про которых Екатерина писала: «Они решили», а Соловьев прозорливо заменил на: «Решено было». Очевидно, Дашкова свою роль в перевороте видела в том, что она первая подала мысль: для спасения Екатерины необходимо привезти ее из Петергофа в Измайловский полк, а затем настояла, чтобы это решение было приведено в действие. Все, что произошло после, явилось лишь следствием ее инициативы. То есть она дала первый толчок тем событиям, которые в итоге произошли, хотя и не так, как ей бы хотелось⁴³.

Вот они, «отменные заслуги», на которых так удачно заострил внимание Соловьев. Именно за них Дашкова получила денежное вознаграждение. К деньгам можно добавить еще и орден Св. Екатерины и производство в статс-дамы во время коронации⁴⁴. Но и не только за них.

К сожалению, публикация «Русского архива» не содержит данных об участии Дашковой в подготовке заговора. Но есть еще один документ, исходящий непосредственно от Екатерины. Он позволяет утверждать, что в период, предшествующий перевороту, Дашкова не только «разговаривала». Этот документ стал известен лишь в начале XX в., и Соловьев о нем тоже не знал. Речь идет о сохранившемся в Государственном архиве наброске императрицы о событиях 1762 г. В этом фрагменте она все также старалась принизить участие Дашковой. По словам Екатерины, к княгине обращались недовольные, потому что знали о ее привязанности к Екатерине. Мол, княгиня была всего лишь передаточным звеном. Но при всем том императрица признала, что Орловы по ее рекомендации

---

⁴¹ Там же.

⁴² РА. С. 191.

⁴³ См. подробно: Сафонов М.М. Письмо Е.Р. Дашковой К.Г. Кейзерлингу о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. // Е.Р. Дашкова и русская культура: От эпохи Просвещения к современности. М., 2014. С. 28—37.

⁴⁴ Дашкова. 1991. С. 75—76, 83.

познакомились с Дашковой в интересах конспирации, а она сама, Екатерина, дала княгине записку. Показавший ее собеседнику тем самым подтверждал, что поступает согласно воле императрицы. То есть агитирует в пользу жены Петра⁴⁵. Выходит, Дашкова, ведя разговоры с «соумышленниками», действовала не только по собственной инициативе, не только на свой страх и риск, а по поручению главы конспирации. Это и понятно, недаром же накануне переворота подруга императрицы оказалась в числе руководителей, принявших ее предложение начать переворот.

Соловьев был совершенно прав, когда тонко почувствовал, что в тексте мемуаров Дашковой, относящихся к подготовке переворота, совершенно отсутствует Екатерина. Но теперь мы знаем, это объясняется вовсе не тем, что императрица ничего не знала об этом. Анализируя текст «Записок» княгини, нетрудно заметить, что мемуаристка не упускает случая как бы невзначай дать понять читателю, а тем более тому, кто будет искать в ее воспоминаниях то, о чем в них непосредственно не говорится: переворот готовился без всякого участия Екатерины II. Здесь и разговор Дашковой с великой княгиней в Зимнем дворце накануне смерти Елизаветы Петровны. Разговор о том, что у Екатерины нет никакого плана действий и она ничего не предпринимает для своего спасения. Тут и реплика Дашковой в разговоре с Паниным том, почему она все делает, не ставя в известность Екатерину: для того чтобы не подвергать ее опасности⁴⁶. То есть Екатерина как бы абсолютно ни при чем. Но, заметим, дает ей записку, уполномочивающую действовать ее именем. Характерно, что Дашкова всю жизнь лелеяла любую мелочь, каждую деталь, напомиравшую ей о перевороте, но ни словом не обмолвилась в своих мемуарах об этой записке. Невозможно, чтобы она могла забыть такую «мелочь». Просто эта «деталь» разрушала напрочь идею о полной непричастности Екатерины к заговору. Характерно и стремление мемуаристки убедить читателя ее «Записок» в том, что она не была знакома с Алексеем Орловым. Якобы случайно по наитию узнала его на улице⁴⁷. Хотя из цитируемого письма Дашковой ясно: и он и она были одними из «наших», которые встречались на Синем мосту и вынашива-

⁴⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 519; см. подробно: Сафонов М.М. Княгиня Е.Р. Дашкова и великая княгиня Екатерина Алексеевна 28 июня 1762 года // 275-летие княгини Екатерины Романовны Дашковой. Сборник научных статей по итогам конференции. СПб., 2018. С. 34, 54—55.

⁴⁶ Дашкова. 1991. С. 50, 63.

⁴⁷ Там же. С. 67.

ли планы действия. Желание «опустить» А.Г. Орлова до второстепенного участника, исполнявшего ее приказы, также объясняется стремлением мемуаристки защитить репутацию Екатерины. Если любовник императрицы возглавил заговор в ее пользу, то при чем же здесь патриотизм? Именно она, княгиня Дашкова, не имевшая никаких корыстных побуждений, организовала заговор и явилась главной пружиной переворота, а вовсе не братья Орловы, ставшие фаворитами после воцарения Екатерины. В маргиналиях на книге Кастера Дашкова прямо заявила: «Не императрица, но я его создала, я была во главе заговора»⁴⁸. Эта фраза послужила «руководством к действию» при создании «Записок» Дашковой. В них эта идея получила полное воплощение. Ведь ее мемуары задумывались как опровержение «хитросплетений лжи и гнусных измышлений, возведенных на Екатерину Великую некоторыми французскими писателями», «громоздивших одну клевету на другую»⁴⁹. Очевидно, представив себя главой заговора и главным действующим лицом переворота, Дашкова стремилась во что бы то ни стало охранить репутацию Екатерины, даже в ущерб своей собственной, хотя она не могла не понимать, что читатели обвинят ее в непомерном честолюбии. Ставя себя во главе заговора, Дашкова тем самым снимала обвинение с Екатерины в том, что она путем интриги захватила престол. Дашкова брала на себя все⁵⁰. Хотя в действительности, как явствует из ее откровений Кейзерлингу, она лишь настояла на том, чтобы в критический момент заговорщики решились действовать.

Сегодня не может не вызывать удивление источниковедческая интуиция Соловьева. Анализируя сообщения Дашковой о ее действиях 28 июня 1762 г., изложенных в «Записках», Соловьев в виде предположения допустил то, что сама княгиня намного раньше, чем принялась за мемуары, рассказала в письме к Кейзерлингу.

Авторитет автора «Истории России с древнейших времен» был настолько велик, что его взгляд почти полтора столетия был доминирующим в работах российских, советских и зарубежных исследователей переворота. Но этот взгляд был воспринят несколько од-

---

⁴⁸ *Castéra J. Vie de Catherine II. T. I. Paris, 1797 // ОР Библиотеки РАН. Q 496. P. 207; Корнилович-Зубашева Е.О. Княгиня Е.Р. Дашкова за чтением Кастера // Сб. статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. СПб., 1922. С. 366.*

⁴⁹ *Дашкова. 1991. С. 35, 59.*

⁵⁰ *Сафонов М.М. Княгиня Е.Р. Дашкова и великая княгиня Екатерина Алексеевна на 28 июня 1762 года // 275-летие княгини Екатерины Романовны Дашковой. Сборник научных статей по итогам конференции. СПб., 2018. С. 55.*

носторонне. Беспощадная критика Соловьевым «Записок» княгини привела к тому, что историки при исследовании «coup d'Etat» 1762 г. предпочитали скорее вовсе обходиться без Дашковой, нежели пытаться воссоздать ее подлинную роль в этих событиях. Такова книга В.А. Бильбасова, до сих пор остающаяся наиболее обстоятельным исследованием переворота⁵¹. Таково мнение и современных исследователей, отечественных и зарубежных. Если Е.В. Анисимов, Б.М. Каменский, Н.И. Павленко и другие, работающие в том же жанре⁵², не считали даже нужным упоминать княгиню, то иностранные ученые, такие, как, например И. де Мадарьяга, предпринявшая попытку обобщить зарубежную историографию, в лучшем случае говорили о том, что Дашкова верхом в преображенском мундире сопровождала Екатерину во время петергофского похода⁵³. Это значительно легче, чем пытаться выяснить, в чем же именно состояла ее важная роль, которую почти пророчески предугадал автор многотомной истории России, основываясь не только на глубоком анализе противоречивых источников, но и на своей потрясающей интуиции, необыкновенной прозорливости и паразитическом источниковедческом чутье.

Литература

- Бильбасов, В.А.* Исторические монографии. — Т. III. — Санкт-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1901. — 608 с.
- Бильбасов, В.А.* История Екатерины Второй. — Т. II. — Берлин : Издание Фридриха Геттгейма, 1900. — 830 с.
- Брикнер, А.Г.* Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнергаузена) // Исторический вестник. 1884. — Т. XVIII. Октябрь—декабрь. — С. 5—24.
- Записки императрицы Екатерины Второй. — Москва : Орбита, 1989. — 748 с.
- Записки княгини Дашковой: Письма сестер Вильмот из России. — Москва : Изд. МГУ, 1991. — 504 с.
- Замечания княгини Дашковой на книгу Рюльера о восшествии на престол Екатерины Второй // Архив князя Воронцова. Т. VII. — Москва : Тип. Мамонтова, 1875. — С. 653—655.
- Корнилович-Зубашева, Е.О.* Княгиня Е.Р. Дашкова за чтением Кастера // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. — Санкт-Петербург : «Огни», 1922. — С. 355—370.
- Курукин, И.В.* «Эпоха дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762. Сер. «Неизвестная российская история: Исследования и документы. — Т. 6. — Рязань : П.А. Трибунский, 2003. — 570 с.

⁵¹ *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 1—94. «Выводить из пожалования кн. Дашковой 24.000 рублей о ее значении в перевороте не приходится», — заметил В.А. Бильбасов в примечании (Там же. С. 93).

⁵² См. подробно: *Сафонов М.М.* «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 113—128.

⁵³ *Мадарьяга. И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 49—75.

- Ленин, В.И.* Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. — Т. 37. — Москва : Издательство политической литературы, 1969. — С. 435—453.
- Мадарьяса, И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 976 с.
- Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки княгини Е.Р. Дашковой. 1859. — Лондон. Репринтное воспроизведение. — Москва : Наука, 1990. — 511 с.
- Россия и Испания. Документы и материалы. 1667—1917. — Т. 1. — 1667—1799. — Москва : Международные отношения, 1991. — 467 с.
- Из письма княгини Е.Р. Дашковой к графу Гермону Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой // Русский архив. 1887. — № 10. — С. 185—191.
- Сафонов, М.М.* Княгиня Е.Р. Дашкова и великая княгиня Екатерина Алексеевна 28 июня 1762 года // 275-летие княгини Екатерины Романовны Дашковой. Сборник научных статей по итогам конференции. — Санкт-Петербург : СПб ГБУ «Музей “Нарвская застава”», 2018. — С. 34—57.
- Сафонов, М.М.* «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. — № 1. — С. 113—128.
- Сафонов, М.М.* Письмо Е.Р. Дашковой К.Г. Кейзерлингу о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. // Е.Р. Дашкова и русская культура: От эпохи Просвещения к современности. — Москва : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. — С. 28—37.
- Сафонов, М.М.* Ж.-Д. —Ж. Одар, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 г. // Россия и Италия: Общие ценности. Сборник научных статей XVII Царскосельской конференции. — Санкт-Петербург : Серебряный век, 2011. — С. 427—440.
- Сафонов, М.М.* Екатерина Романовна Дашкова и Вольтер // Россия и западноевропейское Просвещение. Памяти Н.А. Копанева. — Санкт-Петербург : Р 2016. — С. 112—128.
- Сборник Русского исторического общества. — Т. XVIII. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1876. — 518 с.
- Сборник Русского исторического общества. Т. CXL. — Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. — 772 с.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. — Т. 25—26. — Москва : «Мысль», 1965. — 647 с.
- Сомов, В.А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. — Ленинград : Наука, 1986. — С. 173—245.
- Тургенев, А.И.* Российский двор в XVIII веке. — Санкт-Петербург : Искусство, 2005. — 525 с.
- Castéra, J.* Histoire de Impératrice Catherine II. Т. I. — Paris : Chez F. Buisson, 1797. — 466 p.
- Castéra, J.* Vie de Catherine II. — Т. 1. — Paris : Chez F. Buisson, 1797. — 427 p.
- Diderot, D.* Oeuvres complètes. — Т. XVII. — Paris: Garnier Freres, libraires —éditeurs, 1876. — P. 487—500.
- Journal Encyclopedique. 1762. Le 1 de Novembre. — P. 122—131.
- La cour de la Russie il y a cent ans. 1725—1783. — Berlin : Ferdinand Schneider, 1858. — 422 p.
- Princesse Dashkova.* Mon Histoire :Mémoires d’une femme de lettres russe à l’Epoque de lumières. — Paris : Montréal : L’Harmattan, 1999. — 333 p.
- Rulhier, C.-C.* Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. — Paris : Chez Desenne, 1797. — 175 p.
- Voltaire.* Correspondence and Related Documents. Definitive Edition by Theodore Besteman. V. XXV. Jane 1762 — 17 janvry 1763. Letters D. 10482 — D. 10972. — Oxfordshire, 1973. — P. 114—117.

И.В. Лобанова

Влияние личности С.М. Соловьева на судьбы и жизненный выбор его детей

The influence of the personality of S.M. Solovyov on the fate and life choices of his children

Аннотация: В статье сделана попытка проследить влияние С.М. Соловьева на формирование личности его детей, в первую очередь на его среднего сына, известного религиозного философа Владимира Соловьева, в чьей концепции особенно явно видны созвучные взглядам известного историка идеи. Показаны основные точки соприкосновения их философских, политических и научных мировоззрений.

Ключевые слова: история исторической науки, биография С.М. Соловьева, Всеволод Соловьев, Владимир Соловьев, история русской культуры XIX века.

Annotation: The article attempts to trace the influence of S.M. Solovyov on the formation of the personality of his children, primarily on his middle son, the famous religious philosopher Vladimir Solovyov, in whose concept ideas are especially clearly visible in tune with the views of the famous historian. The main points of contact of their philosophical, political and scientific worldviews are shown.

Keywords: History of historical science, Biography of S.M. Solovyov, Vsevolod Solovyov, Vladimir Solovyov, The history of Russian culture in the 19th century.

«Вы понимаете, что это значит: профессорские дети? Это ведь целый круг, целое Credo»¹, — говорил сын профессора Бугаева (Андрей Белый) дочери профессора Цветаева (Марине Цветаевой). Действительно, когда глава семьи профессор, а уж тем более, когда он ректор Московского университета, этот факт заранее определяет особый круг лиц, которые бывают в доме, обуславливает семейную иерархию ценностей и дает возможность детям быть в курсе интеллектуальной жизни эпохи.

У Сергея Михайловича Соловьева было восемь детей: три сына — Всеволод, Владимир и Михаил, и пять дочерей — Вера, Надежда, Любовь, Мария и Поликсена (на самом деле детей было двенадцать, но четверо умерли в младенчестве). Старший сын Всеволод стал успешным писателем — автором, заметим, исторических романов. Средний — Владимир — известным религиозным философом и публицистом. Младшая дочь Поликсена писала рассказы

---

¹ *Цветаева М.И.* Моя встреча с Андреем Белым // Пленный дух: Воспоминания о современниках. Эссе. СПб., 2005. С. 275.

для детей, была известна в литературных кругах под псевдонимом Allego. Младший из сыновей — Михаил — преподавал географию в гимназии, но в свободное время переводил Платона и памятники древней церковной письменности. Две дочери — Вера и Мария вышли замуж за историков. Вера — за профессора русской истории Н.А. Попова, который был директором архива Министерства юстиции, Мария — за историка-византиниста П.В. Безобразова.

По крайней мере трое из детей Сергея Михайловича писали (и публиковали) стихи — Всеволод, Владимир и Поликсена. Кстати, именно из-за старшего брата Владимир станет подписывать свои статьи как «Вл. Соловьев». Дело в том, что, когда Владимир опубликовал свою первую статью, Всеволод, начавший печататься раньше него, был недоволен: «Зачем ...он не подписал *Вл.*, а просто *В* — нас уже начали смешивать, а я вовсе не хочу отнимать у него его философии, ни богословия; не хочу также отдавать ему моих распускающихся цветов, моих слез и моего смеху...»².

Итак, сразу два сына Сергея Михайловича оказались не просто успешны на избранном ими поприще, они сумели стать самостоятельными величинами в истории русской культуры (и Всеволода, и Владимира Соловьевых знают самих по себе, вне связи с их знаменитым отцом). Есть ли в их успехах заслуга Соловьева-старшего?

Будет преувеличением сказать, что С.М. Соловьев был образцовым отцом и как-то особо занимался воспитанием своих детей. Своего первенца — Всеволода — он совершенно необъяснимо не любил и выставил из дома, едва тот закончил обучение на юридическом факультете, заявив, что отныне сын должен сам содержать себя. Вслед за отцом старшего сына в семье не любили и остальные, общалась с ним только мать (и то тайком), да старшая сестра Вера, с которой они вместе росли. Владимира же, который четыре года позорил отца-ректора, безуспешно пытаясь освоить курс естественных наук на физико-математическом факультете Московского университета, Сергей Михайлович любил, опекал и никуда не гнал.

Владимир Соловьев был зачислен в Московский университет без экзаменов как золотой медалист. Отец настаивал на историко-филологическом факультете, но юный гений желал постичь природу, потому самовольно поступил на физмат. Учился он там тяжело, поскольку способностей к точным наукам не имел ника-

---

² Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881) // Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 434 [№] 90. В.С. Соловьев — П.В. Соловьевой, С.Петербург, 10 ноября 1873 г.

ких. Биографы философа так и не установили, на каком курсе он остался на второй год — то ли на втором, то ли на третьем. Племянник философа вспоминал рассказы своего отца — Михаила Сергеевича: «Один раз Соловьев топтался на месте и только повторял: “Возьмем пластинку” (очевидно, физика). Другой раз Соловьев пробовал развивать экзаменатору мысль, что различие в устройстве половых органов у мужчин и женщин соответствует их духовному различию. Экзаменатор мрачно его оборвал: “Вы мне эту философию оставьте, а начертите-ка фаллопиевы трубы”. Соловьев не мог начертить...»³. Словом, до четвертого курса физмата Владимир Соловьев так и не добрался, а подал прошение об отчислении и одновременно о разрешении сдать кандидатские экзамены на историко-филологическом факультете, которые и сдал, как и ожидалось, блестяще. «Ввиду того, что Соловьев сдавал экзамены в качестве постороннего лица, и ввиду “его исключительных способностей”, — утверждал впоследствии В.И. Герье, — я не требовал от него на экзамене специальных познаний по истории, как от студентов нашего факультета. Я знал, что он еще гимназистом прочел все вышедшие до этого тома истории его отца, а память у него была феноменальная»⁴.

Вот таким разным было отношение историка к своим сыновьям. Из чего можно сделать вывод, что С.М. Соловьев был обычным человеком и отнюдь не педагогическим гением. Влияние его на детей определялось его личностью и самим образом его жизни, поскольку для семьи он был безусловным центром вселенной, интересам которого было подчинено все остальное.

Внук Сергея Михайлович — его полный тезка — рассказывал про деда: «Он был странен. Порывы его гнева раздражались как гроза, все трепетало и валилось, а Сергей Михайлович после таких припадков заболел в точном смысле слова: у него делалось разлитие желчи. Решив во что бы то ни стало написать «Историю России» и поставить себе «памятник нерукотворный», он построил свою жизнь механически размеренно и выпускал по тому в год. Вставал он всегда в семь часов и сразу садился за работу. Затем ехал в Университет или Архив. Ложился не позднее одиннадцати. После вечернего чая посвящал один час просматриванию корректур или чтению мелких книг, преимущественно географических. Летом он

---

³ Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 47.

⁴ Там же. С. 50.

также работал без отдыха и вставал в шесть часов. При этом семья его была громадная (двенадцать человек детей, из которых четверо умерло в детстве), в первые годы супружества ему приходилось очень туго в материальном отношении. Жена его Поликсена Владимировна поставила целью своей жизни охранять покой мужа, и дети воспитывались в благоговейном страхе перед отцом. С Сергеем Михайловичем не только нельзя было заговаривать в течение рабочего дня, но даже попадаться ему на глаза, когда он проходил по комнатам. Никакие гости не допускались за вечерним чаем, за исключением пятницы, когда собирались знакомые профессора. Но что всего интереснее, при этом жестоком порядке Сергей Михайлович был обожаем детьми»⁵.

Добавим, что обожаем настолько, что ему хотелось подражать. Дети изо дня в день, из года в год видели подвижнический труд отца. Подобный ритм жизни был сам по себе воспитательным моментом огромной важности, о чем свидетельствует колоссальная работоспособность в дальнейшем того же Владимира Соловьева. Кроме того, в этих условиях вкус к истории, как предмету размышления, формировался у детей еще в детстве. Это подтверждает и Владимир Соловьев, который в своей автобиографии писал: «Отец наш, хотя не занимался прямо нашим воспитанием, оказывал на нас самое благотворное влияние. Помимо того значения, который имел в семье человек нравственного авторитета и всецело преданный умственному труду и идейным интересам, кроме этого отец, не вмешиваясь в нашу тогдашнюю детскую жизнь, умел в самые важные моменты, по крайней мере моего духовного развития, оказать на него наилучшее действие»⁶.

Внутреннюю свободу С.М. Соловьев воспитывал в своих детях сознательно. В том числе свободу от религиозного фанатизма. Так, будучи человеком глубоко верующим, Соловьев-старший при этом часто сглаживал бурные проявления духовной жизни своего сына Владимира. Когда тот, совсем еще ребенком, решил постричься в монахи и принялся истязать себя разного рода аскетическими упражнениями, отец вместе с житиями святых подарил ему на именины книгу под названием «Олимп». «Эти светлые образы, — вспоминал Владимир Соловьев о представителях греческого пантеона, — сразу пленили мое воображение, расширили и

⁵ *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 5.

⁶ Там же. С. 30.

смягчили мою религиозность»⁷. Также, когда уже подростком Владимир объявил себя атеистом и даже выбросил в окно стоявшие в его комнате иконы, Сергей Михайлович не стал его ни разубеждать, ни наказывать. «Мой отец, — отмечал философ, — хорошо видевший, что происходит в моей голове, воздерживался от прямого противодействия, но косвенным образом старался показать мне, что смотрит на мое неверие как на болезнь, очень огорчен ею, но уверен, что я в конце концов должен выздороветь»⁸.

Владимир Соловьев с теплотой вспоминал о том, какие разговоры велись в их доме, какие люди там бывали. «Общественная среда нашей семьи была весьма блестяща в образовательном отношении, — рассказывал он, — и, без сомнения, оказала косвенное влияние на мое духовное развитие. Между ближайшими друзьями моего отца, собиравшимися у нас еженедельно, были самые знаменитые московские ученые и литераторы того времени»⁹. Так, в память ему врезался вечер, когда отец обсуждал с друзьями приговор, вынесенный Чернышевскому — возмущался негодующим шепотом, с красным от гнева лицом.

В этом контексте становится понятно почему, когда старший сын Всеволод опубликовал в «Русском Вестнике» записки отца, отредактировав их таким образом, что либеральный историк предстал перед публикой абсолютным консерватором, Владимир и Михаил восприняли это как оскорбление его памяти. Нападки на отца, любые попытки бросить на него тень всегда вызывали у Владимира очень острую негативную реакцию. Когда он был еще студентом, ему довелось случайно услышать, как профессор римского права Н.И. Крылов отпускал сальные шутки на тему обилия у Сергея Михайловича детей. По воспоминаниям свидетелей с Владимиром «случился настоящий припадок» и товарищам пришлось сдерживать его, а после сопровождать домой. Поступок Всеволода возмутил его не меньше. Вместе с младшим братом Михаилом он поместил в «Вестнике Европы» протест и некоторые выдержки из «Записок», не вошедшие в изданный Всеволодом вариант. В предисловии к своему последнему сочинению он поместил следующее примечание: «Мне продолжают приписывать враждебно-обличительные сочинения против основательницы необуддизма, покойной Е.П. Блавацкой. Ввиду этого считаю нужным заявить, что я с

---

⁷ Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 30.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Там же. С. 32.

нею никогда не встречался, никакими исследованиями и обличениями ее личности и производившихся ею явлений не занимался и ничего об этом никогда не печатал»¹⁰. Можно было сделать проще: указать, что о Блавацкой писал его брат Всеволод, имеющий те же инициалы, человек, между прочим, публике известный, но Владимир Соловьев предпочел даже не упоминать его имя. Он как бы отвечал на давнюю претензию брата — «не хочу, чтобы нас смешивали». После этого случая Владимир Соловьев больше никогда не общался со своим старшим братом. Тот факт, что Владимира Соловьева так глубоко задело искажение мировоззрения отца, показывает, насколько он был ему близок и дорог, свидетельствует об их не кровном только, но и духовном родстве.

В этом, скорее всего и причина столь разного отношения Сергея Михайловича к своим сыновьям. Один — единомышленник, и соратник, а второй — человек чуждый по духу, сибарит и мечтатель. Конечно, философский склад ума и историософская направленность мыслей не могли быть просто получены Владимиром Соловьевым в наследство, но следует признать, что отец сыграл в их формировании далеко не последнюю роль. Сходства в их суждениях гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Так, С.М. Соловьев, еще будучи студентом, написал трактат под названием «Феософический взгляд на историю России», в котором утверждал, что философия истории есть одно из величайших явлений XIX века, что только в XIX столетии научная мысль созрела для «систематического построения мыслительного рассмотрения истории»¹¹. Вдохновленный гегелевской мыслью о том, что каждый народ должен иметь свою философию своей истории, будущий великий историк сформулировал в чем, с его точки зрения, заключается сокровенный смысл русской истории: «Мы верим несомненно, знаем без гордости и исповедуем без тщеславия, что любимый Богом народ наш и призван им быть вечным приемником народов при святой купели крещения во Христе, знаем, что на нашем народе, как на восприемнике, лежит священная обязанность воспитывать дикие народы Азии для христиано-европейской государственности. Отсюда необходимо следует, что народ

---

¹⁰ *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. М., 1991. С. 6.

¹¹ *Соловьев С.М.* Феософический взгляд на историю России // Первые научные труды. Письма / подгот. текстов, статьи и коммент. А.Н. Шаханова. М., 1996. С. 9.

русский, этот крестоносец без меча, памятующий, сознающий и исполняющий свое послание, не может забыть пославшего его, но всегда будет иметь девизом: «Не нам, не нам, но имени Твоему!», всегда будет видеть в судьбах своих судьбы Божии. И вот почему философия русской истории, как сознание народа о собственных судьбах, должна носить на себе название и характер феософии»¹².

Нет смысла анализировать здесь содержание этой работы, которая отражает лишь определенный этап в эволюции взглядов ученого. Тем не менее, она свидетельствует о том, какое значение придавал С.М. Соловьев концептуальному осмыслению исторического процесса. Уже на склоне лет в своих «Записках» он вспоминал: «Я с ранних лет был пылкий приверженец христианства и в гимназии еще толковал, что *буду основателем философской системы, которая, показав ясно божественность христианства, положит конец неверию* (выделено мною. — *И.Л.*)»¹³.

Может ли быть простым совпадением тот факт, что сын великого историка главной целью своей жизни поставил выполнение той самой задачи, которая в свое время вдохновляла его отца, сформулировав ее почти теми же словами? Неважно был ли Владимир Соловьев знаком с содержанием упомянутого выше трактата (скорее всего, нет), ведь о взглядах отца он имел возможность узнавать непосредственно от него самого. А об их идейной близости говорит многое. В том, что отец был для будущего философа авторитетом в области исторического знания, не может быть никакого сомнения. Например, трудно не заметить следующее сходство в их биографиях: и отец и сын на определенном этапе жизни причисляли себя к славянофилам. Но что сближало их с этим идейным течением? Религиозность и вера в то, что России уготована особая роль в историческом процессе. В чем же оба они расходились со славянофилами? В представлении о «христиано-европейских» ценностях, как о неоспоримом благе для человеческой цивилизации и, соответственно, в оценке роли Петра I, приобщившего к ним Россию. Всеволод Соловьев, кстати, Петра как раз не любил, в то время как Владимир исключительно высоко оценивал личность Петра I и его преобразования, и в этом философ явно следовал за своим отцом, под влиянием которого сформировались его исторические взгляды

¹² Соловьев С.М. Феософический взгляд на историю России // Первые научные труды. Письма / подгот. текстов, статьи и коммент. А.Н. Шаханова. М., 1996. С. 9.

¹³ Соловьев С.М. Записки для детей моих, а если можно и для других. Пг., [1915]. С. 34–35.

и который, как известно, считал Петра «величайшим из исторических деятелей»¹⁴. Биограф Владимира Соловьева приводит замечательный факт: на публичных чтениях Сергея Михайловича о Петре Великом юный философ не просто присутствовал, но слушал столь внимательно, что, когда отец попросил Владимира записать содержание лекций по памяти, «запись была так полна и точна, что Сергей Михайлович пользовался ею при напечатании своего курса»¹⁵. Это яркий пример *сотрудничества*, которое не было бы возможно, если бы отец и сын не были единомышленниками.

Каковы были конкретно-исторические взгляды Владимира Соловьева? Он, как и отец, свято верил норманнской теории, превозносил Петра, презирал Восток и восхвалял западную цивилизацию. Все ли это простые совпадения? Как быть с тем фактом, что это противопоставление Востока и Запада было характерно и для Сергея Михайловича, который говорил, что «для восточного человека типичная одежда халат — символ бездеятельности, изнеженности; идеальная европейская одежда — фрак, при котором все члены тела свободны для деятельности»¹⁶.

С.М. Соловьев умел быть западником, оставаясь православным и патриотом, но не впадая при этом в крайности славянофильства. Эта *синтетичность* мышления характерна и для Владимира Соловьева, который в любое уже существующее учение привносил что-то свое, корректировал его со своей точки зрения и в таком виде включал в свою философскую систему.

Наконец, свободомыслие отца, отсутствие ограниченности и предвзятости в его отношении к религиозным вопросам сыграло свою положительную роль в формировании личности Владимира. Философ, как известно, с интересом изучал всякого рода оккультную и мистическую литературу. В частности, он увлекался сочинениями известного шведского мистика Эммануила Сведенборга, в чьих работах мир предстает телом универсального человека, что созвучно учению Вл. Соловьева о Софии и всеединстве. Однако и Сергей Михайлович сочувственно относился к Сведенборгу. В своих записках, описывая отрицательные стороны Московского митрополита Филарета (Дроздова), С.М. Соловьев приводит следу-

¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. В 18 кн. Кн. 9. М., 1993. С. 525.

¹⁵ Лукьянов С.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 147.

¹⁶ Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 15.

ющий факт из его биографии, относящийся к периоду ректорства владыки в Московской духовной академии: «Однажды Филарет выразил желание, чтоб кто-нибудь занялся опровержением Сведенборга, имеющего читателей и почитателей. Один ученый занялся делом и представил ректору изложение учения Сведенборга и опровержение. Первая часть, изложение учения, ужаснула ректора: “Как можно так писать! Сведенборг выходит у вас очень умен”. И давай вычеркивать из сочинения все то, что могло выставить Сведенборга в сколько-нибудь выгодном свете; ревность отца-ректора дошла до того, что, встретив известие: в одной гостинице Сведенборг имел видение, он зачеркнул: “гостиница” и написал: “кабак”. В этом исправленном виде сочинение было представлено Филарету; но тот нашел, что и тут оно представляет Сведенборга в выгодном свете, и еще перемарал, так что когда ректор после этого опять начал читать статью, то с самодовольным смехом повторял: “Какой этот Сведенборг был дурак!”»¹⁷. Таким образом, не только в области исторического знания, но и в области религиозной влияние отца на будущего философа было довольно значительным. То, что оба с уважением относились к Сведенборгу — автору с точки зрения духовной цензуры одиозному — не может быть простым совпадением, как и другие, вышеперечисленные, примеры их единомыслия.

Тайком таская книги из кабинета отца и потихоньку их читая, Владимир Соловьев приобщался к кругу идей порой и запретных. Как он сам признавался, за четыре года (с 13 до 17 лет) он «пережил один за другим все фазисы отрицательного движения европейской мысли за последние четыре века», от протестантизма и иконоборчества «перешел к рационализму, к неверию в чудо и в божественность Христа, стал деистом, потом пантеистом, потом атеистом и материалистом»¹⁸. С.М. Соловьев иногда давал довольно ядовитые характеристики кумирам юного философа, но никогда его не останавливал и не навязывал своих взглядов. Некоторые идеи отца стали близки философу только в конце жизни. Например, Сергей Михайлович любил уподоблять человечество больному старику, дни которого сочтены, и не разделял исторического оптимизма своего сына. Владимир Соловьев вспоминал, как силился убедить отца, что у истории человечества еще есть внутренние резервы, и

¹⁷ Соловьев С.М. Записки... С. 17—18.

¹⁸ Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 37.

слышал в ответ: «Да в том-то и дело, говорят тебе: когда умирал древний мир, было кому его сменить, было кому продолжать делать историю: германцы, славяне. А теперь где ты новые народы отыщешь? Те, островитяне что ли, которые Кука съели? Так они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как и краснокожие американцы. Или негры нас обновят?». На возражение сына, что роль катализатора истории может сыграть новый экономический строй или новые классы общества, Соловьев-старший «возражал с особым движением носа, как бы ощутив какое-то крайнее зловоние»¹⁹.

Владимир Соловьев был очень привязан к своему отцу. Он был совсем молодым человеком, когда Сергея Михайловича не стало. Младшая дочь, Мария Безобразова, вспоминала, что после похорон отца Владимир на долгие месяцы совсем перестал улыбаться. Очень трогательно, что Владимир Соловьев продолжал общаться с отцом после его смерти во сне. «Видел покойного отца с бледным лицом, но бодрого и очень похорошевшего; он подал мне роскошно изданный том своих посмертных сочинений. Я обрадовался и сказал: вы сами это лучше сделали, чем мы. Потом он ушел в свою комнату отдохнуть, а я стал рассматривать его книгу и увидел, что она содержит в себе сочинение о началах русской истории, доведенное до смутного времени. Потом я пошел в комнату отца, чтобы положить книгу на место; я постучался и спросил: спите ли вы, папа? Он отвечал: нет, еще не заснул, войди! Я вошел, в комнате было довольно темно, он лежал в кровати в сером халате. Я подошел и поцеловал его руку. Он удержал мою руку и сказал: «Что же, у тебя готовы матерьялы для сочинения твоего: записки камер-юнкера? Смотри, чтоб было хорошо, для этого нужно много знаний». Я хотел отвечать, что это будут сочинение более литературное, нежели ученое, — и проснулся»²⁰.

Нечасто так бывает, что сын знаменитого отца сам по себе оказывается значим, причем на ином, не фамильном поприще, в данном случае не в исторической науке. Крупный философ и успешный писатель — Владимир Соловьев и Всеволод Соловьев — совершенно самостоятельные фигуры в русской культуре. Случайность ли то, что они оказались сыновьями не менее значительного

---

¹⁹ Соловьев В.С. По поводу последних событий (письмо в редакцию) // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Т. X. СПб., 1914. С. 225.

²⁰ Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 188—189.

для русской истории ученого? Думается, что нет. С.М. Соловьев не растил из своих детей историков, не пытался создать династию — он давал своим детям свободу, пищу для ума, воспитывал в них критическое отношение к жизни. Несмотря на столь разное отношение к себе со стороны отца, оба сына стали его продолжением, в творческой своей сути, в отношении к жизни, потому что так были воспитаны, в такой среде выросли, потому что имели вкус к интеллектуальной деятельности и были равнодушны к общественной жизни. Можно назвать это еще одной творческой удачей Сергея Михайловича Соловьева, потому что заслуга его в этом несомненно есть.

Литература

- Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881) // Литературное наследство. — Т. 86. — Москва: Наука, 1973. — 790 с. [№] 90.
- Соловьев, В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. — Москва: Товарищество «А.Н. Сытин и К^о», ПИК, 1991. — 192 с.
- Соловьев, С.М.* Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. — Москва: Республика, 1997. — 431 с.
- Соловьев, С.М.* Философический взгляд на историю России // Первые научные труды. Письма. / подгот. текстов, статьи и коммент. А.Н. Шаханова. — Москва: Археогр. центр, 1996. — 215 с.
- Соловьев, С.М.* Записки для детей моих, а если можно и для других. — Петроград: «Прометей» Н.Н. Михайлова, [1915]. — 174 с.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. В 18 кн. — Кн. 9. — Москва: Мысль, 1993. — 671 с.
- Соловьев, В.С.* По поводу последних событий (письмо в редакцию) // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. — Т. X. — Санкт-Петербург: Просвещение, 1914. — 527 с.
- Цветаева, М.И.* Моя встреча с Андреем Белым // Пленный дух: Воспоминания о современниках. Эссе. — Санкт-Петербург: Азбука классика, 2005. — 445 с.

С.М. Соловьев
и историческая наука
России

Ф.А. Петров

**Материалы о С.М. Соловьеве и историках
«государственной школы»
в собрании отдела письменных источников
Государственного исторического музея**

**Materials about S.M. Solovyov and historians
of the “state school” in the collection of the department of written
sources of the State historical museum**

Аннотация: Статья посвящена хранящимся в отделе письменных источников Государственного исторического музея записям ранних лекционных курсов С.М. Соловьева. Подчеркнута особая ценность этих текстов: они записаны его слушателями «вживую» и отражают исторические взгляды С.М. Соловьева, с которыми ученый входил в российскую историческую науку.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, «государственная школа», К.Д. Кавелин, историческая наука России.

Annotation. The article is devoted to the records of the early lecture courses of S.M. Solovyev kept in the department of written sources of the State historical museum. The special value of these texts is emphasized: they were recorded by his listeners “live” and reflect the historical views of S.M. Solovyov, the scientist entered the Russian historical science with.

Keywords: S.M. Solovyev, “State school”, K.D. Kavelin, Historical science of Russia.

Говоря о материалах отдела письменных источников Государственного исторического музея, хотелось бы привести слова из записки С.С. Уварова — безусловно, лучшего за все время существования министерств в нашей стране руководителей народного образования (просвещения). В одном из своих докладов Николаю I (1843 г.) он писал: «В течение последних 10 лет все виды отечественной истории изменились ... акты и документы, изданные Министерством, поставляют отныне будущего историка России в необходимость расширить круг наблюдений и проникнуть далее в пределы, недоступные Карамзину ... Ныне русская История ожидает нового делателя, с новым взглядом на предметы и готовит ему обильный запас сведений, коими Карамзин не мог воспользоваться». Занимавший в то время кафедру российской истории и избранный академиком императорской Академии наук М.П. Погодин собрал и опубликовал огромное количество ценнейших

источников, но стать подобным «делателем», т.е. исследователем, ему было не суждено¹.

И вот через год 44-летний «старик» (а именно так говорили о Погдине современники) с обидой покидает созданную им кафедру, которую отдает также выпускнику Московского университета, своему ученику Сергею Соловьеву, который был моложе его ровно на 20 лет.

В данной статье я хотел бы остановиться на хранящихся в ОПИ ГИМ записях ранних лекционных курсов Соловьева. Прежде всего, это обширный конспект лекций по русской истории за 1849/50 учебный год, записанных Петром и Дмитрием Самаринскими — младшими братьями знаменитого славянофила Ю.Ф. Самарина. Этот конспект можно назвать *генезисом* знаменитой «Истории России с древнейших времен». Другой конспект, хранящийся в том же фонде, «История допетровской Руси по лекциям С.М. Соловьева 1857—1858 года»², был *развитием* его курса публичных лекций «Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого». Ценность этих конспектов, отложившихся в фонде И.Е. Забелина, в том, что в них мысли учебного записаны «вживую» и не подвергнуты неизбежной при переработке в печатный текст «самоцензуре».

На формирование исторической концепции С.М. Соловьева несомненное влияние оказал курс лекций его старшего (всего лишь на два года) коллеги по Московскому университету К.Д. Кавелина. «Перед нами, — писал слушавший лекции Кавелина Б.Н. Чичерин, завершивший создание «государственной школы», — развертывалась стройная картина всего развития русской общественной жизни: вначале родовой быт ... затем разложение этого начала дружинным выступлением личности, постепенное развитие государства и, наконец, завершение всего этого исторического процесса деятельностью Петра Великого, который ... вдвинул Россию в среду европейских держав, тем исполнив ее историческое предназначение»³ (и Соловьев и Чичерин перелагали пушкинские «Стансы»).

Как писал А.Н. Цамутали, Соловьев стремился «на основании концепции, предложенной Кавелиным и дополненной им

¹ См. подробнее: *Петров Ф.А.* Исторические взгляды С.С. Уварова / Забелинские научные чтения 1997 года). М., 1998; *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995.

² ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 1065; Ед. хр. 47—48.

³ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания (Москва сороковых годов). М., 1991. С. 33—34.

самим, изложить всю историю России ... представить ее в развитии ... Большую роль в этой концепции играла теория родового быта, смена родовых отношений государственными». По мнению А.М. Сахарова, общим между ними был «подход к истории как к закономерному “органическому процессу”. Но главным было представление о государстве, как о высшей форме общественной организации, стоящей над обществом и действующей в интересах его в целом»⁴.

Четверть века тому назад мы с Н.Л. Зубовой опубликовали хранящийся в собрании нашего отдела курс лекций по истории государственного права, прочитанный Кавелиным в 1845/46 учебном году, в котором были намечены контуры «государственной школы»⁵. В 1847 г. вышла в свет кавелинская статья «Взгляд на юридический быт древней России», ставшая программным документом нового направления в русской историографии. В 1845 г. Кавелин выступил на защите магистерской диссертации Соловьева «Об отношении Новгорода к великим князьям». Как пишет Н.И. Цимбаев, «в Соловьеве он нашел единомышленника ... От Кавелина Грановский и другие профессора западной партии услышали, что труд Соловьева — важнейшее событие в исторической литературе после Карамзина и «составляет эпоху в области исследований о русских древностях». Противопоставляя *научную* концепцию Соловьева «историческому романтизму», он считал главными заслугами автора «трезвость мысли» и «безусловную веру в историческое развитие»⁶.

Восторженное отношение Кавелина вызвала вышедшая в 1846 г. книга Соловьева «О родовых отношениях между князьями древней Руси». В своей рецензии он писал, что эта книга «отличается несомненными достоинствами: чисто историческим тоном, отсутствием всяких предубеждений, которые, начиная уже с Карамзина, мешали и мешают понять нашу древнюю, а потом и новую историю, ... добросовестным собиранием фактов и ясным, отчетливым изложением». Именно здесь Кавелин предельно лаконично и четко сформулировал свою теорию о постепенном вытеснении в древней Руси рода семьей, где первенство принадлежит нисходящим, а не боковым линиям, а удельной Руси — Московским государством.

⁴ *Памутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 18, 98—99, 245—246; *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 136—141.

⁵ Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. III. С. 50—137.

⁶ *Цимбаев Н.И.* Сергей Соловьев. М., 1990. С. 162; *Кавелин К.Д.* Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1. Ст. 265.

В рецензии на докторскую диссертацию Соловьева «История отношений между князьями Рюрикова дома» Кавелин похвалил автора, который «проследил победу государственных отношений над родовыми и окончательную победу первых». Наконец, характеризуя т. 1 «Истории России с древнейших времен», Кавелин с удовлетворением отметил, что «все исторические явления рассматриваются здесь во взаимной связи и раскрываются последовательно, по их внутренней преемственности»⁷.

Позволим себе провести некоторые сравнения лекций Кавелина и Соловьева в «золотую эпоху» Московского университета — 1840-е годы.

Кавелин полагал, что «вся русская история, как древняя, так и новая есть по преимуществу государственная, политическая, и именно в государстве сосредоточились все силы и соки народной жизни». Считая государство главной движущей силой русской истории, он стремился найти внутренние закономерности исторического развития, «представить историю как развивающийся организм..., в котором изменения происходят последовательно и по внутренним причинам». И Соловьев, формулируя идею исторического развития, стремился «объяснить каждое явление из внутренних причин», в конечном итоге сводя это развитие к изменению государственных форм⁸.

Кавелин доказывал, что «мы народ европейский, способный к совершенствованию, к развитию, который не любит повторяться и бесконечное число веков стоять на одной точке». Но в то же время он был убежден, что Россия — «явление совершенно новое, небывалое в истории». Из всех славянских государств она одна «создалась так крепко и мощно, что вынесла все внешние и внутренние бури, и из каждой выходила как будто с новыми силами». «Никогда, — подчеркивал Кавелин, — иноземные завоеватели не селились между нами и потому не могли придать нашей истории свой национальный характер». С другой стороны, жизнь «спокойного, миролюбивого славянского племени привела к тому, что личность здесь не могла развиваться»⁹. А Соловьев писал: «Народ русский есть народ европейский», хотя «его история имеет особенности, кото-

⁷ Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 1. Стб. 270—271, 273, 417—419; Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М., 1997. С. 91.

⁸ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете... С. 51, 98; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Предисловие / С.М. Соловьев. Чтения и рассказы по истории России. М., 1988. С. 25.

⁹ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ... С. 52—53, 59.

рые должны отличать его историю от истории других европейских народов». «Здесь должно было образоваться громадное государство, какого не видывала история, но для окончательного его образования нужны целые века. Позднее других европейских государств оно должно было выступить на историческое поприще, ... европейское, славянское племя должно было охранять свою жизнь, бороться с дикими обитателями степей», которые лишь стремились «опустошить, отнять у оседлого общества плоды его трудов, чтобы сжечь его постоянное жилище и ничего не принести этому обществу»¹⁰.

Применяя диалектический метод Гегеля, Кавелин разработал трехчленную схему истории России: «род — вотчина — государство». *Тезис* заключался в том, что в первую эпоху русской истории, т.е. в Киевской Руси, преобладали родоплеменные, патриархальные отношения. Константин Дмитриевич попытался разобраться в запутанной схеме наследования княжеского престола, но только Соловьев, подчеркивая, что «родовой быт охватил русские области такой сетью, из которой они не могли выпутаться», сумел буквально «расплести» сложную систему «соединения многих родов с одним общим князем во главе»¹¹.

«Никогда иноплеменные завоеватели, — подчеркивал Кавелин, — не селились между нами и потому не могли придать нашей истории свой национальный характер... Много народов прошло через Русь». Были и набеги завоевателей, которые «попеременно покоряли русских славян и собирали дань». Но они «не могли несколько изменить внутреннего, домашнего и общественного быта русских славян... История вполне предоставила нас одним нашим собственным силам ... Мы не сидели на плечах у другого народа, который, будучи просвещеннее нас, мог бы сообщить нам, даже против нашей воли, следы своей высшей цивилизации. На своей почве мы не имели предшественников, а если и имели, то таких, от которых нам нечего было заимствовать»¹².

Соловьев уловил самое главное в кавелинской схеме — ее гибкость, и сумел наполнить ее богатейшим фактическим содержанием. Он подчеркивал, что русский народ «не сталкивается с народом высшей и равной гражданственности». Более того, наше государ-

¹⁰ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ...С. 53—54; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 47. Л. 2 об., 7 об. — 8, 22 об.

¹¹ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ... С. 55; Соловьев С.М. Чтения... С. 163, 165; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 47. Л. 24—25.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 47. Л. 52.

ство в своем развитии имело сильные препятствия, так как «славянское племя встретило варваров, должно было бороться с ними, должно было собрать все свои силы, чтобы отбиваться» от всех тех, «которые хотели жить не честным трудом, а на чужой счет». Славяне были предоставлены самим себе, «не заимствуя ни у какого образованного общества». Русский народ «явился со своим характером, с земледелием, а это отличало его от кочевников»¹³.

«Постепенно, — писал Соловьев, — родовые формы подчиняются государственным интересам». Больше всего «способствовала сознанию о единстве та обязанность племен, по которой они должны были участвовать в походах княжеских на другие племена, на другие народы» и тем самым «составляли одну дружину под знаменами русского князя ... Всякий удалец, какого бы звания и происхождения ни был, принимался радушно в дружину; князь, вождь дружины, назначал ему место, смотря по его славе, по его способностям, воинским подвигам». Так появляется «новый элемент народонаселения — воинские отряды»; князьями строятся города, зарождаются «торговля и промышленность». Соловьев подчеркивал, что «с утверждением русских князей начинается русская история, ибо это положило начало Русскому государству. ... Все русские князья находятся в родовых отношениях, но все-таки они поддерживают сознание этого единства». «Государство в зародыше, государство в младенчестве», «но оно уже началось».

Соловьев подчеркивал, что «главный герой древней русской истории» -не Игорь и не Святослав, а князь Владимир Святославович. Их подвиги «были совершаемы вдали от родной страны и не для родной страны; тогда как подвиги Владимира были совершаемы в виду всей Русской земли и для защиты ее от степных варваров ... в этих битвах, идет дело о самых главных интересах общества, народа, здесь совершается борьба за имущество, свободу, жизнь народа». Его двойная заслуга — «торжество славянской религии» и «соединение славянских племен под одну власть» Православное вероисповедание, «противоположное западному католицизму, отделило его и от европейских и от азиатских народов и дало самостоятельное существование среди них ... Это различие вероисповеданий могущественнее всяких гор высоких и неприступно блюло самостоятельность русского народа»¹⁴.

---

¹³ Там же. Л. 38.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 47. Л. 38 об., 39, 41—42 об., 50—50 об., 52 об., 53, 88; Ед. хр. 48. Л. 121 об.; Л. 91, 96, 121, 127—128, 135 об. — 136; *Соловьев С.М.* Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого / *Соловьев С.М.* Чтения ... С. 172, 175, 236—237; Ед. хр. 48. Л. 121 об.; *Соловьев С.М.* Чтения ... С. 175, 236—237.

Кавелин высшее воплощение родоплеменного начала видел в деятельности Ярослава Мудрого, который «первый задумал основать государственный быт Руси и утвердить ее политическое единство на родовом начале ... Он был представителем единства княжеского рода, главою всех князей и вместе представителем политического единства Руси». Соловьев подчеркивал, что «Ярослав по своему характеру был не столько вождем дружины», сколько «склонен к деятельности правительственной». При нем окончательно происходит «соединение племен славянских под одну власть ... Построение городов столько способствует образованию областей, сосредоточению народонаселения около областных центров, и эти центры тяготели к Киеву. Наконец, торжество христианства приносит новый залог этого единства». Но «Ярославова система покоилась на родовом начале и раздробила Россию на княжества»¹⁵.

После смерти Ярослава Владимировича наступает *антитезис*, что было связано с развитием семейного или вотчинного начала, когда княжеские роды стали разветвляться и распадаться на составные части: «Весь наш государственный быт, от Ярослава до усиления Москвы, есть история постепенного разложения и упадка родового начала». Государственной целостности страны, основанной на единстве княжеского рода, пришел конец: «Россия распадается на несколько территорий, совершенно отдельных и независимых друг от друга; каждая из них имеет во главе особый княжеский род». Раздробление Руси на отдельные княжества привело не только к «потере государственного единства», но и превращению князей в вотчинников, «неограниченных владельцев своих имений, которые заботились только о ближайших семейных интересах» и, забывая кровное родство, вели постоянные распри и войны между собой, страшному разорению областей: «произвол и корыстолюбие правителей, ничем не обузданные, возрастают до безмерности». Не могли спасти «политическую систему Ярослава» ни съезды князей, ни деятельность Владимира Мономаха: «это был образец князя, какого искало общество, страдавшее от смут между родами». Мономах сумел прекратить усобицы, но после его смерти они разгорелись с новой силой, и «Россия была разделена на бесчисленное множество княжеских владений». Соловьев обратил внимание на то, что причиной усобиц, «нестроений», характеризующих эпоху от смерти Ярослава, была «неопределенность отно-

¹⁵ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин... С. 55; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 48. Л. 131.

шений княжеских»: после смерти очередного князя «в княжеском роде происходила передвижка князей, и так как эта передвижка не могла происходить правильно, то отсюда происходили войны». Многие усобицы инициировались боярами. Это было «не по сердцу горожанам, потому что разоряли их». Они должны были поставить «городовые полки, во главе которых был тысяцкий, но выбирались они князем, а не самим народом»¹⁶.

Во «Взгляде...» Кавелин наметил штрихи образа «князя-вотчинника», который впоследствии получил столь блестящее развитие у С.М. Соловьева. Он обратил внимание на то, что «когда князь стал вотчинником, господином в своих владениях — и дружинники его сделались мало-помалу его слугами. Лицо князя вырастает». Именно эта вотчина стала прообразом будущего Московского государства, и, таким образом, отрицая прежний родовой строй, вотчинный порядок таил в себе зародыш будущего единого государства Российского». Сам Соловьев образцом такого князя считал сына Мономаха, князя суздальского и киевского Юрия Владимировича Долгорукого: «Много городов построил здесь Юрий Долгорукий, самая Москва обязана ему своим построением, и это-то народонаселение этих новых городов начало гражданскую жизнь, благодаря князю, хозяину городов». Князь смотрит на себя как на господина этой отдельной собственности, принадлежащей ему и его детям, и начинает увеличивать его за счет отдельных областей. «Когда возникла мысль, что княжество не более не менее как княжеская вотчина, наследственная собственность, которою владелец может распоряжаться» по своему усмотрению, «территориальные, владельческие интересы должны были одержать верх над ... кровными, родственными». «Князь теперь ведет борьбу с другим князем не по родовым счетам, но для того, чтобы усилиться за счет других»¹⁷.

Кавелин считал, что «последние следы государственного единства» исчезают при сыне Юрия Долгорукова Андрее Боголюбском. Семья после Андрея Боголюбского обратила княжества в вотчины, делившиеся до бесконечности. Развивая его мысль, Соловьев говорил, что к этому времени род разлагается, «родовое начало износилось совершенно». «Для окончательного соединения русских областей» нужно было «на время разделить Русь, и этим дать

¹⁶ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ... С. 55, 57—58, 62, 118; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 47. Л. 73—75.

¹⁷ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ... С. 58; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 48. Л. 104; Ед. хр. 1059. Л. 170—171, 175, 252.

возможность соединения» (Вспомним: «Прежде чем объединиться, необходимо размежеваться»). Князь Андрей Боголюбский «не давал областей племянникам, подчинил себе Рязань, распоряжался Киевом... Строение городков-острожков было главной чертой внутренней деятельности князей». Это приводило к появлению мастеровых людей. В этот городок, как центр, начинало стекаться народонаселение для суда и расправы, а особенно для торговли и развития ремесел; «приходили люди лучшие, храбрейшие, из разных стран... Родовое начало исчезло, каждый князь смотрит на себя как на отдельного собственника, старается усилиться, обогатиться». «Этот путь был единственным для соборания русской земли...»¹⁸.

Новый порядок мог зародиться только на северо-востоке страны. «... Северная Русь могла совершить ту роль, которую присудила ей история, роль соборания земли, образования крепкого государства». Юго-Западная Русь оказалась «неспособной стать государственным ядром для России». Ее жители отличались «любовью к жизни в обществе ... славолубием, стремлением взять честь свою», храбростью, «стремительностью в нападениях, но не отличались стойкостью». Там не было единства политического, не было государственного начала, и в конечном итоге юго-западная Русь должна было подпасть под власть другого государства — сначала Литвы, затем Польши. На северо-востоке народ, напротив, отличался «осторожностью, постоянством в достижении цели, обдуманностью, медленностью, осторожностью в приобретении, стойкостью в защищении приобретенного». Здесь «невыгодно было набирать храбрую дружину для постоянной войны. Северные князья не хотели быть в товарищеских отношениях с дружиной, зависеть от нее». Там «является боязнь в одну минуту потерять, что накоплено в продолжение многих лет». На северо-востоке были «собственники, заботящиеся только о том, чтобы увеличить свою силу, собственность, разрывают родственную связь». И «именно северные князья совершили работу великую — основание государства, смогли «связать, сплотить части, дать им внутреннее единство, собрать Русскую землю»¹⁹.

Наконец, 3-я эпоха, по Кавелину, — «*отрицание отрицания*» или *синтез* — новое объединение России на основе развития идеи государства, т.е. «начало гражданского, юридического, на мысли и

¹⁸ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ...С. 55; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 108, 113, 120 об. — 124, 125 об. — 126; Ед. хр. 1059. Л. 178, 212, 242.

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1059. Л. 21, 227—228.

нравственных интересах, а не одном родстве основанного общественного быта». Развивая эту мысль, Соловьев писал: «На первом плане этого периода будет связь между княжествами... Великое значение этого периода состоит в расположении земли, распространении русского духа ... Итак, границы государственной жизни были намечены, родовые княжеские отношения отыграли свою роль. Нужно теперь обратиться к упрочению земли, упрочить переход из родовых отношений в государственные»²⁰.

Кавелин считал «историческим предрассудком» отношение к Новгороду как некоему «исключению из жизни древней Руси», видя в нем «ту же неопределенность, то же отсутствие твердой, юридической, на начале личности созданной общественности, которые характеризуют нашу древнюю внутреннюю жизнь». Новгородская «вольница» не выработала «государственных идей» и «определенные юридические формы». Не склонный считать Новгород торжеством народовластия, Кавелин подчеркивал в своих лекциях, что там были люди свободные и несвободные — холопы. «Знатные пользовались большим уважением и фактически имели большое участие в государственном управлении». Соловьев развил его мысль: «Обыкновенно Новгород с его бытом рассматривали, как явление совершенно иного рода, чем явления, усматриваемые в других городах. Новгород называли республикою». Но при внимательном рассмотрении быта новгородского мы находим, что он является ... результатом нашего общего древнего быта». «В Новгороде отдаленном, которым князья мало занимались, ... гражданам было более возможности увеличить свою власть, ... и вот явился посадник, выборный от города». Без посадника «князь не мог ни судить, ни раздавать никаких прав ... Отсюда очень рано являются рядные договоры с князьями». Это был город «со странным устройством... представителем старинного двоевластия, власти города и власти князя». Однако в конечном итоге «Государь Великий Новгород» проиграл великому князю Московскому, ибо «представлял собою библейскую статую с золотою головою и глиняными ногами». «Причины падения Новгорода были внутри его: он уже давно сделался очень богатым городом ... Эти причины заключаются во вражде между богатыми и бедными»²¹.

²⁰ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ... С. 55—56; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 47. Л. 94 об., 97, 99 об., 101 об.; Соловьев С.М. Чтения ... С. 281.

²¹ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ... С. 59; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 1059. Л. 233—236, 241.

Кавелин образно определил свой взгляд на татаро-монгольское нашествие: «Как буря, оно сокрушило все, что было на поверхности: остались одни зерна, спрятанные в земле. Теперь они стали расти, им было просторно; ничто им не мешало; монголы сделали много зла России: из конца в конец они ее опустошили, и опустошили не раз». Но в итоге «монгольское иго усилило власть великого князя и тем воссоздало видимый центр политического единства Руси... Монголы разрушают удельную систему в самом основании, воссоздают политическое единство, словом действуют в наших интересах, сами того не подозревая. Но, как мы видели, они действовали отрицательно. Положительно воспользовались всеми выгодами московского ига даровитые, умные, смысленные князья московские». Соловьев писал, что хотя татаро-монгольское нашествие «как бич Божий, все опустошило и истребило», но оно «не имеет такого огромного значения, которое ему приписывают ... Юг был опустошен окончательно, Север же укреплялся более и более, значит, на Севере были элементы жизни, могущества, которых не было на Юге ...». Татары «были неспособны изменить существующий порядок вещей», они «оставались жить вдалье, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения. И «смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство, могущество Руси ... усиление русского общества произошло изнутри, из среды его самого». А.Н. Цамутали справедливо заметил, что «в таком толковании значения татарского нашествия на историю России Соловьев в сущности повторяет схему Кавелина», и даже «общая оценка татарского нашествия и роль ханов во внутренней борьбе между российскими князьями у Кавелина и Соловьева излагаются почти одними и теми же словами»²².

Что же касается положения церкви в эпоху татаро-монгольского ига, то Кавелин считал даже, что «ханы оказывали покровительство христианскому духовенству; они были суеверны и надеялись найти в русском духовенстве покровителей». Соловьев также писал, что татары проявляли «необыкновенную терпимость» по отношению к «чужим вероисповеданиям». Он не соглашался с тем, «что монголы отрезали Россию от Европы»: не монголы, а родовой быт мешали Руси бороться «и с Швецией, и с немецкими государ-

---

²² *Петров Ф.А.* К.Д. Кавелин ... С. 62; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 1059. Л. 235—236, 241; *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы ... С. 28; *Цамутали А.Н.* Борьба течений ... С. 100.

ствами... для этого нужны были целые века». Когда усобицы прекратись, когда она окрепла, то справилась со всеми²³.

Наконец, по Кавелину, наступает «отрицание отрицания» или *синтез* — новое объединение России на основе развития государства, неразрывно связанное с постепенным осознанием этой идеи личностью, т.е. «начало гражданского, юридического, на мысли и нравственных интересах, а не одном родстве основанного быта». Развивая свою схему «род — вотчина — государство», Кавелин переходит к характеристике 3-й эпохи в истории России, т.е. объединению русских земель вокруг Москвы. Этот процесс он объяснял исключительно политическим фактором: «История Московского государства, подчеркивал он, — есть по преимуществу история политическая». Она представляла собой «упразднение интересов семейственных в пользу политических интересов, предполагала их выступление на сцену действия; развивается начало государственное... Политическая система, созданная московскими князьями, — нечто совершенно новое в русской истории; она представляет полное отрицание всех прежних систем ... В московской системе территориальное начало получило решительный перевес над личным. Кровные интересы уступают место политическим; держава; ее нераздельность и сила поставлены выше семьи ... Она отрицает их во имя идеи, и эта идея — государство»²⁴. Соловьев: «начинается переход из родового начала в государственный». Процесс этот был долгим. «Но над всем этим хаосом носится дух, поддерживающий сознание, что это одна страна, что все князья, перебегая со стола на стол, имеют одну обязанность, одно отношение к одной Русской земле, что от Киева до Галича, от Переяславля до Ладоги везде один народ, одна вера, которая отделяет его от Востока и от Запада...». Русские, по его мнению, в этом отношении отличаются от всех народов отсутствием национальной ненависти. Достаточно было лишь принять православную веру²⁵.

Кавелин не был склонен переоценивать роль Ивана Калиты, во всех действия которого виден, прежде всего, вотчинник, а не государь, который, «подобно всем владетельным князьям, думал только об умножении своих владений. И при этом стремлении не был раз-

²³ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин... С. 60; Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 145, 107; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 157—157 об., 159.; Ед. хр. 1059. Л. 227—227 об., 256 об.; Ед. 1059. Л. 227—227 об., 274—275.

²⁴ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ... С. 62.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 48. Л. 128, 131; Петров Ф.А. К.Д. Кавелин... С. 68.

борчив в средствах. Одна у него заслуга несомненная: он отлично воспользовался обстоятельствами». Аналогичным образом высказывался Соловьев: «Иоанну Калите приписывают значение первого собирателя русской земли; конечно, эта мысль явилась раньше, она укоренилась на почве северо-восточной Руси. В нем мы видим только человека решительного, верно действующего среди условий, произведенных не им самим, происшедших вследствие внешних обстоятельств ... он был князь благочестивый, любил подавать милостыню бедным и в то же время любил увеличивать свой удел... В это время в обществе была могущественная сила, которую Калита хотел привлечь на свою сторону; эта сила была церковь». Это стало его «великим приобретением». Несколько лекций Соловьев посвятил положению церкви в России в эпоху феодальной раздробленности, подробно разобрав церковную иерархию: «Церковь была едина для всех», что препятствовало княжеским усобицам, и она «начала могущественно содействовать торжеству быта государственного на родовым» и объединению русских земель. «Во времена борьбы князей митрополит был единственным представителем единства Руси; понятно, какое могущество он сообщает тому князю, в удел которого поселялся». Митрополит Петр выбрал Москву, и стало ясно, что «все дела перейдут в Москву; все будут стекаться к ней. Москва теперь в глазах духовенства, а чрез него и в глазах всей Руси является столицею»²⁶.

Особое место в лекциях Кавелина занимает личность Дмитрия Донского: «Со вступлением Дмитрия Донского на великокняжеский престол характер Московской истории начинает изменяться. Все события его княжения показывают, что начинает проглядывать новый порядок вещей. Что приписывают Калите, Симеону, то принадлежит Донскому. Ему принадлежит попытка истребить удельную систему и создать единое государство ... Силы Дмитрия покоились не на ханской милости, но на действительной силе. Дмитрий смотрел на великокняжеское достоинство как на наследственное владение, а не как прежде, на зависимое от ханов ... Только со времен Дмитрия Донского власть московских князей стала так велика, что, естественно, в них начала зарождаться мысль о государстве». В то же время в нем «виден еще помещик, частный господин ... Оставалось сделать один шаг — пожертвовать семьей государству: этот шаг и был сделан, но не вдруг»²⁷.

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 2, 6, 7, 9, 110, 15—15 об.; Ед. хр. 1059. Л. 32—132 об., 135 об., 342 об. — 343.

²⁷ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ...С. 63—64.

Соловьев более объективно оценивает обстоятельства, которые благоприятствовали Дмитрию Донскому: «...бояре князей московских успели сродниться с московским княжеством, и богатые, знатные употребляли все свое влияние, все свои силы для поддержания силы Московского государства. На митрополичьем престоле сидел в то время митрополит русский, человек из Московской дружины, человек с энергиею, поставивший себе целью усилить Московское княжество, утвердить единовластие; это был знаменитый Алексей... При таких условиях малолетнему Димитрию легко было побороть своих соперников... В его время Москва является в полном могуществе, обладает огромными материальными средствами; она уже может ограничиваться своими собственными силами и силою присоединившихся к ней княжеств. Русские люди отвыкли бояться татар; выросло целое поколение, которое не было пропитано суеверием о непобедимости татар»²⁸.

Переломным моментом в русской истории Кавелин считал великое княжение Ивана III, когда «из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство». Эта эпоха была «началом Московского государства: семейственное начало уступило место идее государственного в сфере политической», а «удельная система в самом основании задавлена ... по мере того, как раздробленные части российские обращаются в наследственное отчинное владение московских князей, как объем этих владений становится больше, возникает идея о государстве». Именно тогда «русская земля получает значение государства, грубая зависимость рабства переходит в подданство», а сам великий князь из вотчинника начинает превращаться в государя», и «образуется государственная территория — не случайное соединение земель, а правильное органическое тело, имеющее свою жизнь и свои потребности. Внешняя политика и деятельность московских государей, войны и мирные трактаты перестают быть частным делом», а удовлетворяют «потребности государства». В то же время, «потеряв возможность развиваться в политической сфере», родовые начала укоренились в сфере административной: «... князья и бояре их переехали в Москву и поступили на службу московскому государю. Таким образом, мало-помалу сложилась около царя лестница служилых родов». В угоду своим интересам они готовы были жертвовать даже существованием государ-

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 17—17 об., 24; Ед. хр. 1059. Л. 117, 280 об., 352, 353, 356, 356 об. — 361.

ства. Московские великие князья, а затем цари понимали тот вред, который причиняли государству носители родовых начал, но ничего поделаться не могли с этим, а в итоге «высшие должности доставались людям знатного рода и по большей части неталантливым»²⁹. Окончательно покончено было с этим злом даже не указом Федора Алексеевича 1682 г. об отмене местничества, а его младшим братом Петром, который ровно через сорок лет ввел Табель о рангах.

Соловьев полемизировал с Карамзиным, считавшим Ивана III предшественником Петра Великого: «по заслугам он совершенно равен и с Калитою, и с Донским... Земля собралась до него; он получил обширное государство и, разумеется, воспользовался приготовленными до него средствами; за это ему честь... но эта честь далека он чести творца России, как его долго называли. «... Все условия, при которых Иоанн III вступил на престол, были необыкновенно счастливы, условия, которые были приготовлены его предшественниками». Сам великий князь «действовал медленно и осторожно», но при этом отличался «верностью раз предположенной цели». «Первым делом он покорил Новгород», после чего «и Тверское княжество не могло сопротивляться. Он умел отнять у Литвы многие старые русские земли», воспользовавшись борьбой там «между русским и польскими началами». Но именно Иван III «первый подал мысль о соединении всех православных под одну власть. Он и его преемники являются защитниками православных». К моменту его воцарения «каждое княжество было разбито на уделы, непрерывная междоусобная борьба существовала между уделами; народонаселение не знало покоя» и бежало в другую область и везде оно встречало то же население с тою же верой: «легко было сильному князю собирать Русскую землю, не встречая преград в особенностях областных».

Развивая кавелинскую схему, Соловьев писал, что объединение русских земель вокруг Москвы и образование Русского централизованного государства было закономерным историческим процессом: «... Единовластие, окончание внутренней борьбы дает Московскому государству возможность войти в сношение с европейскими государствами, готовить себе место среди них». Этому способствовала и слабость дружины, которая «прибежала в Москву к самому сильному московскому князю, принесла с собою свои личные отношения, свои родовые интересы пришли со старинными преда-

---

²⁹ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин... С. 64—65, 73.

ниями, со свежей памятью о недавнем величии ... Опираясь на одну старину, бояре строили воздушные замки, которые разбивались о действительность самодержавную». «Князья, лишённые удела», потомки Рюрика и Гедимины были «только препятствием к единению государства и водворению нового порядка»³⁰.

В лекциях Кавелина мы впервые встречаемся с его оригинальным взглядом на деятельность Ивана Грозного, ставшим характерным для «государственной школы». Он считал «двумя величайшими деятелями в русской истории Ивана Грозного и Петра Великого, которые «замечательно сходны по стремлениям, по характеру деятельности. И тот, и другой преследуют одни цели ... Царствование Петра было продолжением царствования Иоанна. Недоконченные, остановившиеся на полудороге реформы последнего продолжил Петр». Враги Ивана IV «говорили, что он отделил себя от государства и народа, но это несправедливо: напротив, он хотел разорвать вокруг себя цепь аристократов. Он составил новый двор из незнатных; хотя опричнина и земщина скоро исчезли, но эта мысль гениальная, как «первая попытка создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на место рода, кровного начала поставить в государственном управлении начало личного достоинства: мысль, которая под другими реформами, была осуществлена потом Петром Великим».

Это была борьба государственного начала с родовым, царя с боярами, удельными князьями, областными правителями — носителями «домашних, частных, кровных интересов», которые связывали ему руки и отнимали возможность свободно развиваться и действовать. Именно для того, чтобы «дать власть одному государству ... Иоанн предпринимает решительные, коренные реформы», целью которых было стремление прекратить «страшные злоупотребления в областях», разбои, грабежи, убийства, обуздать произвол вельмож и предоставить все права областного управления в руки общин. Нельзя отрицать, что губная и земские реформы 1550-х годов, отмена системы «кормлений» и введение воеводского управления содействовали ликвидации «удельно-родовой системы» раздробленности, нанесли серьезный удар княжеско-боярской олигархии и создали сословно-представительные органы дворянства, верхов посада и зажиточного черносошного крестьянства. Но излишне восторженны-

---

³⁰ Соловьев С.М. Чтения ... С. 28—29; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр.48. Л. 32 об., 51—52 об., 55, 63, 71.

ми выглядят слова Кавелина о том, что «никто ни прежде, ни после, до самого Петра Великого, не действовал так энергически против вельмож и областных правителей, угнетавших народ, как Иоанн IV». По его мнению, причиной неудач реформ Ивана Грозного была «тупая, полупатриархальная, тогда уже бессмысленная среда, в которой суждено было ему жить и действовать»³¹.

Соловьев в своих лекциях подчеркивал, что на формирование характера Ивана Грозного оказала негативное влияние правившая в период его малолетства боярская клика, представители которой «своим правлением вооружали против себя все население и раздражали молодого великого князя ... Рано понял он, что он Государь, что он окружен похитителями власти, людьми, ненавидевшими его отца и мать, ненавидевшими за то, что те хотели поддержать власть государственную. ... С одной стороны, у него образовался необыкновенно ясный ум, собравший все свои силы, приобретший все возможные средства; с другой стороны, испорченность, неумение уважать личность, скорость к насилию ... Взяв в свои руки власть, царь приближает к себе людей худородных, дьяков, которые вступили в борьбу с боярами ... Давши обещание — управлять самому делами Государства, Царь должен был исполнить его». Развивая на огромном фактическом материале идеи Кавелина, Соловьев писал, что это был первый царь, который окончательно уничтожил родовой быт, в том числе и среди самого царского дома. Иван Грозный указывал на необходимость выдвигать людей за личную храбрость, на необходимость строгих жестоких мер против бояр, которые «не могли помириться с мыслию, что они должны служить Государству Московскому ... Старина погибла. Казань и Астрахань были последним мусульманским государством в восточной равнине... Тогда только торжество Европы над Азией было окончательно обеспечено». Но при этом «во всей политике Ивана IV высказывается сознание, что Государство Московское, могущественное не в пример сравнительно с Востоком, слабо сравнительно с западными соседями. Это положение Московского государства, торжествующего на Востоке, терпящего на Западе, продолжалось до Петра Великого». Опричнина была «новой дружиной, которую набрал царь для борьбы со стариною», но затем «он увидел, что эта опричнина становится против государственного порядка и поспешил уничтожить ее». Соловьев также подчерки-

---

³¹ Петров Ф.А. К.Д. Кавелин ... С. 66—67, 102.

вал стремление Ивана Грозного бороться со злоупотреблениями: «Усилившись, государи все захотели уравнивать перед собой, уравнивать частное и на развалинах его устроить общество». Но при этом «государство становится на первом плане, являются идеи общества и человечества преобладает централизация»³².

Нам представляется, что на Соловьева повлияла оценка личности Ивана Грозного славянофилом Юрием Самариним, который в рецензии на его книгу, написанную в том же 1847 г., упрекнул Кавелина за то, что он принес свои гуманистические убеждения в жертву формальной теории и вольно или невольно оправдал злодеяния «грозного царя»: «промелькнула мысль, оскорбительная для человеческого достоинства, та мысль, что бывают времена, когда гениальный человек не может не сделаться извергом, когда испорченность современников, большею частию бессознательная, разрешает того, кто сознает ее, от обязанности нравственного закона, по крайней мере, до того умаляет вину, что потомкам остается соболезновать о нем, а тяжкую ношу ответственности за его преступления свалит на головы его мучеников». И младшие братья Юрия Федоровича записали лаконичную фразу Соловьева: «Историк не может пропустить сходства Ивана Грозного с Петром Великим. Но все огромное различие между ними состоит в том, что Иван Грозный разрушал, а Петр Великий творил, созидал». Соловьев подчеркивал, что «ничто так не портит нравственность, как средства, употребляемые Иваном IV против врагов своих»: «была всюду одна форма ... Везде личная выгода: об общественных интересах нет и помину. Были люди, которые опирались на старину, предание и проявляли свою самостоятельность, хоть и грубую, но и эти люди были сломлены» ... Участились доносы, доносили друг на друга, как знатнее люди, так и холопы, отец на сына, сын на отца, «и от этого проклятого доноса много погибло людей». В конечном итоге «ни взаимного доверия, ни уверенности в силу закона не было; не могло быть и нравственного усовершенствования ... Везде личная выгода: об общих интересах нет и помину... сильные давили слабейшего», стремление помочь считалось страшным преступлением, за которым следовала страшная казнь. Областные правители «смотрели на свое дело не как на обязанность, в которой должны были дать отчет правительству и обществу; они заботились, чтоб кормиться как можно сытнее». На Западе усиление центральной

---

³² ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 81, 83 об., 88, 93, 99 об. — 100, 103, 110—111.

власти сопровождалось «стремлением к Просвещению, гражданственности», в России тоже произошла централизация, огромная власть сосредоточилась в руках царя, но «чувствовался огромный недостаток в просвещении ... Среднее сословие у нас не развилось, потому что торговля была мала ... Во всех явлениях видим стремление чисто внешним образом организовать Государство без внутреннего, живого свободного движения»³³.

Несколько лекций Кавелина было специально посвящено разбору источников — памятников русского законодательства различных эпох. Особое внимание, естественно, уделялось «Русской правде», судебникам 1497 и 1550 гг. и Соборному Уложению 1649 г. Разбирая эти законодательные акты, Кавелин дает характеристику сословной структуры русского общества. Принципиальное отличие России от Западной Европы он видел в том, что «у нас сословия определялись не по различию прав, но по образу занятий и образу жизни». Всего Кавелин выделял пять основных сословных групп: «1. Служившие в царской службе. 2. Сословия духовные. 3. Сословия, преимущественно занимавшиеся сельскою промышленностью. 4. Сословия, занимавшиеся преимущественно торговую промышленностью. 5. Сословия несвободные». Так он подходит к одному из постулатов «государственной школы» — закреплению сословий русским государством. Кавелин полагал, что закрепощение крестьян надо рассматривать не с юридической точки зрения, поскольку «личность в то время ничего не значила», а с точки зрения политических и административных соображений. Лично свободные крестьяне жили у землевладельцев на их землях *не по праву, а по обычаю*, а в конце XVI в. (отмена «Юрьева дня») «сословие свободных жителей и сословие рабов слились в одно». При этом Кавелин подчеркивал, что подати, взимаемые в это время с крестьян, «были так обременительны, что крестьяне толпами бежали, чтобы не платить податей». Вместе с тем, Кавелин как с университетской кафедры, так и в беседах со студентами доказывал необходимости раскрепощения сословий и лично принял деятельное участие в подготовке Крестьянской реформы 1861 г.³⁴

Тезис о том, что закрепощение крестьян было необходимой для нормальной государственной жизни мерой, был развит С.М. Соловьевым. Он подчеркивал, что в конце XVI в. это диктовалось

³³ Цит. по: Цамутали А.Н. *Борьба течений* ... С. 57; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 1059. Л. 417, 433, 451.

³⁴ *Петров Ф.А.* К.Д. Кавелин ... С. 69—71, 117.

экономическими интересами и тогдашним военным устройством: «В нем самым осязательным, самым страшным образом высказалось банкротство бедной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностям своего государственного положения ... нужно было сделать заем, и заем был сделан. Как ни велик, как ни тяжел был он для народа, но прикрепление крестьян было естественным ходом древней русской истории... это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении ... Военное устройство, защита государства от неприятелей были первою заботою правительства». Но этому сильно препятствовало переманивание богатыми помещиками крестьян у мелких землевладельцев, «и когда государство призывало к войне», они не могли поставлять необходимое количество ратников. Это привело к прикреплению крестьян к конкретным помещикам в конкретной местности³⁵.

Нельзя согласиться с тем, что «Смутное время» не особо занимало Кавелина. В своих лекциях он говорил о Лжедмитрии, который «покорял Россию духовной властью папы», о том, что «поляки обращались с Россиею как с побежденною землею». По его мнению, «вместе со вступлением на престол Шуйского высказалось стремление аристократии ограничить власть московских князей» — по примеру Польши, «где аристократия была так сильна, что ослабляла власть правительства». Однако недолгое правление Шуйского «показало только слабость аристократии ... Необходимость иметь сильную власть никогда не была так сильна как теперь». «Смутное время» лишь подчеркнуло непреложный факт, что «идея государства уже глубоко проникла в жизнь: Россия сама встала на защиту во имя Веры и Москвы, тогдашнего государственного центра нашего Отечества»³⁶.

Соловьев расширил формально юридический подход Кавелина широкой картиной положения Европы в начале XVII в.: «Стоит только вспомнить начало XVII в., ознаменованного по всей Европе великой религиозной борьбой, чтобы понять значение принятия восточного христианства. Что бы другое поддержало русский народ в сознании своей самостоятельности, кто бы придал ему силы отвергнуть подчиненность, поддержать самостоятельность среди всех ударов...». «Смутному времени» посвящено 14 лекций из 36,

³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 1059. Л. 36 об., 448—449; *Соловьев С.М.* Чтения.... С. 197, 245—246, 277—278, 318—319, 432—435.

³⁶ *Петров А.Ф.* К.Д. Кавелин ... С. 75—76.

записанных братьями Самариными. Нам представляется это своеобразным откликом на злободневные события 1848—1849 гг., когда во многих странах Западной Европы вспыхнули революции. По мнению Соловьева, «Смута имела значение последней ожесточенной борьбы между старым и новым порядком вещей». Казалось бы, «не было для государства выхода»: оно «было в осадном положении между самозванцами Лжедмитриями, боярским царем Василием Шуйским и «казачьим царем» (Болотниковым). «Нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным сосредоточением... своекорыстным стремлениям людей, хотевших воспользоваться таким положением дел для своих выгод, хотевших жить за счет государства, открылось свободное поприще. Несмотря, однако, на страшные удары, на множество врагов внутренних и внешних, государство спаслось; связь религиозная и связь гражданская были в нем так сильны, что, несмотря на отсутствие видимого сосредотачивающего начала, части соединились». А в итоге «бурное смутное время только истребило согнившее и дало силу тому, что было и крепко». Народное ополчение «совершило великое дело спасения. Сознали, откуда происходит зло, сознали, что есть православие, которое одно может дать самостоятельность, и узнали, что все соседние державы чужды». Государство, очищенное от врагов внутренних и внешних, восторжествовало. ... Избран государь всею землею. Так юное государство со славою выдержало тяжкое испытание, при котором ясно выказалась его крепость»³⁷.

Кавелин доказывал в своих лекциях, что Петр Великий не ломал ход исторического развития, а стал его завершителем. Он разработал теорию преемственности политики Петра Великого, которая не нарушала органического развития русской истории и была неразрывно связана с XVII веком: «Вследствие неудержимого хода исторических событий прежний порядок вещей становился неудовлетворительным ... Идее Государства становилось тесно в рамках кровных связей». Он подводил слушателей к закономерности и внутренней обусловленности реформ Петра I ходом исторического развития России, подчеркивая, что на протяжении всего XVII века «победа государства обозначается целым рядом постепенных законодательных реформ, которые идут, не прерываясь, до окончательной реформы Петра». Это проявлялось, по его мнению, в постепенном ограничении прав Боярской думы, все менее регу-

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 1059. Л. 696 об. — 697 об.; *Соловьев С.М.* Чтения ... С. 29.

лярных созывах Земских соборов, кодификации законодательства Соборным уложением 1649 г. и т.д. Возражая славянофилам, будто эпоха петровских преобразований «пришла слишком внезапно, действовала круто, насильственно», он писал, что «эпоха реформ наступила у нас не внезапно, она была подготовлена всем предшествующим бытом», была воплощением государственных начал, подготовленным всем предшествующим развитием страны. Реформа «действовала круто, насильственно — это правда, но ... можно ли было действовать иначе?». Ведь «древняя русская жизнь исчерпала себя вполне», о чем свидетельствует «упадок государственно-го устройства и управления... Только такая грубая, дикая, жалкая среда, в которой не было и тени общественного мнения ... сделала возможным преобразование в том виде, в каком оно совершилось ... Оправдание эпохи реформ в ее целях: средства дала, навязала ей сама старая Русь. ... Петр действовал как воспитатель, врач, хирург, которых не обвиняют за крутые и насильственные меры. Нельзя было иначе действовать ... Нужды были слишком настоятельны, чтоб можно было вести реформу медленно, спокойно...». Петровские реформы явились той точкой, с которой началось сближение исторических процессов развития России и Западной Европы, но «идеал европейской монархии слился у Петра Великого с мыслью о потребностях, нуждах и пользах России, которые у него стояли на первом плане». Он был глубоко убежден, что продолжает дело своих предков; такое же убеждение имели и его сподвижники ... Им и в голову не приходила мысль, что она (реформа. — *Ф.П.*) может лишить нас народности. ... Не Европа к нам перешла, а мы оевропеились, оставаясь русскими по-прежнему». Кавелин верил в способность русского народа «переварить» заимствованные у других народов формы, отбросив то, что не соответствует национальным и духовным традициям³⁸.

Высокая оценка деятельности Петра Великого, как монарха-реформатора, олицетворения сильной государственной власти, открывшего новые пути для исторического развития России, была продолжена С.М. Соловьевым. Соловьев писал, что русская история, как часть всемирной истории, начинается лишь с XVIII в. До этого — «период внутреннего, болезненного развития при борьбе с варварами... Наш народ завоевал почву азиатскую для Европы». В то же время в томах 13 и 14—м «Истории России с древнейших

---

³⁸ *Петров Ф.А.* К.Д. Кавелин ... С. 76—81, 126—127.

времен» преобразования Петра были представлены «не как насильственный разрыв с древней Русью, а как естественное развитие ее истории». Если при царе Михаиле Федоровиче государство «разбиралось между развалинами», то в царствование Алексея Михайловича «мы видим приготовления к преобразованиям ... так что Петр Великий вступил на престол, когда все созрело ... вместе с обществом готовится он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное». В то же время при «тишайшем» царе «старина, несмотря на обветшалость, является освященной в глазах народа»; она «подняла мертвые остатки безжизненной буквы» (раскол); обращал он внимание на страшные злоупотребления в администрации, финансах, торговле и промышленности. Вообще Соловьев метко заметил, что накануне эпохи преобразований правительство пыталось, «не трогая старого, приставлять к нему новое». Воспринята была Соловьевым и мысль Кавелина о *национальном* характере преобразований Петра Великого, которые вовсе не отделили «старую Русь от новой непроходимой бездной», а сохранили между ними прочную связь: «Ни один живой вопрос, возникший в древней Руси, не оставлен Петром Великим без разрешения»: «так тесно связан в нашей истории XVIII век с первою половиною XVII: разделять их нельзя»³⁹.

Спустя ровно четверть века после выхода в свет кавелинского «Взгляда на юридический быт древней России» Соловьев прочел на Политехнической выставке «Публичные чтения о Петре Великом», что явилось своеобразной прелюдией к созданию национального музея на Красной площади. Принять участие в создании этого музея Соловьев просто не мог физически — профессор и декан историко-филологического факультета, ректор Московского университета, да к тому же каждый год выходил в свет очередной том «Истории России с древнейших времен». Отметим главную и четко выраженную мысль Соловьева, что «при переходе народа от одного порядка жизни своей к другому, из одного возраста в другой люди, одаренные наибольшими способностями, оказывают народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснее других сознают потребности времени, необходимость известных перемен, движения, перехода и силою своей воли, своей неутомимой деятельности, побуждают и влекут меньшую братию, тяжелое на

---

³⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 47. Л. 8—8 об.; Ед. хр. 1059. Л. 668—698 об, 766. об.; Соловьев С.М. Чтения ... С. 30.

подъем большинство». Таким образом, великий человек «высоко поднимается как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли; деятельность его получает великое значение, как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни». При таком взгляде «высоко поднимается народ: его жизнь, история является цельною, органическою, не подверженною произволу...»⁴⁰.

Заслуги Сергея Михайловича Соловьева перед русской наукой и культурой велики. Мне кажется, со стороны сотрудников Исторического музея лучшей данью памяти Соловьеву было бы издание хранящихся в ОПИ ГИМ курсов лекций, а также эпистолярного наследия Сергея Михайловича из собрания ОПИ ГИМ.

Литература

- Кавелин, К.Д.* Собрание сочинений. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. — Т. 1. — XXXII с., 1052 стб., III с.
- Петров, Ф.А.* Исторические взгляды С.С. Уварова / Забелинские научные чтения 1997 года. — Москва : ГИМ, 1998. — С. 13–26.
- Петров, Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете.* — Москва : Христианское издательство, 1997. — 144 с.
- Петров, Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете.* — Москва : АО «Moskovskie uchebniki i Kartolitografiia», 1995. — 157 с.
- Река времен. Книга истории и культуры.* — Кн. III. — Москва : Эллис Лак, 1995. — 266 с.
- Сахаров, А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. — Москва : Высшая школа, 1978. — 256 с.
- Соловьев, С.М.* Сочинения. В 18 кн. — Москва : Мысль, 1988–2000.
- Соловьев, С.М.* Чтения и рассказы по истории России. — Москва : Правда, 1989. — 768 с.
- Цамутали, А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. — Ленинград : Наука, 1977. — 255 с.
- Цимбаев, Н.И.* Сергей Соловьев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 366 с.
- Чичерин, Б.Н.* Москва сороковых годов // Чичерин Б.Н. Воспоминания: в 2 т. — Москва : Пресса, 1991. — С. 550–580.

---

⁴⁰ Там же. С. 416.

А.А. Чернобаев

Иконография С.М. Соловьева как исторический источник

Iconography of S.M. Solovyov as a historical source

Аннотация: В статье рассматривается исследовательский потенциал иконографии С.М. Соловьева. На ее примере показано, что включение изобразительных свидетельств в источниковую базу исследований значительно расширяет представления современного историка о предмете своего научного интереса.

Ключевые слова: историческая наука, иконография, исторический источник, С.М. Соловьев, эвристический потенциал.

Annotation: The article examines the research potential of S.M. Solovyov's iconography. On its example, it was shown that the inclusion of pictorial evidence in the source base of research significantly expands the modern historian's understanding of the subject of his scientific interest.

Keywords: Historical science, Iconography, Historical source, S.M. Solovyov, Heuristic potential.

200-летний юбилей со дня рождения С.М. Соловьева — важная дата в отечественной культуре, которая дает возможность подвести итоги изучения жизни и творчества великого русского ученого и мыслителя в дореволюционной, советской и постсоветской историографии, проследить влияние его научного наследия на развитие исторической науки в нашей стране.

Тема данной статьи — иконография С.М. Соловьева как исторический источник. Французский ученый Н. Оффенштадт в статье «Иконография», включенной в «Словарь историка» (издан в 2006 г. на французском языке, а в 2011 г. — в переводе на русский), писал: «Долгое время анализ изображений не занимал большого места в работе историка. Они служили либо простыми иллюстрациями к текстам, либо предметом изучения историков искусства... Развитие истории ментальностей, а затем культурной истории значительно повысило ценность изображений как источника исторических знаний. Кроме того, расширение территории исторических исследований повлекло за собой использование самых разных изображений в широком смысле этого слова — от наглядных таблиц в письменных текстах до медалей, газетных рисунков и фотографий; работа с каждым отдельным типом изображений требует особого методологического осмысления, в то же время, учитывая эту спец-

ифику, необходимо и в целом представлять себе место изобразительного материала в работе историка»¹.

В полной мере этот вывод относится к трудам, посвященным жизни и творчеству историков России. Член-корреспондент РАН Я.Н. Шапов в монографии «Справочный инструментарий историка России», изданной в 2007 г., справедливо подчеркивал: «Портреты исторических деятелей для историка являются неотъемлемой частью исследования и публикации: писать о деятеле прошлого близких к нам веков, не видя его облика, тем более писать о его личности, это значит лишиться свои построения многих достоверных черт»².

В советские годы монографий об историках было немного. Среди них назову фундаментальный труд академика АН СССР М.В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский» и небольшую, но весьма содержательную книгу археолога А.А. Формозова «Историк Москвы И.Е. Забелин»³. Обе работы снабжены портретами выдающихся ученых. Имеются они и в книгах о В.Н. Татищеве, Н.М. Карамзине и С.М. Соловьеве, изданных в разные годы в популярной серии «Жизнь замечательных людей»⁴. В каждой из них содержатся подборки иллюстраций, что позволяет читателям составить определенное зрительное представление о корифеях российской исторической мысли и их времени.

Отрадно, что многие современные книги об историках, а их в последние годы издано немало⁵, хорошо иллюстрированы. Поиск и включение в работы об историках их портретов, других изобразительных материалов не только повышает к ним читательский интерес, но имеет также важное историографическое и источниковое

¹ См.: *Словарь историка* / Отв. ред. Н. Оффенштадт, сост. Г. Дюфо, Э. Мазурель, Н. Оффенштадт. М., 2011. С. 54—55.

² *Шапов Я.Н. Справочный инструментарий историка России*. М., 2007. С. 107.

³ См.: *Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества*. М., 1974; *Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин*. М., 1984.

⁴ См.: *Кузьмин А.Г. Татищев*. М., 1981; *Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина*. М., 1998; *Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев*. М., 1990.

⁵ См.: *Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов*. СПб., 2000; *Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. Сборник статей*. М., 2001; *В ритме времени: Фронтовик. Учитель. Историк. Памяти доктора исторических наук Б.С. Итенберга*. М., 2018; «Жаль, мало пишу...». Статьи, письма, архивные документы академика РАН П.В. Волобуева. М., 2006; *К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти Исаака Израилевича Минца*. М., 2007; *На фронте истории Гражданской войны. Памяти В.Д. Поликарпова*. М., 2009; *Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним*. СПб., 2016.

ведческое значение, напрямую связано с изучением истории исторической науки и подготовкой новых кадров исследователей.

Между тем, несмотря на некоторые положительные тенденции, отмеченные выше, в целом ситуация с иконографическими изданиями в нашей стране явно неудовлетворительная. Причем, речь идет не только об историках или других ученых, а вообще об изданиях портретов отечественных исторических деятелей.

Существующая в настоящее время потребность в иконографических изданиях, посвященных жизни и творчеству историков, побудила редакцию журнала «Исторический архив» приступить с конца 2000 г. к публикации соответствующих фотодокументов. Всего за прошедшие годы в журнале опубликовано свыше 130 подборок таких фотодокументов. 100 из них вошли в изданные в издательстве «Собрание» в 2008, 2011, 2015 и 2019 гг. тиражом в 300 экземпляров книги «Историки России. Иконография». Среди включенных в них персоналий — В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, российские и советские историки XX — начала XXI вв.⁶

Работа над иконографией историков лишь на первый взгляд может показаться достаточно простой. На самом деле мы сразу же столкнулись с множеством проблем. Известно, что отечественная историческая наука необыкновенно богата яркими дарованиями. Как раскрыть картину ее развития в лицах? Каковы критерии отбора персоналий? Где взять необходимый материал? Каким должен быть объем такого рода публикаций? Можно ли ограничиться портретными снимками, или следует использовать письменные свидетельства (автографы историков, их дипломы и т. п.), которые станут органическим дополнением и пояснением к фотодокументам? Вот лишь некоторые вопросы, которые требовали своего решения.

Практика использования кинофотодокументов (КФД) в научных трудах насчитывает десятилетия. Однако теоретические и методические проблемы издания КФД разработаны и обобщены все еще недостаточно⁷. В исторических работах, по наблюдению В.М. Магидова, «использование КФД носит преимущественно иллюстративный характер. Публикация хроникальных кинокадров

⁶ Подробнее об этом издании см.: Корзун В.П. Нескучные классики: 100 историков в оптике историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 162, кн. 3. Казань, 2020. С. 248—254.

⁷ См.: Чернобаев А.А. Иконография историков России: ее место в историографии // «Грядущее на все изменит взгляд». Статьи. Выступления. Публикации. 2005—2010 гг. М., 2010. С. 184—189.

и фотографий в виде иллюстраций также вызывает большие трудности. Данный процесс достаточно сложный и требует от автора дополнительной работы, связанной с отбором и классификацией КФД, их археографической обработкой»⁸.

В этой связи следует приветствовать появившиеся в последние годы исследования Л.Н. Мазур⁹ и И.В. Нарского¹⁰, посвященные новым тенденциям в мировой историографии, попыткам «соединить преимущества обеих медиумов — изображения и текста — в новый жанр»¹¹. По мнению В.П. Корзун, в результате «не только открывается новое поле в плане изучения динамики научной повседневности историка в длительной хронологической перспективе, но авторский коллектив (имеются в виду авторы четырех книг «Историки России. Иконография») как бы провоцирует сообщество на экспериментальные поиски конструирования нового вида историографического нарратива»¹².

Иконография С.М. Соловьева включает в себя различные иллюстративные документы, среди которых портреты историка, членов его семьи, коллег и учеников, обложки и титульные листы написанных им книг и книг о нем самом. Все это позволит читателю визуализировать образ С.М. Соловьева, погрузиться в его эпоху и составить более полное представление о великом историке.

Литература

- Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним. — Санкт-Петербург : Лики России, 2016. — 248 с.
- В ритме времени: Фронтвик. Учитель. Историк. Памяти доктора исторических наук Б.С. Итенберга. — Москва : РОССПЭН, 2018. — 366 с.
- Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. Сборник статей и материалов. — Москва : ИРИ РАН, 2019. — 246 с.
- «Жаль, мало пишу...». Статьи, письма, архивные документы академика РАН П.В. Волобуева. — Москва : Собрание, 2006. — 336 с.
- Корзун, В.П. Нескучные классики: 100 историков в оптике историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — Т. 162, кн. 3. — Казань, 2020. — С. 248—254.

⁸ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005. С. 242—243.

⁹ Мазур Л.Н. Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сб. ст. М., 2019. С. 52—62.

¹⁰ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио- историографический роман). Челябинск, 2008.

¹¹ Нарский И.В. Указ. соч. С. 279.

¹² Корзун В.П. Указ. соч. С. 249.

- Кузьмин, А.Г.* Татищев. — Москва : Молодая гвардия, 1981. — 351 с.
- Лотман, Ю.М.* Сотворение Карамзина. — Москва : Молодая гвардия, 1998. — 382 с.
- Магидов, В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. — Москва : РГГУ, 2005. — 440 с.
- Мазур, Л.Н.* Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сб. ст. — М., 2019. — С. 52—62.
- Нарский, И.В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историко-графический роман). — Челябинск : Энциклопедия, 2008. — 515 с.
- На фронте истории Гражданской войны. Памяти В.Д. Поликарпова. — Москва: Собрание, 2009. — 495 с.
- Нечкина, М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. — Москва : Наука, 1974. — 638 с.
- Панеях, В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. — СПб. : «Дмитрий Буланин», 2000. — 446 с.
- Словарь историка / Отв. ред. Н. Оффенштадт, сост. Г. Дюфо, Э. Мазюрель, Н. Оффенштадт. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 222 с.
- Цимбаев, Н.И.* Сергей Соловьев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 366 с.
- Чернобаев, А.А.* Иконография историков России: ее место в историографии // «Грядущее на все изменит взгляд». Статьи. Выступления. Публикации. 2005—2010 гг. Москва : Собрание, 2010. С. 184—189.
- Щапов, Я.Н.* Справочный инструментарий историка России. — Москва : Наука, 2007. — 187 с.

Д.А. Цыганков

В.И. Герье и формировании памяти о С.М. Соловьеве в Московском университете¹

Vladimir Guerrier and formation of commemorative traditions about Sergey Solovyov at Moscow University

Аннотация: К началу 20 века завершался процесс самоидентификации сообщества московских историков. Важную роль в коллективной памяти представителей этого объединения ученых играл образ Сергея Михайловича Соловьева, многолетнего профессора кафедры русской истории, ректора университета, наследника традиций Т.Н. Грановского. Формирование коммеморативных традиций о Соловьеве связано с попыткой коллег Сергея Михайловича, инициированной профессором кафедры всеобщей В.И. Герье, торжественно и публично отметить выход в свет 25-го тома «Истории России с древнейших времен» в Московском университете, что произошло в 1876 году. Несмотря на сопротивление министра народного просвещения Д.А. Толстого, запретившего официальные празднества, посвященные Соловьеву внутри пространства Московского университета, почитатели Сергея Михайловича осуществили задуманное частным порядком. Юбилюру был преподнесен ценный подарок и адреса от различных научных институций. Следствием этого события стало появление первых биографов Соловьева в Московском университете, в качестве которых выступили все тот же Герье и тогда еще доцент Московской духовной академии — В.О. Ключевский. Тексты учеников Соловьева формировали так называемое неявное знание о Соловьеве, «предание» об Учителе, формирующееся в сообществе московских историков.

Ключевые слова: сообщество московских историков, неявное знание, личностное знание, школа В.О. Ключевского, коммеморативная практика, историческая память.

Annotation: By the beginning of the 20th century, the process of self-identification of the community of Moscow historians was completed. The formation of commemorative traditions about Solovyov is closely connected with professor Vladimir Guerrier, who made the attempt to celebrate the publication of the 25th volume of “History of Russia from Ancient Times” at Moscow University, which happened in 1876. Despite the resistance of the Minister of Public Education Dmitry Tolstoy, who banned official celebrations dedicated to Soloviev within the space of Moscow University, Guerrier carried out their plans privately. The hero of the day was presented with a valuable gift and addresses from various scientific institutions. The consequence of this event was the appearance of the first biographers of Soloviev at Moscow University. The texts of Guerrier formed the so-

---

¹ Статья написана в рамках проекта РНФ 18-18-00121 «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII — начало XX в.)».

called implicit knowledge about Solovyov, the “legend” about the Teacher, which is being formed in the community of Moscow historians.

Keywords: Community of Moscow Historians, Implicit knowledge, Personal knowledge, Commemorative practice, Historical memory.

Создание образа Соловьева как общего Учителя всех московских историков начинается довольно поздно, но еще при жизни Сергея Михайловича. Поводом послужил выход в свет в 1876 году юбилейного 25 тома «Истории России с древнейших времен».

В самом начале 1876 года профессор кафедры всеобщей истории Московского университета В.И. Герье обратился в Министерство народного просвещения с просьбой публично отметить выход в свет юбилейного 25 тома «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева: «В ноябре 1875 г. вышел в свет 25-ый том Истории России с древнейших времен С.М. Соловьева. Русская историческая наука считает появление этого тома известной точкой в своей истории, ибо впервые она может указать на самостоятельный систематический труд, объединяющей всю историю Русского народа вплоть до 2-й половины XVIII века, приступающий уже к царствованию Екатерины Великой. Громадный труд глубоко почитаемого ученого не окончен и времени окончания его предвидеть никто не может. Вот причины, вследствие которых в среде многочисленных слушателей, учеников и почитателей С.М. Соловьева явилась мысль, не ожидая окончания его труда, уже теперь, руководствуясь общепринятой юбилейной цифрой «25», представить с своей стороны чувства уважения и благодарности автору такого произведения и чем-нибудь отпраздновать 25-летие. В исполнение этого всеобщего желания некоторые лица, занимающиеся русской историей и преподаватели той же науки в высших и средних заведениях Москвы, а именно профессора Университета: В.И. Герье, проф. Духовной академии В.О. Ключевский, преподаватель Лазаревского института Г.И. Кананов и преподаватели классических гимназий: Ф.Э. Будде, М.И. Владиславлев, Н.И. Кареев, И.А. Лебедев, В.Ф. Марконет, В.М. Михайловский, П.П. Мельгунов, В.А. Фукс — решили принять на себя инициативу в деле столь тесно связанном с предметом их занятий. Поэтому вышеозначенные лица при посредничестве председателя В.И. Герье имеют честь покорнейше просить Ваше Сиятельство исходатайствовать им Высочайшее разрешение:

1. Составить из себя Комитет для юбилейного празднования выхода в свет 25-го тома «Истории России с древнейших времен» Сергея Михайловича Соловьева.

2. Открыть свои действия приглашением, как письменно, так и через опубликование в газетах ко всем сочувствующим членам комитета принять участие в предполагаемом юбилейном праздновании, а также открыть публичную подписку для покрытия предполагаемых расходов.
3. На собранные по подписке деньги вычеканить особую на этот случай заказанную медаль, проект рисунка которой при сем прилагается и образованные оттиски ее раздать в воспоминание всем участникам юбилея. Оставшуюся же, за исключением медали, сумму комитет употребит на премию за сочинение по Русской истории или на другую какую-либо учено-благотворительную цель»².

Неожиданно для Герье он получил официальный отказ на проведение торжественных мероприятий от министра народного просвещения Д.А. Толстого. Профессор попытался добиться своей цели с помощью товарища министра — князя А.П. Ширинского-Шихматова, с которым был хорошо знаком. Герье попросил у высокопоставленного чиновника совета относительно возможности решения вопроса через министра внутренних дел. Однако от Ширинского-Шихматова Герье также получил неутешительные известия: «Милостивый государь Владимир Иванович! Не смог, не собравши нужных сведений, ответить Вам на письмо от 2 марта, даже теперь не могу сказать ничего для Вас приятного. Граф Дмитрий Андреевич остался при высказанном им уже мнении. Если Вы обратитесь к министру внутренних дел, то по такой просьбе, конечно, спросят заключения министра народного просвещения, а граф не изменит своего взгляда и не согласится с Вашим — противоположным. Лучше не возобновлять об этом речи. Вот мое мнение. Пользуюсь случаем, чтобы просить Вас принять уверение в совершенном уважении и преданности Вашего покорного слуги кн. А. Ширинского»³.

Герье позиция министерства не смутила. В мае 1876 года профессор кафедры всеобщей истории Московского университета заказал московскому ювелиру П.А. Овчинникову серебряный бювар на основе рисунка художника В.И. Шервуда и настоял на проведении корпоративного праздника сообщества московских историков. Торжество состоялось осенью 1876 года.

---

² Герье В.И. Юбилей С.М. Соловьева // Terra Eurgora: интеллектуальной странство московских историков второй половины XVIII века / под общей редакцией Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 204—205.

³ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 56. Ед. хр. 41. Л. 1.

Таким образом, несмотря на сопротивление министерства народного просвещения, представители сообщества московских историков сумели организовать всероссийское празднество, посвященное Сергею Михайловичу. Историком был поднесен ценный подарок и прочтен адрес: «Сергей Михайлович. Не только те, для которых история России представляет предмет научного интереса, но и все русские люди, которым дорога судьба исторического их отечества, высоко ценят Ваше имя и с глубоким сочувствием следят за Вашей ученой деятельностью. В течение 25 лет каждый год Вы приносили им из глубоких архивных рудников ряд обработанных фактов, увеличивающих собою прочный запас нашей исторической науки. Ждать новый том стало для них потребностью, и они наперед привыкли заносить с нетерпением ожидаемый новый том в число своих ежегодных научных приобретений. Начав с первых ростков русской народности, показавшихся на исторической почве, Вы верным и безустанным шагом шли все дальше и дальше в чащу разливавшейся жизни России, поднимая не тронутые Вашими предшественниками нови. Теперь Вы стоите у колыбели поколения, к детям которого принадлежите сами. Вы уже рассказываете о явлениях, среди которых родились понятия и чувства, понятные многим из нас, как впечатления молодости. При вашей преданности науке и неослабной энергии в трудах Вы доведете рассказ до той исторической минуты, когда Ваши изыскания встретятся с Вашими воспоминаниями и ученое сказание историка сменит повесть наблюдателя современника. Это искреннее наше желание и, когда оно исполнится, прошедшее России впервые будет рассказано человеком, мысль которого руководилась не минутным настроением современного ему общества, а разумом исторических фактов. Эти чувства и желания мы сочли обязанностью высказать Вам по поводу выхода тома, завершившего первое двадцатипятилетие Вашего обширного труда, и мы уверены, что к тесному кругу лиц, принявших участие в нашем заявлении, присоединились бы, если бы им была дана возможность, все почитатели русской исторической науки»⁴.

О поднесении подарка юбиляру сообщил журнал «Древняя и Новая Россия» С.Н. Шубинского⁵, официальные адреса Соловьеву

⁴ Герье В.И. Юбилей С.М. Соловьева... С. 209—210. С изменениями см.: Двадцатипятилетие Истории России С.М. Соловьева // Древняя и Новая Россия. 1877. № 1. С. 110—111.

⁵ Двадцатипятилетие Истории России С.М. Соловьева // Древняя и Новая Россия. 1877. № 1. С. 110—111.

были присланы Санкт-Петербургским университетом и Академией наук⁶. Авторами юбилейного текста в «Древней и Новой России» стали В.И. Герье и В.О. Ключевский. Это был первый меморативный текст о Соловьеве, написанный от имени сообщества московских историков. Отдаленным следствием празднования юбилея стало учреждение в Московском университете стипендии имени С.М. Соловьева для подготавливающихся к профессорскому званию по истории, а также появление двух первых университетских биографов Сергея Михайловича — Герье и Ключевского.

В силу своего положения на факультете среди историков Владимир Иванович Герье был склонен к тому, чтобы осмысливать то влияние, которое оказали его предшественники на создание традиций подготовки историков в Москве, профессионализацию исторических исследований. Герье написал тексты, посвященные всем своим учителям⁷: Грановскому⁸, Кудрявцеву⁹, Соловьеву¹⁰. Он считал, что именно это трио сформировало к середине XIX века определенное предание сообщества московских историков: «По смерти Грановского и Кудрявцева он (С.М. Соловьев — *Д.Ц.*) стал в университете главным представителем исходившего от них предания и был в нем центром для людей, особенно дороживших этим преданием»¹¹.

Интересен сам термин, используемый Владимиром Ивановичем, — предание. С его точки зрения важными являются не только труды Учителей, но и их заветы, интенции, опыт, то есть тот дух, который они завещали сообществу московских историков. Этот духовный опыт Соловьева Герье и анализирует в своей мемориальной статье.

Герье верно подмечает, что в середине века общим стремлением было создавать национальные истории, базирующиеся на серьезных источниках. Оценивая итоги этой работы Соловьева, Герье

⁶ Еще ранее вышла статья К.Н. Бестужева в «Русской старине»: *Бестужев-Рюмин К.Н.* 25-летие «Истории России» С.М. Соловьева. 1851—1876 // Русская старина. 1876. Т. XIV. С. 679—686.

⁷ См. об этом в работе: *Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX — начало XX века). Чебоксары, 2010. С. 54—106.

⁸ *Герье В.И.* Тимофей Николаевич Грановский. В память 100-летнего юбилея со дня рождения. М., 1914.

⁹ *Герье В.И.* П.Н. Кудрявцев в его учено-литературных трудах // Вестник Европы. 1887. № 9. С. 146—198; № 10. С. 564—598.

¹⁰ *Герье В.И.* Сергей Михайлович Соловьев // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 74—111.

¹¹ Там же. С. 110.

писал: «То, чего не дали своему народу первоклассные историки других стран — национальную историю, которая соединяла бы научную обработку истории с творческим воспроизведением ее, то дал русским Сергей Михайлович Соловьев»¹². По мнению Герье, «“История России с древнейших времен” должна быть признана национальной историей, потому что в ней впервые исторический материал, необходимый для такого труда, собран и исследован в надлежащей полноте; эта история написана в национальном духе, т.е. в ней верно схвачены существенные черты и форма исторического развития нации; эта национальная история написана в строго-научном направлении; она удовлетворяет всем требованиям и приемам современного исторического знания и имеет право на почетное место в европейской науке; наконец это национальная история, написанная при полном освещении современного европейского образования, в свою очередь стала проводником его в Русском обществе; она проникнута гуманным, общечеловеческим началом и потому имеет важное культурное значение в истории русского просвещения, представляет собою национальное произведение в истинном, высоком смысле этого слова»¹³.

Что же позволило Соловьеву состояться как национальному историку? На первое место Герье поставил присущий Соловьеву реализм, склонность глубоко и тонко чувствовать национальные ценности. Удивительно, — указывает Герье, — что Соловьев стал певцом государства, когда русские интеллектуалы, видя охранительную косность николаевской действительности, всячески восставали против него. Герье объяснял это тем, что «политический смысл, который побуждал Русский народ всегда стоять за государство, несмотря на его суровые формы, и покорно нести тяжелое тягло, — был в сильной степени прирожден Соловьеву»¹⁴.

Важную роль в формировании Соловьева как национального историка, по мнению Герье, сыграла вера Сергея Михайловича. Соловьев был «страстным приверженцем прогресса», но в области религии он его отрицал. Прогресс, по Соловьеву, был явлением земным и не вечным, а потому в итоге «человечество должно было одряхлеть и умереть», но стремление к совершенству, побудителем которой становилась вера, было фактором самосовершенствования человечества. Прогресс, по Соловьеву, происходил от невоз-

---

¹² Там же. С. 76.

¹³ Там же. С. 76—77

¹⁴ Там же. С. 81.

возможности приблизиться к идеалу, он есть «произведение слабости человеческих средств и высоты религиозных требований»¹⁵. Прогресс — фактор исторического процесса, вызванный религиозными воззрениями, внутренним миром человека, настаивал Соловьев.

Важное воздействие на формирование Соловьева как мыслителя оказал европейский гуманизм. Соловьев никогда бы не стал национальным историком, если бы не принадлежал общеевропейскому гуманистическому движению, которое посредством идеалистической философии внесло «в духовный мир человека понимание истории, идею законного, мирного, органического развития, идею прогресса и политический либерализм, которому положил прочное основание переворот 1789 года»¹⁶, — указывал Герье. При этом, по мнению профессора всеобщей истории, близкие к Московскому университету западники «не замену национального западным ставили... себе целью, а воспитание Русского общества на европейской универсальной культуре, чтобы поднять национальное развитие на степень общечеловеческого, дать ему мировое значение»¹⁷.

Соловьев, по мнению Герье, обнаружил естественную связь между Древней и Новой Россией. В результате эпоха петровских преобразований стала внутренне необходимой, органичной. Соловьев сделал историю примирительницей веков, а русскую историю частью истории цивилизационного мира. Соловьев показал перспективу развития на будущее: в новом обществе должны были проявиться те тенденции, которых не было в Древней России. Русское общество через историю Соловьева восставало против разрозненности сил, непривычки к общему делу, отсутствия самостоятельности, неспособности начинать новое дело¹⁸.

Национальная история Соловьева, по мнению Герье, соединяла прошлое и настоящее России, примиряя русское государство, общество и личность в историческом движении в будущее, показывая те жертвы, которые вынуждены были приносить все субъекты российского исторического процесса ради существования того единого целого, которое для всех было ценностью — российского государства. Именно такой взгляд на русскую историю стал своего рода национальным самосознанием русского общества середины XIX века, выразителем которого и был Соловьев.

---

¹⁵ Там же. С. 82.

¹⁶ Там же. С. 83.

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ Там же. С. 108. Герье цитирует статью Соловьева «Исторические письма».

Интересно отметить, что на первое место Герье поставил культурное и общественное значение труда Соловьева, крепко связав его труд с духом эпохи Великих реформ. Примирение разных социальных сил, доверие к государственным и общественным институтам, отсутствие враждебности в обществе — считал Соловьев практической задачей профессионального историка, и с этими мыслями обращался к своим студентам. Труд национального историка «должен способствовать установлению правильного взгляда на настоящее, устанавливая правильный взгляд на отношение настоящего к прошедшему»¹⁹.

Однако выделил Герье и достижения Соловьева как исследователя-профессионала. Так, Сергей Михайлович одним из первых поставил вопрос о влиянии природы на исторический процесс в России. Из истории Соловьева читатели хорошо усвоили, что течение Волги удалило русских князей от Европы. Отсутствие гор и каменных построек стали одним из факторов создания принципиально отличного от европейского русского общества, что впоследствии заставило русское правительство гораздо сильнее воздействовать на него, добиваясь объединения страны, чем это было в той же Европе. Постоянное соседство со степью, ее враждебность лесу — также поглощало творческие силы русского народа и вело к замедлению исторического процесса в сравнении с европейским, выводя на авансцену истории гипертрофированное государство.

Постановка этих вопросов привела Соловьева к убеждению, что в основе исторического процесса и в Европе, и в России лежат одинаковые факторы развития, а сам исторический процесс является единым и всеобщим по сути. Соловьев активно применял сравнительно-исторический метод, часто прибегал к методам аналогий для объяснения русской истории. До Соловьева это делал Грановский на материалах всеобщей истории. Однако при Соловьеве начался обратный процесс: всемирно-историческое рассмотрение того или иного явления происходило благодаря русскому материалу, это правильным образом масштабировало те или иные русские явления.

В результате применения новых методов для изучения прошлого под пером Соловьева стал выстраиваться органический процесс русской истории. Там, где историки-дилетанты не видели никакой связи, Соловьев успешно объяснял связь между прошлым и на-

---

¹⁹ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев... С. 99.

стоящим, показывал в истории единый процесс, который нужно изучить. «Как единый, разумный, величественный процесс, развернулась история русского народа в труде Соловьева, от первобытного состояния до новых времен. Ясно, отчетливо следовали друг за другом в своей жизненной правде отдельные эпохи, каждая понятная в самой себе, и еще более осмысленная тем, что представлялась естественным последствием прежних, зародышем грядущих веков. История России не нуждалась более в схематическом распределении по логическим категориям, вытекавшим из понятия власти»²⁰.

В целом Герье стремился показать, что Соловьев был одним из самых ярких представителей эпохи великих споров между западниками и славянофилами. Многие идеи и ценности, ставшими триумфами к 1880 годам (идея прогресса, идея гуманизма, идея истории как профессионального вида знания, представление о государстве как о школе для народа) добыты Соловьевым благодаря широкой, продуманной интеллектуальной работе в тиши кабинета, которая одна только и может рождать мыслителей, создающих национальные интеллектуальные богатства. Работа Соловьева и есть проявление народного самопознания, которое нужно искать не в крестьянской избе, а в трудах национальных историков, каким и был Соловьев.

Таким образом, национальная история Соловьева, по мнению Герье, становилась особым интеллектуальным продуктом для читающей публики. Она должна была стать источником формирования новых ценностей для нарождающегося русского общества, которое в стремлении к своему счастью не должно было сбрасывать со счетов фундаментальные ценности русского исторического процесса (государственность и вера), а также соединять жертвенность, религиозную по своей сути, с прогрессом, наследием гуманистической философии.

Соловьев, по Герье, таким образом, оказался в Московском университете хранителем предания Грановского и Кудрявцева²¹. Это предание должно быть живым, считал Герье и делал все возможное, чтобы его транслировать. Особые упования в этом деле были у Герье также и на Ключевского, которого он и пригласил участвовать в создании текста, посвященного юбилею «Истории России» Соло-

---

²⁰ Там же. С. 91.

²¹ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев... С. 110.

вьева в 1876 году. Интересно отметить, что в текстах Ключевского и его учеников ставился вопрос о Соловьеве как учителе Ключевского и характерных чертах московской школы историков.

Уловив наметившуюся в 1900—1910-е гг. тему обсуждения влияния Соловьева на Ключевского, происходившую среди учеников Ключевского²², особенно в связи с вопросом о «школе Ключевского»²³, Герье сделал очень важное антропологическое наблюдение, которое не решился озвучить публично, но о котором говорил своему окружению и зафиксировал в воспоминаниях, посвященных Соловьеву: «Упомянув о горячем участии Ключевского в торжестве Соловьева, не могу не указать о характерном контрасте между учителем и учеником, контрасте, который обуславливался как различием их индивидуальности, так и различием эпох, когда они жили, и духом этих эпох. Различие между Соловьевым и Ключевским не ограничивалось тем, что Соловьев искал в излагаемых их фактах присущую им неизменную разумность, тогда как Ключевский обличал проявляемую ими неразумность. Различие между историками шло еще глубже и обуславливалось эпохой их творчества и духом этих эпох. Как подметила одна из усердных слушательниц Ключевского, высоко его ценящая и с участием его навещавшая на смертном одре: “Если Соловьев был историком созидания России, то Ключевский захотел быть историком ее разложения”»²⁴. Впрочем, судя по всему, это уже были тонкости, понятные лишь избранным интеллектуалам.

Взгляд Герье на Соловьева не получил распространения в университетских кругах. Во многом Герье предлагал задуматься над национально-религиозными особенностями Сергея Михайловича, представлял его как мыслителя, пытавшегося повлиять на русское общество, что было редкостью в мемориальной литературе о Сергее Михайловиче. Среди московских историков возобладал другой подход. Он был связан с тем образом Соловьева, который транслировал для заинтересованных читателей Василий Осипович Ключевский. В передаче Ключевского Соловьев в первую очередь особый тип профессора Московского университета, крупный исследователь русской истории, прежде всего — новой истории России.

²² См., например, статью Любавского: *Любавский М.К.* Соловьев и Ключевский. М., 1913. Современное издание.

²³ *Ключевский В.О.* Характеристики и воспоминания. М., 1912.

²⁴ *Герье В.И.* Юбилей С.М. Соловьева... С. 212.

Литература

- Бестужев-Рюмин, К.Н.* 25-летие «Истории России» С.М. Соловьева. 1851—1876 // Русская старина. 1876. — Т. XIV. — С. 679—686.
- Герье, В.И.* П.Н. Кудрявцев в его учено-литературных трудах // Вестник Европы. 1887. — № 9. — С. 146—198; — № 10. — С. 564—598.
- Герье, В.И.* Сергей Михайлович Соловьев // Исторический вестник. 1880. — № 1. — С. 74—111.
- Герье, В.И.* Тимофей Николаевич Грановский. В память 100-летнего юбилея со дня рождения. — Москва : Печатня А.И. Снегиревой, 1914. — 79 с.
- Герье, В.И.* Юбилей С.М. Соловьева // ТеггаЕуора: интеллектуальной пространство московских историков второй половины XVIII века / под общей редакцией Д.А. Цыганкова. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 671 с.
- Двадцатипятилетие Истории России С.М. Соловьева // Древняя и Новая Россия. 1877. — № 1. — С. 107—112.
- Иванова, Т.Н.* Научное наследие В. И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX — начало XX века). — Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2010. — 381 с.
- Ключевский, В.О.* Характеристики и воспоминания. — Москва : Науч. сл., 1912. — 217 с.

М.Г. Вандалковская

Тема «Соловьев-Ключевский».

Суждения ученых

“Solovyev-Klyuchevsky”. Scientists’ opinions

Аннотация: Рассматривается проблема сопоставительного изучения научного вклада С.М. Соловьева и В.О. Ключевского — учителя и ученика — дореволюционными историками (М.М. Богословский, М.К. Любавский, А.С. Лаппо-Данилевский) и историками советского времени (Н.Л. Рубинштейн, М.В. Нечкина). Сделан акцент на анализе особенностей данных ими оценок творчества двух выдающихся отечественных историков и их значения для изучения истории российской исторической науки.

Ключевые слова: история исторической науки, государственная школа, традиции и новации, исторический процесс, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.М. Богословский, М.К. Любавский, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.Л. Рубинштейн, М.В. Нечкина.

Annotation: The problem of comparative study of the scientific contribution of S.M. Solovyov and V.O. Klyuchevsky — teacher and student — by pre-revolutionary historians (M.M. Bogoslovsky, M.K. Lyubavsky, A.S. Lappo-Danilevsky) and historians of the Soviet era (N.L. Rubinstein, M.V. Nechkina). The emphasis is made on the analysis of the features of their estimates of the work of two outstanding Russian historians and their significance for the study of the history of Russian historical science.

Keywords: History of historical science, State school, Traditions and innovations, S.M. Soloviev, V.O. Klyuchevsky, M.M. Bogoslovsky, M.K. Lyubavsky, A.S. Lappo-Danilevsky, N.L. Rubinstein, M.V. Nechkina.

Одной из сложных и существенно важных для определения направленности развития отечественной исторической науки второй половины XIX — начала XX вв. является тема «Соловьев-Ключевский», т.е. тема научной преемственности и традиций, связанной с творчеством двух выдающихся историков С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

Обращение к этому сюжету вызвано появившейся в современной науке тревожной и ошибочной тенденции — либо забвения, либо недооценки значения С.М. Соловьева, сыгравшего основополагающую роль в развитии российской науки.

Научно актуальным в этой связи представляется необходимым рассмотреть, какое освещение эта проблема получила в историографии. Однако, важно заметить, что при наличии большого количества литературы о Соловьеве и Ключевском эта тема (если ее касались), как правило, имела не научный, а декларативный характер.

Данное сообщение ставит цель рассмотреть этот вопрос в трудах крупных ученых, и особенно историографов, профессионально занимающихся исторической наукой.

Проблема научной взаимосвязи Соловьева и Ключевского отчетливо проявилась после смерти Ключевского в статьях его учеников и коллег.

Слова Ключевского — «...я ученик Соловьева, вот все, чем я могу гордиться как ученый»¹ — являлись для М.М. Богословского определяющими в решении темы «Соловьев-Ключевский». Источниками влияния Соловьева на Ключевского Богословский называл не только идеи, знания, методы работы учителя, но и обмен взглядов, споры, дружеские отношения, которые сохранялись у них всю жизнь. Соловьев, отмечал Богословский, передал Ключевскому огромную трудоспособность и неутомимость в поисках новых архивных документов. Но это не было их собирательством, а материалом для научных обобщений, которые любили и признавали необходимыми в научном исследовании оба историка.

Ключевский, считал Богословский, дополнял, расширял, развивал мысли Соловьева изучением социальных и экономических отношений, которые часто освещались им с юридической точки зрения, что и раскрывало его связь с государственной школой.

Большую заслугу Ключевского в сравнении с Соловьевым Богословский видел и в его художественном таланте, полагающим «объемно и образно» воспринимать картину прошлого. «Курс русской истории» Ключевского Богословский называл «памятником русского самосознания, пробуждающего интерес к отечественной истории, как во времена Ключевского эту миссию выполняли труды Карамзина и Соловьева»².

М.К. Любавский, также как и Богословский, ученик Ключевского, профессор Московского университета, декан исторического факультета (1908), ректор (1911—1917), с 1929 г. академик. «Соловьев и Ключевский, — писал он, — занимают воображение, как два неразрывно связанных деятеля, учитель и ученик, начинатель и продолжатель»³. Ключевский, вспоминал Любавский, слушая

¹ *Богословский М.М.* В.О. Ключевский как ученый // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 31.

² Там же. С. 31—33; *Богословский М.М.* Научное значение работ С.М. Соловьева // *Богословский М.М.* Историография. Мемуаристка. Эпистолярная. М., 1987. С. 15.

³ *Любавский М.К.* Соловьев и Ключевский // *Ключевский В.О.* Характеристики и воспоминания. С. 45.

лекции Соловьева, впитывал его мысли, находился под обаянием «Истории с древнейших времен», ее концепции и глубоко осознал значение своего учителя.

Соловьев же создавал почву для становления и роста своего ученика, дал «направление его таланту», пробудил интерес к научному творчеству, архивным поискам и своим примером воспитывал нравственное отношение к истории.

Несмотря на разный склад ума и таланта, замечал Любавский, в их отношениях не было холодности. Они были близки по духу и по общей работе над историей России. Общность Ключевского и Соловьева, по мысли Любавского, проявлялась не только в признании органичности и закономерности исторического процесса, но и в теоретико-методологических вопросах, в частности в защите многофакторного подхода в изучении истории.

Привлекает внимание еще одна особенность общности Соловьева и Ключевского, отмеченная Любавским. Он считал, что юмор и сарказм, используемый Ключевским и в лекциях, и в его трудах, являлся следствием влияния Соловьева, только выражены они были в художественной форме.

Отмечая, что Ключевский «углублял, исправлял, дополнял», осуществлял «более тщательно, на базе новых источников разработку научных задач, которые ставил Соловьев»⁴, Любавский не отказывал Ключевскому в признании его самостоятельной роли в выработке своего взгляда на ряд проблем отечественной истории. Однако в его научных построениях он видел след соловьевского наследства и считал неверным «противополагать» Ключевского Соловьеву, как историка-экономиста историку-юристу.

Яркая и содержательная статья о Ключевском была написана его современником, талантливым историком А.С. Лаппо-Данилевским, профессором Петербургского университета. Лаппо-Данилевский с присущей ему широтой и деликатностью раскрывает тему «Соловьев-Ключевский».

Подобно Богословскому и Любавскому Лаппо-Данилевский отмечает, что Ключевский был покорен «цельностью» миросозерцания и научных взглядов Соловьева, научился ценить его труд и «сроднился» с основополагающими идеями Соловьева об органичности и закономерности исторического процесса.

---

⁴ Любавский М.К. Василий Осипович Ключевский // Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания. С. 2—25; Он же. Соловьев и Ключевский // Там же. С. 45—58.

Мысль о признании Ключевским огромного значения Соловьева в исторической науке Лаппо-Данилевский выразил словами самого же Ключевского: он «как маяк, еще долго будет служить первым указателем пути даже для того, кто далеко разойдется с ним в своих последних выводах»⁵.

Оценка научного творчества Ключевского Лаппо-Данилевским отличается очевидной определенностью. Он считал, что Ключевский «во многом разошелся с Соловьевым, и прежде всего в исходных положениях, а не только в «последних выводах»: он исходил из другой социологической оценки исторических факторов и иначе строил исторический процесс»⁶. Это проявлялось в признании Ключевским первенствующего значения материальных факторов исторического процесса. Со временем он пришел, следуя Соловьеву, к пониманию роли «умственного труда» и «духовных сил».

Лаппо-Данилевский признавал «новизной» и заслугой Ключевского введение в трактовку исторического процесса экономического и социального факторов, влекущих к изучению проблемы общественных классов, их связей и взаимоотношений.

Важное «пополнение» схемы Соловьева он видел и в развитии Ключевским представлений о политическом факторе. Понятие государства он обогатил темой «народности», т.е. показал, как это понятие вырабатывалось в практике жизни и отражалось в сознании народа и как с ростом государства менялись народные взгляды. Мысли Соловьева о связи явлений и многообразии исторического процесса Лаппо-Данилевский считал источником для социологических построений Ключевского, отмечая при этом, что и Соловьев не был чужд социологической точки зрения. Как и Соловьев, Ключевский «комбинировал» свою социологическую концепцию с исторической и, «подобно Соловьеву, но с большей последовательностью оттеняя “своеобразность” русской истории».

Труды Ключевского и проблемы, их составляющие, Лаппо-Данилевский анализировал в сравнительно-историческом плане, подтверждая или отрицая влияние Соловьева⁷.

---

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского // *Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания*. С. 101; *Ключевский В.О. Сочинения* в девяти томах. М., 1989. Т. VII. С. 330—382.

⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 101.

⁷ Там же. С. 100—116.

Рассмотренные статьи при сохранении их индивидуальности создают прочную и достаточно объективную основу для решения проблемы преемственности и традиций научного творчества Соловьева и Ключевского.

Далее научно целесообразным представляется рассмотрение этой темы в трудах признанных историков и историографов Н.Л. Рубинштейна и М.В. Нечкиной. Позиции этих ученых, разные по своей сущности, получили развитие в фундаментальных трудах этих ученых и характеризуют уровень научной разработки темы «Соловьев-Ключевский» в советский период.

С именем Н.Л. Рубинштейна связана новая полоса в изучении истории исторической науки. Рубинштейн, несомненно, был талантливым профессионалом-историографом. Отличительная особенность состояла не только в высоком профессиональном мастерстве, но и в том, что его труды основывались на собственном исследовании трудов историков. Их анализ проводился самим Рубинштейном в отличие от многих курсов по истории исторической науки, авторы которых пользовались разработками других ученых.

Это, однако, не исключает несогласий и признания ошибочности ряда утверждений Рубинштейна.

В монографии «Русская историография» (1941) Рубинштейн опубликовал две главы под названием «Соловьев» и «Буржуазный экономизм. Ключевский», содержащие материал для рассмотрения темы «Соловьев-Ключевский»⁸.

Признание Рубинштейном значительной роли Соловьева в развитии русской исторической науки определяло и освещение данной проблематики. В главе «Русской историографии» о Соловьеве Рубинштейн писал, что «Ключевский, пытаясь в своем изучении усилить освещение экономики и социальных отношений, шел за государственной теорией Соловьева-Чичерина в общих контурах своей схемы и в трактовке основных вопросов». Школу Ключевского он «в известной мере» считал продолжением школы Соловьева⁹.

В главе «Буржуазный экономизм. Ключевский» Рубинштейн развил эту тему, подчеркивая, что анализ Ключевским русского исторического процесса, его периодизации, оценки опричнины,

⁸ Статьи Рубинштейна: К выходу в свет «Курса русской истории В.О. Ключевского // Книга и пролетарская революция. 1937. № 9; Василий Осипович Ключевский // Исторический журнал. 1941. № 6 и Введение к переизданию «Курса», т. I. М., 1937 — лишь предваряют материал, изложенный в «Русской историографии».

⁹ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 341—342.

роли Петра I, отмены крепостного права осуществлялся им методом государственной школы, т.е. использованием юридической схемы и правовых отношений.

Рубинштейн считал, что попытка с буржуазных позиций, которую выражал Ключевский, подвергнуть пересмотру историческую концепцию Соловьева-Чичерина и внести в нее новое социальное и экономическое содержание не могла в данных исторических условиях увенчаться успехом и привела к эклектике его взглядов и, в конечном счете, к кризису исторической науки. Заключительный тезис рассматриваемой главы содержит утверждение, что «своими теоретическими взглядами и своей схемой Ключевский лишь подводил итоги прошлому. Идущее отсюда влияние Ключевского на следующее поколение историков устанавливало не связь Ключевского с будущим, а связь его преемников с прошедшим»¹⁰.

Рассматриваемая глава о Ключевском, как представляется, написана предвзято, с несоблюдением принципа историзма и содержит ошибочные представления о роли и значении Ключевского. Автор по существу отчуждал его от общего поступательного развития исторической науки.

Следующий этап рассмотрения избранной темы связан с изданием яркой и талантливой монографии М.В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский» (1974). Особое значение этой монографии состоит не только в умении строить научное исследование в комплексе его компонентов (структура, источниковая база, концепция, язык), но и в способности блестяще осуществить свой замысел как осознанную научную потребность: раскрыть роль и значение Ключевского в развитии исторической науки.

Решение этой задачи сопровождалось и необходимостью избавиться от предвзятых и ошибочных толкований Ключевского. Монография Милицы Васильевны имеет полемический характер и направлена против искажений научного облика Ключевского, в том числе и Рубинштейном, который, как уже было отмечено, творчество Ключевского считал лишь «подведением итогов» государственной школы.

На огромном, в том числе и архивном материале М.В. Нечкина включает Ключевского в атмосферу общественно-политической и научной жизни, раскрывает процесс формирования его мировоззрения и научных взглядов, биографию, черты психического склада, характер, вкусы, отличительные особенности мышления —

---

¹⁰ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 446, 452, 469.

мыслить художественными образами, манеру чтения лекций, общения с коллегами и учениками и главное — почтительное и даже самоуничижительное отношение к своему учителю Соловьеву.

Тема «Соловьев-Ключевский» получает в монографии М.В. Нечкиной новое освещение.

Милица Васильевна внимательно и осторожно относится к этой теме. В стремлении не допускать неточности в вопросе о влиянии Соловьева на Ключевского М.В. Нечкина даже подсчитывает сноски Ключевского на труды Соловьева.

В монографии соблюден хронологический подход к анализу трудов Ключевского, что обеспечивает возможность проследить их эволюцию. В этом заметна дань Ключевскому, утверждавшему, что «в жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли»¹¹.

В хронологическом же ключе в монографии показано, как происходил процесс осознания Ключевским неисторичности историко-правового подхода к историческому материалу, как пробуждались и выкристаллизовывались его индивидуальные черты — интерес к истории общества, классам, к социальному и экономическому факторам и как они сочетались в его творчестве.

Анализ трудов Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве», «Жития святых как исторический источник», «Боярская Дума», лекционные и специальные курсы по методологии, историографии, источниковедению, «Истории сословий в России», «Западное влияние в России после Петра», включавших результаты научной разработки, имеют две линии исследования. Одна из них раскрывает фактическое содержание исследуемого материала, вторая, методологическая — показывает методы работы историка, умевшего читать полученное им научное наследство и одновременно обретать новые рубежи в развитии науки. Все это дало основание М.В. Нечкиной исторически оценить вклад Ключевского (в том числе и его художественный дар в освещении истории) в науку своей эпохи, создавшего базу для ее дальнейшего развития.

В последующие годы в огромном потоке литературы о Соловьеве и Ключевском необходимо отметить плодотворную попытку А.Н. Шаханова обратиться к рассмотрению взаимоотношений «Соловьева и Ключевского. Учителя и ученика». Автор выступает против недооценки творческого влияния Соловьева на развитие

---

¹¹ *Ключевский В.О.* Очерки и речи. 2-ой сб. М., 1913. С. 22.

исторической науки¹². Представляется, что тема, имеющая полеми-ческий и синтетический характер, и методика ее разработки уче-ными имеет перспективу углубленного и всестороннего изучения.

Литература

- Богословский, М.М.* В.О. Ключевский как ученый // В.О. Ключевский. Характери-стики и воспоминания. — Москва : Научное слово, 1912. — С. 26—44.
- Богословский, М.М.* Научное значение работ С.М. Соловьева // М.М. Богослов-ский. Историография. Мемуаристка. Эпистолярная. (Науч. наследие) / М.М. Бо-гословский; Отв. ред. А. И. Клибанов; Арх. АН СССР; [Введ. Л.А. Черной]. — Москва : Наука, 1987. — 214, [2] с.
- Любовский, М.К.* Василий Осипович Ключевский // В.О. Ключевский. Характери-стики и воспоминания. — Москва : Науч. сл., 1912. — С. 5—25.
- Любовский, М.К.* Соловьев и Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. — Москва : Науч. сл., 1912. — С. 45—68.
- Лаппо-Данилевский, А.С.* Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. — Москва : Науч. сл., 1912. — С. 100—116.
- Ключевский, В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. VII. Специальные курс-сы. — Москва : Мысль, 1989. — 508 с.
- Рубинштейн, Н.Л.* Русская историография. — Москва : Госполитиздат, 1941. — 659 с.
- Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. — Москва : Наука, 2003 (СПб. : Тип. Наука). — 417, [2] с.

---

¹² *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 110—147.

Т.В. Агейчева

Г.Ф. Карпов – ученик С.М. Соловьева

G.F. Karpov – a student of S.M. Solovyov

Аннотация: В статье представлен историографический портрет одного из любимых учеников С.М. Соловьева, известного московского историка Г.Ф. Карпова.

Ключевые слова: Историография, генеалогия, источниковедение, научная биография, Московский университет, Общество истории и древностей российских, Московское государство, Малороссия.

Annotation: The article presents a historiographical portrait of one of the favorite students of S. M. Solovyov, the famous Moscow historian G. F. Karpov.

Keyword: Historiography, Genealogy, Source studies, Scientific biography, Moscow University, Society of Russian history and antiquities, Moscow state, Little Russia.

Геннадий Федорович Карпов (1839—1890), доктор русской истории, профессор, один из любимых учеников С.М. Соловьева и близкий друг В.О. Ключевского, член и на протяжении многих лет казначей Общества истории и древностей российских, сотрудник Археографической комиссии, член Русского исторического общества, совсем не избалован вниманием историков исторической науки¹. Между тем, личность и творчество этого историка во многих отношениях представляют значительный интерес.

Научное творчество Г.Ф. Карпова — часть историографического ландшафта, сформированного в значительной части влиянием личности и творческим наследием С.М. Соловьева и, в обстоятельствах времени, осложненного рядом «внешних» вызовов, продиктованных актуализацией социально-политических вопросов общественного бытия, соблазнами подмены научного исторического знания идейно и политически ангажированными концепциями. Изучение этого ландшафта, по возможности во всей полноте, является необходимой частью исследований по истории исторической науки в России.

---

¹ Ни советский, ни постсоветский период не дали специальных историографических исследований о личности и творчестве Г.Ф. Карпова. Научная оценка его трудов и краткие биографические данные были представлены современниками и коллегами — В.О. Ключевским (Чтение Вас. Осип. Ключевского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. Книга первая (сто шестидесятая). М., 1892. С. 41 —45) и Е.В. Барсовым (Карпов Геннадий Федорович // Русский биографический словарь в 25 томах. Т. 8. СПб., 1897. С. 535 —536).

Фигура Г.Ф. Карпова, безусловно, интересна для более полного раскрытия картины не только профессиональных, но и личных контактов С.М. Соловьева, более глубокого понимания личности великого русского историка.

Судьба Г.Ф. Карпова интересна также в контексте генеалогических изысканий. Его брак с А.Т. Морозовой, многочисленное потомство имели следствием интереснейшие с точки зрения генеалогии семейные пересечения. Особый интерес в связи с историей русской исторической науки представляет объединение двух мощных родовых линий — предпринимателей Морозовых и дворян Лихачевых. В роду последних — известные собиратели, коллекционеры, библиофилы, ученые-историки².

Геннадий Федорович Карпов окончил юридический факультет Московского университета (1861 г.). Перед тем, как стать московским студентом, ему пришлось совершить усилие, которое само по себе ярко характеризует его личность. Он родился в очень небогатой семье, его отец был смотрителем Угличского народного училища. Отучившись последовательно в Борисоглебском духовном училище, в Ростовском уездном училище, в гимназии в Ярославле, в 1855 г. он поступил в знаменитый Демидовский лицей, но через два года оставил его и пешком, за неимением средств, ушел в Москву.

Г.Ф. Карпову довелось застать в Московском университете тот период, который В.О. Ключевский определял как время крайнего оскудения высшего университетского преподавания русской истории: «В шестидесятых годах университетские кафедры русской истории начали пустеть и, если не ошибаюсь, были годы, когда С.М. Соловьев оставался едва ли не единственным профессором этого предмета в русских университетах, профессором русской истории московским и всея Руси, как мы тогда в шутку его называли»³. В то же время эпоха великих реформ стимулировала широкий интерес к явлению русской государственности, ее внутренней природы и истории. Лекции С.М. Соловьева и выходившие в свет тома его «Истории России с

---

² Род Лихачевых вошел в соединение с линией Карповых — Морозовых в лице Н.П. Лихачева. Н.П. Лихачев (1862—1936) — выдающийся русский ученый-историк, крупнейший специалист, и в чем-то первопроходец, и основоположник в области научного коллекционирования, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, академик. Он был женат на дочери Г.Ф. Карпова и А.Т. Морозовой Наталье Геннадьевне (1873—1957).

³ Чтение Вас. Осип. Ключевского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга первая (сто шестидесятая). М., 1892. С. 42.

древнейших времен» играли огромную роль в процессе профессионального самоопределения Г.Ф. Карпова. Согласно характеристике того же В.О. Ключевского, «цельный ярославский великоросс», согреваемый «твердым патриотическим настроением», вполне объяснимо и закономерно по окончании университетского курса принял решение продолжить свое научное образование под руководством С.М. Соловьева. В свою очередь, одаренный, вдумчивый, трезво-мыслящий и исключительно трудолюбивый молодой человек не мог не привлечь внимания учителя. В качестве магистранта он был оставлен в университете именно по рекомендации С.М. Соловьева⁴.

Помимо научных занятий, Г.Ф. Карпов, не имевший какой-либо материальной поддержки, должен был зарабатывать себе на жизнь. С.М. Соловьев способствовал назначению его на должность репетитора в Александровское военное училище. Он был первым из кандидатов, кого С.М. Соловьев определял в список стипендиатов. Вторым он назвал В.О. Ключевского: «Кроме Карпова, — писал он министру народного просвещения в сентябре 1865 г., — может быть стипендиатом кандидат Ключевский, представивший мне очень хорошее сочинение...»⁵. Об отношении Г.Ф. Карпова к учителю свидетельствует фрагмент из его письма В.О. Ключевскому: «Пора же, пора диссертацию! Подумайте, в какое положение вы ставите Сергея Михайловича, ему проходу не дадут...»⁶.

Неформальные, по-настоящему дружеские отношения сохранялись между учителем и учеником на протяжении около двух десятилетий, до самой смерти С.М. Соловьева. Их развитию не помешал даже вынужденный отъезд Геннадия Федоровича в Харьков. После защиты магистерской диссертации он был назначен доцентом в Харьковский университет и служил там до 1871 г.

О том, что Г.Ф. Карпов действительно был близким С.М. Соловьеву человеком, говорит, в частности, и тот факт, что С.М. Соловьев присутствовал в январе 1869 г. на его венчании в качестве одного из поручителей жениха.

⁴ Под руководством С.М. Соловьева Г.Ф. Карповым были написаны первые значимые научные труды: «Очерки из истории российской церковной иерархии» (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3, 4. М., 1864), «Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508—1517 годах. М., 1865». В 1867 г. им была защищена магистерская диссертация «История борьбы Московского государства с польско-литовским (1462—1508)» (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3, 4. М., 1866).

⁵ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 125.

⁶ Там же. С. 136.

В отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится выписка из копии метрических книг московской единоверческой Троицкой церкви за 1869 год: “В Метрической книге во второй части о бракосочетавшихся под № 1 значится так: Генваря 8-го дня повенчан Жених Доцент Императорского Харьковского Университета Геннадий Федоров Карпов 28 лет, холост Православного Вероисповедания первым браком. Невеста — Потомственная Почетная Гражданка девица Анна Тимофеевна Морозова 19 лет Православного вероисповедания первым браком. Поручители Жениха — Действительные статские советники Сергей Михайлович Соловьев, Иван Кондратьевич Бабст; Невесты — Коллежский Советник Яков Стефанов Филевский, Кандидат Коммерции Аркадий Петров Мякишев. Таинство брака совершал Благочинный Протоиерей Иоанн Березин с Дьяконом Николаем Остроглазовым и Пономарем Алексием Смирновым”⁷.

Супруга Геннадия Федоровича, Анна Тимофеевна, принадлежала к ветви Тимофеевичей широко известного и влиятельного в России рода промышленников и предпринимателей Морозовых⁸ и вплоть до революции сохраняла положение одной из богатейших женщин страны. А.Т. Карпова была, несомненно, одаренной натурой. Будучи достойным членом своего рода, она обладала твердым характером, крепкой предпринимательской хваткой, была прекрасным управленцем. Она умело и эффективно распоряжалась своей частью семейного состояния и, в то же время, являлась горячей сторонницей развития народного просвещения, науки, образования, культуры как единственно верного пути к процветанию России.

В юности, получив, в традициях семьи Морозовых, достойное домашнее образование, она посещала лекции в Московском университете, слушала, в том числе, В.О. Ключевского, мечтала стать учительницей. С будущим мужем, Г.Ф. Карповым она встретилась в родительском доме, где тот подрабатывал домашним преподавателем. Получить согласие родных на брак было делом почти неосуществимым. Отец Анны Тимофеевны, Тимофей Саввич, категорически не желал отдавать дочь нищему «бесприданнику»,

---

⁷ Документ опубликован правнучкой Г.Ф. Карпова и А.Т. Карповой М.Г. Смольяниновой. См.: *Смольянинова М.Г.* Роль Морозовых в культурной жизни Москвы // <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya98/8.html>

⁸ Один из самых популярных Морозовых в отечественной историографии Савва Тимофеевич Морозов был младшим братом А.Т. Карповой.

не бывшему, к тому же, старообрядцем. Демонстрируя твердость намерений, Анна Тимофеевна сбежала из дома. В конце концов, возможность заключения брачного союза была связана с необходимостью преодоления признаков мезальянса. На стороне дочери выступила мать, Мария Федоровна. Проблему решили покупкой на имя Карпова имения Сушнево во Владимирской губернии⁹. Несколькими годами позже, в 1875 г., Тимофей Саввич Морозов приобрел на имя дочери один из самых известных в истории культуры и роскошных московских особняков — дом Киреевских на Большой Ордынке у храма во имя Иверской иконы Богородицы¹⁰.

После женитьбы, обретая семейное благополучие и финансовую свободу, Г.Ф. Карпов мог целиком отдаваться научной деятельности. В 1870 г. он защитил диссертацию¹¹ и получил степень доктора русской истории, в 1871 г. оставил службу в Харьковском университете и вернулся в Москву. В Москве, совместно с В.О. Ключевским, Г.Ф. Карпов читал курс русской истории на высших женских курсах, активно работал в Обществе истории и древностей российских (с 1878 г. он занимал там выборную казначейскую должность), куда был избран еще в 1866 г. В 1873 г. он стал членом Археографической комиссии, а в 1880 г. — членом Русского исторического общества. В доме на Большой Ордынке он собрал огромную и

⁹ Впоследствии это имение стало по-настоящему любимым семейным гнездом многочисленной фамилии (у Карповых было 15 детей). После смерти мужа Анна Тимофеевна значительно расширила владения, наладила в имении высокопродуктивную и прибыльную производственно-хозяйственную жизнь, стала богатейшей помещицей уезда, активно занималась благотворительностью. Дети, внуки, родственники, друзья подолгу и с удовольствием гостили в гостеприимной усадьбе. В числе гостей и друзей семейства Карповых были А.П. Чехов, П.И. Чайковский, Ф.И. Шаляпин, И.И. Левитан. В.О. Ключевский каждый год в течение 30 лет приезжал с семьей в Сушнево на лето, в усадьбе у него был свой дом. О союзе Карпова-Морозовой и усадьбе Сушнево подробнее см.: *Смолянинова М.Г.* Роль Морозовых в культурной жизни Москвы // <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya98/8.html>; *Косярумов В.И.* 20 лет левитановскому движению во Владимирской области // *Левитановские чтения: материалы научно-практической конференции.* Плес, 2011. С. 64 — 69.

¹⁰ Так же, как и имение Сушнево, московский дом Морозовой-Карпова был местом притяжения для широкого круга деятелей художественной культуры. В полном перечне друзей супругов Карповых кроме упомянутых в связи с усадьбой Сушнево, К.С. Станиславский, Ф.О. Шехтель, К.А. Коровин, М.А. Врубель, В.А. Серов, К.А. Сомов. Пристройками, декорированием, реконструкциями в особняке помимо Ф.О. Шехтеля занимались архитекторы А.Н. Кнабе, М.Ф. Бугровский, И.С. Кузнецов, художник и скульптор С.Т. Коненков.

¹¹ *Карпов Г.Ф.* Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8-е января 1654 — 30-е мая 1672 года. М., 1870.

очень ценную научную библиотеку. Его карьера увенчалась чином действительного статского советника, орденом Святого Владимира 4 степени, получением в 1878 г. потомственного дворянства¹². Анна Тимофеевна всегда трепетно относилась к делу своего мужа, была его верным соратником, посильно помогала и была органичной частицей его научного окружения.¹³

После смерти мужа Анна Тимофеевна предложила учредить в Императорском Обществе истории и древностей российских ежегодную Карповскую премию за лучшие труды по русской истории. В письме, отправленном в Общество истории и древностей российских в ноябре 1890 г., она писала: «Зная, как высоко ценил он честь принадлежать к составу Общества, и с какой горячностью относился он к обязанностям своего служения при оном, я и сама научилась высоко ставить значение Общества, с которым связано

---

¹² Дело об изготовлении диплома на герб Анне Тимофеевне Карповой, 14 июля 1900 — 10 апреля 1901 содержит следующий текст: «21 июня 1900 г., по указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат слушал прошение вдовы действительного статского советника Анны Тимофеевны Карповой о выдаче ей грамоты на дворянское достоинство. По справке оказалось, что определением Правительствующего Сената 4 сентября 1878 г. утверждено постановление Московского Дворянского Депутатского Собрания 15 июля 1878 г. о внесении в 3 часть Дворянской Родословной Книги коллежского советника Г.Ф. Карпова с женою Анною Тимофеевною и их детьми: Тимофеем, Федором, Александром, Николаем, Еленою, Анною, Наталиєю, Алевтиною; по Всемило-стивейше пожалованному ему 1 января 1878 г. ордену Св. Владимира 4 степени, о чем тому Собранию дано знать указом 25 сентября 1878 г. Приказали: выдать вдове д. ст. с. Г.Ф. Карпова Анне Тимофеевне Карповой диплом на дворянское достоинство и для объявления о сем, просительнице, проживающей в Москве, Пятницкой части, по Большой Ходынке, в своем доме. 28 августа 1900 г. в Собрание Гербового Отделения при Департаменте Герольдии прибыли до полуночи господа члены: д. ст. с. Михаил Васильевич Лоренц, д. ст. с. Александр Платонович Барсуков. Слушали: внесенный Управляющим Гербовым Отделением проект герба рода дворян Карповых, составленный вследствие предписания Герольдмейстера от 13 июля 1900 г. Приказали: проект герба утвердить и представить Герольдмейстеру для дачи дальнейшего хода. А. Барсуков» (*Головин П.А. Дворянский род Лихачевых в истории России. К 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXII. СПб., 2013. С. 528*). Диплом на дворянское достоинство с гербом был Высочайше подписан в 1901 г. и копии с него были выданы Анне Тимофеевне в 1902 г.

¹³ Анна Тимофеевна оставалась в круге коллег-историков и после смерти мужа, в том числе благодаря его многолетней и тесной дружбе с В.О. Ключевским. Например, в 1894 г. в именинном адресе В.О. Ключевскому от историков и археологов значится и ее имя. Предположительно именно Анне Тимофеевне принадлежит заслуга сохранения текстов цикла лекций «Западное влияние в России после Петра», которые в 1890—91 гг. В.О. Ключевский читал в Политехническом музее в пользу голодающих. Как слушательница она сделала хороший конспект этих вступлений.

столько славных имен в Российской исторической науке. Желая увековечить в Обществе память своего мужа Геннадия Федоровича и вместе выразить мое глубочайшее уважение к Обществу, я изъявляю готовность основать при обществе поощрительную премию за исторические работы. При этом позволяю себе выразить мое желание: 1) чтобы премия эта была объявлена ежегодно в день памяти Геннадия Федоровича Карпова 24 апреля; 2) чтобы она была присуждаема за ученые труды, которые будут основаны на разработке первоисточников Русской истории. При конкурсе же двух сочинений, одинаково основательных, предпочтение должно быть отдаваемо тому из них, которое относится к изучению Малороссии»¹⁴.

Предложение Анны Тимофеевны было принято с глубочайшей благодарностью, в Обществе истории и древностей российских было разработано положение о правилах и порядке присуждения премии, проект золотой медали с портретом Г.Ф. Карпова для рецензентов конкурсных работ, не являющихся членами Общества. Василий Осипович Ключевский писал Анне Карповой: «Вы первая за 100 лет, кто помогает исторической науке»¹⁵. По предложению В.О. Ключевского Анна Тимофеевна была избрана почетным членом Общества. Высочайшим повелением в марте 1892 г. премия имени действительного статского советника Геннадия Федоровича Карпова за исследование по русской истории при Императорском Обществе истории и древностей российских была учреждена. Из процентов от внесенного А.Т. Карповой капитала в размере 11500 рублей серебром победителю конкурса выплачивалось неделимо 500 рублей, были исполнены все пожелания жертвовательницы. Премия имени Г.Ф. Карпова присуждалась вплоть до 1917 г.

Научное творчество Г.Ф. Карпова, несомненно, является значимым историографическим фактом в контексте развития историографической ситуации 60 — 80-х гг. XIX в. В этом смысле очень важна та оценка его личности и трудов, которую дал в речи, посвященной памяти своего друга, В.О. Ключевский на Чрезвычайном заседании Общества истории и древностей российских 30 ноября 1890 г.

«Всегда приятно видеть в историческом исследователе, — говорил Ключевский — тесную связь честного политического убеждения с

¹⁴ Письмо Анны Тимофеевны Карповой // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1. М., 1892. С. 40 — 41.

¹⁵ Живительная сила памяти. Интервью с Мариной Геннадиевной Смольяниновой // Кифа № 9 (253), сентябрь 2019 г.

направлением его ученых трудов. <...> пыльная архивная работа, посвященная изучению давней борьбы отечества с его врагами, согревалась твердым патриотическим настроением, — согревалась, но не разгорячалась. При обсуждении самых жгучих для него вопросов, в разгар полемики, его не покидал трезвый и наблюдательный взгляд на исторические дела и лица, выработанный его привычкой относиться к житейским явлениям прямо и просто, без затейливых мудростей. <...> невольно останавливаешься на многих суждениях <...>, удивляясь их простоте, здравомыслию и внутренней убедительности»¹⁶.

Он говорил также, как о характерном моменте, о последовательности в развитии направлений ученой деятельности Геннадия Федоровича Карпова, где направление последующего периода обусловливается опытом предшествующего этапа. Эта последовательность определялась В.О. Ключевским как «сосредоточенная энергия» деятельности.

В начальном периоде своей научной биографии Г.Ф. Карпов раз и навсегда определился с главным предметом исторических размышлений. Этим предметом стала тема образования Московского государства на этапе завязки и закрепления государственного единства русского народа в XIV—XVII вв. Он стремился выяснить силы и условия (в том числе церковно-нравственные силы, внешние силы), которыми строился своеобразный склад Московского государства, особенно в решающие кризисные моменты вроде вооруженной борьбы с Литвой во второй половине XV — начале XVI вв. и воссоединения Малороссии с Великороссией. Малороссийская проблематика, к исследованию которой ученый вплотную приступил в период своего пребывания в Харькове, в итоге стала основной в научном творчестве Г.Ф. Карпова¹⁷. Это произошло по ряду причин. Во-первых, он столкнулся с неудовлетворительным положением дел в источниковедении этих сюжетов, и, как следствие, с мифологизацией исторических событий, во-вторых, с присутствием в исторической литературе политико-идеологической ангажированности. Он предпринял, по опре-

¹⁶ Чтение Вас. Осип. Ключевского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга первая (сто шестидесятая). М., 1892. С. 44.

¹⁷ Помимо докторской диссертации в числе работ в рамках этой проблематики, например, «Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого» (М., 1873), «Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с великою Руссиею» (СПб., 1874), «О крепостном праве в Малороссии» (Русский архив, 1875, № 6), «В защиту Богдана Хмельницкого» (М., 1890).

делению В.О. Ключевского, двойную работу, розыск затерявшейся исторической правды и разрушение тенденциозного вымысла¹⁸. В.О. Ключевский обращал внимание слушателей на проявившийся в докторской диссертации, и затем твердо усвоенный автором прием — «вести изложение исторических фактов в неразрывной связи с тщательным критическим разбором источников».

Логикой вещей и предрасположенностью к архивной работе с историческим документом, к скрупулезной источниковедческой критике Г.Ф. Карпов на завершающем этапе своей научной карьеры сосредоточил усилия именно в этой плоскости. «Любовь к неизданному архивному документу побуждала его вынести из архива и показать всем те столбцы и книги, над которыми он работал»¹⁹. По возвращении из Харькова, последние двенадцать лет своей жизни он занимался преимущественно изданием источников, относящихся к предмету его исследований.²⁰

¹⁸ Характерна в этом контексте острая и продолжительная полемика с Н.И. Костомаровым (1817—1885). Г.Ф. Карпов критиковал его археографическую практику, указывал на предвзятость при отборе источников для публикации и в исследовательских трудах, на игнорирование тех из них, что не укладывались в концепцию автора, а также на убежденность в равноправии достоверных исторических фактов и мифологии, закрепленной в массовом сознании (См., например, кроме докторской диссертации: *Карпов Г.Ф.* Г. Костомаров как историк Малороссии. М., 1871; *Костомаров Н.И.* Ответ г. Карпову. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654—30-е мая 1672 года. Соч. Геннадия Карпова. М. 1870. М., 1871). Полемика с Костомаровым актуализирует творческое наследие Г.Ф. Карпова, поскольку может быть включена в методологический дискурс, присутствующий в современной постмодернистской историографии.

¹⁹ Чтение Вас. Осип. Ключевского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга первая (сто шестидесятая). М., 1892. С. 44.

²⁰ Под редакцией Г.Ф. Карпова в томах 10 (СПб., 1878), 11 (СПб., 1879), 14 (СПб., 1889) «Актов, относящихся к истории южной и западной России, собранных и изданных Археографической комиссией» были опубликованы «Переговоры об условиях соединения Малороссии с великой Россией 1653—1654 г.», «Прибавления 1657 г.», «Присоединение Белоруссии 1654—1655 г.»; в Сборнике Императорского Русского исторического общества в томах 35 (СПб., 1882), 41 (СПб., 1884), 53 (СПб., 1887), 59 (1887) «Памятники дипломатических сношений древней России с Польшей в царствование Великого князя Ивана Васильевича с 1482 по 1560 год». Т. 1, «Памятники дипломатических сношений России с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России». Т. 1, «Памятник сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии за 1516—1520 г.», «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским с 1533—1560 г.». Т. 2. На средства Г.Ф. Карпова в Т. 55 (СПб., 1880) публикация Общества любителей древней письменности было осуществлено, выполненное в технике фотолитографической и фотохромолитографической копий издание Изборника великого князя Святослава Ярославича 1073 г.

Геннадий Федорович Карпов умер после продолжительной болезни на 52 году жизни. Через четыре года после его смерти одна из его дочерей, Наталья Геннадьевна, по взаимному и глубокому чувству вышла замуж за петербургского историка, давнего знакомого и научного единомышленника ее отца, Николая Петровича Лихачева. Брак был счастливым, опекаемые Анной Тимофеевной Карповой, Лихачевы вырастили девять детей. Бывая в гостях в усадьбе Сушнево, дети Лихачевых бегали к В.О. Ключевскому за пряниками.

Нет сомнения, что личность и научное наследие Г.Ф. Карпова, одного из самых известных московских историков 70—80-х гг. XIX в., ученых круга С.М. Соловьева, нуждаются в полноценном научном историографическом осмыслении как для решения ординарных задач изучения истории отечественной исторической науки, так и в связи с актуализацией на современном этапе проблематики его научного творчества.

Литература

- Барсов, Е.В.* Карпов Геннадий Федорович // Русский биографический словарь в 25 томах. — Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1896—1913. — Т. 8. Ибак - Ключарев. — 1897. — С. 535—536.
- Головнин, П.А.* Дворянский род Лихачевых в истории России. К 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. XXXII. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2013. — С. 511—543.
- Живительная сила памяти. Интервью с Мариной Геннадиевной Смольяниновой // Кифа № 9 (253), сентябрь 2019 г. https://gazetakifa.ru/index.php?option=com_magazine&func=show_edition&id=294 *Карпов, Г.Ф.* Г. Костомаров как историк Малороссии. — Москва : тип. Грачева и К°, 1871. — 35 с.
- Ключевский, В.О.* Чтение Вас. Осип. Ключевского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — Кн. I (160). — Москва : Университетская типография, 1892. — С. 41—45.
- Костомаров, Н.И.* Ответ г. Карпову. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654 — 30-е мая 1672 года. Соч. Геннадия Карпова. Москва : тип. А.И. Мамонтова и К°, ценз. 1871. — 9 с.
- Костомаров, Н.И.* Русские инородцы. — Москва : Фирма «Чарли», 1996, — С. 515—523.
- Косярумов, В.И.* 20 лет левитановскому движению во Владимирской области // Левитановские чтения: материалы научно-практической конференции, Плес. 2011. — Иваново : Плесский гос. ист.-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2014. — С. 64—69.
- Нечкина, М.В.* Василий Осипович Ключевский. — Москва : Наука, 1974. — 637 с.
- Письмо Анны Тимофеевны Карповой // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — Кн. I (160). — Москва : Университетская типография, 1892 — С. 40—41.
- Смольянинова, М.Г.* Роль Морозовых в культурной жизни Москвы // <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya98/8.html>

В.П. Корзун

«Рукописи не горят»: С.М. Соловьев глазами А.В. Флоровского

**«Manuscripts don't burn»:
S. M. Solovyov through the eyes of A.V. Florovsky**

Аннотация: Анализируется рукопись неопубликованной статьи А.В. Флоровского «Научное значение трудов С.М. Соловьева». Рассматриваются особенности презентации классика русской исторической науки в условиях эмиграции.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, классики русской историографии, историческая наука, историография, историки-эмигранты, родовой быт, быт государственный, основная схема русской истории, источники.

Annotation: The article analyzes the manuscript of an unpublished article by A.V. Florovsky “Scientific significance of the works of S. M. Solovyov”. The features of the presentation of the classic of Russian historical science in the conditions of emigration are considered.

Keywords: S.M. Solovyev, The classics of Russian Historiography, Historical science, Historiography, Historians, Immigrants, Family life, Life state, The basic structure of Russian history, Sources.

В архиве Славянской библиотеки в Праге в фонде Антония Васильевича Флоровского хранится рукопись его статьи «Научное значение трудов С.М. Соловьева»¹, которая в качестве публикации не фигурирует в известных нам библиографиях ученого. Данный источник интересен современному читателю не только в силу того, что дает возможность конкретизировать историографические взгляды А.В. Флоровского, «пришить еще одну пуговицу к сюртуку» известного ученого, но и отрефлексировать мотивы обращения историков — эмигрантов к классикам русской историографии и к российскому историографическому процессу в целом. Неопубликованная рукопись, рассматриваемая в таком ракурсе, то есть на фоне эмигрантских опытов осмысления русской историографии, способна пролить свет и на особенности конструирования эмигрантского историографического нарратива.

Историографические взгляды А.В. Флоровского в последнее время стали предметом исследования в ряде публикаций, в том

---

¹ Slovanská knihovna v Praze, Trezor, A.V. Florovskij, T-FLOR. (Далее — SK- T- FLOR). Krab. XXXIII. Naučnoje znacenije trudov S.M. Solov'jeva.

числе и автора этой статьи². Правда, в них, как правило, анализируются оценки текущего историографического процесса в советской России. Рукопись же Флоровского посвящена классику отечественной историографии С.М. Соловьеву. Итак, в фокусе моего внимания — осмысление А.В. Флоровским места выдающегося историка в отечественном историографическом процессе.

В условиях эмиграции обращение историков к классикам было типичным явлением. Этот своего рода «монументализм» являл «насыщение символического поля», смысл которого не только в сохранении культурной традиции, но и в сплочении корпорации вокруг конкретного символа величия³, что являлось особенно актуальным в состоянии выброшенности из привычной среды. Для историков-эмигрантов болезненность восприятия новой социальной усугублялось разрывом старых социальных связей, «горьким хлебом чужбины», разрывом прежде единого коммуникативного поля науки. Перед ними стояла задача выжить и не потерять себя — и в плане физического существования, и в плане личностной и профессиональной самоидентификации.

В условиях, «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти»⁴. Это утверждение А. Мегилла подтверждается исследовательскими и научно-житейскими практи-

² Аксенова Е.П. Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 1920—1930-е годы // Славянский альманах. 1997. № 3/13. С. 130—142; Она же. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917—1940. Т. II. М., 1994. С. 95—100; Она же. Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32—47; Бондарева Е.А. Из архива А.В. Флоровского. Конспект статьи «Предмет и содержание “Истории России” или “Русской истории”» // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. С. 325—336; Волощина В.Ю., Корзун В.П. Советская историческая наука в осмыслении А.В. Флоровского (1920—1930-е гг.) // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 139—156; Ковалев М.В. Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI век. 2016. № 4. С. 82—105; № 5. С. 84—97; № 6. С. 98—113; Корзун В.П. А.В. Флоровский как историограф: метаморфозы историографического нарратива в русском зарубежье // Омские научные чтения — 2018: материалы Второй Всероссийской научной конференции (Омск, 10-15 декабря 2018 г.) Омск, 2018. С. 465—467; Цепилова В.И. Историографическая наука русского зарубежья в историографии 1920—1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №. 4-1 (64). С. 224—226; Она же. Из историографического наследия российской эмиграции (1920—1939) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). История. Вып. 32. С. 133—138.

³ Платт Джонатан Брус. Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт» [пер. с англ. Якова Подольного]. СПб., 2017. С. 48.

⁴ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 138.

ками эмигрантских историков, что проявляется в обостренном интересе к прошлому своей науки и ее корифеям. И как результат — усиливается коммеморативный характер профессионального бытия. По мнению А. Ассман, преодолеть травматический опыт невозможно «в рамках одной лишь индивидуальной терапии, необходим общественный и политический контекст, точнее мемориальная рамочная конструкция, внутри которой <...> воспоминаниям уделяется эмпатическое внимание, в результате чего они обретают свое место в социальной памяти»⁵. Корпоративными скрепами, узлами связанности внутри эмигрантского сообщества становятся признанные ученые-профессионалы, моральные и научные авторитеты. Сохранение памяти о них в форме юбилеев и некрологов, суммирование итогов их деятельности играет все более важную роль в самоидентификации корпорации историков-эмигрантов. Или — с другой стороны — утраченная профессионально-корпоративная гармония, «потерянный рай» персонифицируется, историографическая классика отождествляется с ее персональным носителем. Так, к примеру, Русское Историческое общество в Праге инициировало различного рода юбилейные мероприятия, связанные со знаковыми событиями в истории России, с юбилеями деятелей российской культуры и науки. Отдельные памятные заседания посвящались русским историкам — Н.М. Карамзину, М.М. Богословскому, А.А. Корнилову, П.Г. Виноградову, В.П. Бузескулу, С.М. Соловьеву, С.Ф. Платонову, А.А. Кизеветтеру, А.Е. Преснякову, П.А. Лаврову, Ф.И. Успенскому, В.И. Савве и др.⁶ Корпоративно закрепляющая мемориальная практика была широко представлена на страницах газеты «Последние новости», журнала «Современные записки» и других периодических эмигрантских изданий. Объектами воспоминания/почитания здесь оказались такие знаковые фигуры, как В.О. Ключевский, А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, С.Ф. Платонов, М.М. Богословский, Е.Ф. Шмурло и др. Наряду с этим происходит возведение в классики здравствующих современников. Яркий тому пример — празднование в зарубежье 70-летия (торжества проходили в Париже, Берлине, Праге, Варшаве, Софии, Риге) и 75-летия П.Н. Милюкова⁷.

⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. М., 2014. С. 99.

⁶ Русское Историческое общество в Праге за десять лет существования. 1925—1934. Прага, 1934. С. 12.

⁷ П.Н. Милюков. Сб. материалов по чествованию его 70-летия, 1859—1929. Париж, 1929. 357 с.; К 70-летию П.Н. Милюкова // Последние новости. Париж, 1929.

Фигура С.М. Соловьева также включается в поле почитания эмигрантского профессионального сообщества историков. В 1929 году (50-летие со дня смерти С.М. Соловьева) на специальном заседании Исторического общества в Праге был прочитан доклад Е.Ф. Шмурло «Памяти С.М. Соловьева». Возможно, к этой дате был создан текст/эссе Е.Ф. Максимовича «М.Н. Карамзин — С.М. Соловьев — В.О. Ключевский»⁸, хотя точно установить время создания этой рукописи нам не удалось. Труды и дни С.М. Соловьева привлекают внимание и А.В. Флоровского. Еще в дореволюционный, «формирующий период» деятельности, когда происходило его профессиональное становление, он обращается к творчеству этого историка. Весьма любопытный факт — готовясь в 1910 г. к магистерскому экзамену, Флоровский свою казуальную работу посвящает С.М. Соловьеву⁹ и впоследствии не раз возвращается к этой фигуре, называя ее самой «монументальной и значительной» в науке XIX века¹⁰.

В лекционном курсе по историографии «Русская историография до 1917 года»¹¹, который читался историком в Карловом университете, С.М. Соловьев занимает центральное место. Имеющаяся в рукописи лекционного курса (машинописная версия) библиография позволяет предположить, что текст создавался в послевоенный период. В рекомендательном списке литературы фигурирует и «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна, хотя и вышедшая в свет в 1941 году, но основательно протрудированная Флоровским в 1947 году, на которую он напишет рецензию¹²,

---

17 января. № 2857; *Мякотин В.А.* П.Н. Милоков, как русский историк // Последние новости. Париж, 1929. 4 марта, № 2902; *Смирнов С.А.* Павел Николаевич Милоков // Там же. №№ 2902-2903; *Зензинов В.* П.Н. Милоков как журналист // Там же. № 2902; Торжественное юбилейное заседание // Там же. 5 марта. № 2904; Семидесятилетие П.Н. Милокова. Телеграммы и приветствия // Там же; К 75-летию П.Н. Милокова. Письмо из Праги // Там же. 1934. 1 февраля. № 4698.

⁸ *Максимович Е.Ф.* Н.М. Карамзин — С.М. Соловьев — В.О. Ключевский. Památník národního písemnictví. Fond Scheidze Konstantin Alexandrovič (№ 230) Maksimovic Jevgenij Filimonovic. См. об этом: *Волошина В.Ю., Корзун В.П.* Классики в историографическом дискурсе Е.Ф. Максимовича // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск, 2019. С. 315—322; *Они же.* Е.Ф. Максимович: представитель «второго поколения» исторической науки Русского зарубежья // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 204—214.

⁹ *Флоровский А.В.* Неизвестные фрагменты автобиографии / публ., вступ. ст. В.Ю. Афиани, М.В. Ковалева // Исторические записки. № 18/136. М., 2019. С. 294.

¹⁰ SK.T-FIOR. Krab. XXXVI [Historiograficke prace]. Recenze N.L. Rubinstejn.

¹¹ Ibid. Russkaja istoriografija (do 1917g).

¹² Ibid. Recenze N.L. Rubinstejn. Рукопись рецензии написана на русском и французском языках. Неизвестно, был ли с ней знаком Н.Л. Рубинштейн, состоявший с Флоровским в переписке, возобновившейся в конце 1940-х годов. Ре-

статья С.С. Дмитриева¹³ и курс лекций по русской историографии Л.В. Черепнина, изданный в 1957 году¹⁴.

В этом тексте С.М. Соловьев предстает как «самый замечательный русский историк XIX века», его «История России» названа «исключительным явлением русской историографии как по своему объему, так и по своему охвату широкого круга исторических явлений»¹⁵. Главным научным достижением Соловьева в методологическом плане Флоровский, в соответствии со сложившейся традицией, считает стремление представить историческое развитие России как закономерный, органический процесс, как перерастание родового быта в быт государственный. Историк, и это так же соответствует устоявшимся в научном сообществе взглядам, отмечает влияние родовой теории Г. Эверса на концептуальные установки С.М. Соловьева. «На всем протяжении русской истории Соловьев затем прослеживает судьбу этого родового строя и этапы его разложения или ликвидации под влиянием нового начала — начала государства и государственности»¹⁶, — пишет Флоровский. Этот процесс занимает хронологически протяженный, содержательно важный исторический период (господство родового строя до второй половины XII века, далее идет процесс утверждения государственного начала, окончательное торжество которого связано с деятельностью Петра Великого).

В лекции прослеживается рецепция этой «конструкции» С.М. Соловьева в научном сообществе. В частности, автор упоминает схему К.Д. Кавелина (род — семья — государство) и отмечает, что спор «о социально-правовых формациях развернулся в более широкий спор, отчетливо проявившийся в середине XIX века»¹⁷.

цензия заканчивается весьма примечательным пассажем, имеющим прямое отношение к нашей статье. Он приветствует занятия Рубинштейна творчеством Соловьева (Рубинштейн в письме к Флоровскому сообщал, что готовит монографию о С.М. Соловьеве): «Ждем с нетерпением», пишет в ответ Флоровский, ожидающий, что в книге Рубинштейна С.М. Соловьев будет изображен «во весь свой рост, как едва ли не самая монументальная и значительная фигура русской исторической науки XIX века». Но монографии не суждено было случиться, как и рецензии не суждено быть напечатанной. В 1948—1949 г. предлагать положительную рецензию на «Русскую историографию» означало вызвать огонь на себя.

¹³ Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете в 60—90-х годах XIX века // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. 1954, № 7. С. 95—115.

¹⁴ Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957. 308 с.

¹⁵ SK.T-FIOR. Krab. XXXVI [Historiograficke prace]. Russkaja istoriografija (do 1917g).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

В качестве иллюстрации он тезисно излагает взгляды славянофилов об общине как основе народной жизни, отмечая работы К. Аксакова, и историков права о семейно-общинной задруге, ссылаясь на исследования Ф.И. Леонтовича и А.Е. Преснякова.

Обращается также внимание на роль С.М. Соловьева в профессионализации исторического знания, отразившейся в том числе и в форме ученичества. Флоровский замечает, что из числа слушателей С.М. Соловьева вышли «весьма крупные исследователи» — М.А. Попов, Е.М. Перетяткович, самым выдающимся его учеником он называет В.О. Ключевского. Но, примечательно, о школе он не говорит.

В интерпретации А.В. Флоровского С.М. Соловьев предстает как своего рода правильный классик, задающий горизонты развития науки. И в то же время автор указывает на содержательную неоднородность великого труда историка. Лишь для первых томов, до XVII века, характерен более-менее законченный исторический синтез. При изложении истории России в Новое время акценты у С.М. Соловьева смещаются в источниковедческую плоскость, ведут к созданию свода документальных материалов, «и только на рубеже тех или иных эпох или периодов Соловьев, по Флоровскому, давал общие выводы и оценки, общие характеристики и заключения»¹⁸.

Более подробно обозначенные сюжеты, с некоторыми уточнениями, представлены в рукописи статьи «Научное значение трудов С.М. Соловьева»¹⁹. Создавались ли эти тексты одновременно, параллельно с работой над выше упомянутым лекционным курсом, определить трудно. В отличие от «Русской историографии до 1917 года» в рукописи статьи нет отсылок к литературе, отсутствуют какие-либо хронологические зацепки. Можно, конечно, предположить, что этот текст написан в довоенный период, сравнивая почерк раннего Флоровского (убористое, аккуратное написание, как правило, без сокращений) и Флоровского в возрасте (более крупное и зачастую нечеткое начертание букв), хотя, признаем, что этот аргумент вряд ли можно признать основательным, уже по тому, что и в более позднее время можно встретить письма историка, написанные четким почерком. Так что вопрос о датировке текста остается пока открытым.

Но отмечу главное — текст лекции и статья концептуально не отличаются, естественно, в статье основные положения представлены более подробно в сравнении с лекционным курсом, что впол-

¹⁸ SK.T-FIOR.Krab. XXXVI [Historiograficke prace]. Russkaja istoriografija (do 1917g).

¹⁹ Ibid. Krab. XXXIII. Rukopisj. Naucnoje znacjenje trudov S.M. Solov'jeva.

не объяснимо — речь идет о разных целеполаганиях в зависимости от адресата. В первом случае текст ориентирован на научное сообщество, во втором — на студенческую аудиторию. В сравнении с лекционным курсом, и это естественно, текст статьи структурирован иначе — обозначен проблемный, а не обзорный ракурс организации материала. Речь идет о научном значении трудов С.М. Соловьева, которое рассматривается А.В. Флоровским в двух ракурсах — с точки зрения общих, внешних характеристик «Русской истории» (по терминологии автора «внешние стороны работ Соловьева»), и с точки зрения концептуального осмысления прошлого России, движущих сил ее развития («внутренние стороны»).

Прежде всего, Флоровский отмечает широту исследовательского подхода, богатство проблемного поля: «Круг исторических явлений, захваченный С.М. Соловьевым, был чрезвычайно велик... его «История России с древнейших времен» обнимает прошлое России на протяжении целых десяти веков, а в отдельных своих работах он касается событий более нового времени, например, времени Александра I»²⁰. Уже одна эта «широта периода к объяснению и обрисовки которого С.М. Соловьев приложил свой исторический гений, делают его труд чрезвычайно важным и существенным», — пишет автор, и добавляет, что это обстоятельство «дает труду Соловьева исключительное место в истории русской исторической науки»²¹. Безусловно значимы попытки Флоровского поместить научный опыт С.М. Соловьева в историографический контекст. Он сравнивает его труд с работами Г.Ф. Миллера и Н.М. Карамзина (правда, в лапидарном, публицистическом варианте): «У нас были историографы не только по существу своей деятельности, но и по званию, по обязанностям, но не один из них не построил, не нарисовал исторического развития России в таких широких горизонтах»²². Подобное замечание он относит и к работам В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.С. Арцыбашева.

В качестве следующей «внешней» характеристики труда Соловьева Флоровский отмечает единую связующую нить: «... его изложение было внутренне единым», он подчеркивает значимость провозглашенной историком «естественной связи событий, естественного развития общества из самого себя». И, наконец, автор рукописи подчеркивает исключительное значение труда Соловьева в плане введения новых источников в научный оборот, первичной

²⁰ SK.T-FIOR. Krab. XXXIII. Rukopisj. Naucnoje znacenje trudov S.M. Solov'jeva.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

их исследовательской обработки, создания источниковой базы для последующих исторических исследований — «самый труд Соловьева является своего рода «архивом», откуда черпаются материалы уже не в сыром, совершенно не сдобренном ученой мыслью виде...». Существенным, с моей точки зрения, здесь является оборот «не в сыром виде». По сравнению с лекционным курсом, Флоровский несколько смягчает формулировки в этом вопросе — раскрытие исторического развития России через введение новых документов («свод документов» по Флоровскому) предполагает их первичную исследовательскую обработку, определенный комплекс исследовательских процедур. Представляется, что автор затрагивает давнюю историографическую проблему — соотношение в творчестве Соловьева исторического собирательства (выражение Н.Л. Рубинштейна) и концептуализированной исторической аналитики. Флоровский, как известный знаток истории XVIII века, специалист по петровской эпохе и екатерининской Законодательной (Уложенной) комиссии 1767—1768 гг., проясняет сложность историографической ситуации, в которой создавались соловьевские тома, посвященные этому веку: «Мало сравнительно разработанная ко второй половине XIX века история века XVIII потребовала чрезвычайных усилий со стороны Соловьева; — этим и объясняется большая, чем в предыдущих томах, фактичность изложения, лишняя его схематичность и общность (очевидно, последнее определение следует понимать, как слишком общий взгляд. — В.К.)»²³. Задачи предварительной обработки материала и одновременно введение его в общую схему русской истории, как констатирует Флоровский, осложняли работу историка. Отголоски спора о соотношении аналитики и источниковой фактографии в творчестве С.М. Соловьева применительно к новому времени очевидны и в современной литературе²⁴.

Для Флоровского место Соловьева в историографическом процессе определяется не только его источниковедческим подвигом,

---

²³ Ibid.

²⁴ Шаханов А.Н. Архивный труженик С.М. Соловьев // Археографический ежегодник за 1995 г. М., 1997. С. 301; *Он же*. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты / Ин-т рос. истории. М., 2003. С. 124—125; *Бон Т.* Историзм в России? О состоянии русской исторической науки в XIX столетии // Отечественная история, 2000. № 4. С. 125; *Алеврас Н.Н.* Русская историография XIX — начала XX века. Лекции по истории исторической науки. Часть I. Челябинск, 2013. С. 221; *Она же*. С.М. Соловьев в контексте истории становления диссертационной культуры. Вторая половина 1840-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 3. С. 119—120.

но и выдержанностью концептуализированных оснований его труда. Флоровский таким образом переходит к сущностным, глубинным основаниям грандиозной исторической конструкции С.М. Соловьева. Заслугой историка является «установление основной схемы русской истории и воссоздание внутренней сущности и движущей силы отдельных исторических моментов прошлого Руси». Раскрытие внутренних закономерностей исторического процесса, замечает Флоровский, и является главной задачей историка, «берущегося за «Историю России с древнейших времен».

Флоровский и в этом тексте, естественно, не может пройти мимо общепринятого представления о влиянии родовой теории Г. Эверса на концептуальное творчество Соловьева. В то же время он отмечает, что историк мало уделяет внимания родовому быту и фиксирует парадокс, что родовое начало, которое, по Соловьеву, «есть основа русской народной жизни в древние времена», в сфере самой этой жизни не поддается изучению — «нет материалов для того, что сколько-нибудь связно можно хотя бы наметить последовательность перерождения или роста этого начала в народной жизни». В результате приходится сосредотачиваться на рассмотрении действия родового начала в той сфере, где оно доступно изучению отношениям внутри княжеского рода. Родовая проблематика, как фиксирует Флоровский, важна для автора «Истории России» сама по себе как исследование системообразующей основы древней русской истории. Он напоминает, что именно Соловьеву, исследовавшему родовое начало, «принадлежит право на честь за отыскание этой основной точки, на которой висит — по его выражению — вся суть исторических явлений древней Руси»²⁵. Вполне логично, что это выводит на постановку задач исследования — «как развивается это родовое начало в течении истории России, какие изменения внесены в него обстоятельствами времени, изменяется ли оно на протяжении всей древней истории Руси»²⁶. И, как пишет Флоровский, «эти задачи Соловьев решает в своих диссертациях и в своей истории».

В рукописи им подробно представлен отклик научного сообщества, и прежде всего К.Д. Кавелина, на конструкт Соловьева. По стилистике изложения критики Кавелина в адрес Соловьева можно предположить, что Флоровский солидарен с точкой зрения Кавелина. Последний, по его выражению, подметил пробел в построении

²⁵ SK.T-FIOR. Krab. XXXIII. Rukopisj. Naucnoje znacenjeje trudov S.M. Solov'jeva.

²⁶ Ibid.

Соловьева — «переход от родового начала к государственному признал он слишком неожиданным, несоответствующим исторической последовательности»²⁷. Невьясненные Соловьевым условия перехода от родовых отношений в государственные он, как отмечает Флоровский, проясняет, уделяя особое внимание изменению форм владения — от княжеской через вотчинную к самодержавной. Он отличает вотчинный строй от государственного. И соответственно воссоздает образы князей «промежуточного периода» — это вотчинники²⁸. Соловьев же, по Флоровскому, «далек от художественности» при описании князей-собирателей, у него не ясны различия «между их семейно-вотчинными и государственными интересами». Но так или иначе период Московского государства — это период отработки нового государственного начала — «положительная его кристаллизация произошла, когда во главе русской государственной жизни появился первый русский... император Великий Петр»²⁹. Значение интерпретации Соловьевым петровских реформ Флоровский рассматривает в историографическом ракурсе, встраивая его оценки в дискуссионное пространство между панегирическими оценками историков XVIII века и критиками начала XIX. «Соловьев сделал попытку определения действительных связей реформаторских стремлений Петра с условиями жизни, ему предшествующей». И хотя Флоровский отмечает, что Соловьеву не удалось создать отчетливую картину государственной жизни XVIII века (он, конечно, как исследователь екатерининской эпохи, сетует на то обстоятельство, что «Истории России» суждено было остаться без сколько-нибудь закругленного окончания и что отсутствует законченный образ Екатерины II), но это не умаляет значение его труда, так как он впервые обратился к некоторым важным моментам XVIII века и дал «в своих трудах и исходные начала для объяснения и изображения некоторых явлений новой русской истории».

В конечном счете, Флоровский подводит читателя к мысли, что создание Соловьевым единой картины развития русского народа и русского государства является огромной научной заслугой историка. Мысль, конечно, не нова. Он идет вслед за сложившейся историографической традицией. Тот же К.Д. Кавелин, как известно, отмечал, что «до сих пор заботились особенно о том, как разделить русскую историю, теперь надо стараться напротив соединить ее части в одно целое,

---

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

связать раздробленное и неправильно противопоставленное: надо воссоздать наукой живой организм русской истории, а он сам уже укажет на разделение необходимое и естественное»³⁰. Главной заслугой Соловьева, по Кавелину, явилось открытие основного движущего принципа нашей древней истории — родового начала.

Образ великого ученого у Флоровского несколько статичен, для него «среди бурь гражданских и тревоги» приоритетны были задачи напоминания/размышления о месте Соловьева на отечественном научном Олимпе, его роли в профессиональном становлении российской историографии. При этом историографическая динамика, эволюция (в зависимости от социального и научного контекста) исследовательских интенций ученого отходит на второй план. Но, отдавая должное Соловьеву как классику, Флоровский его не канонизирует. Он прекрасно понимает, что с течением времени, с совершенствованием методов исторического исследования, открытия нового фактического материала многие моменты концептуализированных построений Соловьева могут быть уточнены, дополнены и пересмотрены. Это естественное развитие науки возможно, по Флоровскому, как раз «благодаря широте кругозора Соловьева, в иных случаях создавшего то или иное понимание истории России, в других, подготовившего для этого материал и руководящую мысль (например, относительно роли географического положения России в ее истории)»³¹.

По существу этот заключительный пассаж статьи Флоровского отражает культурно эпистемологический контекст складывания неклассического образа науки, преодоление линейности в понимании тенденций ее развития. Классик является таковым постольку, поскольку он способствует движению науки, выражением которой является не только классическое ученичество, но и оппонирующая альтернативность. Одновременно с этим отмечу и стойкую академическую старомодность Флоровского (в лучшем смысле этого определения), непреодоленные черты эмигрантского историографического нарратива. Классовый подход, характерный для советской историографии, аккуратно обходится автором. В завершении своего научного пути, оказавшись в сфере влияния советской историографии, приняв советское гражданство, но оставаясь жить и работать в Праге, А.В. Флоровский сохраняет и свой творческий почерк, и определенную автономию историографического текста.

³⁰ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Том первый. Монографии по русской истории. СПб., 1897. С. 281.

³¹ SK.T-FIOR. Krab. XXXIII. Rukopisj. Naučnoje značenje trudov S.M. Solov'jeva.

Литература

- Аксенова, Е.П.* Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 1920—1930-е годы // Славянский альманах. 1997. — № 3/13. — С. 130—142.
- Аксенова, Е.П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. — Т. XI. — № 1. — С. 32—47.
- Аксенова, Е.П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917—1940. — Т. II. — Москва : Наследие, 1994. — С. 95—100.
- Алеврас, Н.Н.* Русская историография XIX — начала XX века. Лекции по истории исторической науки. — Часть I. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2013. — 337 с.
- Алеврас, Н.Н.* С.М. Соловьев в контексте истории становления диссертационной культуры. Вторая половина 1840-х г. // Уральский исторический вестник. 2020. — № 3. — С. 115—123.
- Ассман, А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. — Москва : НЛО, 2014. — 328 с.
- Бон, Т.* Историзм в России? О состоянии русской исторической науки в XIX столетии // Отечественная история. 2000. — № 4. — С. 121—128.
- Бондарева, Е.А.* Из архива А.В. Флоровского. Конспект статьи «Предмет и содержание «Истории России» или «Русской истории»» // История и историки. 2001. Историографический вестник. — Москва : Наука, 2001. — С. 325—336.
- Волошина, В.Ю., Корзун, В.П.* Е.Ф. Максимович: представитель «второго поколения» исторической науки Русского зарубежья // Диалог со временем. 2019. — Вып. 68. — С. 204—214.
- Волошина, В.Ю., Корзун, В.П.* Классики в историографическом дискурсе Е.Ф. Максимовича // Мир историка: историографический сборник. — Вып. 12. — Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2019. — С. 315—322.
- Волошина, В.Ю., Корзун, В.П.* Советская историческая наука в осмыслении А.В. Флоровского (1920—1930 — е гг.) // Диалог со временем. 2020. — Вып. 70. — С. 139—156.
- Ковалев, М.В.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI век. 2016. — № 4. — С. 82—105; — № 5. — С. 84—97; — № 6. — С. 98—111.
- Корзун, В.П.* А.В. Флоровский как историограф: метаморфозы историографического нарратива в русском зарубежье // Омские научные чтения — 2018: материалы Второй Всероссийской научной конференции (Омск, 10—15 декабря 2018 г.) — Омск, 2018. — С. 465—467.
- Мегилл, А.* Историческая эпистемология. — Москва : Канон+, 2007. — 480 с.
- Платт, Джонатан Брус.* Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт [пер. с англ. Якова Подольного]. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 352 с.
- Флоровский, А.В.* Незвестные фрагменты автобиографии / публ., вступ. ст. В.Ю. Афиани, М.В. Ковалева // Исторические записки. 2019. — № 18 (136). — С. 276—327.
- Цепилова, В.И.* Из историографического наследия российской эмиграции (1920—1939) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. — № 16 (154). История. — Вып. 32. — С. 133—138.
- Цепилова, В.И.* Историографическая наука русского зарубежья в историографии 1920—1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. — №. 4—1 (64). — С. 224—226.
- Шаханов, А.Н.* Архивный труженик С.М. Соловьев // Археографический ежегодник за 1995 г. — Москва : Наука, 1997. — С. 301—308.
- Шаханов, А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. — Москва : Наука, 2003. — 417 с.

Л.А. Сидорова

«Бессознательный марксист»: научное наследие С.М. Соловьева в интерпретации М.Н. Покровского

“The unconscious Marxist”: scientific heritage of S.M. Solovyov in the interpretation of M.N. Pokrovsky

Аннотация: Статья посвящена интерпретации научного наследия выдающегося российского историка С.М. Соловьева лидером марксистской исторической науки М.Н. Покровским. Названы причины, по которым нигилистическое отношение к наследию историков «старой школы», характерное для советской исторической науки 1920 — начала 1930-х гг., в гораздо меньшей степени затронуло труды С.М. Соловьева, чем работы других дореволюционных историков.

Ключевые слова: историки «старой школы», марксистская историография, С.М. Соловьев, М.Н. Покровский.

Annotation: The article is devoted to the interpretation of the scientific heritage of the outstanding Russian historian S.M. Solovyov by the leader of Marxist historical science M.N. Pokrovsky. The reasons are named why the nihilistic attitude to the legacy of historians of the “old school”, characteristic for Soviet historical science of the 1920s — early 1930s, affected the works of S.M. Solovyov to a much lesser extent than the works of other pre-revolutionary historians.

Keywords: Historians of the «old school», Marxist historiography, S.M. Solovyov, M.N. Pokrovsky.

Выдающийся отечественный историк С.М. Соловьев оставил обширное научное наследие, которое образовало целый пласт исторической науки России. Его перу принадлежит более 300 научных работ, среди которых особняком стоят 29 томов главного труда историка — «Истории России с древнейших времен». В работе над своей историей России С.М. Соловьев опирался на достижения современной ему европейской и российской философской и исторической науки, использовал богатый фактический материал, вводил в научный оборот множество новых исторических источников. Итогом его многолетнего труда (тома «Истории России с древнейших времен» выходили в свет по мере их написания с 1851 по 1879 г.) стала многомерная, глубокая и целостная картина исторического пути России. В этом состоял, без преувеличения, научный подвиг С.М. Соловьева.

Центральной идеей исторической концепции историка была мысль об органическом, внутренне обусловленном и поступа-

тельно-прогрессивном ходе исторического развития всех народов. В истории каждого народа С.М. Соловьев различал два этапа, ассоциируя первый из них с юностью, второй — со зрелостью. Высшей же формой исторического развития народа он полагал государственный строй. Особое внимание С.М. Соловьев придавал фактору природной среды в его взаимосвязи с ментальностью народа и внешними событиями и влияниями на исторические судьбы народов.

Проблема государства, народа и личности в истории составляла ядро его творчества. Государство выступало как цель и смысл общественного развития, выразитель всех проявлений народной жизни, как высшее назначение народа и его историческое призвание.

В истории отечественной исторической науки С.М. Соловьев остался ярчайшим представителем государственной школы русской историографии. Как вспоминал Д.И. Иловайский, «...он был решительный государственный. Сколько мне известно из его сочинений и устного обмена мыслей, вне государственного быта он не признавал исторической жизни и национального развития... Сергей Михайлович не делал никаких уступок по этой части»¹.

Научный авторитет С.М. Соловьева был велик. Все историки — современники С.М. Соловьева единодушно отмечали, что высказанные им идеи, введенный фактический материал во многом определили характер развития исторической науки России второй половины XIX — начала XX в.

В своей статье, посвященной памяти С.М. Соловьева, В.О. Ключевский подчеркнул, что «с 1845 года, когда появилось его первое исследование по русской истории, и до последней строки, им написанной незадолго до смерти, он работал в одном направлении, которое прямо или косвенно отразилось на ходе всей русской исторической литературы»². Определяя значение трудов С.М. Соловьева, К.Д. Кавелин писал, что хаос, господствовавший в русской исторической литературе первой половины XIX в., уступил место стройной системе взглядов на общественный процесс, основанной на идеях органического, поступательного, исключаящего резкие скачки развития³.

¹ *Иловайский Д.* Памяти С.М. Соловьева // *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XXIII. Заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве. М., 2000. С. 339—340.

² *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев. Некролог // *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XXIII. С. 289.

³ См.: *Шаханов А.Н.* Становление ученого // *С.М. Соловьев.* Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 205.

Методологическая новизна научных построений С.М. Соловьева сразу же обратила на себя внимание историков. С середины XIX в. за концепцией, которую он отстаивал по линии исторической, а его единомышленники — историки права К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич и др. по линии юридической, утвердилось название «историко-юридическая школа»⁴.

Революционные события 1917 г. в России, положившие начало разделению отечественных историков на «старую» и «красную» профессуру, а самой исторической науки на буржуазную — объективистскую и пролетарскую — марксистскую, в определенной мере сказались на отношении к научному наследию С.М. Соловьева.

Хотя, надо сразу же сказать, и трудам историка, и ему самому было отведено особое место в ряду домарксистской исторической литературы.

Заслуги С.М. Соловьева как историка публично признавал лидер советских историков-марксистов М.Н. Покровский. В мае 1923 г., читая лекции перед слушателями Коммунистического университета им. Г. Зиновьева, он достаточно подробно остановился на характеристике научного наследия историка.

Эти лекции М.Н. Покровского имели двоякую цель. Во-первых, в них ставилась задача ознакомить студентов новых комвузов и факультетов общественных наук старых университетов с отечественной историографией. Во-вторых, они должны были предостеречь пролетарское студенчество «от образчиков известной идеологии»⁵. К последним лидер советских историков-марксистов причислил труды Н.М. Карамзина, К.Д. Кавелина, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского и др. историков, не скупясь в своем изложении их исторических взглядов на подчас уничтожительные характеристики. Однако С.М. Соловьев, находясь в этом перечне, занял в нем особое место и был назван М.Н. Покровским «величайшим русским историком XIX столетия».

Чертой, выделившей С.М. Соловьева среди русских историков, т.е. историков, занимавшихся отечественной историей, М.Н. Покровский назвал его «громадную историческую образованность». Пренебрежительно отзываясь о профессорах русской истории, упрекая их в изолированности от европейской науки — «русские

⁴ Шаханов А.Н. Становление ученого. С. 203.

⁵ Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Коммунистическом университете имени тов. Зиновьева 3—7 мая 1923 г. Пг., 1923. С. 9.

историки в истории других стран обыкновенно большие невежды»,⁶ — он противопоставил им С.М.Соловьева, который «был в курсе всего, что писалось по истории на всех языках»⁷.

Не останавливаясь на вопросе, насколько справедлив или несправедлив был М.Н. Покровский по отношению к русским историкам — современникам и младшим коллегам С.М. Соловьева, следует констатировать, что в своей оценке самого Сергея Михайловича он был, безусловно, прав.

Обособив С.М. Соловьева от прочих буржуазных историков, М.Н. Покровский подвел под свое решение методологическое основание. Он предпринял попытку вписать научное наследие С.М. Соловьева в контекст марксистского прочтения истории. Для этого М.Н. Покровский использовал следующий посыл: «...Как в конце XVIII и в начале XIX века каждый умный человек был по природе якобинцем, так во второй половине XIX века каждый умный человек по природе немножко марксист, сознает он это или нет»⁸.

Поясняя свой тезис слушателям, М.Н. Покровский говорил: «Мы встречаем у Соловьева ряд таких объяснений русской истории, которые очень напоминают, по крайней мере, «экономический» материализм»⁹. Под высказанные С.М. Соловьевым мысли о значении речных путей в русской истории, их роли в собирании русской территории, в возникновении Москвы и возвышении Московского княжества оставалось, по М.Н. Покровскому, «только подвести ... настоящий экономический базис»¹⁰.

Таким образом, в научном наследии С.М. Соловьева М.Н. Покровский видел все-таки «буржуазный, но своеобразный» подход к русской истории, обнаруживая в самом историке «инстинктивного, бессознательного марксиста»¹¹. Такое «своеобразие» дистанцировало С.М. Соловьева от других буржуазных историков, служило основанием для более активного обращения к его историческим трудам.

Однако уже со второй половины 1920-х гг. положение дел начало меняться. Становление и укрепление советской марксистской исторической науки должно было, по мнению М.Н. Покровского, обесценить научное наследие С.М. Соловьева. Эти ожидания и расчеты находились в русле общей политики развития историче-

---

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 62.

ской науки и высшего образования в стране победившей пролетарской революции.

Историческое образование подлежало кардинальной перестройке. Нарком просвещения А.В. Луначарский, в сентябре 1918 г. выступая перед слушателями Педагогических курсов в Петрограде¹², буржуазной системе преподавания истории противопоставил новую, коммунистическую. Развенчивая «старую школу», А.В. Луначарский сослался на тезис Ф. Ницше, в котором философ утверждал, что человек «так парализован» историческим сознанием, что «не обладает революционной отвагой в деле строительства»¹³.

А.В. Луначарский, разделяя положение Г. Гегеля о прогрессе человечества и его объективности, которое в трудах С.М. Соловьева явилось одним из ключевых методологических положений, задался вопросом: «Поскольку мы приучаем человека мыслить исторически, даем ему очень большое количество знаний о человеческом прошлом, да еще к тому же внушаем ему мысль о закономерности развития, — не делаем ли мы его рабом этого прошлого?»¹⁴. По мнению наркома, назрело требование отмены «старой школы», в которой преподавалась «мертвая история»¹⁵. При таком угле зрения наследие С.М. Соловьева также подпадало под ярлык «мертвой истории».

Самые рьяные критики С.М. Соловьева обнаружили, между тем, в рядах молодых историков-марксистов — слушателей Института красной профессуры, причем многие из них вышли из семинара самого М.Н. Покровского. Так, в сборнике их статей, озаглавленном «Русская историческая литература в классовом освещении», который был издан в 1927 г. под редакцией М.Н. Покровского, присутствовала статья З. Лозинского «Историк великодержавной России». В ней автор предпринял попытку доказать, что С.М. Соловьев смотрел на процесс образования Русского государства глазами «националиста-великорусса»¹⁶.

Сборнику была предпослана вступительная статья М.Н. Покровского, который в условиях становившегося все более очевидным грядущего перелома в развитии отечественной истори-

---

¹² Луначарский А.В. О преподавании истории в коммунистической школе. Лекция, прочитанная на сентябрьских Педагогических курсах в Петербурге, 1918 г. На правах рукописи. Пб., 1918.

¹³ Там же. С. 3.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. под ред. М.Н. Покровского. Т. 1. М., 1927. С. 243.

ографии 1928 г.¹⁷ занял более жесткую позицию по отношению к научному наследию С.М. Соловьева, чем та, которую он демонстрировал в начале 1920-х гг. Он предрек, что «лет через пятнадцать-двадцать читать Соловьева и Ключевского перестанут, как теперь никто не читает уже Карамзина»¹⁸.

Прогноз главы историков-марксистов, казалось бы, начинал сбываться. Критика отдельных сторон исторической концепции С.М. Соловьева молодыми «красными» профессорами становилась все более резкой. Главной мишенью стал национальный вопрос в России в представлениях историка. Например, С.А. Пионтковский в своей книге «Буржуазная историческая наука в России», изданной в 1931 г., утверждал, что «Соловьев и Чичерин и их ученики вплоть до Ключевского стояли на великорусско-буржуазных национал-шовинистических позициях»¹⁹, хотя и признавал значение научного вклада С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина для 1850-х гг.²⁰

Но этот вывод М.Н. Покровского оказался преждевременным. Уже со второй половины 1930-х гг., в условиях смены идеологических вех и критики школы самого М.Н. Покровского, наследие русских историков-классиков, и прежде всего С.М. Соловьева, прочно вошло в научно-образовательный процесс, хотя и с известными классовыми оговорками. Более того. В промежуток времени между развенчанием наследия М.Н. Покровского и созданием новых марксистских учебных курсов именно по «Истории» С.М. Соловьева студенты и аспиранты исторических факультетов вузов изучали отечественную историю.

В 1941 г. была издана «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна, которая на годы вперед определила отношение советской исторической науки к научному наследию С.М. Соловьева. Творчеству историка была посвящена 19 глава. В ней была представлена оценка С.М. Соловьева в предшествующей историографии, показан процесс формирования его исторических воззрений и мировоззрения. Особое внимание было уделено анализу его теории органического развития и концепции государственной школы. Н.Л. Рубинштейн подробно остановился на предложенной С.М. Соловьевым периодизации русской истории, изложенной

---

¹⁷ О значении 1928 г. в истории советской исторической науки см.: *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М., 1998. С. 156–189.

¹⁸ Русская историческая литература в классовом освещении. С. 8.

¹⁹ *Пионтковский С.А.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 19.

²⁰ Там же. С. 21.

историком в Предисловии к первому тому «Истории России», теории родового быта, его трактовке истории Северо-Восточной Руси и Петровских преобразований.

Определяющей чертой в отношении Н.Л. Рубинштейна к научному наследию С.М. Соловьева стало стремление абсолютизировать особенное в его исторической концепции, выделить историка из государственной школы. В современной историографии А.Н. Шахановым было высказано достаточно аргументированное предположение, что Н.Л. Рубинштейн «в свое время намеренно отделил имя С.М. Соловьева от «скомпрометировавших» себя в борьбе против революционной демократии К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина». Тем самым, полагает А.Н. Шаханов, Н.Л. Рубинштейн «как бы получал индульгенцию на право углубленного изучения творчества своего предшественника, в пользу чего говорит тот факт, что в неопубликованном курсе лекций Н.Л. Рубинштейна 1937—1938 гг. в ИФЛИ анализ научного наследия всех трех ученых-государственников осуществлялся в рамках одной школы»²¹.

Предложенный в «Русской историографии» подход возвращает нас к позиции М.Н. Покровского начала 1920-х гг. «Правильная оценка исторического значения работ Соловьева требует как раз выяснения особенностей взглядов Соловьева, отделяющих его от государственной школы», — писал Н.Л. Рубинштейн. Его дальнейшая фраза — «Отождествление с последней [государственной школой. — Л.С.] только заслонило от последующих историков его наиболее прогрессивные и ценные стороны»²² — введена, полагаю, для извинения суждений наиболее рьяных марксистских критиков С.М. Соловьева. Попутно заметим, что в списке основной историографической литературы, который был предпослан Н.Л. Рубинштейном главе о С.М. Соловьеве, таковые статьи не присутствуют.

Конечно, в «Русской историографии» уже нет попыток открыть в историке «бессознательного» марксиста, чтобы актуализировать научный авторитет концепции русской истории С.М. Соловьева. Согласно Н.Л. Рубинштейну, «сила Соловьева была в том, что теория органического развития, историзм, все-таки брали в нем верх над условной схемой государственной теории»²³. «Произведения Соловьева сохраняют значение именно своим историзмом», — писал Н.Л. Рубинштейн, однако далее сделал ряд оговорок.

²¹ Шаханов А.Н. Становление ученого. С. 208.

²² Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 314.

²³ Там же. С. 342.

Раскрывая понятие историзма, Н.Л. Рубинштейн привел ссылку на «Философские тетради» В.И. Ленина. «Рассмотрение исторической действительности во всей ее конкретности, основанное на исключительном чувстве живой исторической действительности, “живая жизнь”», — процитировал он В.И. Ленина в заключительной части своей главы о С.М. Соловьеве и далее связал возможность «полного обоснования и раскрытия» историзма с «твердым основанием научной методологии исторического материализма»²⁴.

И все же историзм научного наследия С.М. Соловьева, пусть и «неполный», был оценен Н.Л. Рубинштейном чрезвычайно высоко. «В рамках буржуазной исторической науки Соловьев ближе всех подошел к его реализации на всем протяжении изученного им периода. В таких крупнейших исторических вопросах, как история возвышения Москвы, как утверждение самодержавия при Иване IV, как преобразовательная деятельность Петра I, — труд Соловьева является в известной мере последним словом буржуазной исторической науки»²⁵.

Историзм создателя многотомной «Истории России» Н.Л. Рубинштейн видел также во включении им в научный оборот огромного «научно проверенного исторического материала», который прочно вошел в научный обиход исследователей. Одновременно он выступил против одностороннего представления о С.М. Соловьеве как преимущественно фактологе. «... Нельзя же серьезно противопоставлять в Соловьеве историка-собиранителя историку-ученому»²⁶, — подвел итог Н.Л. Рубинштейн. Этот вывод исследователя, бесспорно справедливый по своей сути, как нельзя более соответствовал возникшему в советской исторической науке с конца 1930-х гг. интересу к эмпирической составляющей труда историка.

Научное наследие С.М. Соловьева стало неотъемлемой частью советской и постсоветской отечественной историографии. Очевидна правота Василия Осиповича Ключевского, который предрек ему долгую жизнь в исторической науке России: «Есть и будут десятки трудолюбивых исследователей русского прошедшего, которые останавливаются и будут останавливаться на том или другом факте дольше Соловьева, изучают и будут изучать то или другое явление подробнее, чем изучал он; но каждый из них, чтобы идти

---

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

прямо и твердо в своей работе, должен начинать с того, чем кончил Соловьев свою речь о том же, и он, как маяк, еще долго будет служить первым указателем пути даже для тех, кто далеко разойдется с ним в своих последних выводах»²⁷.

Литература

- Луначарский, А.В.* О преподавании истории в коммунистической школе. Лекция, прочитанная на сентябрьских Педагогических курсах в Петербурге, 1918 г. На правах рукописи. — Петербург : Издание Отдела подготовки учителей Комиссариата Народного Просвещения Союза Коммун Северной Области, 1918. — 20 с.
- Пионтковский, С.А.* Буржуазная историческая наука в России. — Москва : Молодая гвардия, 1931. — 102 с.
- Покровский, М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Коммунистическом университете имени тов. Зиновьева 3—7 мая 1923 г. — Петроград : Изд. «Прибой», 1923. — 137 с.
- Рубинштейн, Н.Л.* Русская историография. — Москва : ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. — 660 с.
- Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. под ред. М.Н. Покровского. — Т. 1. — Москва : Изд. Коммунистической академии, 1927. — 281 с.
- Сидоров, А.В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. — Москва : Университетский гуманитарный лицей, 1998. — 224 с.
- Соловьев, С.М.* Первые научные труды. Письма. — Москва : «Археографический центр», 1996. — 218 с.
- Соловьев, С.М.* Сочинения. В 18 кн. — Кн. XXIII. Заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве. — Москва : Мысль, 2000. — 414 с.

---

²⁷ *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев. Некролог // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XXIII. С. 290.

В.В. Левченко

Н. Л. Рубинштейн как исследователь исторических воззрений С.М. Соловьева

N.L. Rubinshtein as a researcher of historical views of S.M. Solovyov

Аннотация: В статье представлена история эволюции исследований Н.Л. Рубинштейна исторических воззрений С.М. Соловьева как представителя русской историографии.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, Н.Л. Рубинштейн, историческая наука, историография, исторические воззрения.

Annotation: The article presents the history of the evolution of N.L. Rubinstein's research on the historical views of S. Solovyov, the representative of Russian historiography.

Keywords: S.M. Solovyov, N. Rubinstein, Historical science, Historiography, Historical views.

Важное значение при проведении историографических исследований имеет изучение интеллектуального наследия историков прошлого. Исследование научного творчества крупнейших представителей исторической науки является академической аксиомой. Оно способствует повышению научного уровня современных исторических исследований. Познавая развитие истории исторической науки во всех ее особенностях, мы осуществляем попытку воссоздания определенных ментальных конструкций, методологии, техники и инструментария исторических исследований ученых-историков предыдущих поколений. При всестороннем анализе гносеологических и социальных основ их творчества выделяются разноплановые аспекты (рациональные и иррациональные, объективные и субъективные) творческой деятельности ученых, обогащая исследовательскую лабораторию историка наших дней.

Одной из наиболее знаковых фигур среди ученых-историков XIX в. является Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879). В процессе постижения и оценки исторических взглядов С.М. Соловьева в научной литературе можно выделить три условных периода: имперский¹,

¹ Герье В.И. С.М. Соловьев // Исторический вестник. 1880. № I. С. 74—111; Милоков П.Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль. 1886. Кн. VI. С. 80—92; Безобразов П.В. С.М. Соловьев. Его жизнь и научно-литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1894; Корсаков Д.А. Из воспоминаний о Н.И. Костомарове и С.М. Соловьеве // Вестник Европы. 1906. Вып. № 9. С. 221—272; Пресняков А.Е. С.М. Соловьев в его влиянии на развитие рус-

советский² и современный³. В первый период основные положения С.М. Соловьева в исторической науке были как высоко оценены, так и подвергались конструктивной и аргументированной критике. В советской научной литературе С.М. Соловьев преподносился исключительно в контексте доминирующей идеологии как представитель «буржуазной» исторической науки. Начало 1990-х гг. ознаменовалось переходом к новому в качественном отношении периоду исследования интеллектуального наследия С.М. Соловьева, когда на волне популяризации научного творчества российских историков имперского периода в ряде научных работ осуществлялась в достаточной степени детальная его реконструкция. Среди российских историков советской формации первым, кто основательно начал исследовать научное творчество С.М. Соловьева, был Н.Л. Рубинштейн⁴. Многолетнее обстоятельное изучение Н.Л. Рубинштейном исторических воззрений одного из корифеев исторической науки России заслуживает внимательного всестороннего исследования. Замысел данной статьи состоит в реконструкции эволюции взглядов Н.Л. Рубинштейна на исторические убеждения С.М. Соловьева, как представителя русской историографии XIX в.

Николай Леонидович (Лазаревич)⁵ Рубинштейн (1897—1963) — один из видных историков советской школы, сформировавшейся и

ской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: сб. ст. М.; Л., 1963. С. 76—86 и др.

- ² *Черепнин Л.В.* С.М. Соловьев, как историк // Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 5—20; *Сахаров А.М.* История России в трудах С.М. Соловьева // Вестник Московского государственного университета. Серия IX. История. 1971. № 3. С. 73—88; *Иллерицкий В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980.; *Волкова И.В.* «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.). М., 1984; *Черепнин Л.В.* С.М. Соловьев как историк // Отечественные историки XVIII—XIX вв.: сб. ст., выступлений, воспоминаний. М., 1984; *Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С.* Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследство // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 6—48; *Цимбаев Н.И.* Сергей Соловьев. М., 1990 и др.
- ³ *Кучурин В.В.* С.М. Соловьев: христианин и ученый. СПб., 2001; *Малинов А.В.* Философия русской истории С.М. Соловьева // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 20. СПб., 2009. С. 37—51; *Бутырская И.Г.* Соловьев С.М. и его вклад в развитие отечественной истории и культуры // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. № 15-2. 2016. С. 119—127 и др.
- ⁴ *Рубинштейн Н.Л.* Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая наука в классовом освещении. М., 1927. Т. 1. С. 51—119.
- ⁵ Изменение Н.Л. Рубинштейном отчества произошло, скорее всего, в первые месяцы после установления в Одессе советской власти. Это косвенно подтверждается имеющимися в нашем распоряжении двумя документами: об оплате подписки на лекции весеннего семестра 1918/19 учебного года на отделении всеобщей истории историко-филологического факультета Новороссийского университета,

существовавшей в СССР в 30-е — 60-е гг. XX века⁶. Его интеллектуальное наследие является знаковым при изучении советской историографии середины XX в.

В соответствии с инновационным подходом в современной исторической науке — исследование интеллектуального наследия ученого-историка через призму его принадлежности к определенной генерации⁷ — Н.Л. Рубинштейна относим к двум генерациям: «раннесоветской» (1917—1941) и «среднесоветской» (1941—1968). В свою очередь, «раннесоветскую» генерацию ученых-историков разделяем на две ветви — «адептов» и «конформистов». К первой ветви относим ученых, в частности и Н.Л. Рубинштейна, родившихся на рубеже XIX—XX вв. и являвшихся «ровесниками» акти-

---

где он значится как Николай Лазаревич Рубинштейн, и его «Личном делом» как архивариуса (с 1 августа 1920 г.) Одесского областного управления архивным делом, в котором он именуется Николаем Леонидовичем Рубинштейном.

⁶ О нем см.: *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн (1897—1963) // Ученые записки Горьковского государственного университета. Сер. историко-филологическая. Вып. 72. Т. 1. Горький, 1964. С. 415—471; *Цамутали А.Н.* Николай Леонидович Рубинштейн (1894—1963) // Историки России XVIII—XX веков. М., 1996. Вып. 3. С. 126—135; *Шмидт С.О.* Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 202—227; *Цамутали А.Н.* «У меня, как всегда, много работы». Несколько штрихов к облику Николая Леонидовича Рубинштейна // Страницы Российской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2001. С. 278—285; *Мандрик М.В.* Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. СПб., 2008. С. VII—СXXXIV; *Левченко В.В.* Рубинштейн Микола Леонідович // Одеські історики. Том 1 (початок XIX — середина XX ст.). Одеса, 2009. С. 328—332; *Левченко В.В.* Новые материалы одесского периода жизни историка Николая Леонидовича Рубинштейна // История и культура евреев Европы и Ближнего Востока: Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. А.Л. Львов, М.О. Мельцин. СПб., 2013. С. 120—123; *Левченко В.В.* Неизвестные страницы одесского периода жизни историка Николая Леонидовича Рубинштейна (1897—1963) // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Брянск, 2013. Вып. 15. С. 128—145 и др.

⁷ См.: *Левченко В.В.* Генерации историков в научном сообществе Одессы: терминология, периодизация, история // *Studia internationalia: Материалы V международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв.»* (1—3 июля 2016 г.). Брянск, 2016. С. 262—266; *Он же.* Интелектуальна біографія — ключова модель дослідження історії генерацій вчених-істориків Одеси // Українська біографістика = Biographistica Ukrainica: зб. наук. пр. Ін-ту біогр. дослідж. / редкол.: В. І. Попик (голов. ред.) та ін. К., 2016. Вип. 14. С. 157—176; *Он же.* «Пролетарсько-революційна» автобіографія — заповітська приналежність до «ранньорадянської» генерації вчених (на прикладі наукового співтовариства гуманітаріїв Одеси) // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». Вип. 29. Харків, 2019. С. 74—89; *Он же.* Генерации одесских ученых-историков (1920—1941 гг.): идентификация, состав, особенности // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 1. С. 133—145 и др.

визации революционной ситуации в Российской империи в начале XX в. Их первичная социализация зарождалась в условиях трех революций, формирование нравственных ценностей и жизненных приоритетов происходило в условиях революционного романтизма, рабоче-крестьянской идентификации и идейно-корпоративного патернализма. В период становления первого в мире социалистического государства они сознательно обслуживали потребности советской власти, лояльно относились к действующему политическому режиму, истинно верили в идеи марксизма-ленинизма, авторитет партии большевиков, ее вождей и их установки.

Также Н.Л. Рубинштейн принадлежал и к «конформистской» ветви «среднесоветской» генерации, первичная социализация которой происходила в первые послереволюционные годы в условиях становления советской системы. Основами формирования их ценностей являлись революционный романтизм, пролетарский интернационализм и советский патриотизм в рамках коллективной социалистической сознательности и партийно-государственного патернализма. Вторичная социализация представителей этой генерации состоялась в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период на фоне постепенного «угасания» сталинского тоталитарного режима и социально-политической либерализации во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. Представителей этой генерации можно отнести к эпохе «скоростного» «социально-гносеологического лифта», когда на протяжении двадцати лет они попеременно жили в условиях политических репрессий конца 1930-х — начала 1950-х гг. В последующее десятилетие они получили относительную свободу в творчестве и праве выбора тематики научных исследований, а начиная со второй половины 1960-х гг. снова ощутили притеснения и ограничения в выборе и осуществлении профессиональной деятельности.

В настоящее время имя Н.Л. Рубинштейна достаточно хорошо известно академическому сообществу на постсоветском пространстве. Однако, несмотря на предпринимаемые попытки изучения его научного творчества, приходится констатировать, что на сегодняшний день детально не исследована биография ученого-историка, а проводимые им изыскания в области исторической науки исследованы лишь фрагментарно⁸. Представленные же модели ин-

---

⁸ См.: Левченко В.В. Неизвестные страницы одесского периода жизни историка Николая Леонидовича Рубинштейна (1897—1963) // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Брянск, 2013. Вып. 15. С. 128—145.

терпретации в достаточной степени спорны и нуждаются в существенной корректировке и уточнениях.

В научной литературе интеллектуальное творчество Н.Л. Рубинштейна как исследователя исторических воззрений С.М. Соловьева было отмечено в ряде научных работ, однако его освещение носило довольно фрагментарный характер, затрагивая тот или иной аспект указанной проблематики⁹.

Н.Л. Рубинштейн является одним из советских историков, кто первым предпринял шаги к синтетическому изучению научных воззрений С.М. Соловьева как одного из крупнейших историков дореволюционной России. В имперский период его выдающийся вклад в развитие русской исторической мысли признавали ученые самых разных школ и направлений. С установлением советской власти и постепенным утверждением на протяжении 1920-х гг. марксистско-ленинской идеологии доминирующие позиции в исторической науке заняли историки-марксисты с экстремистско-нигилистическими подходами в исследовании историографического наследства. Их отношение к исторической и историографической концепциям С.М. Соловьева выработалось как к представителю «старой буржуазной науки». С этих позиций интеллектуальное наследие историка оценивалось двояко: С.М.Соловьев был и носителем «реакционной идеологии правящих классов», так и выразителем ряда прогрессивных тенденций.

Лидер советских историков и глава марксистской исторической школы в СССР в 1920-е гг. М.Н. Покровский подчеркивал превосходство теории С.М. Соловьева над схемой исторического развития, выдвинутой другим выдающимся историком XIX в. Б.Н. Чичериным: «...Теория Чичерина объясняет лишь внутреннюю историю, а теория Соловьева захватывает и внешнюю»¹⁰. Однако М.Н. Покровский не смог дать объективной оценки научным взглядам С.М. Соловьева, безапелляционно объявив его «представителем крупной буржуазии, собственнического лагеря»¹¹.

М.В. Нечкина, как одна из первых авторов среди историков-марксистов, давших общую оценку научному творчеству С.М. Соловьева в фарватере превалирующей идеологии, назвала

---

⁹ Волкова И.В. «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.): Дис... канд. ист. наук. М., 1984; Соловьева М.А. С.М. Соловьев как историк русской исторической мысли: Дис... канд. ист. наук. Ярославль, 1984; Бедретдинова Л.Н. Начальный период научной деятельности С.М. Соловьева: 40—50-е гг. XIX века: Дис... канд. ист. наук. М., 2006.

¹⁰ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. I. М.; Л., 1933. С. 61.

¹¹ Там же. С. 53—54.

его одним «из крупнейших буржуазных историков», у которого «... великодержавная схема отражала интересы блока русских помещиков и буржуазии перед лицом надвигавшейся крестьянской революции середины XIX в.». При этом она признавала заслуги ученого дореволюционной формации в открытии огромного количества новых исторических источников и замене изучения «...разрозненных фактов широким историческим обобщением»¹².

Помимо краткого освещения творческой биографии С.М. Соловьева, первую попытку максимально допустимого объективного обзора и анализа его интеллектуального наследия среди советских историков осуществил Н.Л. Рубинштейн в 1927 г. в статье, в которой рассмотрел его историографические суждения в контексте изучения полемики со славянофилами¹³.

В 1940 г. Н.Л. Рубинштейн сделал попытку первым среди советских историков выступить с комплексным анализом многоаспектного научного творчества С.М. Соловьева¹⁴. В юбилейной статье в рамках марксистско-ленинской методологии он достаточно полно раскрыл исторические и философские истоки взглядов историка, охарактеризовал его общественную идеологию как «буржуазного либерала»¹⁵, рассмотрев его теорию научного развития, в контексте которой ученый изучал и осмысливал фактологический материал.

Основной работой Н.Л. Рубинштейна, в которой были охарактеризованы главные аспекты исторических воззрений С.М. Соловьева, является фундаментальный труд «Русская историография»¹⁶. В нем на основе богатого и академически обработанного с точки зрения теоретических канонов марксизма-ленинизма материала по истории русской исторической мысли автор осуществил глубокое и всестороннее изучение интеллектуального наследия С.М. Соловьева¹⁷. Работа историка, как считал Н.Л. Рубинштейн, «своей настоящей научной оценки... до сих пор не получила»¹⁸.

¹² *Нечкина М.В.* Соловьев С.М. // Малая Советская энциклопедия. Т. 8. М., 1930. С. 177.

¹³ *Рубинштейн Н.Л.* Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая наука в классовом освещении. М., 1927. Т. 1. С. 51—119.

¹⁴ *Рубинштейн Н.Л.* Сергей Михайлович Соловьев // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 92—113.

¹⁵ *Волкова И.В.* «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.): Дис... канд. ист. наук. М., 1984. С. 8.

¹⁶ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.

¹⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Соловьев // *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография / Под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб., 2008. С. 356—390.

¹⁸ Там же. С. 357.

В «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейн воплотил в жизнь свою идею исследования и популяризации научного творчества С.М. Соловьева. Именно Н.Л. Рубинштейну принадлежит заслуга постановки вопроса о статусе С.М. Соловьева «как основоположника русской историографии в качестве самостоятельной научной дисциплины»¹⁹. Он довольно полно раскрыл философские и исторические истоки воззрений историка, назвав его выразителем настроений «буржуазии, идущей вверх под знаком борьбы за реформу»²⁰. Н.Л. Рубинштейн пришел к выводу, что «в таких крупнейших исторических вопросах, как история возвышения Москвы, как утверждение самодержавия при Иване IV, как преобразовательная деятельность Петра I, — труд Соловьева является в известной мере последним словом буржуазной исторической науки»²¹. Обоснованным являлся его вывод о том, что в рамках развития буржуазной исторической науки С.М. Соловьев ближе всех подошел к реализации принципа историзма²²: «Сила Соловьева была в том, что теория органического развития, историзм, все-таки брали в нем верх над условной схемой государственной теории»²³.

Н.Л. Рубинштейн показал в своей книге индивидуальное значение исторической и историографической концепции С.М. Соловьева в истории российской исторической мысли. Он представил ученого как одну из монументальных и значимых фигур российской исторической науки XIX в.

В 1945 г. в связи со 125-летием со дня рождения С.М. Соловьева Н.Л. Рубинштейн опубликовал юбилейную статью, посвященную трем знаменательным датам в жизни ученого²⁴. В ней он подробно рассмотрел концепцию русской исторической науки XVIII—XIX вв. и отношение С.М. Соловьева к западноевропейским философско-историческим школам. Н.Л. Рубинштейн охарактеризовал отношение С.М. Соловьева к западноевропейским историческим школам: симпатии к французской исторической школе Ф. Гизо и резкие выступления

¹⁹ Соловьева М.А. С.М. Соловьев как историк русской исторической мысли. С. 7; Бедретдинова Л.Н. Начальный период научной деятельности С.М. Соловьева: 40—50-е гг. XIX века. С. 10, 14.

²⁰ Волкова И.В. «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева. С. 8.

²¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография / Под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. С. 390.

²² Волкова И.В. «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева. С. 8.

²³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография / Под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. С. 390.

²⁴ Рубинштейн Н.Л. С.М. Соловьев и русская историческая наука // Вопросы истории. 1945. № 3—4. С. 57—71.

против фактографии немецкой исторической школы Л. Ранке, немецкой романтической историографии В. Рилиа и позитивизма Г. Бокля²⁵.

Важным моментом в этой статье было также указание Н.Л. Рубинштейна на связь общеисторической концепции С.М. Соловьева с его концепцией развития русской исторической мысли. Эту связь Н.Л. Рубинштейн видел в том, что и та и другая рассматривались историком с одних и тех же политических и теоретических позиций, что предопределило стремление ученого и в историографических статьях отстаивать свою концепцию русской истории, критикуя противоположные подходы²⁶.

Высказанные Н.Л. Рубинштейном положения в книге «Русская историография» и юбилейной статье 1945 г. были неоднозначно восприняты на совещаниях советских историков в ЦК ВКП (б) в мае-июне 1944 г.²⁷, а также в марте 1948 г. в связи с начавшейся идеологической кампанией борьбы с буржуазным объективизмом²⁸. На совещании историков в 1944 г. высказанное Н.Л. Рубинштейном одобрительное мнение относительно исторических принципов и роли С.М. Соловьева в русской исторической науке еще не попало в поле зрения партийного руководства. Его критиковали за то, что в книге «Русская историография» он стоит на стороне «клеветнических утверждений немецких историков о том, что немцы основали русскую историческую науку и играли в ней ведущую роль»²⁹. Высказанные партийным руководством порицания не отразились на профессиональной деятельности Н.Л. Рубинштейна и на ближайшие четыре года были забыты.

²⁵ Соловьева М.А. С.М. Соловьев как историк русской исторической мысли. С. 8.

²⁶ Рубинштейн Н.Л. С.М. Соловьев и русская историческая наука // Вопросы истории. 1945. № 3—4. С. 59.

²⁷ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б) (1944 г.) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188—205.

²⁸ Вотинов А. Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 126—135; Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки. 2004. Историографический вестник. М., 2005. С. 186—207; Соломаха Е.Н. Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе: Дис... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006; Корзун В.П., Колеватов Д.М. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. № 20. С. 24—62; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг./ под ред. В.П. Корзун. М., 2011. С. 323—372 и др.

²⁹ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б) (1944 г.) // Вопросы истории. № 1. 1991. С. 193.

Намного сложнее оказалась ситуация в 1948 г. Н.Л. Рубинштейна упрекали в том, что он не раскрыл и не показал теоретической концепции и политического лица С.М. Соловьева в соответствии с требованиями духа того времени. В оценке научных работ С.М. Соловьева критики Н.Л. Рубинштейна отмечали идеализацию, затушевывание антидемократических взглядов и в целом «неправильную оценку». По мнению критиков, особенно неправильно Н.Л. Рубинштейн оценил труды Н.И. Костомарова, не разоблачив его связей с «буржуазно-националистической школой Антоновича-Грушевского». В своих работах, вышедших уже после издания книги «Русская историография», Н.Л. Рубинштейн не проявил самокритичности и, исправляя отдельные недостатки, вовсе не подвергал критике своих принципиальных ошибок. В частности, в напечатанных в «Вопросах истории» и «Большой Советской энциклопедии» его статьях, посвященных С.М. Соловьеву, им недостаточно была подчеркнута буржуазная ограниченность взглядов последнего³⁰.

Обрушившаяся на Н.Л. Рубинштейна критика и возможные в дальнейшем разного рода политические репрессии вынудили ученого признать свои ошибки, что привело его к отказу от изучения вопросов историографии. Написанные Н.Л. Рубинштейном в последующие годы работы о С.М. Соловьеве, опубликованные в разных историографических изданиях³¹, в которых были учтены сделанные ему замечания, представляли собой шаг назад по сравнению с его работами первой половины 1940-х гг. В этих публикациях акценты в характеристике исторических воззрений С. М. Соловьева были смещены в сторону разъяснения ошибок и недочетов ученого. Признание отдельных заслуг С.М. Соловьева тонули в бесчисленном ряде оговорок. Как верно подметила И.В. Волкова, характерным примером этого являются формулировки, вынесенные в заголовок отдельных параграфов: «Черты буржуазного национализма в концепции Соловьева», «Искажение истории крестьянства и крестьянских войн». В общих выводах Н.Л. Рубинштейн делает упор на том, что С.М. Соловьев «не сумел полностью удержаться на позициях буржуазного историзма», не отразил в своем творчестве проблематику, выдвинутой в порядок дня ходом исторического развития России. Хотя главы о С.М. Соловьеве в данных трудах

³⁰ *Вотинов А.* Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 129—130.

³¹ *Рубинштейн Н.Л.* Развитие буржуазной историографии и труды С.М. Соловьева / Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1958. Т. I. С. 347—366.

принадлежат перу Н.Л. Рубинштейна, создается невольное впечатление, что на подобные акценты в них повлияли неумеренно критические установки авторского коллектива «Очерков» и редакторов учебника по историографии истории СССР до 1917 г.³²

В первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР» в главе, посвященной С.М. Соловьеву, Н.Л. Рубинштейн стремился более глубоко обосновать роль ученого в становлении русской историографии. Он подчеркнул аналитический подход С.М. Соловьева к историографическим явлениям в сравнении с трудами его предшественников, носившими описательный характер³³. Особо подчеркивалось, что для С.М. Соловьева исторический процесс представлялся единым и органичным. Такой общеисторический подход к русской истории, по мнению Н.Л. Рубинштейна, существенно отличает труды С.М. Соловьева от предшествовавших ему исторических работ. Таким образом, как отмечает М.А. Соловьева, Н.Л. Рубинштейн, проделав важную работу по изучению историографического наследия С.М. Соловьева, впервые связал появление его историографических работ, в том числе ранних, с завершением процесса становления историографии как самостоятельной научной дисциплины и наметил основные вехи изучения этой проблемы³⁴.

Подводя итоги историографического обзора, можно констатировать, что Н.Л. Рубинштейн внес большой вклад в изучение исторических воззрений С.М. Соловьева. В период 1920-х — 1940-х гг. Н.Л. Рубинштейн опубликовал серию научных работ, в которых проводил всестороннее изучение исторической и историографической концепций С.М. Соловьева, которым предоставил самостоятельное и важное место в истории русской исторической науки. Н.Л. Рубинштейн, изучая исторические воззрения С.М. Соловьева, очень высоко их оценивал, но в результате идеологического прессинга, оказанного на него в ходе кампании по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом, вынужден был изменить свои взгляды и даже отказаться от некоторых аспектов историографических исследований. Подчеркнем, что разносторонний анализ исторических воззрений С.М. Соловьева, предпринятый Н.Л. Рубинштейном, несмотря на доминирующее материалистическое понимание истории

---

³² Волкова И.В. «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева. С. 9.

³³ Рубинштейн Н.Л. Развитие буржуазной историографии и труды С.М. Соловьева. С. 350.

³⁴ Соловьева М.А. С.М. Соловьев как историк русской исторической мысли. С. 8—9.

как основы научного анализа теории и практики советской исторической науки, был успешным и обогатил советскую историографию.

Литература

- Бедретдинова, Л.Н.* Начальный период научной деятельности С.М. Соловьева: 40—50-е гг. XIX века: Дис... канд. ист. наук. — М., 2006. — 168 л.
- Безобразов, П.В.* С.М. Соловьев. Его жизнь и научно-литературная деятельность. Биографический очерк. — Санкт-Петербург: тип. Е. Евдокимова, 1894. — 80 с.
- Бутырская, И.Г.* Соловьев С.М. и его вклад в развитие отечественной истории и культуры // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире.* — № 15-2. 2016. — С. 119—127.
- Волкова, И.В.* «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.): Дис... канд. ист. наук. — М., 1984. — 197 л.
- Вотинов, А.* Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // *Вопросы истории.* 1948. — № 6. — С. 126—135.
- Герье, В.И.* С.М. Соловьев // *Исторический вестник.* 1880. — № 1. — С. 74—111.
- Дмитриев, С.С.* К истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн (1897—1963) // *Ученые записки Горьковского государственного университета. Сер. историко-филологическая.* Вып. 72. — Т. 1. — Горький: [б. и.], 1964. — С. 415—471.
- Иллерицкий, В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. — Москва: Наука, 1980. — 193 с.
- Ковальченко, И.Д., Дмитриев, С.С.* Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследие // *Соловьев С.М. Сочинения.* — Кн. 1. — М., 1988. — С. 6—48.
- Корсаков, Д.А.* Из воспоминаний о Н.И. Костомарове и С.М. Соловьеве // *Вестник Европы.* 1906. — Вып. № 9. — С. 221—272.
- Корзун, В.П., Колеватов, Д.М.* «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* 2007. — № 20. — С. 24—62.
- Корзун, В.П., Колеватов, Д.М.* Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна: меняющийся образ науки // *Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг.* / под ред. В.П. Корзун. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. — С. 323—372.
- Кучурин, В.В.* С.М. Соловьев: христианин и ученый. — Санкт-Петербург: ООО «Петрополис», 2001. — 116 с.
- Левченко, В.В.* Рубинштейн Никола Леонідович // *Одеські історики.* Том 1 (початок XIX — середина XX ст.). — Одеса, 2009. — С. 328—332.
- Левченко, В.В.* Новые материалы одесского периода жизни историка Николая Леонидовича Рубинштейна // *История и культура евреев Европы и Ближнего Востока: Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. А.Л. Львов, М.О. Мельцин.* — Санкт-Петербург: Петербургский ин-т иудаики, 2013. — С. 120—123.
- Левченко, В.В.* Неизвестные страницы одесского периода жизни историка Николая Леонидовича Рубинштейна (1897—1963) // *Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов.* — Брянск: Изд-во БГПУ, 2013. — Вып. 15. — С. 128—145.
- Левченко, В.В.* Генерации историков в научном сообществе Одессы: терминология, периодизация, история // *Studia internationalia: Материалы V международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв.» (1—3 июля 2016 г.).* — Брянск: БГУ им. акад. И. Г. Петровского, 2016. — С. 262—266.

- Левченко, В.В.* Генерации одесских ученых-историков (1920—1941 гг.): идентификация, состав, особенности // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2020. — Т. 162, кн. 1. — С. 133—145.
- Малинов, А.В.* Философия русской истории С.М. Соловьева // Вече. Журнал русской философии и культуры. — Вып. 20. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. — С. 37—51.
- Мандрик, М.В.* Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н. Л. Русская историография. — СПб., 2008. — С. VII—СXXXIV.
- Милюков, П.Н.* Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль. 1886. — Кн. VI. — С. 80—92.
- Нечкина, М.В.* Соловьев С.М. // Малая Советская энциклопедия. — Т. 8. — М., 1930. — С. 177.
- Покровский, М.Н.* Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические заметки и статьи). — Вып. 1. — Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1933. — 329 с.
- Пресняков, А.Е.* С.М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: сб. ст. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1963. — С. 76—86.
- Рубинштейн, Н.Л.* Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая наука в классовом освещении. — Москва : б. и., 1927. — Т. 1. — С. 51—118.
- Рубинштейн, Н.Л.* Сергей Михайлович Соловьев // Историк-марксист. 1940. — № 3. — С. 92—113.
- Рубинштейн, Н.Л.* Русская историография. — Москва : Госполитиздат, 1941. — 660 с.
- Рубинштейн, Н.Л.* С.М. Соловьев и русская историческая наука // Вопросы истории. 1945. — № 3—4. — С. 57—71.
- Рубинштейн, Н.Л.* Развитие буржуазной историографии и труды С.М. Соловьева / Очерки истории исторической науки в СССР. — Москва : Изд-во Акад. Наук СССР, 1958. — Т. I. — С. 347—366.
- Рубинштейн, Н.Л.* Соловьев // *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография / Под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, М.В. Мандрик. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. — С. 356—390.
- Сахаров, А.М.* История России в трудах С.М. Соловьева // Вестник Московского государственного университета. Серия IX. История. 1971. — № 3. — С. 73—88.
- Соловьева, М.А.* С. М. Соловьев как историк русской исторической мысли: Дис... канд. ист. наук. — Ярославль, 1984. — 204 л.
- Соломаха, Е.Н.* Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе: Дис... канд. ист. наук. — Нижний Новгород, 2006. — 241 л.
- Цамутали, А.Н.* Николай Леонидович Рубинштейн (1894—1963) // Историки России XVIII—XX веков. — Москва : [б. и.], 1996. — Вып. 3. — С. 126—135.
- Цамутали, А.Н.* «У меня, как всегда, много работы». Несколько штрихов к облику Николая Леонидовича Рубинштейна // Страницы Российской истории. Проблемы, события, люди. — СПб., 2001. — С. 278—285.
- Цимбаев, Н.И.* Сергей Соловьев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 366 с.
- Черепнин, Л.В.* С.М. Соловьев, как историк // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. 1. — Москва : Соцэкгиз, 1959. — С. 5—20.
- Черепнин, Л.В.* С.М. Соловьев как историк // Отечественные историки XVIII—XIX вв.: сб. ст., выступления, воспоминаний. — Москва : Наука, 1984. — С. 9—44.
- Шаханов, А.Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки. 2004. Историографический вестник. — М., 2005. — С. 186—207.
- Шмидт, С.О.* Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. — Москва : Наука, 1999. — С. 202—227.

В.В. Тихонов

«Труды С.М. Соловьева... принадлежат к числу того наследия дореволюционной исторической науки, которым по праву гордятся советские историки»:

К истории издания трудов
С.М. Соловьева в СССР в 1950–60-е гг.

“The works of S.M. Solovyov ... belong to the heritage of pre-revolutionary historical science, which Soviet historians are justly proud of”: On the history of publishing the works of S.M. Solovyov in the USSR in the 1950s and 60s.

Аннотация: В статье на основе документов Российского государственного архива новейшей истории реконструируется процесс согласования между научным сообществом и контролирующими органами издания научного наследия С.М. Соловьева. Демонстрируется, что во второй половине 1950-х — начале 60-х гг., благодаря критике и переосмыслению «сталинистской» исторической концепции, возникла ситуация историографической «неопределенности», в которой стала возможной частичная актуализация дореволюционного историографического наследия.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, советская историческая наука, археография историографии.

Annotation: Based on the documents of the Russian state archive of modern history, the article reconstructs the process of coordination between the scientific community and the regulatory authorities of publishing the scientific heritage of S.M. Solovyov. It is shown that in the second half of the 1950s and early 60s, due to the criticism and reinterpretation of the “Stalinist” historical concept, a situation of historiographical “uncertainty” arose, in which a partial actualization of the pre-revolutionary historiographical heritage became possible.

Keywords: S.M. Solovyov, Soviet historical science, Archeography of historiography.

Издание в Советском Союзе классиков дореволюционной исторической науки внимательно контролировалось. Исторические концепции и нарративы, предлагавшиеся в этих книгах, часто вступали в непримиримое противоречие с советской официальной концепцией истории. Другое дело, что сама официальная концепция не оставалась неизменной, и в этой связи оценка наследия дорево-

люционной историографии могла меняться. Так, первая заметная реабилитация дореволюционной историографии была связана с критикой «школы М.Н. Покровского» и возвратом к классическому национализированному нарративу в историографии во второй половине 1930-х гг. На этой волне в середине 30-х гг. даже были переизданы учебные курсы В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова.

Известно, что во второй половине 1930-х гг. существовали планы по изданию и «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Сохранилось предисловие С.В. Бахрушина к 3—4 томам, которое А.М. Дубровский датирует 1937 г.¹ Тем не менее, публикация трудов С.М. Соловьева так и не состоялась. Причины этого еще ждут своего исследователя.

Вообще стоит отметить, что на протяжении 1920—40-х гг. на публикацию наследия историка было наложено своеобразное табу. Не было опубликовано ни одного текста, только в 1956 г. в сборнике «Московский университет в воспоминаниях современников» вышли отрывки из его «Воспоминаний»². Не обязательно это «умолчание» было обусловлено только идеологической неприемлемостью трудов С.М. Соловьева. Скорее всего существовала комбинация причин, причем меняющаяся со временем.

Первое послевоенное десятилетие ознаменовалось повышенным вниманием к истории отечественной науки. Это явление было обусловлено идеологическими причинами. В первую очередь — стремлением обосновать исторический приоритет и, тем самым, доказать преимущества советской науки. Одновременно разворачивалась критика «буржуазного объективизма», а затем и «безродного космополитизма», главными мишенями которой в науке являлись идеологически чуждые ученые. Серьезный удар был нанесен и по дореволюционной историографии, признанной «объективистской». Несмотря на сложность и противоречивость периода, именно в это время можно было наблюдать запуск целой серии проектов по изданию наследия отечественной науки, в том числе и исторической³.

¹ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 90; Дубровский А.М., Колесников П.А. С.В. Бахрушин. Предисловие к 3—4 томам «Истории России» С.М. Соловьева // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Сборник статей и материалов / под редакцией А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 109—150.

² Соловьев С.М. Персональный указатель литературы / Сост. К.С. Куйбышева, М.Г. Степанова. М., 1984. С. 33—63.

³ См.: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М. : СПб., 2016. Глава 10.

Наступление оттепели серьезно изменило обстановку. Ослабление идеологического контроля, а затем и критика «сталинистской» исторической концепции вновь создало ситуацию неопределенности, поисков новых концептуальных ориентиров, когда стало возможным хотя бы частично обратиться к классическому наследию дореволюционной историографии. Не случайно, что именно на вторую половину 1950-х — начало 60-х гг. приходится серия издания классиков русской исторической мысли.

Больше всего повезло, пожалуй, наследию В.О. Ключевского. Его «Курс русской истории» переиздавался в середине 1930-х гг., а в 1956—1959 гг. вышло 8-томное собрание сочинений. Во многом это было обусловлено не только тем, что труды Ключевского казались более приемлемыми с методологической точки зрения, но и лоббированием его учеников, игравших заметную роль в советской исторической науке 1930—40-х гг. Публикация трудов Ключевского стала важным прецедентом, на который можно было ссылаться при издании других дореволюционных историков.

Следующей на очереди оказалась фундаментальная «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева. В обобщающих «Очерках по истории исторической науки в СССР» Н.Л. Рубинштейн подчеркивал «буржуазную ограниченность» трудов историка, хотя и признавал, что «в буржуазной исторической науке Соловьев, может быть, ближе всех подошел к реализации принципов историзма в стремлении раскрыть историческую действительность в ее конкретности и взаимообусловленности, насколько это могло быть осуществлено в рамках идеалистической концепции»⁴. Автор акцентировал внимание на том, что С.М. Соловьев враждебно относился к народным движениям: «Как буржуазный историк, он не мог раскрыть действительную роль народных масс в истории и враждебно относился к классовой борьбе трудящихся масс»⁵. Впрочем, стоит отметить, что во многом первый том отражал дух второй половины 1940-х — начала 50-х гг. и устарел уже на выходе⁶.

Несмотря на это, уже в 1955 г. можно было услышать призывы к изданию наследия С.М. Соловьева. Один из них прозвучал не от кого-нибудь, а от директора Института истории АН СССР А.Л. Сидорова. На итоговом заседании Ученого совета 3 января

---

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 365.

⁵ Там же.

⁶ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 1. С. 162.

1955 г. он призвал, помимо прочего, начать переиздание классической историографии — В.Н. Татищева и С.М. Соловьева⁷.

Но последнее слово оставалось за контролирующими органами. В частности, за Отделом науки, школ и вузов ЦК КПСС. Согласно документам Отдела, процесс инициировало письмо некоего Ардикуца в газету «Правду», в котором тот недоумевал, почему труды С.М. Соловьева не издаются⁸. Таким образом, получалась классическая схема: инициатива представителя простого народа приводила к цепной реакции, в которую включались ключевые партийные и научные институции. Из редакции был отправлен запрос в Комиссию по истории исторической науки. В ответном письме (датировано 1 декабря 1956 г.) за подписью М.В. Нечкиной сообщалось, что Комиссия провела специальное заседание 30 ноября 1956 г. и единодушно поддержало идею издания трудов С.М. Соловьева.

В начале 1957 г. с инициативой об издании собрания сочинений С.М. Соловьева выступил Институт истории АН СССР. В подготовленной для Отдела записке, подписанной и.о. директора Л.С. Гапоненко и заведующим сектором истории СССР периода капитализма Л.М. Ивановым, указывалось: «Труды одного из самых выдающихся историков России С.М. Соловьева... принадлежат к числу того наследия дореволюционной исторической науки, которым по праву гордятся советские историки»⁹. То есть в самом начале прописывается континуитет между наследием историка и советской историографией. В дальнейшем в оценке наследия С.М. Соловьева используются исключительно комплиментарные эпитеты: «монументальная», «энциклопедия фактических сведений», «основана на громадной архивной базе», «до сих пор используется исследователями» (о многотомной «Истории России»).

В записке Соловьев представлен как противоположность Н.М. Карамзину, представлявшему «реакционно-дворянскую концепцию». Здесь же прослеживается и попытка дистанцировать его от историков «государственной школы», с которой он прочно ассоциировался. Указывалось, что «он сумел отметить... значение ряда географических и экономических моментов в истории России, в частности, показав роль народных масс в процессе колонизации страны»¹⁰. При этом деликатно опускалось традиционное обвине-

⁷ Архив Российской Академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 348. Л. 41.

⁸ Само письмо в деле не обнаружено.

⁹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 55. Л. 21.

¹⁰ Там же.

ние историка в «идеалистическом взгляде» на развитие общества. Утверждалось, что С.М. Соловьев был первым историографом русской исторической науки. И, как итог: «Труды С.М. Соловьева оказали огромное влияние на последующее развитие русской исторической науки, а их огромный фактический материал во многом не устарел и до настоящего времени»¹¹. Стоит отметить, что аргументация письма была прямо противоположна утверждениям, зафиксированным в «Очерках по истории исторической науки». Концептуально все ставилось с ног на голову, а С.М. Соловьев предстал как прогрессивный историк, который даже признавал значение народных масс.

В записке предлагалось издать 18 томов, в которые бы вошли «История России с древнейших времен», все монографии, «Публичные чтения о Петре Великом», ряд историографических статей. Кроме того, предлагалось издать автобиографические записки и избранные письма. Издание должно было сопровождаться научно-справочным аппаратом. Издавать планировалось в Госполитиздате.

Помимо записки от дирекции Института истории поступило письмо от 27 февраля 1957 г. академика-секретаря Отделения истории АН СССР М.Н. Тихомирова, в котором подчеркивалось, что труды С.М. Соловьева «до сих пор не потеряли своего значения», а «История России» «до сих пор является необходимой книгой для каждого историка»¹².

На основании поступивших материалов в Отделе науки, школ и вузов было подготовлено заключение, в котором одобрялось переиздание наследия С.М. Соловьева. Госполитиздат соглашался с предложением. Издание предполагалось сделать подписным¹³. Таким образом, изданию был дан зеленый свет.

Ответственным редактором издания стал Л.В. Черепнин. Отчасти этому поспособствовало не только реноме ученого как хорошего знатока наследия С.М. Соловьева, но и его вступление в 1957 г. партию¹⁴, позволявшее получить для бывшего политзаключенного статус идеологически проверенного историка. Важна была и смена общей оценки наследия С.М. Соловьева. В предисловии, подготовленном Л.В. Черепниным, уже отсутствовали резкие оценки, свойственные

---

¹¹ Там же. Л. 22.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 28.

¹⁴ *Зимин А.А.* Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 176.

«Очеркам истории исторической науки». Тем не менее, подчеркивалась «чуждость» методологии С.М. Соловьева советскому читателю¹⁵.

Несмотря на большие планы по публикации собрания трудов С.М. Соловьева, в том числе и его неизданных сочинений, издание было урезано до переиздания «Истории России с древнейших времен». Всего было издано 15 книг, включавших 29 томов монументальной «Истории». Над подготовкой текста и комментариев работали известные специалисты: В.Т. Пашуто, А.М. Сахаров, В.И. Корецкий, Ю.А. Тихонов, С.М. Троицкий, М.А. Рахматуллин, С.М. Каштанов, И.А. Булыгин.

В дальнейшем видный специалист по историографии В.Е. Иллерицкий обоснованно критиковал комментарии в издании за излишний «критицизм» к трудам С.М. Соловьева, построенный на сравнении тех или иных выводов историка с установками советской историографии. В.Е. Иллерицкий справедливо видел в этом нарушение принципа историзма¹⁶. Стоит отметить, что в дальнейшем продолживший заниматься творчеством С.М. Соловьева А.М. Сахаров значительно тоньше и точнее подходил к определению места историка в развитии исторической науки¹⁷.

Таким образом, издание «Истории России с древнейших времен» можно рассматривать как своеобразное «дитя своего времени». Высокий археографический уровень подготовки текста сочетался с классово-методологической критикой «историка-идеалиста». Впрочем, следует понимать, что еще десятилетие до этого издание наследия С.М. Соловьева было вообще немыслимо. Однозначно, опыт издания «Истории России» в конце 1950-х — начале 60-х гг. был учтен при подготовке академического издания сочинений С.М. Соловьева, последовавшего в конце 1980-х — начале 90-х гг.

Литература

Дубровский, А.М. С.В. Бахрушин и его время. — Москва : Изд. РУДН, 1992. — 165 с.

Дубровский, А.М., Колесников, П.А. С.В. Бахрушин «Предисловие к 3—4 томам «Истории России» С.М. Соловьева» // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Сборник статей и материалов. / под ред. А.М. Дубровского. — Брянск : Историческое сознание, 2019. — С. 109—150.

¹⁵ *Черепнин Л.В.* С.М. Соловьев как историк // *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. I. Т. 1—2. С. 5—51.

¹⁶ *Иллерицкий В.Е.* Советские историки о С.М. Соловьеве // Вопросы истории. 1981. С. 124—130.

¹⁷ *Иллерицкий В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 16.

- Зимин, А.А.* Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. — Москва : Аквариус, 2015. — С. 35—385.
- Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. — № 1. — С. 158—172.
- Иллерицкий, В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. — Москва : Наука, 1980. — 192 с.
- Иллерицкий, В.Е.* Советские историки о С.М. Соловьеве // Вопросы истории. 1981. — С. 124—130.
- Очерки истории исторической науки в СССР. — Т. 1. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. — 692 с.
- Соловьев, С.М.* Персональный указатель литературы / Сост. К.С. Куйбышева, М.Г. Степанова. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 200 с.
- Тихонов, В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-история, 2016. — 424 с.
- Черепнин, Л.В.* С.М. Соловьев как историк // Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Москва : Соцэкгиз, 1959. — Кн. I. — Т. 1—2. — С. 5—51.

М.А. Виноградов

Выставка в школьном музее к 200-летию со дня рождения С.М. Соловьева

Exhibition in the school museum for the 200th anniversary of the birth of S.M. Solovyov

Аннотация: В статье представлен опыт организации тематической выставки школьного музея, посвященной 200-летию со дня рождения выдающегося историка С.М. Соловьева. В центре внимания исследования — музейные экспонаты, привлекаемые для выставочного проекта. Значительное внимание уделено круглому столу с участием старшеклассников, детально рассмотревших экспонаты выставки.

Ключевые слова: школьный музей, тематические выставки, отечественная история, исторические источники, С.М. Соловьев.

Annotation: The article presents the experience of organizing a thematic exhibition of the school museum dedicated to the 200th anniversary of the birth of the outstanding historian S.M. Solovyov. The research focuses on museum exhibits that are attracted to the exhibition project. Considerable attention is paid to the round table with the participation of high school students who reviewed the exhibits in detail.

Keywords: School museum; Thematic exhibitions; National history; Historical sources; S.M. Solovyov.

Как известно, столетняя годовщина со дня рождения С.М. Соловьева (1820—1879), пришедшаяся на годы Гражданской войны в России, была отмечена очень скромно. О юбилее корифея отечественной исторической науки почти не вспомнили и в 1970 г. Напротив, отмечающееся сегодня научной общественностью 200-летие со дня рождения С.М. Соловьева вызвало интерес не только в среде историков-профессионалов, но и у школьной аудитории.

Имя выдающегося историка Сергея Михайловича Соловьева периодически упоминается в программе средней школы. Его высказывания присутствуют в методическом аппарате к параграфам и предлагаются ученикам старших классов для анализа на олимпиадах. Соловьев известен школьникам как автор фундаментального труда «История России с древнейших времен» в 29 томах, а также как учитель будущего императора Александра III. Вместе с тем, имя С.М. Соловьева хоть и встречается на страницах школьных

учебников, но целостного образа жизни и деятельности выдающегося отечественного историка не создается.

За десятилетие активной выставочной деятельности музея школы № 1797 «Богородская» обозначился ряд магистральных направлений: жизнь и деятельность знаменитых героев прошлого, центральные исторические события, возникновение и развитие нашей школы. Персональных выставок, посвященных выдающимся исследователям прошлого, до 2020 г. наш музей не организовывал. Возможность проведения выставки к 200-летию со дня рождения С.М. Соловьева положила начало этому направлению в экспозиционной деятельности школьного музея, расширив его образовательный потенциал.

Центральным экспонатом мемориальной выставки стал 18-й том «Истории России с древнейших времен», изданный в 1868 г. в московской Университетской типографии¹. Большая часть данного тома посвящена закату петровской эпохи, меньшая — началу эпохи дворцовых переворотов. Прижизненное издание главного труда великого историка удачно дополняют биографические очерки, вышедшие в ближайшее время после его смерти. В «Исторической записке о деятельности Императорского Московского Археологического общества за первые 25 лет существования» (1890 г.) был опубликован некролог С.М. Соловьева с указанием основных заслуг покойного историка². Содержательный очерк о жизни и деятельности ученого был опубликован в 30а (60) томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1900 г.)³.

В центре экспозиции, состоящей из трех дореволюционных изданий, можно было видеть большой современный портрет Сергея Михайловича, выполненный по фото конца 1870-х гг. Рядом с ним — портреты Александра II и его наследника Александра Александровича (будущего Александра III), при которых расцвел исследовательский и педагогический талант великого историка. Оба монарших портрета были опубликованы во французской книге 1877 г., посвященной русско-турецкой войне⁴.

Образовательная программа к выставке состояла из экскурсий и круглого стола. Экскурсионная программа была рассчитана на

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 18. М., 1868.

² Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 215—219.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXa (60). СПб., 1900. С. 798—803.

⁴ Russeset Turcs: la guerre d'Orient. Paris, 1877. P. 201, 441.

учеников 4—11 классов (с учетом возрастных особенностей аудитории). Круглый стол прошел с участием учеников 11-х классов, выступивших в дистанционном формате с использованием возможностей платформы Zoom. Обучающиеся в профильной группе докладчики уделили особое внимание биографии ученого, ориентируясь на посвященное С.М. Соловьеву исследование Н.И. Цимбаева⁵.

Старшеклассники детально рассмотрели экспонаты выставки. При исследовании издания 1868 г. М. Корж затронул следующие вопросы: структура и особенности основного текста, содержание и значение приложений, деятельность Университетской типографии в Москве, печать библиотеки попечителя совета Симферопольской женской гимназии. Монументальный труд С.М. Соловьева был проанализирован в контексте с предшествующим сочинением Н.М. Карамзина и последующими лекциями В.О. Ключевского. Ориентируясь на знаменитое сочинение Н.М. Карамзина, С.М. Соловьев значительно дополнил и реструктурировал материал, предложил собственный авторский взгляд на исторический путь России и реализовал новую модель общения с читателями, отводя им роль полноценных участников повествования о событиях прошлого. Старшеклассникам были предложены три народные версии, оспаривающие права Екатерины I на престол: иноземка, женщина, внучка Петра. Последний аргумент, прокомментированный в 18 томе сочинения Соловьева, вызвал у старшеклассников наибольшую трудность. Ответ на «загадку» первой четверти XVIII в. заключается в крещении будущей императрицы: ее крестным отцом стал царевич Алексей Петрович, а люди того времени уравнивали духовное и плотское родство. Повествование Соловьева, основанное на широком владении архивным материалом, реконструирует не только исторические события, но и менталитет человека разных эпох.

Младший современник С.М. Соловьева В.О. Ключевский отмечал: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли. В истории нашей науки и литературы немного жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьева»⁶. Отдельные сообщения были посвящены двум биографическим очеркам, также представленным

⁵ Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990.

⁶ Цит. по: Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 363.

в экспозиции. Выступления Д. Туляковой и А. Харьковской позволили представить заслуги С.М. Соловьева, отмеченные его современниками. Среди уникальных фактов из биографии великого ученого было выделено прочтение им в детстве сочинения Карамзина не менее 12 раз⁷. Было указано и на значительное сопротивление общественности планам Соловьева предложить собственный взгляд на историю России: авторитет Карамзина и в середине XIX в. казался многим непререкаемым⁸. Несмотря на противодействие, труд Соловьева обессмертил его имя в науке. «История России», по мнению В.И. Герье (1837—1919), есть «национальная история: впервые исторический материал, необходимый для такого труда, был собран и исследован с надлежащей полнотою, с соблюдением строго научных приемов, применительно к требованиям современного исторического знания: источник всегда на первом плане, трезвая правда и объективная истина одни руководят пером автора»⁹. Научная работа Соловьева стала отправной точкой для изучения важнейших тем: периодизация истории России, влияние природных условий на историческое развитие русского народа, характер русской колонизации и ее направления, особенности новгородского строя, характер Ивана Грозного и политический смысл его борьбы с боярством, предпосылки преобразований Петра I и Екатерины II¹⁰.

Активная гражданская позиция Сергея Михайловича и его преданность университетской жизни были продемонстрированы на примере двух его отставок в 1860—1870-е годы¹¹. Эти драмы в общественной жизни выдающегося ученого и организатора науки, видимо, повлияли на его ранний уход из жизни в возрасте 59 лет¹². Б.Н. Чичерин (1828—1904) писал о С.М. Соловьеве: «Я с ним простился и более его не видал, но сохранил о нем память, как об одной из самых светлых и почтенных личностей, каких мне доводи-

⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С. 798; *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 21.

⁸ Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. С. 217; *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 211.

⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С. 801.

¹⁰ Там же. С. 802.

¹¹ Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. С. 218—219; *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 309—311, 336—337.

¹² Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. С. 219; *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 337—339.

лось встретить. Он совершил то, к чему был призван, извлек из себя на пользу России все, что мог ей дать. Это была жизнь, посвященная мысли, труду, любимому им университету, в котором многие поколения получили от него благие семена; жизнь чистая, полная и ясная, окруженная семейным счастьем, преданностью друзей и общим уважением. Россия может им гордиться»¹³.

Наконец, в сообщениях Е. Гончарова и М. Фокина были обстоятельно рассмотрены портреты императора Александра II и наследника Александра Александровича (будущего Александра III), опубликованные во французском издании о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. при жизни историка. Одна из главных проблем этих сообщений заключалась в атрибуции наград. Несомненный интерес обучающихся был вызван акцентированием внимания на иностранных наградах. Орден Черного орла — высшая награда Пруссии — украшает портрет Александра II. Датский орден Данеброг — композиционный центр знаков отличия наследника престола. Таким образом, участники круглого стола обратили особое внимание на внешнеполитический курс и династические связи России в XIX в., выйдя за рамки вопросов, запланированных для обсуждения. Тем не менее, была затронута тема отношений великого историка с представителями императорской семьи. Была обозначена их противоречивость. С.М. Соловьев мог критиковать политический курс Александра II, но по велению императора он стал учителем наследников престола Николая и Александра. Оказав несомненное влияние на формирование личности Александра III, Соловьев с академическим преподаванием истории испытывал конкуренцию с романами о прошлом.

Круглый стол, посвященный изучению жизни и деятельности С.М. Соловьева, вышел за определенные изначально рамки. Помимо имени великого отечественного историка, докладчики в своих выступлениях и комментариях представили целую плеяду выдающихся деятелей второй половины XIX в.: М.П. Погодин (1800—1875), Т.Н. Грановский (1813—1855), М.Н. Катков (1818—1887), К.П. Победоносцев (1827—1907), А.С. Уваров (1824—1884), В.О. Ключевский (1841—1911).

Материалы выставки и аннотация к ней были размещены на странице музея школы на официальном сайте образовательной организации.

---

¹³ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 338.

Выставка в школьном музее и образовательная программа к ней позволили обучающимся детально изучить и проанализировать творчество корифея отечественной исторической науки, которое актуально в наши дни. Позитивный опыт в области представления истории исторической науки позволил запланировать на осень 2020 г. следующий выставочный проект с образовательной программой, посвященный 200-летию со дня рождения «отца-основателя» Исторического музея И.Е. Забелина (1820—1908).

Литература

- Russes et Turcs: la guerre d'Orient. — Paris : Librairie de la Société anonyme de publications périodiques, 1877—1878. — Vol. 1—2. — 1152 p.
- Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. — Москва : Синодальная типография, 1890. — 305 с.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. — Т. 18. — Москва : Университетская типография, 1868. — 362 с.
- Цимбаев, Н.И.* Сергей Соловьев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 366[2] с., ил.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Т. XXXa (60). — Санкт-Петербург : Типография акционерного общества «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. — 960 с.

Время С.М. Соловьева:
люди, события,
проблемы

Д.Г. Дитяткин

Проблема генезиса древнерусской государственности в отечественной историографии середины – второй половины XIX в.

The problem of genesis of old Russian statehood in Russian historiography of the mid – second half of the 19th century

Аннотация: В статье представлена историография проблемы возникновения Древнерусского государства в отечественной исторической науке второй половины XIX в., рассмотренная сквозь призму дискуссии по «варяжскому вопросу». Этот период ознаменовался не только новым обострением полемики, но и новым взглядом на роль и значения варяжского фактора в становлении государственности.

Ключевые слова: историография, древнерусская государственность, «варяжский вопрос».

Annotation: the article presents the historiography of the problem of the emergence of the old Russian state in the national historical science of the second half of the XIX century, considered through the prism of the discussion on the “Varangian question”. This period was marked not only by a new aggravation of polemics, but also by a new view of the role and significance of the Varangian factor in the formation of statehood.

Keywords: Historiography, Ancient Russian statehood, “The Varangian question”.

Проблема образования Древнерусского государства лежит в основании русской истории древнейшего периода, что всегда предопределяло к ней пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Для европейской науки XVIII столетия история народа начиналась собственно тогда, когда он становился на путь государственного строительства, а само государство рассматривалось как единственное основание и условие общественного благоденствия. Для русской истории такой отправной точкой было принято рассматривать призвание Рюрика и варяжской руси, отразившееся в ПВЛ. Вместе с тем это летописное сообщение послужило причиной разгоревшейся дискуссии, которая продолжается без малого уже более двух столетий. «Эти загадочные варяги-русь, — писал Ф. Фортинский, — дали нам князей, воевод, дружинников; в продолжение двух с лишком столетий они принимали деятельное участие в

торговых и военных предприятиях наших предков и, следовательно, должны были оказать влияние на все государственное и общественное развитие восточных славян», исследователь указывал, что «то или другое решение его может повести к изменению взгляда на всю древнюю Русь»¹. Национальная принадлежность Рюрика и варягов-русов, их роль в становлении восточнославянского государства, происхождение имени «русь» разделили исследователей на два лагеря, которых в историографии традиционно принято разделять на «норманистов» и «антинорманистов».

Здесь необходимо сразу оговориться о смысловой нагрузке этих понятий. Автору настоящих строк неоднократно приходилось слышать, что никакого «норманизма» в науке никогда не существовало. Это просто своеобразный «жупел», возникший в исторической науке советского периода, выступавшей с критикой дореволюционной, а также западной буржуазной историографии. Однако это утверждение не соответствует действительности, оно приводит к искажению историографической картины в целом.

«Норманнская теория» — это система взглядов, согласно которой основателями Древнерусского государства являются варяги-скандинавы (чаще всего их ассоциируют со шведами) во главе с конунгом Рюриком. В научных работах XIX в. терминам «норманнская теория», «норманизм» синонимичны понятия «скандинавская школа», «скандинавская система», они употребляются даже чаще, чем первые, но имеют тот же смысл. Вместе с тем необходимо понимать, что «норманнская теория» развивалась, реагируя на критику со стороны ее противников. Так смещались акценты в оценках роли варягов в русской истории, степени скандинавского влияния, не говоря уже о целом ряде частных вопросов. Неизменным постулатом оставалась мысль о скандинавской принадлежности варяжской руси и конунга Рюрика. В этом плане понятие «норманизм» можно рассматривать даже несколько шире, чем понятие «норманнской теории».

Под «антинорманизмом» понимают взгляды тех ученых, которые отрицали норманнскую принадлежность варяжской руси. Представители этого направления искали русь среди балтийских славян, финнов, литовцев, хазар, грузин, видели в ней славянское автохтонное население Восточной Европы, либо вовсе отрицали

---

¹ *Фортинский Ф.* Варяги и Русь. Историческое исследование С. Геденова. 2 ч. (СПб., 1876). СПб., 1878. С. 2.

историческую достоверность варяжской легенды. «Антинорманизм» является достаточно эклектичным течением в историографии, его представители спорили друг с другом не менее жарко, чем с «норманистами».

В 70-е гг. XIX столетия археолог и историк права Д.Я. Самоквасов выделил шесть сложившихся основных «систем» или «школ» происхождения варягов: «школа скандинавская», «славянская», «пруско-литовская», «финская и скандинаво-финская», основанная В.Н. Татищевым. В качестве отдельных систем Самоквасов называл концепцию дерптского историка Г. Эверса, выводившего русь от Черного моря, и взгляд на варягов-русов как на «сбродную» дружину, «составившуюся из разных народов»².

В первой половине XIX столетия в отечественной исторической науке благодаря работам А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина, а затем М.П. Погодина и А.А. Куника получил распространение так называемый «ультранорманизм» (по терминологии В.А. Мошина) или «ультраскандинавский взгляд на русский исторический быт» (так определял его в 70-х гг. XIX в. С.А. Геденов). Скандинавам отводили решающую роль в создании русской государственности³.

Вторая половина XIX столетия ознаменовалась новым подъемом интереса к проблеме возникновения Древнерусской государственности и связанному с ней «варяжским вопросом». Одной из главных причин было появление новых источников. В середине 50-х гг. А.Ф. Гильфердинг фактически заново открыл историю балтийских славян, пересмотрев во многом устоявшуюся картину исторического развития значительной части Европы. Востоковед Д.А. Хвольсон в 1869 г. опубликовал доселе неизвестные известия арабского путешественника начала X в. Ибн-Даста о народах Восточной Европы.

Наконец, многих исследователей перестал удовлетворять тот концептуальный и методологический уровень в рассмотрении проблемы, который был представлен в предшествующей историографии. Это было объективным результатом развития исторических знаний и использования нового источникового материала.

Среди косвенных причин можно назвать тот факт, что в 1862 г. Российская империя праздновала знаменательный юбилей — Ты-

² Самоквасов Д. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб., 1870. С. 1—20.

³ См. подробнее: Дитяткин Д.Г. Проблема образования Древнерусского государства в отечественной исторической науке второй половины XIX в.: монография. М., 2018. С. 34—61.

сячелетие своей государственности. Был разработан проект памятника, на котором в лице правителей и выдающихся представителей русской истории были представлены основные ее вехи. Рюрику при этом отводилось одно из центральных мест в этой композиции.

В 1851 г. был издан первый том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Оставаясь на позициях «норманизма» в плане национальной атрибуции варягов, автор вместе с тем выступил с критикой «норманнского периода» русской истории, «того одностороннего взгляда, по которому варяги были исключительными действующими в начальном периоде нашей истории». «... Влияние скандинавского племени на древнюю нашу историю было сильно, ощутительно, — подчеркивал историк, — влияние скандинавской народности на славянскую было очень незначительно». Варяги «не составляют господствующего народонаселения относительно славян, не являются как завоеватели последних», поэтому они не могут дать «насильственно своих форм быта», не могли они быть «господствующим народом в духовном, нравственном смысле». Быт, религия, нравы и обычаи норманнов и славян существенно не различались, т.к. они находились примерно на одном уровне общественного развития. Ввиду этого немногочисленные варяги «не находят никаких препятствий», чтобы достаточно быстро слиться со славянским большинством: «Варяги, составлявшие первоначально дружину князя, жили около последнего, так сказать, стояли подвижным лагерем в стране, а не врезывались сплошными колониями в туземное народонаселение; многие из них оставались здесь навсегда, женились на славянках, дети их уже были полуварягами только, внуки — совершенными славянами»⁴.

Соловьев возвращается к мысли А.Л. Шлецера о незначительном количестве пришедших варягов-скандинавов и их быстром слиянии со славянским населением⁵. В этом плане «норманизм» историка существенно отличается от тех построений, которые получили распространение в первой половине XIX столетия в работах О.И. Сенковского, С.О. Сабинина и, прежде всего, М.П. Погодина. Эта умеренная, более взвешенная позиция относительно роли варягов в русской истории станет основой так называемого «умеренного норманизма».

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1—2. М., 1988. С. 51—52, 118—119, 261—264.

⁵ См. об этом у Шлецера: *Шлецер А.Л.* Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. 342, прим. *; *То же.* Ч. II. СПб., 1816. С. 171—172; *То же.* Ч. III. СПб. 1819. С. 476.

Призванию скандинавов восточными славянами, по мнению историка, способствовали не только давние связи между этими народами, но и несформированность их национальных различий. Но здесь важно учесть очень важный момент — для Соловьева иноземное происхождение княжеской династии, ее изначальная независимость к славянам или финнам были необходимым условием такого призвания, в них лежала его причина. Тогдашнее население Восточной Европы историк представлял как совокупность зачастую враждебных друг другу родов, между которыми шла борьба за лидерство. Однако «разрозненность и вражда» не были характерной чертой славянских племен, их причиной было наличие родового строя, через который в разное время проходили все народы. Приглашение стороннего третейского судьи, не связанного ни с одним из местных родов, было способно разрешить эти коренные противоречия. «Наконец, если бы новгородцы и кривичи, по нашим настоящим понятиям, непременно хотели иметь своим князем славянина, то не надобно забывать, — подчеркивал Соловьев, — что в союзе с ними были племена финские, у которых не могло быть этого желания»⁶.

Из родового быта славян Соловьев объяснял причины призвания, целью которого было «установление наряда, нарушенного усобицами родов». Призвание варягов несло с собой не только установление наряда, но и объединяющего начала. Соловьев писал: «Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть. Здесь, в сосредоточении нескольких северных племен, положено начало сосредоточению и всех остальных племен, потому что призванное начало пользуется силою первых сосредоточившихся племен, чтоб посредством их сосредоточивать и другие, соединенные впервые силы начинают действовать»⁷.

Отождествляя летописных «варягов» и «русь», Соловьев видел в них морские разноплеменные дружины. Название «варяги» сложилось на западе среди германских племен, на востоке же

⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 119, 293—294, примеч. 159.

⁷ Там же. С. 91, 120—123, 131; См. также: С. 323, примеч. 434; С. 324—325, примеч. 437.

славяне, финны, греки, арабы именовали такие дружины «русью». При этом историк сделал существенное замечание, что имя руси известно на побережье Черного моря ранее IX столетия, еще до прихода Рюрика⁸. Он одним из первых провел мысль, что вопрос о национальной атрибуции варяжской руси не является определяющим: «Но если влияние норманнской народности было незначительно, если, по признанию самых сильных защитников норманнства, влияние варягов было более наружное, если такое наружное влияние могли одинаково оказать и дружины славян поморских, столь же храбрые и предприимчивые, как и дружины скандинавские, то ясно, что вопрос о национальности варягов-руси теряет свою важность в нашей истории»⁹. Это положение найдет свое дальнейшее развитие у В.О. Ключевского.

В 1859 г. В.И. Ламанским была опубликована магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», с которой автор капитального исследования «Варяго-русский вопрос в историографии» историк-эмигрант В.А. Мошин связал начало новой стадии «варангомахии». Ламанский выступил с критикой финской этимологии имени «русь», представленной в книге А.А. Куника «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen» (Bd. I. SPb., 1844, Bd II. SPb., 1845). Помимо этого, исследователь выдвинул предположение о существовании руси на Дону и в Приазовье, откуда часть ее переселилась на территорию Венгрии, а также в Скандинавии, где сложилась Варяжская Русь: «Была Русь Угорская, Карпатская, была Русь Донская, Азовская, была Русь Свейская (gentis Sueonum), Скандинавская, Варяжская». Во всех этих случаях, подчеркивал Ламанский, это Русь оставалась славянской, поэтому объясняется, почему так быстро варяги ослабли и не оказали влияния на культуру России¹⁰.

На следующий год в журнале «Современник» со своей теорией литовской или «жмудской» руси выступил профессор Петербургского университета Н.И. Костомаров. Автор видел в варягах не конкретную народность, а «неопределенную массу народов», проживавших на побережье Балтийского моря. Вместе с тем он выделял варяжскую русь среди других варяжских народов — свеев, урман, готов. «...Название Руси, география удерживала за правым

⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 119, 144, 291, примеч. 150; С. 296, примеч. 173.

⁹ Там же. С. 264.

¹⁰ Ламанский В. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 44—45, 53—83.

рукавом реки Немана; ...сторона по берегу этого рукава называлась Русью или Русиєю, и народ, обитавший в ней — руссами, или руссиенами, иначе русью; ...этот народ принадлежал к литовскому племени». Свои выводы Костомаров основывал главным образом на показаниях западных источников XI—XVIII вв. и старинных карт XVI—XVIII вв. Теория Костомарова отличалась эклектичностью. Мысль о происхождении термина «варяг» от «федератов» он, по-видимому, почерпнул у Г. Эверса или А.А. Куника. Взгляд на варягов, как общее название населения по берегам Балтийского моря Костомаров берет у М.В. Ломоносова. У него же он заимствует и идею о Руси в районе Немана, расходясь со своим предшественником в этнической атрибуции этой руси¹¹.

Костомаров отводил нападением норманнов на славянские и финские земли решающую роль для объединения этих племен перед лицом внешней угрозы. Однако призвание варягов, по его мнению, не привело к созданию государства: «Должно согласиться с мнением г. Куника и прочих гг. ученых немцев, что славяне мало способны к закладкам государства, в тех чертах, в каких являлись государства на востоке, и с теми признаками, с какими привыкли понимать государственную жизнь на западе; должно согласиться, что для устройства государства славянам необходимо было влияние чуждых элементов, — все это действительно подтверждается опытом последующей истории, когда влияние византийское и татарское способствовало к образованию московского государства, а преобразование его в империю совершилось под влиянием немецким; но где же это государство после прибытия варягов? Его нет; — не спорим, что оно может быть и было бы, если бы в самом деле нами овладели норманны, но эти соседи в X и XI веках являются только наемными дружинами, а ранее — в IX, они, правда, завоевали было северную Россию, да им не удалось основать в ней ничего прочного...»¹².

Статья Костомарова в «Современнике» сопровождалась довольно едкой редакторской рецензией на книгу М.П. Погодина «Норманнский период русской истории»¹³. Поэтому неудивительно, что она привлекла внимание упомянутого историка, который подготовил в письме от 19 февраля 1860 г. свой ответ и зачитал его лично

¹¹ Костомаров Н. Начало Руси // Современник. Т. LXXIX. Отд. I. СПб., 1860. С. 6—17.

¹² Там же. С. 19—20, 32.

¹³ Современник. Т. LXXIX. Отд. I. С. 104, 107.

Костомарову в Петербурге в Публичной библиотеке. Он предложил своему визави провести публичный диспут, который в результате состоялся 19 марта 1860 г. в Большом зале Петербургского университета¹⁴.

Дискуссия между двумя учеными получилась энергичной, наполненной живописными сравнениями и отсылками к различным историческим примерам. Она сопровождалась смехом, шумом, овациями публики. Вместе с тем, когда знакомишься с материалами полемики, складывается впечатление, что Костомаров не столько отстаивает превосходство своей теории над «норманнской», сколько пытается показать ее как равноценную альтернативу. И действительно, впоследствии историк откажется от теории литовской руси, назвав ее «басней».

Публичный диспут между Костомаровым и Погодиным стал ярким эпизодом в полемике «норманистов и антинорманистов». «Варяжский вопрос» вышел из тесных рамок ученых кабинетов, научных книг и журналов и предстал перед широкой публикой. Актуальность состоявшемуся событию придало и грядущее в 1862 г. Тысячелетие России.

Публичный диспут нашел достаточно широкое отражение в печати, о нем написали «Санкт-Петербургские ведомости» (1860, № 67), «Московские ведомости» (1860, № 67), «Северная пчела» (1860, № 68), «Современник» (1860, № 3), карикатура, изображавшая обоих ученых, была помещена в юмористическом журнале «Искра» (1860, № 1). Свои сомнения относительно литовской концепции Костомарова на страницах «Отечественных записок» высказал филолог, академик Я.К. Грот. Преподаватель военно-учебных заведений, историк Н.П. Ламбин представил развернутую критику в своей полемической брошюре¹⁵.

1860—70-е гг. ознаменовались выходом целого ряда работ, составивших новый этап в решении «варяжского вопроса». В 1862—1863 гг. в «Записках императорской Академии наук» были опубликованы шестнадцать глав из еще не оконченного исследования С.А. Геденова, получившие название «Отрывки из исследований о ва-

¹⁴ Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым [сост. и опубликовал В. Мордвинов]. СПб., 1860.

¹⁵ Грот Я.К. Литва или Скандинавия? // Грот Я.К. Труды. Т. IV: Из русской истории. СПб., 1901. С. 1—10 (Впервые статья была напечатана в журнале «Отечественные записки». 1860. № СХХIX); Ламбин Н. Объяснение сказаний Нестора о начале Руси. На статью профессора Н.И. Костомарова «Начало Руси», помещенную в «Современнике» № 1, 1860 г. СПб., 1860.

ряжском вопросе»¹⁶. Работа была удостоена Уваровской премии Петербургской академии наук, а их автор был избран в 1863 г. в почетные члены Академии. Гедеонов уделял внимание, главным образом, критической стороне вопроса — опровержению главных аргументов «норманнской теории», собственная славяно-балтийская концепция была растворена в этой критике, несколько опосредованно высказывалась мысль о западнославянском (вендском) происхождении варяжских князей.

Показательной стала высокая оценка работы Гедеонова, прозвучавшая из уст, как сторонников, так и противников «скандинавской системы». А.А. Куник в предисловии и критических замечаниях к «Отрывкам ...», заключил в отношении «норманнской теории»: «Нет сомнения, что норманисты в частности преувеличивали значение норманской стихии для древнерусской истории, то отыскивая влияние ее там, где... оно было или ненужно или даже невозможно, то разбирая главные свидетельства не с одинаковой обстоятельностью и не без пристрастия», а ведя речь о своей работе «Die Befugung...», историк признал: «Я должен теперь первую часть своего сочинения объявить во многих местах несоответствующею современному состоянию науки, да и вторую часть надобно, хоть в меньшей мере, исправить и дополнить»¹⁷.

Будучи одним из наиболее убежденных «норманистов» XIX столетия, М.П. Погодин отмечал, что «норманская система со времен Эверса не имела такого сильного и опасного противника как г. Гедеонов». Вместе с тем, Погодин подверг критике мысль Гедеонова об искусственной системе летописца, соединившего вместе варягов и русь¹⁸. Спустя десятилетие после выхода «Отрывков...» Н.П. Ламбин писал об их авторе: «Он, можно сказать, разгромил эту победоносную доселе теорию, созданную трудами целого ряда ученых; по крайней мере расшатал ее так, что в прежнем виде она уже не может быть восстановлена». В отношении «норманнской

¹⁶ Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // СПб., 1862. I—XII. Прил. № 3 к «Зап. Имп. Акад. наук», Т. I. Кн. II; СПб., 1862. XIII—XV. Прил. № 3 к «Зап. Имп. Акад. наук», Т. II. Кн. II; СПб., 1863. XVI. Прил. № 4 к «Зап. Имп. Акад. наук», Т. III. Кн. I.

¹⁷ Предисловие А. Куника к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С. Гедеонова» // ЗАН. Т. I. Кн. II. Приложение № 3. СПб., 1862. С. IV.; [Куник А.А.] Замечания А. Куника // Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // СПб., 1862. I—XII, Прил. № 3 к «Зап. Имп. Акад. наук», Т. I. Кн. II. С. 122.

¹⁸ Погодин М.П. Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси. СПб., 1864. С. 1—5.

теории» он признавал, что она «доходит в своем последовательном развитии до выводов и заключений, явно невозможных, — до крайностей, резко расходящихся с исторической действительностью. И вот почему ею нельзя довольствоваться! Вот почему она вызывала и вызывает протест!»¹⁹.

Доработка и издание «Отрывков ...» в виде отдельной книги «Варяги и Русь» в 1876 г. увеличило количество отзывов на исследование Гедеонова. В 1876 и 1878 гг. выходят сочинения Ф. Фортинского и И.И. Срезневского²⁰. Рассмотрение позиций Гедеонова по варяжскому вопросу и их оценка в рамках изложения полемики норманистов и антинорманистов дается в трудах Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова, И.И. Первольфа²¹.

Собственная славяно-балтийская концепция С.А. Гедеонова, на основе которой исследователя относят к славянскому направлению «антинорманизма» (он высказывался в пользу славяно-балтийского происхождения варяжской династии князей, а русь полагал туземным славянским племенем), не нашла такой широкой поддержки среди ученых, как его критика «скандинавской системы». С критикой вывода летописных варягов из славянского балтийского Поморья выступили С.М. Соловьев, Д.Ф. Щеглов, И.И. Первольф и Д.И. Иловайский²².

Славяно-балтийская концепция была представлена в «Истории русской жизни с древнейших времен» И.Е. Забелина, первый том которой вышел в том же 1876 г. Подразумевая под варягами все народы, населявшие берега Балтийского моря, историк выделяет среди них варягов-русь, в которых видел балтийских славян. Их торговые колонии издревле существовали на всем протяжении пути «из варяг в греки». Забелин соотносил летописное известие о призва-

¹⁹ Ламбин Н. Источник летописного сказания о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1874. Ч. CLXXXIII, № 6. С. 225, примеч. 1; С. 226, 228, 238.

²⁰ Фортинский Ф. Варяги и Русь. Историческое исследование С. Гедеонова; Срезневский И.И. Замечания о книге С.А. Гедеонова «Варяги и Русь». СПб., 1878.

²¹ Иловайский Д.И. Начало Руси («Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»). М., 2002. С. 236, 469—473, 476; Ламбин Н. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. СПб., 1874. Ч. CLXXXIII, № 6. С. 228, 238—239; Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М., 1876. С. 41—42; Ч. II. М., 1879. С. 516—519, прим. 197; Костомаров Н.И. Русская историческая литература в 1876 г. // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877. С. 179—184; Первольф И. Варяги-Русь и балтийские славяне // ЖМНП. Ч. 192. СПб., 1877. С. 37—97.

²² Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. С. 291, прим. 150; Щеглов Д.Ф. Первые страницы русской истории // ЖМНП. СПб., 1876. Ч. CLXXXIV, № 4. С. 227, 247.

нии Рюрика с борьбой между племенными союзами ободритов и лютичей-велетов: «...изгнаны были Варяги-Оботриты, быть может самые Вагры, жившие в самом углу Балтийского Поморья...». Призваны же были варяги-русь — руги, жители острова Рюгена, и случилось это на полстолетия раньше летописного 862 года²³.

Однако, как мы уже отметили выше, «антинорманизм» был далеко неоднородным, высказывались различные точки зрения, среди которых теория южнобалтийского происхождения варягов не являлась определяющей. Ярким примером этому могут служить воззрения Д.И. Иловайского, который выступал с критикой славяно-балтийской концепции того же Гедеонова²⁴. По мнению историка, варяги русских летописей являлись скандинавами, однако они не имели никакого отношения к формированию восточнославянского государства, а само варяжское призвание представляло собой не более чем легенду («распространенный обычай выводить своих предков из Скандинавии»)²⁵.

Благодаря исследованиям С.А. Гедеонова, Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина в 60—70 гг. XIX в. был фактически преодолен «ультранорманизм», присущий первой половине столетия. Не случайно А.А. Куник назвал 1876 г., когда вышли работы указанных авторов, «роковым» для «норманистов». Однако в центре внимания оказалась не только этническая сторона проблемы — кем же были варяги-русь? Важной стороной вопроса стало намечившееся отделение собственно варяжской проблемы от проблемы образования Древнерусского государства. Для науки XVIII в. и отчасти первой половины XIX в. национальность варяго-русов определяла сам характер складывающегося восточнославянского государства, и поэтому «варяжский вопрос» был, по сути, был синонимичен вопросу генезиса Древнерусской государственности. Исключением здесь являлся, пожалуй, Г. Эверс, который писал: «...Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрика единовластия... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». И начинать русскую историю с момента призвания также не верно²⁶. Взгляд Эверса на постепенный

²³ Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. I. С. 197, 198; Ч. II. С. 84—86.

²⁴ Иловайский Д.И. Начало Руси. С. 55—56.

²⁵ Там же.

²⁶ Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1—2. М., 1826. С. 83—85; См. также. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 2—10, 11, 31—32.

генезис государства его характер был новым по сравнению с предшествующей историографией.

Мысль о постепенном формировании государственности стала преобладающей во второй половине XIX столетия. Оно начинает рассматриваться как итог длительного исторически закономерного развития восточнославянского общества. Идею «об органической и физиологической постепенности и последовательности всякого развития» проводил И.Е. Забелин, который констатировал, что и до Рюрика были люди и города, которые его призвали, а «самое призвание варягов, если и было началом нашей истории, то оно же было концом другой нашей истории, о которой мы ничего не знаем». Существенным фактом, согласно Забелину, было наличие города, который призывал варягов. На Руси «город должен быть народиться путем долгого органического развития, путем долгой постепенности и последовательности, путем великого множества племенных и других связей и отношений»²⁷.

В землях восточных славян еще до прихода Рюрика существовали «независимые особые варяжские гнезда», подобные Новгороду и Киеву, последний играл важную роль в осуществлении торговых связей, находясь на перекрестке торговых маршрутов. На пространствах Русской равнины, по мысли Забелина, торговые связи предшествовали завоеваниям, «а потому и Киевское весло положило основание этих связей несравненно раньше, чем пришел завоевательный меч», гораздо раньше появления норманнов. Таким образом, торговля (прежде всего с югом, Константинополем), которая способствовала развитию «промышленных» сил, выступала одним из главных факторов объединения славянских племен. Два центра варяжской власти в славянских землях — Новгород и Киев, контролировали главный торговый речной путь, и одному из них суждено было объединить этот путь под своим контролем²⁸.

В ряде аспектов с рассуждениями Забелина о варяжских «гнездах» и ведущей роли торговли совпадает и картина генезиса Древнерусского государства, представленная В.О. Ключевским. Осуществление внешнеторговых связей и охрана торговых путей обуславливали политическую консолидацию славянских земель. Городовые области, включавшие в себя укрепленные торговые центры и подчиненное им окрестное население стали первичными политическими формами, их возникновение начинается еще ранее IX в. Вторичная

---

²⁷ Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. I. С. 49—51.

²⁸ Там же. Ч. II. С. 95—114.

политическая форма возникала там, где пришедшие варяги захватывали власть и основывали так называемые варяжские княжества. Наконец, объединение этих княжеств и торговых областей в рамках великого Киевского княжества, считал Ключевский, знаменовало собой формирование третьей политической формы — Древнерусского государства. В отличие от Забелина, отдававшего приоритет в объединении славянских земель Новгороду, Ключевский размещал центр объединения славянских земель на юге, в Киеве. Это было predetermined самим положением Киева, который, как писал историк, являлся южным защитным форпостом от степи и главной русской факторией в торговле с Византией и странами Востока.

Что же касается варягов, то они в данном случае являлись только средством — вооруженной силой, обеспечивающей защиту торговых путей, что соответствовало общим интересам пришельцев и местного населения. Соединение общего интереса и вооруженной силы стали определяющими факторами для создания государства. «Став носителем и охранителем общего интереса, подчинившего ему торговые города страны, — пишет Ключевский о варяжском князе, — этот князь с дружиной из вооруженной силы превращается в *политическую власть*». «Такова связь экономических и политических фактов в начальной нашей истории: экономические интересы последовательно превращались в общественные связи, из которых вырастали политические союзы»²⁹. Варяги, приходя в земли восточных славян в качестве пиратов, купцов или наемных воинов, включаются в те же экономические и социальные отношения, что и местное население, преследуют те же цели. Поэтому вопрос об их национальной принадлежности постепенно теряет свою былую актуальность, а происхождение имени «русь» не тождественно происхождению государства, т.к. оно не объясняет сущностные причины его возникновения.

Рассматривая варяжскую русь в качестве «*народа*» или «*класса*» со «скандинавской примесью», покоривший в середине IX столетия восточных славян, Ключевский не видел в них творцов русской государственности. Показательной была его оценка «норманнской теории»: «Мы чувствовали, что в ней много нескладного, но не решались сказать что-либо против нее. Мы ее сохраняли как ученики ее создателей и не знали, что с ней делать, как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и

---

²⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1987. Т. I. С. 147—153, 155—156, 158—162.

ставили в угол как ненужный, но требуемый приличием обряд... Потом мы рассказывали, как будто и нет спора, о варягах с братией»³⁰.

Таким образом, роль варягов во второй половине XIX в. переосмысливается, из «демиургов» российской государственности они превращаются в один из факторов ее формирования. Конечно, это далеко не означало завершения полемики (следует отметить, что она продолжается вплоть до настоящего времени), однако к концу столетия дискуссия пошла на убыль. Осенью 1878 г. умер С.А. Гедеонов, снижается активность и других «антинорманистов» — Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, Д.И. Иловайского. На фоне обострения социальных противоречий интерес общественности к теме начала Руси постепенно снижается, соответственно теряет былую актуальность и полемика по варяго-русскому вопросу. Непродуктивность его решения констатировал в 1902 г. В.О. Ключевский: «Самый варяжский вопрос... так долго служивший пробным камнем историко-критической мысли для пришлых и туземных историков... убедился, что ему не выйти из области уравнений с тремя неизвестными, и утратил надежду и охоту сложиться в убежденную и научно формулированную теорию»³¹.

Литература

- Гедеонов, С.А.* Отрывки из исследований о варяжском вопросе — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1862. — I—XII. — Прил. № 3 к «Зап. Имп. Акад. наук», — Т. I. — Кн. II; — СПб., 1862. — XIII—XV. Прил. — № 3 к «Зап. Имп. Акад. наук», — Т. II. — Кн. II; — СПб., 1863. XVI. Прил. № 4 к «Зап. Имп. Акад. наук», — Т. III. Кн. I. — 274 с.
- Грот, Я.К.* Литва или Скандинавия? // Грот Я.К. Труды. Изд. под ред. проф. К.Я. Грота. 1—5. — Санкт-Петербург : тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1898—1903. — 5 т.; 25. — Т. IV: Из русской истории: Исслед., очерки, крит. заметки и материалы. (1845-1890).—СПб., 1901. — 769 с.
- Дитяткин, Д.Г.* Проблема образования Древнерусского государства в отечественной исторической науке второй половины XIX в.: монография. — Москва : Проспект, 2018. — 204 с.
- Забелин, И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. — Ч. I. — Москва : Типография Грачева и К., 1876. — 645 с.
- Забелин, И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. — Ч. II. — Москва : Типография Грачева и К., 1879. — 520 с.
- Иловайский, Д.И.* Начало Руси («Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»). — Москва : АСТ : Олимп, 2002. — 633 с.; — Ч. II. — М., 1879. — 520 с.

³⁰ *Ключевский В.О.* Наброски по варяжскому вопросу // *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 119—120.

³¹ *Ключевский В.О.* Русская историография 1861—1893 гг. // *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. VII. С. 388; *Его же.* Курс русской истории. С. 144, 146—147.

- Ключевский, В.О.* Курс русской истории. Ч. I. // *Ключевский В.О. Сочинения.* В 9 т. — Т. I. — Москва : Мысль, 1987. — 430 с.
- Ключевский, В.О.* наброски по варяжскому вопросу // *Его же.* Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский; [Предисл. М.В. Нечкиной]. — Москва : Наука, 1983. — 416 с.
- Ключевский, В.О.* Русская историография 1861—1893 гг. // *Ключевский В.О. Сочинения.* В 9 т. — Т. VII. Специальные курсы. — Москва : Мысль, 1989. — 508 с.
- Костомаров, Н.* Начало Руси // *Современник.* — Т. LXXIX. Отд. I. — СПб., 1860. — С. 5—32.
- Костомаров, Н.И.* Русская историческая литература в 1876 г. // *Русская старина.* — Т. XVIII. — СПб., 1877. — С. 159—184.
- Ламанский, В.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. — Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1859. — 230 с.
- Ламбин, Н.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // *Журнал Министерства народного просвещения.* — СПб., 1874. — Ч. CLXXIII, № 6. — С. 225—263.
- Ламбин, Н.* Объяснение сказаний Нестора о начале Руси: На ст. проф. Н.И. Костомарова “Начало Руси”, помещенную в “Современнике” № 1, 1860 г.: Возражение учителя Н. Ламбина. — Санкт-Петербург : тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1860. — 52 с.
- Первольф, И.* Варяги-Русь и балтийские славяне // *ЖМНП.* — Ч. 192. — СПб., 1877. — С. 37—97.
- Погодин, М.П.* Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси / [Соч.] М. Погодина. — Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1864. — [2], 102 с.
- Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым [сост. и опубликовал В Мордвинов]. — СПб., 1860. — 36 с.
- Самоквасов, Д.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления. — Санкт-Петербург : Печать В. Головина, 1870. — 98 с.
- Срезневский, И.И.* Замечания о книге С.А. Гедеонова «Варяги и Русь» / [Соч.] Акад. И.И. Срезневского. — Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1878. — [2], 35 с.
- Соловьев, С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. — Т. 1—2. — Москва : Мысль, 1988. — 797 с.
- Фортинский, Ф.* Варяги и Русь. Историческое исследование С. Гедеонова. 2 ч. (СПб., 1876). — СПб., 1878. — 47 с.
- Щеголов, Д.Ф.* Первые страницы русской истории // *ЖМНП.* — СПб., 1876. — Ч. CLXXXIV, № 4. — С. 221—269.
- Шлецер, А.Л.* Нестор: Руския летописи на древле-славенском языке / Сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлецером, надворным советником, доктором и профессором Геттингскаго университета и кавалером ордена св. равноапостольнаго князя Владимира 4 степени; Перевел с немецкаго Дмитрий Языков, член С. Петербургскаго общества любителей наук, словесности и художеств. — Санкт-Петербург : Императ. Типогр., 1809—1819. — Ч. I. Русский времянник на древле-славенском языке. Переведенный и объясненный. Вступление в рускую историю, до пришествия Рурика в 862 году] — Печатано в Императорской типографии, 1809. — СПб., 1809. — 479 с.; Ч. II. — СПб., 1816; — Ч. III. Игорь, третий великий князь, 913—945 г. II. Св. Ольга, правительница государства. III. Святослав, четвертый великий князь. IV. Ярополк, пятый великий князь. Все вместе 945—980 г. [Текст]. — Санкт-Петербург : Печатано в типографии Шнора, 1819. — 686 с.
- Эверс, И.Ф.Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / соч. И.Ф.Г. Эверса; пер. с нем. Иван Платонов. — Санкт-Петербург : печатано в Тип. Штаба Отдельнаго корпуса внутренней стражи, 1835. — XXI, — СПб., 1835. — 422 с.
- Эверс, Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1—2. — Москва : Университетская типография, 1825—1826. — С. 155—356.

К.А. Аверьянов

Когда Киевская Русь стала Московской?

When did Kievan Rus become Moscow?

Аннотация: Когда Киев перестал быть столицей Древней Руси? Ответ дает Густынская летопись, утверждающая, что в начале XIV века в Киеве княжил Иван Калита. Долгое время это известие считалось недостоверным, однако анализ источников показывает его реальность.

Ключевые слова: Киевская Русь, Московская Русь, Киев, Иван Калита, Густынская летопись, Киево-Печерский патерик, митрополит Петр, боярин Акинф, Квашнины.

Annotation: When did Kiev stop being the capital of Ancient Russia? The answer is given by the Gustynsky chronicle, which reports that at the beginning of the XIV century Ivan Kalita reigned in Kiev. For a long time this news was considered unreliable, but the analysis of sources shows its reality.

Keywords: Kievan Rus, Moscow Rus, Kiev, Ivan Kalita, Gustynsky chronicle, Ki-ev-Pechersk Patericon, Metropolitan Peter, The boyar Akinf, Kvashnins.

Известное выражение гласит, что «история — это политика, опрокинутая в прошлое». Авторство этой фразы обычно приписывают видному историку-марксисту М.Н. Покровскому (1868—1932), сравнившему в марте 1928 г. в докладе «Общественные науки в СССР за 10 лет» историю с «политикой, опрокинутой в прошлое». Впрочем, другие утверждают, что он просто переиначил утверждение британского историка Эдварда Фримана (1823—1892): «История есть политика прошлого», высказанное тем в работе «Методы исторического исследования» (1886)¹.

Мы не случайно вспомнили данное высказывание. В современной украинской историографии чрезвычайно широко распространено мнение, что только нынешняя Украина является единственной наследницей Древней Руси, к которой современная Россия не имеет никакого отношения. Более того, отдельные украинские историки доходят до утверждений, что Древнерусское государство было создано исключительно украинским этносом, хотя о возникновении украинской народности можно говорить лишь в гораздо более поздние времена. При этом права России на древнерусское наследие

¹ Покровский М.Н. *Общественные науки в СССР за 10 лет (доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г.)* // Вестник коммунистической академии. М., 1928. № 2 (26). С. 5—6; Фриман Э. *Методы изучения истории*. 2-е изд. М., 2011. С. 52.

полностью отрицаются, поскольку та якобы возникла на периферии Древней Руси, где основным элементом населения являлись различные угро-финские племена. Утверждается, что в результате процессов этногенеза именно они стали основой современной русской нации, не имеющей ничего общего с украинцами, якобы являющимися прямыми потомками древнерусского населения.

Правда, при этом украинские исследователи столкнулись с неприятным для себя обстоятельством. «Повесть временных лет», являющаяся главным источником по истории IX—XII вв., говорит исключительно о Руси и ничего не знает об Украине. Летописец Нестор, обозначая программу своего труда, прямо указывал: «Се повести времянных лет. Откуда есть пошла Руская земля. Кто въ Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть»².

Следствием этого очевидного факта, с которым не поспоришь, стали обвинения украинских историков, что Россия якобы «украла и присвоила себе» не только название, но и историю Древней Руси. При этом они опираются на то, что в историографии XIX—XX вв. известен термин «Киевская Русь», обозначающий Древнерусское государство с центром в Киеве. В литературе также встречается выражение «Московская Русь», применяемое по отношению к Русскому государству со столицей в Москве. По мнению нынешних киевских авторов, Московская Русь не имеет ничего общего с наследием Древней Руси³.

Действительно, В.О. Ключевский, говоря об эпохе XII—XIV вв., ставшей предметом нашего внимания, определял ее как время переходное, время тяжелых испытаний, следствием которых явился переход от Руси Киевской к Руси Московской.

Но имела ли Киевская Русь хоть какое-то отношение к Московской Руси? Для начала необходимо уточнить, что термин «Киевская Русь» возник только в XIX в. и отличается чисто книжным происхождением. Одним из первых его использовал в узко географическом значении для обозначения территории Киевского княжества М.А. Максимович в работе «Откуда идет Русская земля» (1837). В таком же смысле это выражение употребляли С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский.

² Полное собрание русских летописей (Далее: ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 1.

³ *Белинский В.Б.* Страна Моксель или открытие Великороссии. К., 2006, 2009 (в трех книгах); *Дашкевич Я.* Як Московія привласнила історію Київської Русі // *Дашкевич Я.* Учи неложними устами сказати правду. К., 2011.

Со второй половины XIX в. данный термин приобретает новое значение, когда в соответствии с тогдашней хронологической схемой история Руси делилась на «периоды»: «киевский», «владимирский», «московский», «петербургский», что было связано с бытовавшим в литературе мнением о переносе столицы Русского государства из одного центра в другой. Так появился термин «Московская Русь» и ему подобные. Эта схема периодизации отечественной истории оказалась удобной в педагогических целях для запоминания пройденного на занятиях материала.

Своей наибольшей популярности выражение «Киевская Русь» достигло в середине XX в. после публикации работ академика Б.Д. Грекова (1882—1953) «Киевская Русь» (1939) и «Культура Киевской Руси» (1944). Во многом этому способствовало то, что он занимал важнейшие посты в тогдашней советской исторической науке: был директором Института истории АН СССР, по совместительству руководил Институтом истории материальной культуры, а затем Институтом славяноведения АН СССР, являлся академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР.

Но когда Киевская Русь прекратила свое существование? До революции киевский период обычно заканчивали 1169 г., когда, на взгляд тогдашних историков, начиная с Н.М. Карамзина, столица Руси была перенесена Андреем Боголюбским из Киева во Владимир. Как отголосок этого, в 2019 г. местные власти во Владимире отметили 850-летие этого события.

В советской историографии понятие «Киевская Русь» иногда ограничивали серединой XII в., точнее 1132 г., когда умер старший сын Мономаха — великий киевский князь Мстислав Владимирович. После его кончины Русь более никогда не объединялась под властью одного из князей. «И разъдрася вся Русская земля», — позднее запишет по этому поводу летописец⁴. Однако большинство исследователей доводило существование Киевской Руси до монгольского нашествия, когда в декабре 1240 г. Киев был сожжен захватчиками и позднее превратился в обычный провинциальный город. Наконец, третьи указывали на то, что де-факто Киев оставался церковной столицей Руси вплоть до конца XIII в., когда кафедра митрополитов «всея Руси» была перенесена во Владимир-наКлязьме. Лаврентьевская летопись под 1300 г. по этому поводу сообщает: «митрополить Максимъ, не терпя татарьского насилья,

---

⁴ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись. М., 2000. С. 208.

оставя митрополью и збежа ис Киева и весь Киевъ розбежался, а митрополить иде ко Брянску, и оттоле иде в Суждальскую землю и со всемъ своимъ житьем»⁵.

Как видим, в историографии сложились разные точки зрения по поводу даты, с которой можно говорить о том, что Киевская Русь превратилась в Московскую. Разумеется, дать ответ о точном времени смены эпох невозможно, поскольку это достаточно длительный процесс. Однако сама постановка вопроса позволяет по-иному взглянуть на один любопытный аспект русской истории.

Говоря о Москве XIV в., исследователи вслед за В.О. Ключевским обычно отмечают, что в указанный период «Москва стала церковной столицей Руси»⁶. Правда, при этом они кардинально расходятся в оценке того, каким образом это произошло. Одни утверждают, что данная перемена явилась результатом случая, когда во время одного из своих объездов Руси тогдашний митрополит Петр, будучи проездом в Москве, скончался в ночь с 20 на 21 декабря 1326 г.⁷ Этим поспешил воспользоваться московский князь Иван Калита, похоронивший святителя в своем стольном городе. Их оппоненты напоминают, что каменный храм в честь Успения Богородицы, где был погребен митрополит, был заложен еще в августе 1326 г., а Петр своими руками сделал для будущей могилы гроб. Указывают также и на обширное церковное строительство в Москве, где до той поры не было ни одной каменной церкви. Помимо завершения постройки Успенского собора, Иван Калита возвел в Московском Кремле в 1329 г. каменные храмы Иоанна Лествичника (соименного московскому князю) и Поклонения вериг апостола Петра (в память митрополита Петра); в 1330 г. — собор Спаса Преображения («Спаса на Бору»); в 1333 г. — Архангельский собор, ставший родовой усыпальницей московских князей⁸.

При всех разногласиях исследователи единодушны в том, что Ивана Калиту и митрополита Петра связывали дружба и тесные связи. Об этом становится известным из жития святителя, дошедшего до нас в двух редакциях: краткой, составленной епископом Ростовским Прохором в 1327 г., и пространной, написанной митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном в конце XIV в.⁹

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 485.

⁶ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. Курс русской истории. Часть II. М., 1988. С. 23.

⁷ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 168.

⁸ Там же. С. 169, 171.

⁹ Там же. Т. XXI. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. С. 321—333.

Вместе с тем, историки не раз задавались вопросом — что же соединяло митрополита Петра с Калитой, обычным рядовым князем, занимавшим явно третьестепенное место в княжеской иерархии (после великого князя владимирского Михаила Ярославича Тверского и своего старшего брата Юрия)? Говорили о враждебности Михаила Тверского к Петру, когда после смерти митрополита Максима тверской князь выдвинул кандидатом в его преемники игумена Геронтия. Но, прибыв в Константинополь, тот обнаружил, что митрополитом «киевским и всея Руси» был уже избран Петр. При ближайшем рассмотрении эти доводы оказываются неубедительными. Как известно, митрополит Максим скончался 16 декабря 1305 г., а Петр был поставлен на кафедру спустя два с половиной года — летом 1308 г.¹⁰ Как видим, времени на путь из Северо-Восточной Руси до Константинополя было более чем достаточно. К тому же Петр, как глава митрополии, не мог не стремиться наладить диалог с великим князем владимирским, каковым являлся Михаил Тверской. Другие полагали Петра, на тот момент игумена Ратского Спасо-Преображенского монастыря, ставленником Юрия Львовича Галицкого, игнорируя при этом тот очевидный факт, что основное местопребывание митрополита было в Северо-Восточной Руси, а не во владениях галицкого князя.

Ответ на интересующий нас вопрос находим в Густынской летописи, памятнике летописания XVII в. Свое название она получила по одному из списков, написанному в Густынском Троицком монастыре, построенном в 1600 г. на острове Густыня в верховье реки Удоя (в бывшем Прилуцком уезде Полтавской губернии). Сам памятник хронологически делится на две части, первая из которых близка по содержанию к Ипатьевской летописи, а вторая, охватывающая события 1300—1597 г., является самостоятельной и отличается краткостью. При этом автор на полях рукописи дает комментарии и ссылки на источники. Под 1305 г. Густынская летопись помещает уникальное, более не встречающееся нигде, известие: «В то лето паки начат в Киеве княжити Иоань Даниловичь Калита, вьнукъ Ярослава»¹¹. Калита упоминается данным памятником еще один раз, под 1322 г.: «В лето 6830. 132[ ]. Прийде из Орды Ивань Даниловичь, внукъ Александровъ, упросив себе у царя Турецкого

¹⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 159, 393.

¹¹ Там же. Т. XL. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 128. Первый раз она издавалась в 1843 г. в качестве приложения к Ипатьевской летописи: ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 348.

великое княжение». При этом на левом поле было сделано уточнение: «Иван Данилович, князь Московский»¹². Отсюда становятся понятны истоки дружбы митрополита Петра и Ивана Калиты — поскольку основные владения кафедры сосредотачивались в Киеве, где княжил Иван Калита, они волей-неволей должны были иметь хорошие отношения.

В историографии к этим известиям сложилось двойственное отношение. Относительно сообщения 1305 г. отмечалось, что Иван Калита был не внуком упомянутого князя Ярослава Всеволодовича (1190—1246), а его правнуком (от сына Ярослава — Александра Ярославича Невского). Хотя под 1322 г. автор летописи правильно назвал Ивана Калиту внуком Александра Невского, он вновь допустил ошибки. Прежде всего, московский князь не мог получить, вернувшись из Орды, великое княжение от «турецкого царя». Поэтому издатели 1843 г. исправили слово «турецкого» на «татарского»¹³. Неверна и дата получения Иваном Калитой великого княжения. По общерусским летописям это произошло в 1328 г.¹⁴, т.е. на шесть лет позже, чем это указано в Густынской летописи. Ради справедливости заметим, что автор летописи, видимо, и сам сомневался в этой датировке. Поэтому после даты по счету лет от сотворения мира — 6830, он написал только первые три цифры по счету лет от Рождества Христова, оставив для последней четвертой пустое место.

Необходимо отметить, что Густынская летопись содержит и другие хронологические ошибки за это время. Так, под 1304 г. она сообщает: «Преставися Андрей Александрович, князь Московский», смерть митрополита Максима относит к 1307 г., митрополита Петра — к 1324 г.¹⁵ Согласно общерусским летописям, в 1303 г. скончался не Андрей Александрович Московский, а Даниил Александрович Московский; митрополит Максим умер в декабре 1305 г.; а Петр, как уже было сказано, — в декабре 1326 г.¹⁶ Поэтому исследователи XIX в. посчитали Густынскую летопись источником крайне ненадежным, а известие о княжении Ивана Калиты в Киеве — позднейшим вымыслом.

Очевидно, такой же характер имеют и другие подобные известия Густынской летописи относительно Киева. Под 1243 г. она

---

¹² ПСРЛ. Т. XL. С. 128.

¹³ Там же. Т. II. С. 349.

¹⁴ Там же. Т. XXV. С. 168.

¹⁵ Там же. Т. XL. С. 128.

¹⁶ Там же. Т. XXV. С. 168, 393.

сообщает: «Ярослав, князь Московский, владеет Киевомъ. В лето 6751. 1243. Ярослав Всеволодич, Московский князь, поиде во Орду ко Батию, царю Татарскому, подъявася ему и моли его, да не пленишь более земле христианския. Он же обещася и постави его княземъ старейшимъ въсей Московьской земле и над Киевом. Ярослава же возвратися въ Москву, а над Киевом постави воеводу своего Дмитра Еконовича»¹⁷.

Под 1249 г. помещено другое сообщение: «В лето 6757. 1249. Сартакъ Батеевичъ, царь Татарский, даде Киевъ и Рускую землю Александру Ярославичу Киевьскому, вьнуку Всеволода Московьского, а брату его Андрею Володымеръ и Московскую землю»¹⁸. Под 1263 г. Густынская летопись извещает о смерти Александра Невского: «В лето 6771. 1263. Преставися Александеръ Ярославичъ, великий князь Московский и Киевьский, пострижеся въ схиму»¹⁹.

С какой целью в Густынскую летопись были включены эти известия? Поскольку она является памятником 70-х — 80-х годов XVII в., т.е. составленном после Переяславской рады 1653 г., подразумевалось, что эти вставки должны были подтвердить права русских царей на Киев, как наследников потомства Всеволода Большое Гнездо.

Впрочем, вскоре в этой версии выяснились неувязки. Оказалось, что известия о принадлежности Киева в середине XIII в. князьям Северо-Восточной Руси содержатся не только в Густынской летописи, но и в общерусских сводах. Так, Ипатьевская летопись под 1245 г. сообщает, что Ярослав «обдержашоу Киевъ Ярославоу бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ»²⁰. Лаврентьевская летопись под 1249 г. поместила известие: «Тое же зимы. Приеха Олександр и Андреи от Кановичъ и приказаша Олександрови Киевъ и всю Русьскую землю, а Андреи седе в Володимери на столе»²¹. Как видим, даже в середине XIII в. Киев продолжал признаваться столицей Руси.

Основоположник украинской историографии М.С. Грушевский не смог отрицать указанные известия Ипатьевской и Лаврентьевской летописей относительно владельческой принадлежности Киева после Батыева нашествия. При этом он писал: «Любопытно, что се-

---

¹⁷ Там же. Т. XL. С. 120.

¹⁸ Там же. С. 121.

¹⁹ Там же. С. 123.

²⁰ Там же. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 806.

²¹ Там же. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 472.

верные источники не только не упоминают о том, чтобы в Киеве сидел кто-либо из северных князей, — они не дают за все время Александра и Ярослава (†1272 г.) и за последующий период решительно никаких указаний на какую-либо зависимость Киева от них — не упоминается ни о посылке наместников, ни о каких-либо сношениях с Киевом». Отсюда он сделал вывод: «Такое упорное молчание источников, которые в общем довольно подробно излагают относящееся к северным князьям, едва ли только случайность; оно делает сомнительным самый факт зависимости Киева от северных князей».

Но как тогда быть с показаниями Густынской летописи? Ответ на этот вопрос для М.С. Грушевского очень прост: «Что касается до упомянутых свидетельств..., то их легко объяснить домыслом составителя; найдя известие о подчинении Киева Александру, он предположил, что и в последующее время Киев оставался за ним, а затем перешел к его преемнику. Впрочем, говоря о вокняжении Ярослава Ярославича, составитель свода не упоминает о Киеве: “седе по нем (Александре) на княжении Московском Ярослав Ярославич”, и только говоря о кончине, называет его “литовским и киевским”; “киевский”, может быть такая же обмолвка,... как и ниже под 1305 г.: “паки начат в Киеве княжити Иоанъ Данилович Калита”». В итоге, по мнению М.С. Грушевского, во второй половине XIII в. Киевщина не принадлежала ни северным, ни галицко-волынским князьям и здесь вообще не было своих князей²².

В современной российской историографии сложилась несколько иная позиция. По мнению А.А. Горского, в 40-е годы XIII в. претензии на Киев выдвигали три наиболее могущественных русских князя: Даниил Романович Галицкий, Михаил Всеволодович Черниговский и Ярослав Всеволодович Владимирский. По источникам известно, что во время осады Киева Батыем городом управлял тысяцкий Даниила Романовича Дмитр. В следующем году в Киеве видим Михаила Черниговского, который возвратился из Венгрии. Правда, он жил не самом разоренном городе, а «подъ Киевомъ во острове». В 1243 г. Батый признает старейшим из русских князей Ярослава Всеволодовича и отдает ему Киев. Но Ярослав в Киеве не сидел, предпочитая находиться в Северо-Восточной Руси, а на юге держал своего наместника, которым являлся упоминаемый в 1245 г. его боярин Дмитр Ейкович. В 1246 г. «Кыевъ

---

²² *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 443—450 (репринт издания 1891 г.).

и всю Русьскую землю» получил его сын Ярослав Невский. Дальнейшая судьба Киева крайне скудно освещена источниками. Густынская летопись называет киевским князем брата и преемника Александра Ярослава Ярославича, но, по мнению А.А. Горского, «источник этот слишком поздний, чтобы можно было с доверием отнестись к его сообщению». Как результат, исследователь вообще не рассматривает достоверности княжения в Киеве Ивана Калиты.

При этом А.А. Горский отвергает доводы М.С. Грушевского о независимости Киева от северных князей на основании лишь того, что нет упоминаний об их киевских наместниках. Действительно, на этот счет известий нет, но это не значит, что наместников не было, поскольку и о наместничестве Дмитра Ейковича становится известно не из северо-восточного летописания, а из галицко-волынського, причем сообщение о нем носит попутный характер (в связи с проездом через Киев в Орду князя Даниила Романовича).

В рассматриваемое время были в Киеве и свои князья. В частности, в Северском синодике упоминается киевский князь Иоанн-Владимир Иоаннович, а белорусско-литовские летописи содержат рассказ о княжении в Киеве князя Станислава в начале 20-х годов XIV в. и захвате города великим литовским князем Гедимином. Его, правда, А.А. Горский признал недостоверным из-за позднего происхождения и явных анахронизмов²³.

Между тем, в нашем распоряжении имеется еще один источник, подтверждающий, что Иван Калита в начале XIV в. действительно владел Киевом. Речь идет о Киево-Печерском патерике.

Слово «патерик» буквально с греческого (от patria — отечество) означает «отечник», т.е. книга отцов или об отцах. Так издавна назывались назидательные сказания о жизни и подвигах духовных отцов, подвизавшихся в пустынях или иноческих обителях различных стран христианского православного мира. Литература патериков возникла в IV—V вв. и достаточно быстро явилась основой жанра, ставшего чрезвычайно популярным в византийской литературе и христианской книжности. В славянской письменности патерики появились на самых ранних этапах ее развития и пользовались исключительной популярностью, дойдя до нас в большом числе рукописей, и вошли в извлечения в славянский Пролог. По образцу переводных патериков на Руси создавались и оригинальные произ-

---

²³ Горский А.А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 38—39, 126.

ведения этого жанра, одним из которых явился Киево-Печерский патерик с рассказами из жизни монахов Киево-Печерского монастыря. Началом для него послужили два послания, написанные в XIII в. Первое принадлежит бывшему киево-печерскому монаху Симону, ставшему впоследствии епископом Владимирским и Суздальским (умер в 1226 г.) и было адресовано его ученику киево-печерскому монаху Поликарпу. Цель послания — научить Поликарпа христианскому смирению путем повествований о чудной жизни подвижников, прославивших Киево-Печерскую обитель. Второе было написано киево-печерским монахом Поликарпом к киево-печерскому архимандриту Акиндину и также состоит из рассказов об иноках обители. Позднее к этим посланиям были присоединены сказания о начале Киево-Печерского монастыря, об украшении обители, первых подвижниках и другие статьи.

Впоследствии он неоднократно редактировался и видоизменялся, дойдя до нас во множестве списков и нескольких редакциях. Подобное обилие списков во многом объясняется тем, что патерик регулярно читался при богослужении, от постоянного использования его экземпляры ветшали, и их приходилось переписывать вновь. Это же обстоятельство привело к тому, что древнейшие списки патерика дошли до нас лишь от конца XV — начала XVI в. Исследователи неоднократно обращались к истории создания данного памятника. В литературе сложилось мнение, что древнейшей редакцией памятника является так называемая Основная редакция.

В 1979 г. Л.А. Ольшевской в собрании рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде был обнаружен список Основной редакции патерика. Он был приобретен в Киеве в июне 1905 г. литературоведом, профессором Киевского университета Ю.А. Яворским (1873—1937), а в 1917 г. от него поступил в библиотеку²⁴. Тогда же известным палеографом Х.М. Лопаревым на основании анализа водяных знаков он был датирован концом XV — началом XVI в.²⁵

При этом на л. 1—13 по нижнему полю рукописи читается: «В лето 6825 [1317] || си || патериць || при || великомь || князе || списано || быста || книга || Иване || Даниловиче || и митрополите || Петре || Киевскиехъ»²⁶. Это дало основание Л.А. Ольшевской считать данный список копией с более ранней рукописи, созданной в 1317 г. «в Ки-

²⁴ Краткий отчет Рукописного отдела [Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина] за 1914—1938 гг. Л., 1940. С. 59—60.

²⁵ РНБ. Собр. Яворского (Ф. 893). № 68.

²⁶ Там же. № 9.

еве при князе Иване Даниловиче и митрополите Петре, о чем свидетельствует запись полууставом на нижних полях л. 1—13»²⁷. По мнению исследовательницы, данный список наиболее близок к протографу Киево-Печерского патерика.

Первая реакция исследователей на данное открытие была скептической. По мнению Е.Л. Конявской, «такое предположение выглядит сомнительным по целому ряду оснований. 1) Почерк, которым выполнена запись, отличается от почерка рукописи и является поздним. 2) Выходные записи не пишут по нижнему полю. 3) Сам текст далеко не безупречен: он содержит мало приемлемую инверсию и неправильную глагольную форму, которая фиксируется только в XVII в. 4) По содержанию записи в 1317 г. Иван Данилович не был великим князем и не княжил в Киеве, поскольку в Троицкой летописи, по свидетельству М. Н. Карамзина, под тем же 1317 г. содержалось известие о посылке его Юрием Даниловичем в Новгород для получения новгородской помощи в борьбе против Михаила Ярославича»²⁸.

Однако в данном случае мы имеем дело не с выходной записью книги, завершавшей труд переписчика (самый известный пример — в Лаврентьевской летописи²⁹), а книжной маргиналией — заметкой на полях рукописи. Учитывая особенности бытования патериков, ее целью являлась необходимость указать источник, с которого был переписан данный текст. При этом, разумеется, запись должна была быть сделана позже написания основного текста рукописи другим почерком.

В отличие от Е.Л. Конявской, львовский исследователь Я.Б. Кныш счел данную маргиналию соответствующей действительности и признал, что в 1317 г. в Киеве княжил некий Иван Данилович. Но, идя в общем русле украинской историографии, он отказался признать в нем московского князя Ивана Калиту.

Как уже говорилось выше, Густынская летопись упоминает Калиту дважды: в 1305 г., где он ошибочно назван внуком Ярослава Всеволодовича, хотя он приходился ему правнуком, а во второй, под 1322 г. уже правильно назван внуком Александра Невского. При этом историк обратил внимание на различия в написании его име-

²⁷ Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. Издание подготовили Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М., 1999. С. 309.

²⁸ Конявская Е.Л. Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1(23). С. 33.

²⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 487—488.

ни: «Иоанъ» (1305) и «Иванъ» (1322). На основании этого он посчитал, что первоначально в тексте Густынской летописи содержалось только известие 1322 г. о «Иване Даниловиче, внуке Александровом». Пытаясь отождествить данного князя, составитель Густынской летописи ошибочно соотнес его с московским князем Иваном Даниловичем Калитой. Что касается известия 1305 г., то его Я.Б. Кныш полагал позднейшей вставкой в текст Густынской летописи.

Размышляя, кем мог быть Иван Данилович, украинский исследователь выстроил следующую генеалогию: у Даниила Галицкого (ум. 1264) был сын Мстислав Данилович (ум. после 1292 г.), у которого имелся единственный сын Даниил Мстиславич, упоминаемый как участник похода 1280 г. в Польшу. В свою очередь у последнего мог быть сын Иван Данилович, сведений о котором нет ни в одном источнике, но которого, видимо, и упоминает Густынская летопись под 1322 г.

Правда, исследователю мешал тот факт, что Даниил Мстиславич скончался еще при жизни отца и в связи с этим после смерти Мстислава Даниловича Волынь, как выморочное владение, отошла к брату последнего Льву Даниловичу. Это явное противоречие Я.Б. Кныш пытался объяснить тем, что Иван Данилович на момент смерти деда был еще несовершеннолетним³⁰. При этом факт, что Густынская летопись под 1322 г. прямо называет Ивана Даниловича внуком Александра, а следовательно, он никак не мог быть внуком Мстислава, украинский исследователь просто проигнорировал. Комментарии в данном случае излишни.

Окончательно решить вопрос — княжил ли в Киеве Иван Калита? — помогает привлечение родословных материалов. К летописной статье 1332 г. IV Новгородской летописи Список Дубровского добавляет любопытные подробности о выезде в Москву родоначальника Квашиных: «Того же лета. По званию великого князя Ивана Даниловича прииде к нему некто отъ киевскихъ благоплеменитыхъ велможъ служити Родионъ Нестеровичъ, а с нимъ сынъ его Иванъ, и с нимъ же княжата и дети боярские и двора его до тысячи и до семисотъ. Князь же велики приять его с радостию, и дасть ему на Москве боярство, и устави ему надо всми болшинство, и дасть ему въ вотчину полъ Волока Ламского, а другая бысть половина Новгородская. По лете же единомъ Родионъ Не-

³⁰ *Книш Я.* Невідомий кийський князь першої чверті XIV століття // *Княжа доба: історія і культура*. Вип. 6. Львів, 2012. С. 261—268.

стеровичь посадника новгородского Микулу сосла и приведе весь к великому князю. На приезд на Москве князь великий дасть ему село во область, кругъ реки Восходни на пятинатцати верстахъ. В те поры же бысть на Москве бояринь некто Онкифъ Гавриловичь, и не восхоте бытии подь Родиономъ в меншихъ и отбеже во Тверь, и с нимъ дети его и внуцы его...»³¹.

Родословная легенда Квашниных о выезде в Москву их родоначальника с дружиной в 1700 человек достаточно подробно разобрана А.А. Горским и, по его оценке, может быть признана в основе достоверной³². Определенные сомнения вызывает лишь дата: Родион Нестерович Рябец не мог выехать в Москву в 1332 г., поскольку упоминаемый в родословной легенде Квашниных боярин Акинф погиб под Переяславлем-Залесским еще в 1305 г. Симоновская летопись под этим годом сообщает: «Въ лето 6814 бысть убьение Акинфова, тферскаго боярина. Князю Михаилу Тферскому, такоже и князю Юрию Московскому въ Орде сущимъ. Князь же Иванъ Даниловичь съ Москвы приехалъ въ Переяславль и сель в немъ. Тогда бысть ему бои съ Акинфомъ Тферскимъ, с княземъ же с Иваномъ съ единаго Переяславская рать, к тому же приспела и Московская рать и бишася зело крепко, и поможе Богъ князю Ивану и уби Акинфа у Переяславля, и зятя его Давыда, и множество тферич, и погнашася за ними и юстигающе много тферичъ побиша. Дети же Акинфовы, Иванъ да Федоръ одва убежали въ Тферь»³³. Данный летописный рассказ восходит к родословной легенде Квашниных, согласно которой их родоначальник возглавлял московскую рать в битве под Переяславлем и лично убил Акинфа. Это означает, что в 1305 г. он уже находился на московской службе.

Выше говорилось, что Густынская летопись создавалась в 70-е — 80-е годы XVII в. Особенность данного памятника состоит в том, что, по сути, он является переходным этапом между летописью и трудом историка. В Густынской летописи встречаются ссылки на «иные русские летописцы», «наши летописцы», «польских летописцев», «угорских летописцев», Печерский патерик, русский Пролог, работы польских историков XV—XVI вв., печатные книги о России С. Герберштейна, А. Гваньини и других авторов. В этой связи для нас важно то, что в 1682 г. при царе Федоре Алексеевиче состоялось соборное определение об отмене местничества, а для памяти по-

³¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская четвертая летопись. Л., 1925. С. 478.

³² Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 36—38.

³³ ПСРЛ. Т. XVIII. Симоновская летопись. М., 2007. С. 86.

томства знатные роды должны были быть внесены в родословные книги. Судя по всему, автор Густынской летописи интересовался подаваемыми в это время в Разряд родословными росписями, включая и роспись Квашниных. Сопоставив упоминаемого в ней Акинфа с тверским боярином, погибшим, согласно общерусским летописям, в 1305 г. под Переяславлем-Залесским, он пришел к выводу, что уже в это время киевский боярин Родион Нестерович служил Ивану Калите. Автор Густынской летописи был знаком и с Киево-Печерским патериком (о чем в ней имеется прямая отсылка). Сопоставив родословие Квашниных с пометой на рукописи патерика, что он был списан с другого экземпляра при великом князе Иване Даниловиче и митрополите Петре, он пришел к выводу, что именно в 1305 г. в Киеве начал княжить Иван Калита.

Ранние редакции родословных книг, составленные в 40-х годах XVI в., родоначальником Квашниных именуют не Родиона Нестеровича, а его отца Нестера Рябца, пришедшего из Литвы к Ивану Калите³⁴. Ипатьевская летопись под 1282 г. сообщает, что галицкий князь Лев Данилович послал на польского князя Болеслава «воеводы... Тюима, и Василка Белжянина, и Рябця»³⁵. Крайне маловероятно, чтобы одновременно в Южной Руси были два боярина с одинаковым прозвищем (ни ранее, ни позже аналогий ему не встречается). Отождествление Рябца — боярина Льва Даниловича Галицкого с Нестером Рябцом, выехавшим к Ивану Калите, ставит вопрос, каким образом он оказался на службе у последнего.

Известно, что в Средневековье служебные отношения бояр и князей носили исключительно личный характер. Нередко переходы бояр к другим князьям были связаны с кончиной прежнего сюзерена. К сожалению, у нас нет летописного известия о смерти Льва Даниловича. Исследователи, исходя из косвенных данных, датируют ее концом 1299, 1300 или (самое позднее) 1301 г. Возможно, Рябец не желал почему-либо служить его сыну, Юрию Львовичу, и перешел к московскому князю³⁶.

Но каким образом Иван Калита стал княжить в Киеве? Для этого необходимо напомнить о существовании на Руси системы совместного (или «сместного») владения князьями — потомками Рюрика. По состоянию источников XIV—XV вв. она лучше всего изучена на материалах Москвы. Но о ее наличии известно в Ро-

³⁴ Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 48, 137.

³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 889.

³⁶ Горский А.А. Москва и Орда. С. 39—40.

стове, Рязани, Смоленске, Белоозере, Новгороде, Твери и других русских городах. Рассмотрение истории системы совместного владения в Древней Руси должно составить предмет отдельного исследования. Здесь же укажем, что Киев в данном случае не составлял исключения.

Подобно тому, как Москва делилась в XIV—XV вв. на «трети», Киев был разделен на две «половины». Можно ли выяснить хотя бы примерные их границы? Определенные «зацепки» дает летописный рассказ об убийстве Аскольда и Дири, согласно которому первого «несоша на гору и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорское, кде ныне Ольминь дворъ; на той могиле поставилъ Ольма церковь святаго Николу; а Дириова могила за святою Ориною»³⁷.

Киевские дворы как своего рода топографические указатели неоднократно упоминаются в «Повести временных лет». Кем был Ольма, строитель Никольской церкви, неизвестно. Большинство исследователей считают его современником летописца Нестора, боярином, который был хорошо известен киевлянам в начале XII в. Полагают, что двор располагался в окольном городе Киева, в Угорском — киевском урочище на высоком правом берегу Днепра, в 2 км южнее Старокиевской горы. На этом основании некоторые отождествляют Ольму с Альмошем, полуполюгендарным вождем венгерских племен, проходивших в конце X в. мимо Киева. Впрочем, третьи утверждают, что никакого Ольмы не было, а в летопись вкралась описка: речь должна идти о дворе княгини Ольги, которая, по одной из версий, была здесь первоначально похоронена. В середине XII в. «под Угорским» существовал княжеский двор Изяслава Мстиславича. Местоположение Дириовой могилы указывает церковь св. Ирины. Она была заложена при Ярославе Мудром в 1037 г.³⁸ в честь небесной покровительницы его жены Ингигерд, в крещении Ирины. Храм находился в пределах так называемого Ярославова города, между Золотыми воротами и Софийским собором. В литературе ранее уже обращалось внимание на разницу в захоронениях Аскольда и Дири. Правда, данный факт предпочитали интерпретировать как указание на разновременность их правления. Между тем, Начальная летопись четко фиксирует одновременность гибели Аскольда и Дири, что дает нам возможность предположить, что деление Киева на «половины» восходит к IX в.

³⁷ Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999. С. 14.

³⁸ Там же. С. 66.

Несмотря на то, что Киев фактически был поделен на отдельные части между князьями-совладельцами, его окончательному разделу между князьями препятствовало то обстоятельство, что в их общей нераздельной собственности продолжал оставаться целый ряд учреждений и категорий населения. Они позволяли выполнять отдельные общие функции (оборона, сбор дани, наличие единого торга и т.п.) для всех князей более эффективно, с меньшими затратами, нежели, если бы они находились в индивидуальной собственности одного из них.

Пожалуй, самой главной обязанностью всех совладельцев Киева являлась совместная оборона города при нередких тогда вражеских нашествиях. Понятно, что все, без исключения, совладельцы должны были заботиться о состоянии городских укреплений. При первой же угрозе появления врага горожане покидали свои дворы и садились «в осаду». На случай таких чрезвычайных ситуаций требовалось единоначалие.

Издавна в Киеве существовал торг, обеспечивавший князьям значительную часть их доходов за счет сбора различных торговых пошлин, главной из которых являлась тамга. Разумеется, при желании князья-совладельцы могли завести несколько отдельных торгов. Но с экономической точки зрения из-за возможной конкуренции это было бы бессмысленным и абсурдным. Поэтому в Киеве имелся лишь один торг, находившийся в совместном ведении князей. Как известно, он располагался на Подоле. Требовала своей координации и политика по сбору проезжих пошлин на мытах.

Неудивительно, что в этих условиях один из киевских князей-совладельцев по отношению к другим (в пределах Киева) выступал в качестве великого князя. Именно этим обстоятельством и объясняется запись в книжной маргиналии на страницах Киево-Печерского патерика о «великом князе Иване Даниловиче». В данном случае Иван Калита являлся главным по отношению к другим князьям-совладельцам Киева.

Тот факт, что в совместной собственности князей находилась и ближайшая округа столицы, дает возможность уточнить число совладельцев Киева. Киевская земля делилась на шесть частей. Помимо частей, приходившихся на долю Ярославичей, сыновей Ярослава Мудрого, здесь имелись владения Изяславичей — потомков Изяслава Владимировича, владевших Полоцкой землей. Все эти князья происходили от Владимира Святого и поэтому неудивительно, что летописец XII в. именовал эти земли вокруг Киева Ру-

стью (в узком смысле). Выяснить приблизительные границы частей, на которые делилась Киевская земля, позволяет тот факт, что на рубеже XI—XII вв. в ее пределах начинают упоминаться княжеские стольные города. В некоторых случаях имеется возможность даже определить их владельческую принадлежность. Так, *Белгород Киевский* на правом берегу р. Ирпень (ныне село Белгородка) пришелся в конце XI в. на долю смоленского князя Рюрика Ростиславича и стал резиденцией последнего. Также центрами особых княжений в этот период становятся *Вышгород*, в 20 км к северу от Киева (ныне одноименное село на правом берегу Днепра), *Канев* (ныне город в Черкасской области) и др.

Но как позднейшие князья, которых, судя по стольным городам в Киевской земле, было явно больше двух, управляли киевскими «половинами»? Судя по тому, что в аналогичном случае в XV в. московские князья-совладельцы управляли частями города по годам, чередуясь между собой, аналогичным способом поступили и совладельцы Киева.

Начиная с середины XII в. Киев начинает терять свое значение, а центр политической и экономической жизни вслед за массой переселенцев перемещается из Южной в Северо-Восточную Русь. И если еще Юрий Долгорукий, следуя старинному обычаю, пытается закрепиться в столице Древней Руси, то уже его сын Андрей Боголюбский этого не делает, посылая в Киев в качестве наместников своих младших родичей. Данная традиция успешно пережила Батыево нашествие и именно в этом качестве номинального владельца части Киева оказался в начале XIV в. Иван Калита. Вряд ли он когда-либо был в бывшей столице Древней Руси. Очевидно, все функции по управлению городом он передал своему наместнику в лице родоначальника Квашниных — боярина Нестера Рябца.

История Киева в первое столетие после Батыева нашествия крайне скупо освещена источниками. Можно говорить лишь о том, что во второй четверти XIV в. он начинает входить в сферу влияния Великого княжества Литовского. У нас есть возможность установить имя одного из киевских совладельцев Ивана Калиты. Под 1331 г. летописи помещают рассказ о киевском князе Федоре. Сообщается, что находившийся в этот момент на Волыни митрополит Феогност поставил новгородским архиепископом Василия. Одновременно к Феогносту явились послы из Пскова, просившие поставить им епископом Арсения, кандидатуру которого поддерживал великий литовский князь Гедимин. Но это нарушало бы

единство Новгородской епархии, и Феогност отказался. После того, как Арсений потерпел неудачу, разгневанный Гедимин «велел поймати» Василия. По словам летописей, митрополит Феогност предупредил Василия и его спутников о том, что Гедимин отправил за ними в погоню отряд воинов. Новгородцам удалось избежать встречи с погоней, но под Черниговом их настигли «Феодор князь Киевский со баскакы в 50 человек разбоем», взяли с них «окуп», а «Ратьслава, протодьякона митрополита, изымав в Киев повели»³⁹.

Относительно происхождения князя Федора в литературе существует несколько версий. Одна из них называет его братом Гедимины. Мнение это основывается на данных записей, произведенных в канцелярии митрополита Феогноста во время пребывания его на Волыни в сентябре 1330 — первой половине 1331 г. и касающихся главным образом имущества незадолго перед тем умершего литовского митрополита Теофила. В записях, между прочим, значится: «Дал Федор, брат Гедимины серебряных кавкиев два; от Александра князя — серебряный кавкий»⁴⁰. Упомянут также некий Рослав, которого М.Д. Приселков счел возможным принять за плененного князем Федором под Черниговом Ратслава, протодьякона митрополита Феогноста⁴¹.

Очевидно, именно из-за этих событий в 1331 г. сын киевского наместника Калиты — Нестера Рябца Родион Нестерович счел за благо окончательно покинуть Киев и переселиться в Северо-Восточную Русь. Это обстоятельство позволяет объяснить противоречие в родословной легенде Квашниных, когда более ранний вариант говорит о выезде в Москву Нестера Рябца, а более поздний — его сына Родиона Нестеровича. Нестер Рябец, перейдя на службу московскому князю, физически не покидал Киева, тогда как его сын Родион, вследствие событий 1331 г. вынужден был оставить Южную Русь.

В родословной легенде Квашниных верной оказывается и дата их окончательного выезда — 6840 г. Воскресенская летопись точно датирует основные этапы поездки Василия на Волынь: на страст-

³⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 170. Впоследствии новгородские послы и архиепископ Василий вынуждены были заключить с Гедимином соглашение, подробности которого приводит Никоновская летопись: новгородцы обязались посадить сына Гедимины Наримунта «на пригороды на новгородцкия Ладогу и Ореховъ городокъ, и Корелскую землю и половину Копорья ему и детемъ его въ вотчину и въ днину» (ПСРЛ. Т. X. С. 204.)

⁴⁰ *Приселков М.Д., Фасмер М.Р.* Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XXI. Кн. 1. СПб., 1916. С. 58.

⁴¹ Там же. С. 67.

ной неделе в Новгород прибыли послы от митрополита Феогноста с приглашением Василию ставится «на владычество», 24 июня он покинул Новгород, поставление архиепископом состоялось во Владимире Волынском 25 августа, после чего Василий пошел на Киев 1 сентября, и пришел в Торжок 3 ноября 1331 г.⁴² Поскольку в Воскресенской летописи использовался мартовский стиль (год начинался с марта), она поместила данный рассказ под 6839 г. Никоновская летопись использовала сентябрьский стиль. Поэтому поставление Василия она отнесла к 6839 г., а последующие события — к 6840 г.

Признание достоверности родословной легенды Квашнинных приводит нас к выводу о достоверности известия Густынской летописи о княжении в Киеве в первой четверти XIV в. Ивана Калиты. Именно этим обстоятельством и следует объяснить тесные связи митрополита киевского и всея Руси Петра и московского князя.

Несмотря на то, что в начале 30-х годов XIV в. Киев перестал быть наследием Рюриковичей и перешел к новой династии литовских князей, бывшая столица Древней Руси, хоть и номинально, продолжала в церковном плане сохранять свою роль. Лишь в июле 1354 г. Константинопольский патриарх Филофей распорядился созвать церковный собор, который вынес специальное определение об официальном переносе кафедры Русской митрополии из Киева во Владимир. При этом глава Русской церкви, как и ранее, должен был именоваться «митрополитом Киевским и всея Руси»⁴³. И только в середине XV в. этот титул был заменен на «митрополита Московского и всея Руси» при митрополите Ионе, который был возведен в декабре 1448 г. на митрополичью кафедру без согласия Константинопольского патриарха.

Как видим, переход от Киевской Руси к Московской растянулся в общей сложности на три столетия.

Литература

Полное собрание русских летописей.

Т. I. Лаврентьевская летопись. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 496 с.

Т. II. Ипатьевская летопись. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1843. — 377 с.

Т. II. Ипатьевская летопись. — М. : Языки русской культуры, 1998. — 648 с.

⁴² ПСРЛ. Т. VII. С. 202—203.

⁴³ Русская историческая библиотека. 2-е изд. Т. VI. Ч. 1. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. Приложения. № 12. Стб. 64—70.

- Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 720 с.
- Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская четвертая летопись. Л., 1925. — 536 с.
- Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. — М. : Языки русской культуры, 2001. — 360 с.
- Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 248 с.
- Т. XVIII. Симеоновская летопись. — М. : Языки славянских культур, 2007. — 328 с.
- Т. XXI. Книга Степенная царского родословия. 1-я половина. — СПб. : Типография М.А. Александрова, 1908. — 342 с.
- Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. — М. : Языки славянских культур, 2004. — 488 с.
- Т. XL. Густынская летопись. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 202 с.
- Повесть временных лет. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Наука, 1999. — 668 с.
- Редкие источники по истории России. Вып. 2. — М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1977. — 186 с.
- Русская историческая библиотека. 2е изд. Т. VI. Ч. 1. Памятники древнерусского канонического права. — СПб. : [Тип. М. А. Александрова], 1908. 1472 с. и стб., разд. паг.
- Белинский, В.Б.* Страна Моксель или открытие Великороссии: роман-исследование. — Киев : Видавництво ім. Олени Теліги, 2006. — Кн. 1. — 408 с.; — Кн. 2. — 344 с.; — Кн. 3. К., 2009. — 336 с.
- Горский, А.А.* Москва и Орда. — Москва : Наука, 2000. — 214 с.
- Горский, А.А.* Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. — Санкт-Петербург : Наука, 2016. — 185 с.
- Грушевський, М.С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. — Київ : Наукова думка, 1991. — 541 с. (репринт издания 1891 г.).
- Дашкевич, Я.* Учи неложними устами сказати правду: історична есеїстка. — Київ : Темпора, 2011. — 828 с.
- Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. Издание подготовили Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. — Москва : Наука, 1999. — 494 с.
- Ключевский, В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. II. Курс русской истории. Часть II. — Москва : Мысль, 1988. — 446 с.
- Книш, Я.* Невідомий київський князь першої чверті XIV століття // Княжа доба: історія і культура. — Вип. 6. — Львів, 2012. — С. 261—268.
- Конявская, Е.Л.* Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2006. № 1(23). — С. 32—45.
- Краткий отчет Рукописного отдела [Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина] за 1914—1938 гг. — Л., 1940. — 302 с.
- Покровский, М.Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет (доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г.) // Вестник коммунистической академии. — М., 1928. № 2 (26). — С. 3—30.
- Приселков, М.Д., Фасмер, М.Р.* Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. — Т. XXI. Кн. 1. — СПб., 1916. — С. 48—70.
- Фриман, Э.* Методы изучения истории. — 2-е изд. — Москва : Либроком, 2011. — 197 с.

И.В. Поткина

Экономическая деятельность в нравственном измерении: концепция добра В.С. Соловьева

**Economic activities in a moral dimension: the concept of good
by V.S. Solovyov**

Аннотация: В статье рассматриваются важнейшие положения концепции нравственной экономики выдающегося религиозного мыслителя России конца XIX в. В.С. Соловьева, изложенные им в главном философско-этическом труде «Оправдание добра». Показано его отношение к политэкономии как науке, раскрывается его интерпретация факторов производства, которые имеют двойственную природу — земля, труд и капитал. В работе подробно анализируются взгляды религиозного философа на понятие собственности, в каком преобладающее значение отдается моральным и психологическим факторам. В статье также представлена трактовка В.С. Соловьевым основного экономического закона спроса и предложения с позиций добра и справедливости. В завершение приводятся положения хозяйственного переустройства общества на нравственных началах, а также заложенное в «Оправдании добра» послание будущим поколениям.

Ключевые слова: нравственная философия, концепция добра, нравственная экономика, ростовщичество, труд, производство, собственность, государство.

Annotation: The article deals with the most important provisions of the moral economy concept by the great religious Russian philosopher of the 19th century Vladimir Solovyov, which were set out in his book “Justification of good”. It is shown his attitude to political economy as a science, as well as his interpretation of factors of production, which have a dual nature — land, labor and capital. The author analyzes in detail the views of a religious philosopher on the concept of property, in which he gives predominant importance to moral and psychological factors. The article also presents the Solovyov interpretation of the basic economic law of supply and demand from the standpoint of goodness and justice. In conclusion, the provisions of the economic reorganization of society on a moral basis are given, as well as the message to future generations included in the “Justification of Good”.

Keywords: Moral philosophy, The concept of good, Moral economy, Usury, Labour, Production, Property, State.

В текущем 2020 году соединились знаковые для гуманитарных наук памятные даты, связанные с именами двух выдающихся ученых России XIX в. — историка С.М. Соловьева и его сына философа В.С. Соловьева. Их влияние на развитие отечественной науки было велико не только в прошлом, но и оказалось довольно значительным в настоящее время. Если говорить о В.С. Соловьеве, то

его творческое наследие стало активно изучаться только на рубеже XX—XXI в.

Первые издания на русском языке, принадлежавшие перу С.К. Маковского и С.М. Соловьева-младшего, появились за границей в 1962 и 1977 гг., хотя и были написаны значительно раньше. Спустя много лет на излете XX в. литературно-биографический очерк и полномасштабная история жизни и творчества В.С. Соловьева наконец-то увидели свет и в России¹. Что касается нашей страны, то в СССР в 1983 г. впервые была опубликована фундаментальная монография с непростой судьбой опального философа, писателя и культуролога А.Ф. Лосева, посвященная изучению творческого наследия В.С. Соловьева, над которой автор работал практически всю жизнь. Изучение взглядов русского религиозного мыслителя продолжили такие известные последователи А.Ф. Лосева, как П.П. Гайденок, посвятившая ряд работ отечественным философам Серебряного века, в том числе и В.С. Соловьеву². К началу XXI столетия ситуация резко изменилась: началось систематическое и комплексное познание всего философского и литературного творчества В.С. Соловьева разными представителями общественных наук как в столицах, так и в регионах.

С 2001 г. Ивановский энергетический университет начал регулярно выпускать периодический журнал «Соловьевские исследования», главная миссия которого заключается в содействии научно-исследовательским работам, связанным с изучением сочинений самобытного мыслителя, а также других выдающихся деятелей гуманитарного направления в науке. Журнал стал той платформой, которая объединила философов, литературоведов, культурологов и филологов не только из России, но и зарубежья. Благодаря этому и другим периодическим изданиям в последние годы появилось много работ, исследовавших те или иные аспекты воззрений В.С. Соловьева, причем подавляющее большинство вышли из-под пера философов и культурологов. Практически все единодушно сошлись в том, что главным произведением русского религиозного мыслителя является объемистая философско-этическая книга «Оправдание добра». Журнал «Соловьевские исследования» отметил 120-летие

¹ *Маковский С.К.* Последние годы Владимира Соловьева (1853—1900) // На Парнасе Серебряного века. М., 2000; *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997.

² *Гайденок П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001; *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. 2 изд., исправл. М., 2009.

выхода в свет труда подборкой статей, в которых современными учеными рассматривались морально-этические аспекты, поднятые выдающимся философом прошлого в его работе³.

На важнейшее сочинение мыслителя второй половины XIX в. не могли не обратить внимание нынешние представители экономической науки, поскольку в нем есть небольшая 16 глава, которая называется «Экономический вопрос с нравственной точки зрения». Однако их обращение к трудам В.С. Соловьева или носит эпизодический характер, или связан с изучением взглядов его современников на материально-производственную сферу деятельности человека, или используется как пояснение к анализу современной международной экономической политики и мировой системы хозяйства⁴. Особенность подхода некоторых экономистов состоит в том, что они рассматривают взгляды В.С. Соловьева на эту сферу активности человека вне контекста его нравственной философии. Однако есть и такие, кто представил анализ соловьевской «теории хозяйства» в неразрывной связи с проблемами нравственности. Как бы то ни было, сам факт возникновения интереса со стороны современных специалистов к наследию В.С. Соловьева не только знаменателен, но и закономерен в условиях напряженного политического и экономического противостояния в современном мире. Более ста лет тому назад русские религиозные философы в лице В.С. Соловьева и таких его последователей, как С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн и др. поставили вопрос о взаимной морально-нравственной ответственности государства и всех участников хозяйственного процесса. Идеалистическая соловьевская концепция экономической деятельности человека, рассматривающая эту сферу деятельности исключительно с позиций добра и нравственности, оказалась в настоящее время как нельзя актуальной и востребованной обществом.

«Оправдание добра» В.С. Соловьев писал в 1890-е г., и сначала выходили отдельные главы сочинения в разных столичных периодических изданиях. Целиком книга была напечатана в 1897 г. в типографии петербургского историка и публициста, редактора журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича незадолго до смерти

³ Наследие В.С. Соловьева. К 120-летию публикации «Оправдание добра» // Соловьевские исследования. 2017. Вып. 2 (54). С. 6—43.

⁴ Катасонов В.Ю. Православное понимание общества. Социология Константина Леонтьева. Историческая философия Льва Тихомирова. М., 2015; Шапкин И.Н. Теория хозяйства в русской религиозной мысли, конец XIX — начало XX в. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. М., 2019.

автора. Выдающийся русский философ А.Ф. Лосев назвал «Оправдание добра» «вершиной классического идеализма» В.С. Соловьева. По мнению ученого, отличительной чертой «этого большого трактата» является то, что труд «построен на самом тщательном внимании к человеческим нуждам и потребностям, к человеческим чувствам и стремлениям, на рассмотрении самых обыкновенных путей человеческой жизни, взывающих, несмотря на стихию зла, к ясной простоте правды и добра, установленных не путем насилия, но в результате самых искренних влечений человеческой воли»⁵. Если поэт и тонкий художественный критик, знаток литературы и искусства С.К. Маковский считал, что В.С. Соловьев «был во всех своих писаниях и в жизни проповедником, моралистом-христианином, отдававшим себя “спасению человечества” и через него и всего мироздания»⁶, то ученый и литератор А.Ф. Лосев, наоборот, видел духовную миссию «Оправдание добра» несколько иначе. Задавшись целью дать определение добра, автор произведения, по его мнению, не впадает «в какой бы то ни было тон наставления, проповеди или пропаганды». Что касается проблем общественного развития, то, как считал А.Ф. Лосев, экономическая и политическая жизнь, государство и право, по Соловьеву — это «неотъемлемые моменты исторического стремления человечества к правде и добру»⁷.

Современные исследователи серьезно углубились в изучение фундаментального философского произведения «Оправдание добра», проведя контент-анализ текста путем построения логико-математических моделей. В итоге пришли к ряду интересных наблюдений, значимых в том числе и для главы об экономической деятельности. По мнению известного специалиста в области философии науки и логики В.И. Моисеева, «Соловьев поставил перед собой масштабную задачу дать рациональное обоснование идеи добра, своего рода “доказательство добра” в рамках системы идей всеединства». Он показал, что работу В.С. Соловьева невозможно отнести к чисто религиозной, она выражает «собой линию своеобразного философского рационализма». На эту особенность сочинения указывал и С.М. Соловьев-мл., отмечавший, что «Оправдание добра» при всем аскетизме морали было лишено церковного духа. Более того, автор передавал — отмечает В.И. Моисеев — «обычным языком некоторую сложную систему структур,

⁵ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 148.

⁶ Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. С. 49.

⁷ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 147, 148.

подобную, например, конструкциям современной квантовой механики. Обладая блестящим литературно-философским языком, Соловьев как бы пишет популярное изложение некоторой науки, для которой еще нет учебника и монографий, и прекрасно справляется с этой задачей». И, наконец, согласно В.И. Моисееву, центральные смыслы и понятия в «Оправдании добра» — это «путь жизни и нравственный базис»⁸.

Концепция нравственной экономики В.С. Соловьева является неотъемлемой частью его общих воззрений, изложенных в «Оправдании добра». Она представлена на суд заинтересованного читателя предельно просто, ясно и логично, и, как это видно, органично встраивается в вышеописанную модель, являясь одним из «доказательств добра» и вытекающей из него социальной справедливости. В.С. Соловьев отвергал современные ему либеральные теории хозяйства, поскольку они отрицали «всякие этические начала <...> в области хозяйственных отношений». Он считал господствующую «ортодоксальную политическую экономию» несостоятельной, поскольку «она отделяет принципиально область хозяйственную от нравственной»⁹. Такое отношение В.С. Соловьева к экономическим учениям XIX в. дало основание современному исследователю В.Ю. Катасонову утверждать, что русский философ якобы отказал экономике быть наукой¹⁰. Историк-экономист И.Н. Шапкин не разделяет данное весьма спорное утверждение. Согласно его обоснованной точке зрения, В.С. Соловьев доказывал только ограниченность экономической науки, а сами законы для философа не являлись абсолютными¹¹.

Как нам представляется, В.С. Соловьев в своей работе доказывал и утверждал то, что было важнее всего в рамках его нравственной философии, а именно: любая деловая активность без строгого соблюдения морально-этических норм является несправедливой и циничной с общечеловеческой точки зрения. Он был твердо убежден в следующем: «особенность и самостоятельность хозяйствен-

---

⁸ *Моисеев В.И.* О субъектных структурах в «Оправдании добра» Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. 2017. Вып. 2 (54). С. 6, 7, 9; *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 318.

⁹ *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. [Электронный ресурс]. М., 2012. С. 407.

¹⁰ *Катасонов В.Ю.* Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М., 2013. С. 202.

¹¹ *Шапкин И.Н.* Теория хозяйства в русской религиозной мысли, конец XIX — начало XX в. С. 154.

ной сферы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое, своеобразное поприще для применения единого нравственного закона». И далее В.С. Соловьев поясняет, что «область экономической деятельности» не должна обособляться и утверждаться как самостоятельная и самодовлеющая. Главный тезис философского идеалистического рационализма 16 главы «Оправдания добра» исходит из аксиомы: индивидуум — существо нравственное и способное подчинять все свои действия мотивам чистого добра, и поэтому «явления хозяйственного порядка мыслимы только как деятельности» духовного человека¹².

Отправная идея В.С. Соловьева состоит в том, что условия и общепринятые тогда (и добавим сегодня) принципы ведения хозяйства порождают неисчислимы экономические бедствия и ведут к росту преступности. И происходит это от того, что отношения в данной сфере деятельности человека «не связаны как должно с началом добра, не организованы нравственно»¹³. Прежде остановимся на отношении В.С. Соловьева к таким классическим базовым категориям, как факторы производства — земля, труд и капитал. В отличие от экономической теории у него совершенно иной взгляд на ресурсы, необходимые для производства товаров и услуг. Во-первых, все они попеременно то являются подлежащими, т.е. субъектами или производителями, то предметами потребности: «рабочий, как живое существо, имеет потребность в средствах к существованию, и он же, как рабочая сила, есть предмет потребности для предпринимателя или капиталиста, который в свою очередь, как наниматель, есть предмет потребности для рабочего». Во-вторых, двойственная природа факторов производства, по В.С. Соловьеву означает, что они «имеют свойство физической безграничности и нравственной неопределенности». Эта особенность проявляется в том, что потребности могут возрастать и осложняться до бесконечности, а сами потребности и способности также бывают разного достоинства, равно как и силы природы могут употребляться в самых различных направлениях¹⁴.

В современной экономической теории дополнительно выделяют еще такой фактор, как предпринимательские способности, который связывает воедино остальные ресурсы производ-

---

¹² Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 412, 426.

¹³ Там же. С. 407.

¹⁴ Там же. С. 428.

ства. С.Н. Булгаков, испытавший серьезное влияние философии В.С. Соловьева, практически был первым, кто указал на созидательную роль предпринимателя в экономическом развитии. В своей работе «Философия хозяйства», говоря о природе производства, он писал, что оно «есть прежде всего система объективных действий, субъективное здесь объективируется, грань, лежащая между субъектом и объектом, снимается, субъект актуально выходит из себя в объект». Конкретизируя свою мысль, религиозный философ отмечал следующее. Во-первых, хозяйство в политико-экономическом смысле необходимо воспринимать как акт творчества, представляющий собой «синтез свободы и необходимости». Рассматриваемое с этих позиций «*хозяйство есть явление духовной жизни* в такой же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности и труда». При такой интерпретации на первый план выходят вопросы, связанные с этикой предпринимательства. Во-вторых, по С.Н. Булгакову, хозяйство является постоянным моделированием или проектированием действительности, и вместе с тем объективированием идей субъекта, т.е. владельца предприятия. Другими словами, та или иная хозяйственная единица, являющаяся конкретным воплощением активности предпринимателя, и исторические условия, в которых он находится, представляют собой «живое и непосредственное единство»¹⁵. Как видно, С.Н. Булгаков не просто развил соловьевскую концепцию нравственной экономики, но, главное, предвосхитил появление некоторых теоретических понятий современной политэкономии.

О таком факторе производства, как земля В.С. Соловьев рассуждал не так много, как о труде, но эти два понятия в его концепции существуют в неразрывном единстве. Ссылаясь на стих 23 третьей главы книги Бытия Ветхого Завета, философ отмечал, что обязанность возделывать землю «прямо указана в заповеди труда». Однако это важнейшая для человеческого существования деятельность не должна, по его мнению, вести к истощению и разрушению данного фактора производства, а наоборот к улучшению или, как написано, к введению ресурса «в большую силу и полноту бытия». Поскольку, по В.С. Соловьеву, природа вообще, и земля в частности, есть овеществленная сущность, то человечество может и должно «способствовать в ее одухотворении». А из этого логически следует, что «цель труда по отношению к материальной

---

¹⁵ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 76, 79, 186, 187. Курсив автора.

природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой — оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного»¹⁶. По сути дела, В.С. Соловьев предвосхитил возникновение современной прикладной науки о взаимодействии индустрии и техносферы с окружающей средой — промышленную экологию. Его слова, сказанные более ста лет тому назад, сегодня чрезвычайно актуальны и злободневны, и не оставят равнодушными экологов, ревностных борцов за сохранение естественной среды обитания: «*Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни*»¹⁷.

Большая часть 16 главы посвящена разъяснению фактора труда с позиций нравственной экономики и доказательству добра в хозяйственной сфере. По мнению В.С. Соловьева, необходимость труда для поддержания собственного существования — это естественная потребность человека, и эта данность никак не связана с нравственным началом, т.е., говоря его словами, труд — заповедь Божия. А вот все последующие взаимоотношения — распределение и потребление произведенного продукта — обуславливаются сугубо психологическими и этическими факторами, но не экономическими. В.С. Соловьев много внимания уделил проблеме определения сущности труда и в итоге пришел к следующему выводу. «С точки зрения нравственной труд есть взаимодействие людей в области материальной, которое, в согласии с нравственными требованиями, должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должно преобразовать и одухотворить материальную природу»¹⁸.

Постоянно возвращаясь к понятию «труд» и раскрытию его содержания в системе координат нравственной экономики, В.С. Соловьев подходил к описанию данного термина с разных сторон и таким образом раскрывал бесконечное множество нюансов главного смысла, черпая примеры из современной ему жизни. Русский философ глубоко проник в понимание общих основ и особенностей хозяйственной деятельности общества. Всю экономическую активность с сущностной точки зрения он совершенно верно характеризовал тремя основными политэкономическими понятиями: *производство* (труд и капитал), *распределение* собственности и

¹⁶ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 426, 427.

¹⁷ Там же. С. 427 (курсив автора).

¹⁸ Там же. С. 429.

обмен ценностей. Однако считал единственно правильным трактовать их с позиций нравственности, и при этом во всех последующих рассуждениях отталкивался от ключевого термина «труд». Поэтому производство, по В.С. Соловьеву, должно совершаться «не на счет человеческого достоинства производителей». Иными словами, распределение материальных благ между субъектами экономических отношений, движение товара от одного владельца к другому — все это имеет смысл только в том случае, когда способствует в конечном счете материальному благополучию человека и его духовному совершенствованию. Он подчеркивал, что «признание материального богатства целью экономической деятельности может быть названо первородным грехом политической экономии», и виновником такой точки зрения являлся основоположник классической экономической теории Адам Смит¹⁹.

Важное место в соловьевской системе «доказательств добра» принадлежит анализу такой экономической и юридической категории, как собственность. Именно с ней связаны, по его мнению, самые острые проблемы хозяйственной жизни. Как известно, данный институт складывается исторически в течение длительного времени в качестве формы присвоения материальных благ, а значит он сопряжен с их распределением между субъектами социума. Согласно В.С. Соловьеву, понятие собственности «более принадлежит к области права, нравственности и психологии, нежели к области отношений хозяйственных». И поэтому он подразделял ее, в отличие от экономической науки, на два вида: собственность внутреннюю, т.е. относящуюся к сфере психологической жизни, и на материальное достояние в области внешней собственности²⁰. Остановимся на анализе второго вида, поскольку имуществам как таковым принадлежит важная роль в хозяйственной деятельности человека.

Данный раздел «Оправдание добра» один из самых сложных, интересных и оригинальных по логике изложения «доказательств добра» в сфере имущественных отношений. Во-первых, по В.С. Соловьеву, собственность в строгом смысле — это право употребления и злоупотребления своей вещью. Во-вторых, само основание принадлежности предметов тому или другому лицу или их усвоение индивидами не дано непосредственно. Для более полного раскрытия сути явления В.С. Соловьев обратился к проблеме

---

¹⁹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 417, 423, 426.

²⁰ Там же. С. 429, 431.

возникновения собственности, которая создается двумя способами либо завладением, либо трудом. В последнем случае он показал множество противоречивых нюансов, и в конце концов пришел к выводу, что «реального основания, по которому произведение труда должно быть предметом чьей-нибудь собственности, не существует». Исходя из этого, В.С. Соловьев в который раз апеллировал к «основаниям идеальным»²¹, т.е. к нравственному базису. Обращает на себя внимание тот факт, что в его интерпретации термина собственности ключевым опять становится понятие труд.

Именно в этой системе координат он рассматривал такой фактор производства, как капитал. В обществе, в котором «потребности и условия достойного существования представляют <...> лишь приблизительно <...> постоянную величину», то для отдельных лиц появляется возможность накопления материальных средств, т.е. образование капитала. Поскольку видимая связь между человеком и капиталом ничтожна, то капитал, как доказывал В.С. Соловьев, «есть чистое произведение человеческой воли», от которой и зависит, куда направить накопленное: в сбережения или на текущие потребности, употребить капитал с пользой для общества или во вред²². И таким образом философ возвращается к постулируемой им изначальной сущности понятия собственности, т.е. к преимущественно психологическим и нравственным параметрам. Исходя из этого неудивительно, что В.С. Соловьев дал следующее определение наследственной, и главным образом земельной, собственности — это «есть пребывающая реализация нравственного взаимоотношения в самой тесной, но зато и в самой коренной общественной сфере — семейной»²³.

В.Ф. Эрн, младший современник и последователь В.С. Соловьева, вдохновившись его идеями, представил развернутую христианскую концепцию собственности в своей первой философской работе, опубликованной в 1905 г. и посвященной памяти выдающегося мыслителя и поэта Серебряного века. В.Ф. Эрн предложил три ступени анализа термина «собственность» в контексте исторических реалий: частная собственность на микроуровне, общинная христианская собственность на мезоуровне, и общественная собственность на макроуровне²⁴. И только по

²¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 432, 433.

²² Там же. С. 434, 435.

²³ Там же. С. 436—437.

²⁴ Эрн В.Ф. Христианское отношение к собственности // Вопросы экономики. 1990. № 4.

прошествии ста лет впервые появился обстоятельный и глубокий анализ этого сочинения, который предпринял наш современник Н.В. Сомин²⁵. Нам же важно подчеркнуть то, что объединяло взгляды двух философов на проблему собственности. И для того и для другого в имущественных отношениях между субъектами социума на разных его уровнях важен был духовно-нравственный базис. Только такой фундамент, по мнению В.С. Соловьева и В.Ф. Эрна, был необходим для совершенствования всей системы общественных взаимосвязей в сфере распоряжения, владения и пользования объектом собственности.

В изложении основ нравственной экономики В.С. Соловьев затронул еще один аспект, который приобрел в современной жизни гипертрофированные формы. Выражаясь его языком, речь идет о «трех зловредных стволах» в сфере обмена товарами и услугами — фальсификации (или, как принято сегодня писать, контрафакте), спекуляции и ростовщичестве. Причина названных аномальных явлений коренилась, по мнению философа, в «превращении материального интереса из служебного в господствующий, из зависимого в самостоятельный, из средства в цель». Обмен как промежуточное звено, которое связывает производство и потребление, превращается при таких условиях в обман, как остроумно заметил мыслитель. Устранить негативные, корыстолюбивые по сути, явления в экономических отношениях, можно и должно, по В.С. Соловьеву, только одним способом — внешними рычагами, воздействуя на их нравственный корень. К таким мерам относятся правоприменительная практика и организация дела на здоровых началах²⁶.

Не обойден вниманием экономический закон спроса и предложения, который определяет параметры, регулирующие поведение субъектов на рынке. В.С. Соловьева не устраивала жесткость установившегося правила, при котором снижение цены на товар увеличивает спрос и уменьшает предложение, и наоборот. Неприятие закона обуславливалось не только отсутствием в нем главного базиса — нравственного начала, но и игнорированием роли такого института, как государство. Во-первых, он считал, что ничто не препятствует «добродетельному» и «благотворительному» товарладельцу понизить цены вопреки укоренившимся правилам. В.С. Соловьева нисколько не смущало, что немногие так поступали,

---

²⁵ Сомин Н.В. Литературный дебют В.Ф. Эрна // Вестник ПСТГУ. Серия 1, 2006. Вып. 1 (16).

²⁶ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 438, 439, 440.

поскольку «это доказывает никак не силу экономики, а только слабость добродетели у этих лиц». Во-вторых, на страже «человеколюбия» стоит государство, и своекорыстие ограничивается «требованием закона государственного», благодаря применению которого цены понижаются. Согласно В.С. Соловьеву, в таком случае «“железная” необходимость экономических законов сразу окажется хрупкою, как стекло». Говоря иначе, непреложное назначение правительственной власти «состоит в ограничении частного своекорыстия»²⁷.

Рассуждения о законе спроса и предложения подкреплялись историческими примерами, когда российская власть действительно играла роль регулятора во имя общественной справедливости, например, отмена крепостного права в 1861 г. Обоснованная позиция В.С. Соловьева нашла свое яркое подтверждение в годы Первой мировой войны, когда правительства всех стран, вовлеченных в военное противоборство, с целью сдерживания инфляции принимали меры, направленные на обуздание цен на предметы первой необходимости и изделия оборонного назначения. В.С. Соловьев и в этом вопросе оказался провидцем, говоря, что «недостаток нравственных побуждений у частных лиц успешно восполняется государственным законодательством, которое упорядочивает экономические отношения в нравственном смысле в видах общего блага»²⁸.

В рассуждениях В.С. Соловьева о хозяйственной деятельности общества очень важен один нюанс, связанный со вопросом о стимулировании труда. В производственном взаимодействии индивидов, по его мнению, недостаточно «естественной связи экономических отношений, а нужно сознательное направление их к общему благу». И регуляторами в организации справедливого общественного устройства являются — государство, законы с правом власти правомерного принуждения. По В.С. Соловьеву, «требования нравственности вполне совпадают с сущностью права»²⁹. На созидательно-регламентирующую роль законодательства в его системе «доказательств добра» указывал С.М. Соловьев-мл., причисляя своего дядю к апологетам государственно-правового начала. Согласно интерпретации поэта, право, по В.С. Соловьеву, есть ничто иное, как «организованная жалость и справедливость»³⁰, которые, добавим от себя, реализуются правящей элитой.

---

²⁷ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 409—410.

²⁸ Там же. С. 411—412.

²⁹ Там же. С. 418, 440, 458.

³⁰ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 311.

Такая позиция религиозного философа не только объяснима, но и вполне закономерна, поскольку он, как следует из работы «Оправдание добра», всецело разделял этицистские воззрения своего отца, доказывавшего связь государственного фактора и общественных институтов в историческом процессе. Думается, что посвящение труда памяти С.М. Соловьева не только знак уважения и признательности сына, но и свидетельство духовной и интеллектуальной связи двух выдающихся ученых России.

Более ста лет тому назад русский философ констатировал «ненормальное состояние мира в нравственном смысле». Признаки противоестественных человеку обстоятельств в социально-экономическом укладе он сводил к следующему: 1) вещественное богатство ставится во главу угла, 2) экономика возводится в высшую и господствующую степень, и тогда общественный строй превращается в плутократию, 3) все остальное низводится до уровня средства и орудия материальной выгоды. Общество, в котором преобладают вещественные интересы (хозяйственные, промышленные и финансовые), В.С. Соловьев называл «буржуазным или мещанским царством»³¹. И поэтому, как не без оснований предположил С.М. Соловьев-мл., выдающийся мыслитель Серебряного века в философско-этическом труде «Оправдание добра» среди прочего представил свой вариант экономической реформы. С.М. Соловьев-мл. сформулировал план преобразований, опираясь на авторские высказывания и мысли, в виде трех базовых тезисов: 1) вещественное богатство не должно признаваться самостоятельной целью хозяйственной деятельности человека, 2) производство не должно совершаться за счет человеческого достоинства производителей, а они сами не должны становиться только орудием производства, 3) необходимость признания обязанности человека по отношению к земле³². В конечном счете, как считал В.С. Соловьев, «нравственное упорядочение экономических отношений было бы вместе с тем и экономическим прогрессом»³³.

В идеалистическом соловьевском видении переустройства общества поражает то, что оно одновременно предельно просто и трудно выполнимо, а главное, отвечает естественным потребностям человеческого сообщества. В произведении «Оправдание добра» В.С. Соловьев заключил очень важное послание будущим

³¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 414, 415.

³² Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 311—312.

³³ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 425.

поколениям не только в России, но и во всем мире. И смысл его обращения заключается в том, что на любом поприще и во всякой деятельности человек, как существо духовное, обязан руководствоваться нравственными идеями, в первую очередь принципами добра и справедливости. Такой посыл как никогда актуален в настоящее время, когда конфронтация в политической и экономической сферах между странами, глобальными игроками и их спутниками, только усиливается.

Литература

- Булгаков, С.Н.* Философия хозяйства. — Москва : Наука, 1990. — 412 с.
- Гайдено, П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. — Москва : Прогресс-Традиция, 2001. — 468 с.
- Катасонов, В.Ю.* Православное понимание общества. Социология Константина Леонтьева. Историософия Льва Тихомирова. — Москва : Институт русской цивилизации, 2015. — 432 с.
- Катасонов, В.Ю.* Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. — Москва : Кислород, 2013. — 407 с.
- Лосев, А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. 2 изд., исправл. — Москва : Молодая гвардия, 2009. — 650 с.
- Маковский, С.К.* Последние годы Владимира Соловьева (1853—1900) // На Парнасе Серебряного века. — Москва: «Наш дом — L'Age d'Home»; — Екатеринбург «У-Фактория», 2000. — С. 37—64.
- Моисеев, В.И.* О субъектных структурах в «Оправдании добра» Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. 2017. — Вып. 2 (54). — С. 6—17.
- Наследие В.С. Соловьева. К 120-летию публикации «Оправдание добра» // Соловьевские исследования. 2017. — Вып. 2 (54). — С. 6—43.
- Соловьев, В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. [Электронный ресурс]. — Москва : РГБ, 2012. — 671 с.
- Соловьев, С.М.* Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. — Москва : Республика, 1997. — 434 с.
- Сомин, Н.В.* Литературный дебют В.Ф. Эрнэ // Вестник ПСТГУ. Серия 1, 2006. — Вып. 1 (16). — С. 114—126.
- Шанкин, И.Н.* Теория хозяйства в русской религиозной мысли, конец XIX — начало XX в. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь. — Москва : Институт экономических стратегий, 2019. — С. 151—182.
- Эрн, В.Ф.* Христианское отношение к собственности // Вопросы экономики. 1990. — № 4. — С. 130—140.

А.М. Иванов

Труд И. Красева «Статистическое обозрение уездного города Вязьмы, Смоленской губернии» – первый опубликованный источник по истории города

I. Krasev's work "Statistical Review of the county town of Vyazma, Smolensk province" – the first published source on the history of the town

Аннотация: Статья написана на основе архивных материалов Смоленской области и посвящена биографии провинциального историка г. Вязьмы И.М. Красева, составившего историко-статистическое описание уездного города в середине 1830-х годов, которое на данный момент является самым ранним статистическим обозрением провинциального города Вязьмы.

Ключевые слова: И.М. Красев, метрические книги, ревизские сказки, ревизии, статистическое обозрение, Смоленская казенная палата.

Annotation: This article, written on the basis of archival materials of the Smolensk region, is devoted to the biography of the provincial historian of Vyazma I.M.Krasev who compiled a historical and statistical description of the county town in the mid-1830s. It is currently the earliest statistical review of the provincial town of Vyazma.

Keywords: I.M. Krasev, Metric books, Revision tales, Revisions, Statistical review, Smolensk treasury chamber.

Считалось, что первым опубликованным историческим описанием города Вязьмы является «Историко-статистическое описание города Вязьмы и уезда его», составленные Ф. Никифоровым и В. Неверовичем и опубликованное в «Памятных книжках по Смоленской губернии за 1856 г.»¹.

Вяземским краеведом И.Д. Музыченко была обнаружена статья учителя Вяземского училища И.М. Красева «Статистическое обозрение уездного города Вязьмы, Смоленской губернии», опубликованная в № 2 Журнала Министерства внутренних дел за 1838 г.²

¹ Никифоров Ф., Неверович В. Историко-статистическое описание города Вязьмы и уезда его // Памятная книжка по Смоленской губернии на 1856 г. Смоленск, 1856. С. 29—89.

² Красев И. Статистическое обозрение уездного города Вязьмы, Смоленской губернии // Журнал министерства внутренних дел 1838 г. № 2. С. 279—300.

Данная заметка содержала географическое описание, историю города, данные о жителях, количестве домов, площадей и примечательных зданий и церквей. На данный момент она является первым опубликованным описанием и исследованием уездного города Вязьмы Смоленской губернии и появилась на несколько десятилетий раньше описания Ф. Никифорова и В. Неверовича.

В Государственном архиве Смоленской области хранятся документы, в которых содержатся сведения об учителе Вяземского уездного училища Иване Красеве, в том числе выписки из метрических книг и ревизских сказок. В материалах ревизии от 1815 г., «поданной октября 21 дня, Юхновского уезда села Городец от священнослужителей», И. Красев «показан при умершем отце его, того же села пономаре Максиме Васильеве, четырех лет с половиной»³.

Из этого следовало, что на момент проведения ревизии в 1815 г. Ивану Максиму Красеву исполнилось 4,5 года, а значит, родился он приблизительно в 1810 г. Дальнейшее исследование формулярных списков чиновников Вяземских уездного и приходских училищ за 1834 г. позволило точно установить дату его рождения: «... Иван Максимов сын Красев, учитель российской грамматики, 23 лет. Родился 1811-го года генваря 27 числа»⁴.

Далее сообщается, что «... из списков, присланных в сию консисторию от правления Смоленской духовной семинарии февраля от 2-го прошлого 1832 г., значится, что он, Красев, окончил курс семинарского учения в прошлом 1831 г., но в священники еще не поступил, следовательно, и нет препятствия к увольнению его, Красева, из епархиального ведомства...»⁵.

В фонде Дирекции народных училищ Смоленской губернии имеется заявление, датированное 15 июля 1833 г., в котором студент Иван Красев просил принять его учителем в одно из вновь образованных училищ⁶. Далее в письме Училищного комитета Московского университета от 13 октября 1833 г. сообщается об утверждении Ивана Карасева (так в документе) учителем российской грамматики Вяземского училища⁷.

В формулярных списках чиновников Вяземских уездного и приходского училищ за 1834 г. указано: «В уездном училище... со-

³ Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 75. Л. 39, 41—41 об.

⁴ Там же. Л. 41—41 об.

⁵ Там же. Л. 61 об.

⁶ Там же. Л. 39.

⁷ Там же. Д. 1170. Л. 12.

стоящий 12-м классе Иван Максимов сын Красев, учитель российской грамматики, 23 лет. Из духовного звания... По увольнении из духовного звания в службу вступил... с 20 сентября 1833 г. Не женат». Недвижимого имущества не имел⁸. В подобном списке за 1838 г. отмечалось, что Красев уже женат⁹.

В аналогичном списке за 1842 г. в дополнение к сообщенным ранее данным значится, что с 20 сентября 1833 г. И.М. Красев был произведен в губернские секретари, а с 20 сентября 1836 г. — в коллежские секретари. Имел сына Федора 3-х лет и дочь Екатерину 2-х лет¹⁰. В формулярном списке за 1844 г. указано, что с 20 сентября 1840 г. он стал титулярным советником и имел еще одного сына — Александра 2-х лет¹¹. В подобном списке за 1845 г. указано, что 24 мая 1845 г. Красев назначен штатным смотрителем Вяземского уездного училища; отмечено и появление у него сына Алексея 8 месяцев. В списке за 1847 г. не значатся дочь Екатерина и сын Алексей, но указан сын Павел 6 месяцев¹².

В прошении от 16 марта 1850 г. штатный смотритель Вяземского училища Иван Красев обращается с просьбой освободить его от занимаемой должности в связи с болезнью¹³. В письме попечителя Московского учебного округа от 7 августа 1850 г. указано: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 19 минувшего июля (№ 141) штатный смотритель Вяземского уездного училища коллежский асессор Красев уволен от службы по болезни с мундиром, должности присвоенным»¹⁴.

В аттестате от 20 января 1851 г. в дополнение к ранее указанным сведениям сообщается, что Красев был произведен с 20 сентября 1846 г. в коллежские асессоры, женат на Софье Фалькенштейн, имел сыновей: Федора, родившегося 18 октября 1838 г. и учившегося за казенный счет в Смоленской гимназии; Александра, родившегося 16 октября 1842 г., Павла, родившегося 10 октября 1846 г., и Иоанна, родившегося 4 октября 1848 года¹⁵.

В фонде Смоленской казенной палаты в письме «исправляющего должность директора училищ Смоленской губернии» от 10 октя-

⁸ Там же. Д. 75. 41—41 об.

⁹ Там же. Д. 1170. Л. 1—1 об.

¹⁰ Там же. Л. 66 об. — 67.

¹¹ Там же. Д. 3093. Л. 72 об. — 73.

¹² Там же. Д. 3096. Л. 43 об. — 44.

¹³ Там же. Д. 3098. Л. 68 об. — 69.

¹⁴ Там же. Д. 3115. Л. 24.

¹⁵ Там же. Д. 3099. Л. 40 об. — 41.

бря 1850 г. значит, что Красеву «прекращено производство жалования с 1 сентября 1850 года, с которого времени и следует ему производить назначенную пенсию»¹⁶. В рапорте Вяземского уездного казначейства от 10 октября 1850 г. сообщено: «...получен указ Смоленской казенной палаты от 5 октября за № 11744-м о производстве пенсии коллежскому асессору Красеву в год ста шестидесяти трех рублей тридцати девяти копеек серебром»¹⁷.

Дальнейшую судьбу автора «Статистическое обозрение уездного города Вязьмы, Смоленской губернии» и его потомков пока установить не удалось, но работа продолжается, а значит, новые имена и факты истории старинного города Вязьмы и его жителей ждут своих первооткрывателей.

Литература

- Красев, И.* Статистическое обозрение уездного города Вязьмы, Смоленской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1838. — № 2. — С. 279—300.
- Никифоров, Ф., Неверович, В.* Историко-статистическое описание города Вязьмы и уезда его // Памятная книжка по Смоленской губернии на 1856 г. — Смоленск, 1856. — С. 29—89.

---

¹⁶ Там же. Ф. 10. Смоленская казенная палата. Оп. 3. Д. 404. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 7.

И.Е. Барыкина

Граф Д.А. Толстой (1823–1889) – историк во власти

Count D.A. Tolstoy (1823–1889) – a historian in power

Аннотация: Д.А. Толстой был автором исторических сочинений, наделенным властными полномочиями, которые он использовал для развития науки и государственной пользы.

Ключевые слова: бюрократия, историография, источниковедение, археология, государственный, Российская империя, реформы, Академия наук.

Annotation: D.A. Tolstoy remained a historian being authorized with governmental power. He was able to climb the career ladder, while he used his power to develop science.

Keywords: Bureaucracy, Historiography, Source study, Archeography, Statesman, Russian Empire, Reforms, Academy of Sciences.

А.А. Половцов назвал гр. Д.А. Толстого «типичным петербургским чиновником с некоторым лоском исторического образования»¹. Тем самым он обратил внимание на общее и особенное в деятельности министра. Успешный чиновник, Д.А. Толстой совершил восхождение по карьерной лестнице, перемещаясь из Комиссии по принятию прошений в Департамент духовных дел МВД, затем в Морское министерство и, наконец, достигнув вершины власти на министерских постах. Бюрократии XIX в. был свойственен интерес к историческим сочинениям, по роду своей службы чиновники составляли исторические обзоры и справки, зачастую перераставшие в отдельные научные работы. Например, гр. С.С. Уваров, министр народного просвещения, президент Императорской Академии наук написал небольшое сочинение, посвященное проблеме развития исторической науки, в котором попытался ответить на вопрос, возможно ли достоверное историческое знание². Успешно сочетал служебные обязанности директора Департамента полиции исполнительной МВД и изучение его прошлого дядя Д.А. Толстого, Дмитрий Николаевич, интересуясь в то же время историей церкви. С этой точки зрения ученые труды Д.А. Толстого типичны для своего времени,

¹ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 190.

² Уваров С.С. Совершенствуется ли достоверность историческая? Дерпт, 1852.

он принадлежал к кругу историков-любителей. По представлениям той эпохи он был соответствующим образом подготовлен к научным занятиям, получив энциклопедическое образование в Царскосельском лицее и познакомившись затем с фундаментальными историческими трудами. Особенным же было то, что Толстому удавалось писать не просто канцелярские бумаги, а сочинения, которые, будучи опубликованными, выходили за пределы ведомства, где были составлены, и получали широкую известность.

Д.А. Толстой занимался научными трудами на протяжении 45 лет, его первое сочинение увидело свет в 1842 г., а последняя публикация — в 1887 г. Таким образом, он оказался причастным к тому этапу развития отечественной исторической науки, когда она совершила значительный качественный скачок. До середины XIX в. история относилась к особому виду литературного творчества или развивалась преимущественно как история права. П.Н. Милюков отмечал, что изучение документов законодательного характера, публикация которых началась со второй четверти XIX в., требовала «теоретической подготовки по общественно-юридическим наукам»³. Именно такую подготовку получил в Лицее Д.А. Толстой. Главным методом исторического исследования было описание событий, в критических статьях и историко-библиографических обзорах авторов исторических сочинений чаще называли «писателями» или «литераторами», реже — «историками». Не случайно С.Н. Кривенко в своих воспоминаниях называл труды Толстого «литературными»⁴.

Осознание особенностей предмета исторического мышления происходило довольно стремительно: в конце XIX — начале XX в. историческая наука уже переживала свой расцвет, были определены ее предмет и методы исследования. Перелом произошел в середине XIX в., когда была расширена источниковая база исследований: в ходе реформ 1860-х гг. открылись архивы государственных учреждений, в научный оборот широко вводились документы по истории XVIII и XIX в., что отразилось и на тематике исторических сочинений⁵.

Большой интерес для исследователей того времени представляли московский архив Министерства иностранных дел, архив Ми-

---

³ Милюков П.Н. Источники русской истории и русской историографии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 55. СПб., 1899. С. 432.

⁴ Кривенко С.Н. Министерская полемика. Из литературных воспоминаний о Д.А. Толстом // Вестник Европы. 1907. Кн. 7. С. 250.

⁵ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX в. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 3.

нистерства внутренних дел и Синодальный архив⁶. Д.А. Толстой работал в этих архивохранилищах и имел непосредственное отношение к реорганизации архива Св. Синода.

С конца 30-х гг. XIX в. российские любители истории получили возможность познакомиться с памятниками древнерусской литературы, законодательными актами и документами юридического характера X—XVII вв., хранившимися в монастырских, соборных и духовно-училищных собраниях рукописей. В 1829—1834 гг. эти документы были собраны Археографической экспедицией под началом П.М. Строева, объехавшей северную и среднюю Россию, а с 1837 гг. началось их издание специально созданной в 1834 г. Археографической комиссией. Первые исторические сочинения Д.А. Толстого явились результатами работы с недавно опубликованными комиссией и еще неизученными документами.

Появление во второй половине XIX в. популярных журналов, публиковавших исторические источники и сочинения, свидетельствовало о растущем читательском интересе к российской истории. На страницах «Журнала Министерства внутренних дел», «Русского архива» и «Русской старины» помещал свои сочинения и архивные материалы и Д.А. Толстой, в зависимости от того, были ли они предназначены для внутриведомственного ознакомления или рассчитаны на более широкую читательскую аудиторию.

В XIX в. возникли первые научные исторические общества, целью которых являлось отыскание, систематизация и издание исторических источников. В 1804 г. в Москве было основано Общество истории и древностей российских, в 1866 г. — Императорское Русское историческое общество. Д.А. Толстой был членом первого и стоял у истоков второго.

В ходе развития археографии менялось и отношение к самому источнику. Уже в первой четверти XIX в. исторические источники воспринимались не просто как раритет и предмет коллекционирования, а в большей степени как доказательство, «призванное подтвердить исторические прецеденты, имеющие актуальное значение для современности»⁷. Это было особенно важно для власти в том случае, когда у нее возникала необходимость обосновать свою внутри- или внешнеполитическую позицию. Именно с такой целью

⁶ Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876—1926) // Отечественная история. 1994. № 2. С. 138.

⁷ Козлов В.П. Российская археография в конце XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999. С. 236.

использовал источники Д.А. Толстой в конфессиональной полемике с католической церковью. В то же время постепенно разрабатываются приемы критического анализа источников, а также их грамотной публикации и описания. Уже в конце XVIII — начале XIX вв. было принято предпосылать публикуемому документу предисловие, давая источниковедческую и художественную оценку, а также комментировать его⁸. Д.А. Толстой учитывал эти требования при публикации источников, соприкоснувшись с проблемой разработки принципов источниковедения.

На фоне постоянно растущего числа исторических сочинений, тематика которых была весьма разнообразна, выделялись фундаментальные труды, где рассматривался общий курс российской истории, оказывавшие определяющее влияние на развитие отечественной исторической мысли. В первой половине XIX в. это «История государства российского» Н.М. Карамзина, с середины XIX в. все большее значение для формирования исторических концепций приобретают труды С.М. Соловьева, в первую очередь его «История России с древнейших времен», обозначившая начало формирования «государственной» школы. Испытывая сильное влияние философии Гегеля, ученые, принадлежавшие к этому направлению, видели в государстве высшую ступень развития исторического процесса и его цель, поэтому подчеркивали определяющую роль государства в истории. Можно заметить сильное влияние «государственников» и в сочинениях Д.А. Толстого, отдававшего должное концепции С.М. Соловьева.

Взаимосвязь служебной и научной деятельности Д.А. Толстого является примером «историка во власти». С одной стороны, научные занятия способствовали его продвижению по служебной лестнице, являясь своеобразным «трамплином», а с другой — он использовал властные полномочия в целях развития исторической науки, внося в этот процесс свой вклад.

Не имея возможности обеспечить себе безбедную жизнь научными занятиями, Толстой выбрал чиновничью карьеру, в которой весьма преуспел, не оставляя занятия историей и сочетая их со служебными интересами. Круг его научных интересов сформировался под влиянием дяди, Д.Н. Толстого, а проявился во время учебы в Царскосельском Лицее, где Д.А. Толстой написал выпускное сочинение «О винной регалии в России до времен Петра Великого». Оно

---

⁸ Там же. С. 343—344.

было опубликовано в 1842 г. в июльском номере «Отечественных записок»⁹ — самого распространенного литературного и общеполитического журнала. Автор полагал, что правительство может получать доход от продажи вина, осуществляя ее централизованно, через казну, или отдавая на откуп, а также облагая налогом иностранные и отечественные вина. Уже в этой юношеской работе (в 1842 г. ее автору исполнилось девятнадцать лет) можно видеть правоведческий подход, свойственный всем сочинениям Д.А. Толстого. С этого времени история для него — прежде всего, история права и государственного управления, возникновения и развития государственных учреждений и их законодательного оформления. Именно это направление станет главным в его сочинениях и публикациях.

Накануне выпуска из Лицея Толстой предпринял попытку получить ученую степень магистра на юридическом или философском факультете Петербургского университета. Он потерпел неудачу, но продолжил изыскания по истории финансов. Следующим крупным сочинением стала «История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II». Статью о винном откупе Толстой включил в книгу как одну из глав раздела «Регалии». Рукопись была окончена в 1846 г., а опубликована через два года благодаря Демидовской премии, которую автор получил за свое сочинение, ведь собственных средств на издание он не имел.

На титульном листе Толстой поместил посвящение императору Николаю I. Вскоре последовала и высочайшая награда — бриллиантовый перстень¹⁰. Однако критика была не столь благосклонна к автору. А.П. Заблоцкий назвал сочинение собранием «замечаний о финансовых учреждениях России», отметив поверхностный взгляд на эволюцию российской государственной системы финансового управления и неправильное прочтение источников¹¹. Взыскательный критик не пропустил и главу о регалиях, отметив, что история винной регалии разработана Толстым более подробно и этот раздел сочинения представляет собой «как бы особый труд, к которому в последствии автор приделал другие отделы»¹².

⁹ Толстой Д.А. О винной регалии в России до времен Петра Великого // Отечественные записки. 1842. № 7. С. 53—80.

¹⁰ О формулярном списке господина обер-прокурора Св. Синода графа Дмитрия Андреевича Толстого // РГИА. Ф. 797. Оп. 35. Отд. I. Д. 176. Л. 5.

¹¹ Заблоцкий А.П. Сочинение графа Дмитрия Толстого История финансовых учреждений России // Отечественные записки. 1848. Т. 56. С. 42.

¹² Там же. С. 41.

И все же научная критика не повлияла на решение министра внутренних дел С.А. Перовского поручить Д.А. Толстому составление исторической справки о статистических работах, произведенных межевными чинами при генеральном межевании по указанию Екатерины II. Этот обзор был приурочен к составлению межевого атласа Российской империи, начатому в 1847 г. Сведения, собранные Толстым, были сообщены им не только в форме донесения министру, но и опубликованы в статье «О статистических работах межевых чинов в царствование императрицы Екатерины II»¹³.

Правительственные круги решили использовать склонность гр. Толстого к истории систематизации отраслей государственного управления и учло его готовность с энтузиазмом браться за новые изыскания. 5 января 1848 г. «по Высочайшей воле» гр. Д.А. Толстому было поручено составить историю «постепенного появления и развития иностранных исповеданий в России, равно всех законодательных и распорядительных мер правительства по сему предмету»¹⁴. Автором идеи исторического обзора был В.В. Скрипицын, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Однако помимо справочного значения — для служебного пользования — подобное сочинение, будучи опубликованным, имело еще одну, политическую цель — склонить общественное мнение Западной Европы к положительной оценке подписанного Россией в 1847 г. конкордата с Ватиканом. Несмотря на достигнутое соглашение, католический вопрос в России не был решен, поскольку оказался тесно связан с национальным вопросом — стремлением поляков во что бы то ни стало добиться независимости Польши, где консолидирующую роль играла вера. Конкордат 1847 г. подлил масла в огонь, из-за границы раздалась громкие филиппики в адрес российского правительства. Необходимо было опровергнуть обвинения в религиозном давлении, доказав, что действия российских властей были реакцией на открытое военное выступление — польское восстание 1830 г. В этих целях следовало познакомить европейское общество с историей появления и распространения католицизма в России, чему и должен был способствовать гр. Д.А. Толстой — молодой чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД.

¹³ Толстой Д.А. О статистических работах межевых чинов в царствование императрицы Екатерины II // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Ч. 21. № 1. С. 40—56.

¹⁴ Отношение министра внутренних дел к обер-прокурору Св. Синода от 24 ноября 1848 г. № 2803 // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 186. Л. 9.

Выполнение «Высочайше возложенного» поручения заняло три года — они ушли на сбор материала. Возможностям, предоставленным Толстому, мог позавидовать любой профессиональный историк: Министерство внутренних дел открыло ему доступ в архивы Департамента духовных дел, Святейшего Синода, католических и униатских монастырей. Правда, в отличие от ученых, Толстой должен был отправлять в МВД рапорты с отчетами о проделанной работе, подшивавшимися в специально заведенное дело «О порученном коллежскому асессору гр. Толстому составлении истории управления иностранными исповеданиями в России»¹⁵. Повышенный интерес, с которым правительство следило за работой коллежского асессора, объяснялся революционной волной, прокатившейся по Европе в 1848—1849 гг.

Однако обострившийся в начале 1850-х гг. «восточный вопрос» и начавшаяся затем Крымская война заслонили на время западные проблемы. В 1850 г. рукопись Д.А. Толстого отправилась в архив. В 1859 г. автор затребовал свое сочинение для служебного пользования и опубликовал одну из глав отдельной брошюрой «Об иезуитах в Москве и Петербурге» — снова по заказу правительства¹⁶.

В полном объеме исторический очерк вышел в Париже на французском языке под заглавием «Le catholicisme romain en Russie. Etudes historiques». В 1863 г. Россия и Европа были вновь потрясены восстанием в Польше; опять в повестку дня были поставлены религиозные вопросы, и забытый было исторический труд приобрел актуальность. Обзор получился фундаментальным, два тома вышли один за другим в 1863 и 1864 гг. и были оценены за рубежом по достоинству: в 1864 г. Лейпцигский университет присвоил гр. Д.А. Толстому степень доктора философии¹⁷.

На русском языке оба тома «Римского католицизма в России» были изданы в 1876 г. в переводе профессора Казанской духовной академии Н.П. Соколова.¹⁸ В то время широко обсуждались результаты католического собора 1870 г., принявшего догмат о непогрешимости папы римского, следствием чего было обращение части католиков, несогласных с решениями собора, в православие. В связи с этим русскому православному духовенству могли быть полезны исторические сведения, освещающие не только религиоз-

¹⁵ РГИА.Ф. 821. Оп. 10. Д. 186.

¹⁶ Вишленкова Е.А. Католицизм в России александровской эпохи в официальной историографии XIX века // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 190.

¹⁷ О формулярном списке господина обер-прокурора Св. Синода графа Дмитрия Андреевича Толстого ... Л. 14.

¹⁸ Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. 1—2. СПб., 1876.

ную, но и политическую сторону конфессионального спора. В очередной раз сочинение Толстого оказалось востребованным.

Автора сочинения интересовали политические аспекты, и лейтмотивом книги стал тезис о политическом, а не догматическом противостоянии католицизму. Из-под пера Дмитрия Андреевича снова вышел «свод замечаний», только теперь уже по истории распространения католицизма в России. Сложно назвать это сочинение научным трудом, так как исторические факты служили лишь канвой для выражения политических взглядов автора — таково было служебное задание — и при этом были четко, просто и ясно изложены. Дмитрий Андреевич умел доходчиво и убедительно разъяснить сложный вопрос, однако принимать его объяснения нужно с осторожностью, учитывая их политический и идеологический характер.

Несмотря на это у сочинения были свои достоинства—новизна, актуальность и введение в научный оборот новых документов, собранных Толстым во время командировки в Западные губернии в библиотеках и архивах католических монастырей, доступ в которые не так легко было получить, а также систематизация материалов, имевшая, по крайней мере, справочное значение. В содержание первого и второго томов они были включены как обширные и ценные приложения: списки католических епископов и монашеских орденов, финансовые ведомости, послания, грамоты, записки, доклады и письма. Благодаря этим материалам сочинение до настоящего времени сохранило свое значение в качестве справочного издания и, одновременно, собрания источников. Не случайно современники Д.А. Толстого ссылались на представленные в ней материалы при подготовке новых исследований по истории религии.

После этой работы Толстой написал еще одно «сочинение на заданную тему» — статью «О первоначальном учреждении и последовавших изменениях в устройстве Адмиралтейств-коллегии»¹⁹. Его составление не случайно было поручено чиновнику, успешно выяснявшему и ясно излагавшему неисследованные вопросы истории государственного управления и к тому времени уже перешедшему на службу в Морское министерство. По характеру это скорее докладная записка, основанная на документах архива Морского министерства, представлявшая историю возникновения, развития и современное состояние хозяйственного ведомства с особым ак-

---

¹⁹ Толстой Д.А. О первоначальном учреждении и последовавших изменениях в устройстве Адмиралтейств-коллегии. СПб., 1855.

центом на этапах его реорганизации, что, несомненно, было продиктовано надвигающимися реформами.

Живость языка, простота слога при одновременно строгой логике делали содержание этого очерка понятным любому читателю, не только специалисту-историку. Выводы, сделанные Д.А. Толстым, в 1902 г. были процитированы С.Ф. Огородниковым в «Историческом обзоре развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования» при рассмотрении предыстории Морского министерства, правда, без указания авторства²⁰.

Перейдя в Морское министерство, Толстой продолжал составлять исторические обзоры и справки и одновременно публиковал обличительные статьи против католической церкви²¹. Он стал известен как знаток истории церкви и ярый защитник православия. Александр II обратил внимание на способного чиновника, специалиста по религиозным вопросам, и в 1865 г. Д.А. Толстой получил пост обер-прокурора Св. Синода, а через год возглавил Министерство народного просвещения. В период его руководства этим ведомством и при его непосредственном участии было основано Императорское русское историческое общество. В 1880 г. последовала неожиданная отставка, а через полтора года произошло столь же неожиданное возвращение Толстого на политический Олимп в качестве министра внутренних дел и президента Императорской Академии наук. Свою роль в этом повороте судьбы в очередной раз сыграл труд по истории католицизма. И опять вхождение во власть предоставило Толстому уникальные возможности для исторических изысканий. Благодаря своему служебному положению он получил доступ к академическим архивам (делам Канцелярии Академии наук, ведавшей административными делами учреждения в XVIII в.) и, продолжая свои штудии в истории образования, начатые еще в отставке, занялся активной публикацией исторических документов.

Главным итогом работы и вершиной ученой деятельности Д.А. Толстого стали сочинения 1883—1885 гг.— «Взгляд на учебную

---

²⁰ Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования. СПб., 1902. С. 29.

²¹ Толстой Д.А. По поводу статьи г. Д. Хрушова в С.-Петербургских ведомостях. СПб., 1859; *Он же*. О французском проповеднике Соляре // Духовная беседа. 1859. Т. 5. № 2. С. 57—60; *Он же*. Мое обращение и мое призвание. Соч. отца Шувалова, Барнавита. Париж, 1859 года. Рецензия // Духовная беседа. 1859. Т. 6. № 19. С. 190—199; *Он же*. Отрывок из письма. (Несколько слов о г-же Свечиной) // Наше время. 1860. № 1. С. 8—9; *Он же*. Какого рода самостоятельность папства может пострадать от уничтожения светской власти папы // Наше время. 1860. № 7. С. 102—103.

часть в России в XVIII столетии», «Академическая гимназия в XVIII столетии», «Академический университет в XVIII столетии» — составленные по рукописным документам архива Академии наук²². Как президент Академии наук, он также получил возможность выступать с сообщениями на заседаниях Историко-филологического отделения и публиковать свои сочинения в сборниках Отделения русского языка и словесности.

Эти сочинения Д.А. Толстого появились в тот период, когда российское общество в очередной раз повернулось лицом к проблемам образования, взявшись за обсуждение их современного состояния и заинтересовавшись движением русского просвещения в XVIII в. в целом и Академии наук в частности²³. Сведения о системе начального и среднего образования и роль в этом академических учреждений были в то время неполны и отрывочны, поэтому исследования гр. Толстого составили для следующих поколений историков важный вклад в науку, что было отмечено еще в конце XIX в.²⁴ Его сочинения вводили в научный оборот новые источники, извлеченные из академического архива и до той поры неизученные. Ценность штудий гр. Д.А. Толстого также в том, что после каждого из трех сочинений следовали приложения, содержавшие архивные документы: инструкцию Екатерины II по воспитанию великих князей Александра и Константина Павловичей²⁵, документы, регулировавшие деятельность академической гимназии²⁶, список студентов академического университета, рапорт студентов А.П. Протасова и С.К. Котельникова, отправленных для продолжения учебы в Геттингенский университет и инструкция им²⁷.

Выводы, сделанные Толстым, во многом способствовали формированию отношения историков к этому предмету на полвека с четвертью. В 1980-е гг. сочинения Д.А. Толстого были использо-

---

²² *Толстой Д.А.* Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. // Сб. ОРЯС. СПб., 1886. Т. 38. № 4. С. 1—100; *Он же.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Сб. ОРЯС. СПб., 1886. Т. 38. № 5. С. 1—114; *Он же.* Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Сб. ОРЯС. СПб., 1886. Т. 38. № 6. С. 1—67.

²³ Напр. см.: *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870; *Материалы для истории императорской Академии наук.* Т. 1—10. СПб., 1885.

²⁴ *Бороздин А.К.* Академический университет в XVIII в. // *Исторический вестник.* 1886. Т. 26. № 4. С. 120.

²⁵ Сб. ОРЯС. СПб., 1886. Т. 38. № 4. С. 91—100.

²⁶ Там же. № 5. С. 93—114.

²⁷ Там же. № 6. С. 64—67.

ваны в качестве аргументов и контраргументов в полемике, которая велась среди ленинградских историков по вопросу о времени возникновения Петербургского университета. Новый всплеск интереса к истории Академии наук и ее учреждений начался в конце 1990-х годов, напомнив в очередной раз об актуальности — по крайней мере нескольких — сочинений Д.А. Толстого²⁸, их прекрасной источниковой базе и приведенных им «отрицательных оценках» академической гимназии и университета²⁹. Вопрос о роли академических учреждений в первой половине XVIII в. до сих пор остается дискуссионным, что влияет и на отношение к сочинениям Д.А. Толстого. Говоря о научном значении сочинений, необходимо отметить, что Толстой первым обратил внимание на самый факт учреждения при Академии наук гимназии и университета, тем самым расширив представления о просвещении в XVIII в. Вместе с тем, это был взгляд «сверху», поскольку Толстой снова коснулся сферы государственного управления, на этот раз учебными заведениями, — бывший министр народного просвещения второй половины XIX в. рассматривал становление системы народного образования в XVIII столетии, применив критерии образовательной политики своего времени к предшествующему столетию, когда еще не было системного подхода к обучению, и в этом направлении первые шаги делались ошупью. На это слабое место сочинений Толстого, опубликованных в 1885 г., обратили внимание не только потомки, но и современники, критиковавшие их за «ироническое отношение»³⁰. Но, как и прежние труды Дмитрия Андреевича, сочинения 1883—1885 гг. вводили в научный оборот неизвестные до того момента источники, позволявшие позднейшим историкам использовать их в качестве справочного материала и дающие возможность углублять изучение темы.

У Д.А. Толстого были способности исследователя, но он не стал им в профессиональном смысле этого слова, потому что, по всей вероятности, не имел главного качества — бескорыстной любви к истине, ради которой настоящий ученый пренебрегает сиюминутной славой и конъюнктурой. Он брался только за те сочинения, которые могли быть опубликованы, не желая писать «в стол», в

---

²⁸ Пономарева В.В. У истоков университета // Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1998. С. 49—50.

²⁹ Панибратцев А.В. Просвещение разума. Становление академической науки в России. СПб., 2002. С. 34.

³⁰ Бороздин А.К. Указ. соч. С. 132.

случае, если бы книгу не пропустила цензура, и не брезговал работать «на заказ». Будучи государственным человеком, он не был свободен в своих суждениях, вольно или невольно подчиняясь политическим тенденциям своего времени.

Свою задачу Д.А. Толстой видел в изучении истории становления такого аспекта истории государства, как область административного управления. Изучение его сочинений позволяет говорить о том, что, выбирая для них темы, Толстой исходил из внутренней потребности получить отчетливое представление об эволюции административно-правовой и учрежденческой системы Российской империи. Ее основы были заложены в XVIII в., и, вероятно, именно это определило интерес Д.А. Толстого к XVIII столетию, в особенности к екатерининской эпохе как важному, с его точки зрения, периоду в истории российского государства, когда начала выстраиваться стройная система центрального управления.

К изучению истории Российской империи, главным образом ее учреждений, Толстой подходил с прагматической точки зрения: он обращал внимание на те аспекты, которые были востребованы в современной ему политической жизни российского государства, как внутренней, так и внешней, и с которыми он непосредственно соприкасался. Толстой апеллировал к историческим фактам, отстаивая свою точку зрения в полемике с политическими оппонентами в государственных учреждениях. Исторические сочинения Д.А. Толстого и помещаемые им в исторических журналах архивные материалы так же представлялись ему научными аргументами в политических вопросах, которые в тот момент стояли в повестке дня. Не случайно он всегда подкреплял свои рассуждения историческими источниками, включая их в приложения или в текст сочинения, и решая, таким образом, проблему доказательности. При этом Д.А. Толстой хорошо понимал тягу читательской аудитории к историческому знанию, нараставшую с начала XIX в. и ярко проявившуюся во второй половине столетия. В подобной ситуации история могла уже рассматриваться как часть официальной идеологии, неся на себе нагрузку объяснения правильности принимаемых правительством мер как в сфере внутренней, так и внешней политики. Тем более что Толстой получал по роду своей служебной деятельности доступ к тем архивным материалам, которые были закрыты как для ученых, так и для публицистов. Их публикация в качестве приложений имела в глазах Толстого большое значение как еще одно, документальное, обоснование его позиции

по политическим вопросам. Участие Толстого в конфессиональной полемике, где он апеллировал к историческим фактам, доказывая правоту российского правительства в католическом вопросе, служит лишним тому подтверждением.

Сочинения гр. Д.А. Толстого, явившиеся одним из «продуктов» его административной деятельности, в свою очередь способствовали его служебной карьере. В то же время, ученые занятия доставляли ему несомненное удовольствие, отвечая складу характера человека педантичного и склонного к кропотливому, уединенному умственному труду.

Сочинения Д.А. Толстого, составленные как исторические очерки отдельных отраслей российской администрации, были полезны в первую очередь для ведомственной работы, но несомненно и более широкое их значение для историографии. Они ввели в научный оборот источники, до той поры не попадавшие в поле зрения историков, и в практическом плане эти труды и сегодня не потеряли своего значения в качестве справочных материалов, тем более что многие архивные документы, им использованные, оказались ныне утраченными.

В работах Толстого проявляется позиция государственника, на первый план выносящего идею государственной пользы и подчинявшего ей анализ прошлого. Причислить Д.А. Толстого к государственной исторической школе довольно сложно, несмотря на его знакомство с трудами С.М. Соловьева и с самим историком. Он не вникал глубоко в причинно-следственные связи, брал то, что лежало на поверхности и могло служить государственным интересам в данный момент. Еще в юности он пришел к убеждению в необходимости внесения в историю «консервативных начал»³¹. Такой подход, по мнению убежденного консерватора, отвечал государственным интересам как в научном, так и в политическом планах.

Его деятельность в научных учреждениях также была подчинена государственным интересам: создание архивов, поддержка ученых, заботы об Академии наук — все это должно было способствовать процветанию государства и власти. Фигура Д.А. Толстого закономерно вписывается в общий ряд президентов Императорской Академии наук середины и второй половины XIX в. И предшественники Толстого — С.С. Уваров, Д.Н. Блудов, Ф.П. Литке — и сменивший его на этом посту представитель императорской фамилии вел. кн. Константин Константинович не только осуществляли административное

---

³¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 193.

руководство высшим ученым учреждением Российской империи, но и сами не были чужды научным занятиям. Свою задачу Д.А. Толстой видел в том, чтобы в период его президентства Академия наук, не испытывая сильных потрясений и не подвергаясь коренным изменениям, вела будничную жизнь, занимаясь соответственно со своим предназначением повседневным научным трудом. Д.А. Толстой пользовался расположением Александра III не только как министр внутренних дел, император считал его и успешным президентом Академии наук, обычно благосклонно откликаясь на его ходатайства о выделении материальных средств на научные предприятия.

Д.А. Толстого содействовал археографической деятельности Академии. Его стараниями в ряды академических деятелей был привлечен заведующий Московским архивом Министерства юстиции сенатор Н.В. Калачов, принимавший участие в издании докладов и приговоров Правительствующего Сената. По ходатайству Д.А. Толстого Академии наук удалось получить от императора материальную поддержку для осуществления нового предприятия Н.В. Калачова — извлечения из разных архивов с последующей публикацией докладов и приговоров Боярской думы, Ближней канцелярии, а также московских приказов, начиная со времени их появления³².

Д.А. Толстой поддержал и другое начинание Н.В. Калачова — по учреждению ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов. 15 апреля 1884 г. последовало высочайшее разрешение на учреждение Тверского, Тамбовского, Рязанского и Орловского губернских архивов. Д.А. Толстому как министру внутренних дел было разрешено открывать «в случае надобности и по мере имеющихся средств» архивы и в других губерниях³³. В этом случае Академия наук могла извлечь для себя пользу от совмещения Д.А. Толстым двух постов: ее президента и министра внутренних дел.

Д.А. Толстой также споспешествовал разбору академического архива. По ходатайству Д.А. Толстого на систематизацию и издание документов академического архива в течение трех лет, начиная с 1883 г., ежегодно выделялось из государственной казны по 5000 руб.³⁴

³² Отчет Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1889 г. СПб., 1890. С. 3.

³³ Отчет Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1884 г. СПб., 1885. С. 22.

³⁴ Отчет Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1883 год // Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866—1891 гг. СПб., 1903. С. 490—491.

При поддержке Д.А. Толстого академик А.Ф. Бычков предпринял издание полного собрания писем и бумаг Петра I, изысканий как в российских, так и в иностранных архивах. Первый том вышел в 1887 г.³⁵

Д.А. Толстой покровительствовал не только Историко-филологическому отделению и Отделению русского языка и словесности, он оказывал помощь академическим предприятиям и по другим отраслям науки. В 1884 г. по его ходатайству были выделены средства для организации экспедиции в районы сибирских рек Яны, Индигирки и Колымы и на Ново-Сибирские острова. Хлопоча о выделении денег на экспедицию, президент Академии наук исходил не только из ее научного, но и политического значения — первенство в исследовании неосвоенных северных районов непременно должно было принадлежать российскому государству. Благодаря участию Толстого выделялись денежные средства на развитие Главной физической обсерватории, в ведении которой находилась система метеорологических наблюдений (интерес к занятиям российских метеорологов и применению результатов наблюдений к потребностям страны заметил еще в 1860-е гг. другой министр внутренних дел — П.А. Валуев).

Наконец, еще одной важной и очевидной заслугой Д.А. Толстого как президента Академии наук стало изыскание средств на строительство нового академического здания — флигеля в Таможенном переулке — за счет чего были расширены помещения академической библиотеки, читатели которой к 80-м годам XIX в. стали уже испытывать неудобства из-за тесноты помещений. Осенью 1882 г. Д.А. Толстой, признав необходимым расширение библиотечных помещений, отдал распоряжение архитектору Ф.К. Болтенгагену представить свои соображения по этому вопросу. В результате было решено не перестраивать старое здание, поскольку это вызвало бы прекращение работы библиотеки на длительное время, а построить новый флигель. Александр III удовлетворил просьбу Д.А. Толстого о выделении необходимой суммы для возведения особого флигеля, и 18 сентября 1884 г. Государственный совет отпустил на эти цели 90000 руб. Строительство было окончено в 1887 г., однако в новом здании разместился книжный склад и Этнографический музей (современный Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого), созданный на основании коллекций

---

³⁵ Грот Я.К. Очерк деятельности ОРЯС за 50-летие от 1841 по 1891 г. // Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866—1891 гг. СПб., 1903. С. 789.

Академии наук и открытый в том же году, а библиотека получила освобожденные музеем два зала в первом этаже старого здания³⁶.

«Историк во власти», Д.А. Толстой оказался, несомненно, полезен отечественной науке. Помимо того, что он находил и публиковал исторические источники, недоступные другим исследователям, он поддерживал тех ученых, чья деятельность, с его точки зрения, имела ценность для государства. При этом не препятствовал научной деятельности своих оппонентов. Как государственный деятель, Толстой был непримирим к политическим и идеологическим противникам. Но в научной полемике его взгляды не становились единственно верными и не оказывали идеологического влияния на исторические концепции, он не диктовал своим собратям по цеху, что и как нужно писать. Не став выдающимся историком, он, тем не менее, оставил заметный след в историографии.

Литература

- Бороздин, А.К.* Академический университет в XVIII в. // Исторический вестник. 1886. — Т. 26, № 4. — С. 120—133.
- Вишленкова, Е.А.* Католицизм в России александровской эпохи в официальной историографии XIX века // Церковь в истории России. — Сб. 2. — М., 1998. — С. 179—196.
- Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. — Москва : Наука, 1966. — Т. 2. — 580 с.
- Заблоцкий, А.П.* Сочинение графа Дмитрия Толстого История финансовых учреждений России // Отечественные записки. 1848. — Т. 56. — № 1—2. Критика. — С. 31—59.
- История библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 599 с.
- Кареев, Н.И.* Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876—1926) // Отечественная история. 1994. — № 2. — С. 138—154.
- Козлов, В.П.* Российская археография в конце XVIII — первой четверти XIX века. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. — 416 с.
- Кривенко, С.Н.* Министерская полемика. Из литературных воспоминаний о Д.А. Толстом. // Вестник Европы. 1907. — Кн. 7. — С. 237—252.
- Милоков, П.Н.* Источники русской истории и русской историографии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. — Т. 28 (55). — Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1899. Россия и С — Саварна. С. 421—874, IV, 24 с. ил.
- Огородников, С.Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования. — Санкт-Петербург : тип. Мор. м-ва, 1902. — 263 с., 15 л. ил.
- Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866—1891 гг. — Санкт-Петербург : типографии Императорской Академии наук, 1903. — 820 с.

³⁶ История библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М. ; Л., 1964. С. 232—233.

- Отчет Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1889 г. — Санкт-Петербург : типографии Императорской Академии наук, 1890. — 50 с.
- Отчет Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1884 г — СПб., 1885. — 34 с.
- Панибратцев, А.В.* Просвещение разума. Становление академической науки в России. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. — 623 с.
- Пекарский, П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. — Т. 1. — Санкт-Петербург : издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870. — 775 с.
- Толстой, Д.А.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Сб. ОРЯС. — СПб., 1886. — Т. 38. — № 5. — С. 1—114.
- Толстой, Д.А.* Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Сб. ОРЯС. — СПб., 1886. — Т. 38. — № 6. — С. 1—67.
- Толстой, Д.А.* Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. // Сб. ОРЯС. — СПб., 1886. — Т. 38. — № 4. — С. 1—100.
- Толстой, Д.А.* Какого рода самостоятельность папства может пострадать от уничтожения светской власти папы // Наше время. 1860. — № 7. — С. 102—103.
- Толстой, Д.А.* Мое обращение и мое призвание. Соч. отца Шувалова, Барнавита. Париж, 1859 года. Рецензия // Духовная беседа. 1859. — Т. 6. — № 19. — С. 190—199.
- Толстой, Д.А.* О винной регалии в России до времен Петра Великого // Отечественные записки. 1842. — № 7. — С. 53—80.
- Толстой, Д.А.* О первоначальном учреждении и последовавших изменениях в устройстве Адмиралтейств-коллегии. — Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1855. — 25 с.
- Толстой, Д.А.* О статистических работах межевых чинов в царствование императрицы Екатерины II // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. — Ч. 21. — № 1. — С. 40—56.
- Толстой, Д.А.* О французском проповеднике Сойаре // Духовная беседа. 1859. — Т. 5. — № 2. — С. 57—60.
- Толстой, Д.А.* Отрывок из письма. (Несколько слов о г-же Свечиной) // Наше время. — 1860. — № 1. — С. 8—9.
- Толстой, Д.А.* По поводу статьи г. Д. Хрушова в С.-Петербургских ведомостях. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Греча, 1859. — 7 с.
- Толстой, Д.А.* Римский католицизм в России. В 2-х т. — СПб. : Тип. В.Ф. Демакова, 1876. — Т. 1. — 538 с. — Т. 2. — 438 с.
- Уваров, С.С.* Совершенствуется ли достоверность историческая? — Дерпт : тип. Г. Лаакманна, 1852. — 18 с.
- Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия / В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. — Москва : Русское слово, 1997. — 352 с.
- Чичерин, Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. — Москва : М. и С. Сабашниковы, 1929. — 293 с.
- Шаханов, А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX в. Московский и Петербургский университеты. — Москва : Наука, 2003. — 417 с.

Н.В. Черникова

Между интеллектуальной свободой и фрондой: отечественная профессура второй половины XIX в.

**Between intellectual freedom and fronda (revolt):
Russian professors of the second half of the 19th century**

Аннотация: Статья раскрывает проблему злоупотребления свободой слова и преподавания со стороны либеральной профессуры второй половины XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, профессура, интеллектуальная свобода, либерализм, Б.Н. Чичерин, В.И. Семеvский, О.Ф. Миллер.

Annotation: Article focuses on abuse of freedom of expression and of education by the liberal-minded part of the professors of the second half of the 19th century.

Keywords: The Russian Empire, Professors, Intellectual freedom, Liberalism, B.N. Chicherin, V.I. Semevskij, O.F. Miller.

Отечественная профессура второй половины XIX в. входила в тот узкий круг интеллектуальной элиты, для которого духовная и интеллектуальная свобода личности была одним из основополагающих приоритетов.

В историографии этот слой рассматривается с нескольких ракурсов. Значительное внимание профессорам университетов уделяют исследователи раннего либерализма. В первую очередь внимание привлекают преподаватели юридических факультетов столичных университетов — Петербургского и Московского. В рамках комплекса проблем, связанных с высшей школой, этот слой освещается при изучении студенческого движения или анализа университетских уставов 1863 и 1884 г. и их влияния на жизнь университетов. В обоих случаях речь идет, как правило, о довольно узком круге преподавателей (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, М.М. Стасюлевич и др.), действительно оказавшем определяющее влияние на развитие либеральной мысли и либерального движения в XIX в. Кроме того, в последнее время предпринят ряд исследований профессуры как социального слоя,

попытки комплексного подхода к его роли в общественном движении и государственной жизни¹.

При этом, начиная с дореволюционных времен, подчеркивается «прогрессивная» роль университетских профессоров, раскрывается их влияние на студентов и выступления за автономию университетов. Эта последняя традиционно трактовалась максимально широко, включая в себя как административную автономию (право выбора ректора, избрание и продление полномочий профессоров), так и права Советов университетов в формировании учебных планов, распределении финансирования, собственную цензуру и суд. Академические свободы, то есть свобода исследования и преподавания, часто смешивалась с автономией, считалась ее неотъемлемой составляющей.

Переоценка современными авторами² значения Университетских уставов изменила и подходы к характеристике роли профессуры. В историографии последних лет борьба за университетскую автономию уже не приравнивается к борьбе за академические свободы. Так, А.Л. Андреев, рассматривая эту проблему с историко-философской точки зрения, видел в противостоянии университетов и правительства не конфликт «свободы» и «произвола», а «конкуренцию за право должностных назначений и меру контроля за ассигнованиями»³.

Действительно, по крайней мере до 1880-х гг. все конфликты администрации и профессоров (вплоть до выхода последних из университета) были связаны с организацией университетской жизни, никоим образом не касались свободы исследования и даже преподавания. Это принципиальный момент, тесно связанный со спецификой профессуры как социального слоя, формирование которого относится в основном ко второй четверти XIX в.

Тогда важным направлением правительственной политики в области высшей школы было создание значительной когорты отечественных преподавателей. Людей, посвятивших себя ученой карьере, было немного, и они формировались, ощущая свою цен-

---

¹ См., напр.: *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи. Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017.

² См., напр.: *Посохов С.И.* Уставы российских университетов второй половины XIX в. в публицистике и историографии // *Философский век. Альманах.* Вып. 28. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 1 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2005. С. 119—125.

³ *Андреев А.Л.* Российское образование. Социально-исторические контексты. М., 2008. С. 88.

ность для государства. Зарубежные стажировки, повышение статуса (и содержания) профессоров, возможность, в обход цензуры, выписывать любую литературу, свобода суждений и публикаций, отсутствие жестких программ обучения студентов — все это не могло не повышать чувства собственного достоинства у довольно молодых людей, которые осознавали себя частью немногочисленной интеллектуальной элиты. Наконец, именно из их среды выбирались преподаватели для детей политической элиты — аристократии и императорской фамилии, включая наследника престола.

Начало великих реформ привнесло в умонастроения профессуры свои коррективы. Как вспоминал много позже Б.Н. Чичерин, на рубеже 1850—1860 гг., «в России и на Западе, общее направление умов было враждебно государству. Все должно было исходить из свободного движения общественных сил. Всякое вмешательство государства отвергалось, как беззаконие и тирания»⁴.

Именно это умонастроение обусловило довольно решительную позицию молодых преподавателей Петербургского университета во время масштабных студенческих волнений осенью 1861 г. Это было бурное время. Только что была осуществлена крестьянская реформа, полным ходом шла подготовка других преобразований, общество, в том числе и университеты, были охвачены стремлением к радикальным переменам.

В этой обстановке молодыми преподавателями главным образом юридического факультета⁵ была подготовлена программа «замирения» университета в «анти-полицейском» и даже «анти-правительственном» ключе. «Исходя из той мысли, — вспоминал впоследствии К.Д. Кавелин, — что внешний полицейский надзор над студентами бессилен восстановить порядок в университете, они находили необходимым заменить его авторитетом и влиянием профессоров и потому предлагали дать сходкам правильное устройство, ограничив их занятия исключительно делами студен-

⁴ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 1. М., 1882. С. XIX.

⁵ Наиболее активную роль среди преподавателей Петербургского университета играли только недавно вступившие на кафедры, совсем еще молодые люди: М.М. Стасюлевич (1826—1911), В.Д. Спасович (1829—1906), И.Е. Андреевский (1831—1891), Б.И. Утин (1832—1872), А.Н. Пыпин (1833—1904), — не все из которых перешагнули даже 30-летний рубеж. Среди них выделялся К.Д. Кавелин (1818—1885), которому осенью 1861 г. (4 ноября) исполнилось 43 года. Однако он был человеком крайне эмоциональным, категоричным и настолько увлекающимся, что Т.Н. Грановский, а за ним и С.М. Соловьев, называли его «предвечным младенцем» (Галахов А.Д. Записки человека / Вступ. статья, подг. текста и коммент. В.М. Боковой. М., 1999. С. 243).

ческой кассы, библиотеки и редакции «Сборника», под руководством профессора; устроить из профессоров университетский суд над студентами; заменить инспектора проректором выбранным их среды профессоров же»⁶.

Наиболее радикальные предложения доходили до «диктатуры» университета, как выразился А.В. Никитенко. Будущий ректор Петербургского университета (в 1883—1887 гг.), а тогда молодой преподаватель И.Е. Андреевский настаивал, что университет сам должен составить для себя новые правила, «и так, чтобы министерство не имело на это никакого влияния: не нужно даже и санкций его на эти правила»⁷. Тогда большинство поддержало молодых преподавателей. Правда, это большинство было очень незначительным, а все совещания профессоров, как пишет об этом Никитенко, сопровождались бурными и продолжительными прениями⁸. Правительством предложения были оставлены без последствий, и неудавшиеся реформаторы (К.Д. Кавелин, А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, М.М. Стасюлевич, Б.И. Утин) в знак протеста вышли из университета.

Конечно, их позицию нельзя считать типичной для профессуры того времени. Во многом она была спровоцирована общим настроением общества, поддержкой, которую встречали в нем студенты. И когда накал страстей несколько спал, эти же преподаватели подверглись «порицанию за их легкомыслие и пошлый либерализм»⁹. Однако нельзя отрицать и того, что в предложениях проявилось то стремление к независимости, которое было свойственно и профессорам, занимавшим в то время гораздо более взвешенную консервативную позицию.

28 октября 1861 г., в разгар студенческих волнений в Петербурге, Б.Н. Чичерин прочитал свою первую, вступительную лекцию в Московском университете. Она была посвящена значению государственного права. Чичерин говорил о последовательности, постепенности преобразований и предостерегал от «политического брожения» и страстей.

Своим спокойным, примирительным духом лекция не могла не привлечь внимания консервативных кругов. Через некоторое время

⁶ Кавелин К.Д. Записка об беспорядках в С.-Петербургском университете, осенью 1861 г. // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 2. Публицистика. СПб., 1898. С. 1195.

⁷ Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т. 2. М.; Л., 1955. С. 270. Запись 29 апреля 1862 г.

⁸ Там же. С. 222—225. Записи 6 и 8 октября 1861 г.

⁹ Там же. С. 439. Запись 13 мая 1864 г.

появился слух, что цензурным комитетам запрещено пропускать возражения на эту лекцию. Чичерин сразу обратился к министру народного просвещения Е.В. Путятину письмом, в котором просил освободить его от защиты полицейской власти, буквально — «снять с меня клеймо, оскорбительное для моей чести» и отстаивал свою независимость как писателя¹⁰. Примечательно, что речь шла не о независимом сочинении, а о первой официальной лекции как преподавателя университета. Эти слова о независимом положении были не случайны. Стремление к дистанцированию от любых правительственных проектов проявилось и в несогласии Чичерина в том же 1861 г. на предложение занять пост редактора вновь организуемой официальной газеты «Северная почта». Участие в правительственном органе, считал Чичерин, может его «скомпрометировать»¹¹. Представитель той самой молодой профессуры (он родился в 1828 г.), радикализм которой он порицал в петербургской истории, Чичерин так же был сторонником максимальной свободы личности профессора, его несвязанности никакими правилами и даже никакой субординацией. Это проявилось, в частности, в действиях его (и его сторонников) во время известного «восстания профессоров» Московского университета.

По существовавшему тогда порядку выслужившие 25 лет профессора должны были избираться Советом профессоров на каждые следующие пять лет. В декабре 1865 г. закончилось пятилетие службы двух профессоров Московского университета, которые отслужили уже 30 лет, профессора международного и полицейского права (и декана юридического факультета) В.Н. Лешкова и эллиниста А.И. Меншикова.

Совет, на котором они должны были баллотироваться на новый срок, состоялся в январе 1866 г., оба профессора отсутствовали, но решили голосовать друг за друга и поручили сделать это за них присутствовавшим профессорам. Это была обычная практика. Но перед голосованием Чичерин заявил, что поскольку срок их службы закончился и они перестали быть профессорами, то не имеют и права голоса. Ректор С.И. Баршев (первый ректор, избранный по уставу 1863 г.) с ним согласился. Именно этот казуистический посыл и стал истоком проблемы.

Для того чтобы остаться на своих местах, профессора должны были набрать $\frac{2}{3}$ голосов. Меншиков набрал гораздо меньше, а вот

---

¹⁰ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет / Вступ. ст. и примеч. С.В. Бахрушина. М., 1929. С. 51.

¹¹ Там же. С. 49.

Лешков получил 5 белых шаров и 13 черных. Таким образом, для избрания ему не хватило одного голоса — того самого, который был отобран по предложению Чичерина. Поскольку факультет терял не только профессора, но и декана, тут же состоялись выборы, и деканом был избран Б.Н. Чичерин. Это не была стопроцентная победа, многие профессора остались недовольны сложившейся ситуацией. И это недовольство полностью проявилось, когда Лешков обратился в Совет с письмом, в котором заявлял, что голос был снят неправомерно. В ходе прений было решено с вопросом о законности устранения голосов обратиться к попечителю Д.С. Левшину, тот переадресовал его в министерство, во главе которого стоял тогда либеральнейший А.В. Головнин. По рассмотрении вопроса министерство решило, что профессора, чей срок службы закончился, сохраняют свои права до тех пор, пока не будут забаллотированы, и таким образом решение о лишении их права голосовать было неверным. А поскольку было известно, что оба профессора лишились по одному белому шару, который для Лешкова оказался решающим, этот шар был ему добавлен, и он был оставлен и профессором, и деканом.

Чичерин и поддерживавшие его профессора решили не сдаваться без боя. В Совет была представлена записка, составленная Ф.М. Дмитриевым, где утверждалось, что согласно ст. 72 Устава министр может только утверждать профессоров, избранных Советом. Признав лишение профессоров голоса неправомерным, а выборы — не состоявшимися, он «никак не мог утвердить профессора Лешкова, ибо когда нет избрания, то и утверждать нечего»¹². Кроме того, министром была нарушена тайна баллотировки, что также противно существующим законам. В записке Совету предлагалось «почтительнейше представить» об этом министру народного просвещения. Однако бумага так и осталась не прочитана: ректор не допустил возобновления прений и развития скандала. Сходная участь постигла записку Чичерина, направленную против нарушения ректором прав Совета. Она была зачитана в Совете, но вызвала бурю негодования против Чичерина и не была принята Советом.

Суть конфликта свелась, таким образом, не к противостоянию профессоров с министерством, а к противостоянию внутри профессорской корпорации, когда большинство (24 профессора против 5¹³) отказывалось развивать конфликт с правительством,

---

¹² Там же. С. 171.

¹³ Там же. С. 199.

а меньшинство требовало уважения к своему мнению, обсуждения представленных им записок и стремилось всеми средствами заявить свою позицию. Чичерин выступал здесь как заинтересованное лицо, так что в его воспоминаниях он и его сторонники (И.И. Бабст, М.Н. Капустин, С.А. Рачинский, Ф.М. Дмитриев, а также отсутствовавший в это время в Москве С.М. Соловьев¹⁴) оказались единственно честными людьми в университете, тогда как «деспотическое большинство» превратилось в «шайку негодяев, властвовавших в университете»¹⁵, подлецов и карьеристов, дальнейшая работа вместе с которыми оказывалась невозможна. И 6 профессоров подали в отставку.

Правительство заняло в этой истории примиряющую сторону, но общественное мнение оказалось не на стороне Чичерина, посчитав, что он из самолюбия сам пошел на эскалацию конфликта. Как характеризовал отношение к «восставшим» сам Чичерин, якобы «мы требовали смены профессора, неправильно утвержденного Головниным, и сердимся на непослушание министра»¹⁶. Более развернуто выразил позицию общества В.П. Мещерский в письме наследнику престола вел. кн. Александру Александровичу: «Чичерин под влиянием самолюбия и минутного увлечения собственным достоинством вышел из предела должного уважения ко всякому, кто бы он ни был: он был уже не простым наблюдателем этих несогласий в Совете университета, а вдвойне действующим лицом и неизбежно пристрастным 1) потому, что он избран был в деканы юридического факультета, 2) потому, что его обвинял Совет университета в оскорблении, нанесенном его члену и в лице члена всему Совету. Итак, вот начало дела: Чичерин был неправ, и Совет был неправ, действуя под влиянием личных чувств неприязни к Чичерину. На этом, казалось бы, дело могло бы кончиться. Чичерин бы подал в отставку (*et entre nous soit dit*), Моск[овский] университет не был бы от этого поколеблен в своих основаниях! Но Чичерин это очень хорошо понял и красноречием своим привлек к себе партию приверженцев, выбрав их из лучших профессоров университета: во главе этих лучших Бабст, а в особенности Соловьев. Такие люди, разумеется, дали

---

¹⁴ С.М. Соловьев был в то время в Петербурге, где преподавал наследнику престола вел. кн. Николаю Александровичу, возвратился в Москву, когда основные события уже были позади, но безоговорочно встал на сторону Чичерина и первый предложил в знак протеста выйти в отставку (*Чичерин Б.Н.* Указ соч. С. 201).

¹⁵ *Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 216, 215.

¹⁶ Там же. С. 215.

ему руку, как собрату честному и молодому, и вместе с ним подали в отставку, когда министерств[о] не утвердило распоряжений попечителя!

Но хорошо ли поступил Чичерин, опершись на таких людей, как Соловьев. Чичерин имеет состояние, он молод, он ничего не теряет от отставки, напротив, он становится на пьедестал, а университет теряет в нем так же немного, как и он, а Соловьев, ему остается год до пенсии, он живет своими трудами, Бабст тоже. Подавая в отставку, они с огромными семьями лишают свои семейства верного куса хлеба! С другой стороны, университет и Россия теряют в Бабсте, а в особенности в Соловьеве замечательного ученого! Об этом-то не подумал Чичерин, затевая свою историю, или, вернее, подумал, да не принял в соображение и принес в жертву своему непомерному честолюбию!»¹⁷

Так же считал и бывший попечитель (в 1835—1847 гг.) Московского учебного округа, на поддержку которого Чичерин особенно надеялся, граф С.Г. Строганов. В письме Чичерину он писал: «Покидая профессию, Вы и ваши товарищи наносите смертельный удар цивилизации нашей общей родины. Вы приносите в жертву целое поколение студентов и принимаете на себя громадную моральную ответственность; перед такой перспективой нет места сомнению; если я требую от вас нового доказательства гражданской доблести, то это потому, что я верю в будущее и в ваши таланты, для выполнения великого и дорогого для нас всех дела возрождения»¹⁸.

Чичерин, однако, остался при своем мнении. Подробно рассказывая в воспоминаниях эту историю, он особенно подчеркивал, что правительство должно было дорожить профессорами его уровня, поддержать их, «оградить их от оскорблений и сделать пребывание в университете возможным для порядочных людей»¹⁹. «Казалось бы при скудости наших умственных сил, при расшатанности общества, при том хаосе понятий, который в нем водворился, — писал Чичерин, — надобно было, как зеницей ока, дорожить тем маленьким ядром мыслящих и крепких в своих охранительных убеждениях людей, которое случайно образовалось в Московском университете»²⁰.

¹⁷ Письмо В.П. Мещерского великому князю Александру Александровичу от 10 апреля 1867 г. // *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868 / сост., вступ. ст., коммент. Н.В. Черниковой. М., 2011. С. 273.

¹⁸ *Чичерин Б.Н.* Указ соч. С. 214.

¹⁹ Там же. С. 215.

²⁰ Там же. С. 221—222.

Это осознание собственной ценности, независимости, высшая степень самоуважения было свойственно не только Чичерину и его сторонникам. Этим может быть объяснено поведение очень многих профессоров в совершенно разных ситуациях. Свобода мысли и слова, без оглядки на ситуацию в стране, уверенность в собственной исключительности вообще характерна для интеллектуальной элиты. Так что правительство сталкивалось со стремлением к независимости не только университетских Советов, но и сами профессоров. И временами это стремление становилось причиной эпатажного поведения преподавателей.

С этого ракурса интересно рассмотреть громкие отставки 1880-х гг.: С.А. Муромцева (1884), В.И. Семевского (1886), М.М. Ковалевского и О.Ф. Миллера (в 1887 г.). Все эти отставки, как и сам новый Университетский устав 1884 г.²¹, были следствием изменения отношения к университетам в начале 1880-х гг., изменения, вызвавшего известный возглас М.Н. Каткова: «Итак господа, встаньте, правительство идет, правительство возвращается!»²² Впервые контроль правительства затронул и свободу преподавания. При этом речь шла не только и не столько о возможности говорить с кафедры что угодно, но и о самом построении курса. До 1884 г. нередко случалось, что профессора читали не весь курс, а лишь ту его часть, которая была наиболее интересна им самим. Как писал министр народного просвещения И.Д. Делянов К.П. Победоносцеву, «профессор Герье мог, по уставу 1863 г., будучи профессором новой истории, читать в течение двух лет сряду историю французской революции и *только из нее* экзаменовать, а теперь в течение двух лет должен прочитать всю новую историю и экзаменовать из всей науки, а не из клочка. <...> Даже мой товарищ и друг Буслаев в последние годы экзаменовал не из русской грамматики, а из второй книги Божественной комедии Данте. А Ковалевский излагал не русское государственное право, а английское, и из него же экзаменовал»²³.

Устав 1884 г. положил этому предел. Главным ориентиром становились теперь экзаменационные требования, которые разрабатывались специальными комиссиями при министерстве. Ориентируясь на эти требования, каждый факультет составлял свои учебные планы, в кото-

²¹ Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 4. № 2395. 15 августа 1884 г.

²² Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М., 1898. № 278. Москва, 6 октября. С. 512.

²³ Письмо И.Д. Делянова К.П. Победоносцеву от 13 декабря 1887 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. В 2 т. Т. 2. Минск, 2003. С. 239.

рых были отражены все науки, необходимые для изучения студентами, и последовательность их преподавания. Планы рассматривались Советом и утверждались министром. На каждое полугодие составлялись «обозрения преподавания» (расписание) с точным указанием занятий по дням недели и часам. При составлении расписания на семестр в основу ложились «заявления» преподавателей о предлагаемых ими курсах, но Совет, исходя из общего плана занятий, мог их и не утвердить.

Кроме того, было обращено внимание не только на то, чему, но и как учат профессора. Результатом было несколько громких отставок. Первой и самой неожиданной была отставка профессора Московского университета (и будущего председателя I Государственной Думы) С.А. Муромцева. Сам он покидать Университет не собирался, его увольнение последовало приказом министра народного просвещения, а причиной стала «политическая неблагонадежность», о которой Делянову сообщили из министерства внутренних дел²⁴. Впрочем, это сообщение было скорее предлогом. Взгляды Муромцева и до этого были хорошо известны. Постоянный автор либеральных изданий, в т.ч. газеты «Порядок», один из авторов составленной в марте 1880 г. «Записки о внутреннем состоянии России», он считал, что средством «вывести нашу страну из того заколдованного круга, в который она попала», может быть только представительное учреждение («самостоятельное собрание представителей земства») и обеспечение права личности «на свободу мысли, слова и убеждения»²⁵. Однако с кафедры такие мысли Муромцев предпочитал не высказывать. И его отставка стала неожиданностью для его единомышленников. «Что все сие означает?» — задавался вопросом Кавелин²⁶. А исследователи склонны были видеть в этом даже интригу министра против профессора²⁷.

Более предсказуемой была отставка В.И. Семевского. Гораздо более категоричный, чем Муромцев, он никогда не шел на уступки.

²⁴ *Медушевский А.Н.* Сергей Андреевич Муромцев // Российские либералы. Сб. статей / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 263.

²⁵ Цит. по: *Медушевский А.Н.* Сергей Андреевич Муромцев. С. 271.

²⁶ *Кавелин К.Д.* Письмо М.М. Стасюлевичу от 31 июля 1884 г. // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке. Т. 2. СПб., 1912. С. 178. См. также: *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 220—221.

²⁷ *Сватиков С.Г.* Опыльная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 22—27; *Аронов Д.В.* Российская профессура в жерновах репрессивной политики министерства народного просвещения в последней трети XIX в. — Делянов против Муромцева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4 (81). С. 7—11.

С 1882 г. в качестве приват-доцента он читал дополнительные курсы. Однако уже утверждение первой программы его лекций, посвященных истории быта русских крепостных крестьян до 1855 г., прошло с большим трудом. Сами лекции также не отличались умеренным тоном. Семевский говорил о «партизанах старого порядка», сумевших «оставить по себе память кое в чем существенном в самом положении 19 февраля», утверждал, что не «командующий класс», а «лучшие представители русской интеллигенции» «выработали основы освобождения крестьян; целую программу, которую потому вынуждено было принять и правительство»²⁸. Много позже, в 1916 г., такие высказывания казались почитателям Семевского верхом осторожности, больше которой «нельзя было требовать»²⁹. Но в начале 1880-х для свидетелей и участников подготовки Великих реформ такое заявление граничило с оскорблением.

Лекции сразу вызвали опасения руководства. Попечитель (а им тогда был далекий от всякой «реакционности» Ф.М. Дмитриев) трижды приезжал слушать Семевского, даже сделал ему замечание, что он «читает в “темных тонах”». И уже осенью 1884 г. программа лекций Семевского была утверждена факультетом лишь со второго раза и только благодаря заявлению автора, что предлагаемый к чтению курс является продолжением прошлогоднего. Однако попечитель, узнав, что лекции будут продолжены, в разговоре с ректором и деканами «прямо заявил, что находит невозможным» чтобы Семевский оставался приват-доцентом и «представит в этом смысле свое мнение в министерство»³⁰. В этой ситуации, сокрушался В.И. Семевский в письме к профессору Московского университета Н.И. Стороженко от 23 сентября 1884 г., ему оставалось только последовать совету сочувствовавшего ему ректора И.Е. Андреевского и совсем отказаться от чтения лекций в этом учебном году³¹. Год спустя, в конце 1885 г., он попытался возобновить чтение лекций, но разрешения не получил, а в январе 1886 г. последовало его увольнение.

Причину фиаско преподавательской деятельности Семевского он и его друзья видели в интриге его бывшего учителя, К.Н. Бестужева-Рюмина, с которым ученик разругался еще перед защитой магистерской диссертации в 1881 г. и который, якобы, настроил

²⁸ Мельгунов С.П. Памяти В.И. Семевского. Ученые мытарства // Голос минувшего. 1916. № 10. С. XXVIII, XXIX.

²⁹ Там же. С. XXIX.

³⁰ Цит по: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. XXX.

³¹ Там же.

против него министерство народного просвещения³². Таким образом, отставка воспринималась как результат частных действий конкретного человека, и в переписке Семевского нет ни слова о необходимости изменить сам дух преподавания, избавиться, хотя бы частично, от «вредного направления».

Еще более показательна в этом отношении отставка летом 1887 г. М.М. Ковалевского, профессора юридического факультета Московского университета, где он читал курс по сравнительной истории права.

В «Воспоминаниях» Ковалевский писал, что «гнусная травля» перед его отставкой длилась больше года³³. Действительно, еще в 1886 г. И.Д. Делянов писал попечителю Московского учебного округа П.А. Капнисту о необходимости принять меры, чтобы прекратить чтение Ковалевским лекций, «несогласных с требованиями министерства». Речь шла о том, что делаемые профессором сравнения всегда бывают не в пользу России. «Мне сделалось положительно известно, — замечал Делянов, — что при сравнении государственного права России с государственным правом западноевропейских держав, проф. Ковалевский относится к русскому государственному строю с величайшим порицанием и пренебрежительностью. Так, на одной лекции проф. Ковалевский, между прочим, сказал: “Хотя у нас есть закон, гласящий, что империя Российская управляется на основании твердых положительных законов, от Верховной самодержавной власти исходящих, однако всякий из вас знает”...» Интонация, к которой это было сказано, утверждал министр, должна навести всякого молодого слушателя на нежелательные мысли³⁴.

Тенденциозность лекций отмечалась и многими студентами, от которых, скорее всего, и почерпнуло министерство свою информацию. И упоминаемая Ковалевским «травля» заключалась в сборе доказательств этой тенденциозности. Прежде всего были проверены конспекты лекций, которые показали, что сравнивая, например, право ареста в Англии и большинстве континентальных держав, Ковалевский говорил, что в Англии каждый человек свободен в осуществлении своих прав и может требовать их охраны в строго правовом порядке. В России же «охрана права зависит от админи-

³² Там же. С. XXXI—XXXI; Хроника. Василий Иванович Семевский и его исторические труды // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 291—292.

³³ Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 215.

³⁴ Сватиков С.Г. Опальная профессура 80-х годов. С. 36.

стративного усмотрения, и часто приходится просить о том, что — в сущности — составляет право». Прочитав это, Капнист вызвал Ковалевского и указал ему, «что от подобных выводов и сравнений следует безусловно воздерживаться»³⁵.

Затем появились свидетельства о том, что Ковалевский в лекциях представляет в самом мрачном свете существующие в России порядки, «глумится» над новым университетским уставом и проч. и проч.; что начиная курс 29 сентября 1886 г. он, «сравнивая конституцию Англии с монархизмом России, говорил, что Россия есть страна “неправого суда”, что суверенитет Государя и неограниченная власть его есть бред легитимистов, не имеющий ни основания, ни оправдания в истории»³⁶. С точки зрения начальства, в частности, московского генерал-губернатора Влад. Андр. Долгорукова, это было ничто иное, как злоупотребление дарованным профессору правом преподавания, и необходимо было принять меры для ограждения молодежи от его вредного влияния. Делянов с этим согласился, тем более что неоднократные предостережения Капниста Ковалевскому оставались безрезультатны³⁷.

Выводы властей нельзя назвать необоснованными. Современные исследователи также признают, что целью Ковалевского на университетской кафедре было «подготовить россиян к конституции», так что вместо требовавшегося программой «живого очерка самодержавия» он «фактически проповедовал основные принципы реформ, необходимых для России»³⁸. На этом фоне неудивительно его увольнение, последовавшее 6 июня 1887 г.

Таким образом, несмотря на Устав 1884 г., профессора продолжали считать ничем не ограниченную свободу слова с кафедры своим неотъемлемым правом, а увольнения рассматривались ими как следствие частных интриг противной партии, результат «подкапывания» и проч.

Но наиболее ярко конфликт между служебным положением и внутренними убеждениями, неприятие ученым и преподавателем каких-либо ограничений его свободы проявились в случае отставки профессора Петербургского университета О.Ф. Миллера в 1887 г. В отличие от Муромцева, Семевского, Ковалевского Миллер не отличался радикальными взглядами. Блестящий оратор,

---

³⁵ Там же. С. 39

³⁶ Там же. С. 40.

³⁷ Там же. С. 41, 42.

³⁸ *Хайлова Н.Б.* Максим Максимович Ковалевский // Российские либералы. С. 362.

любимый студентами, основатель Студенческого научно-литературного общества (членами которого, между прочим, были участники покушения на Александра III 1 марта 1887 г., а секретарем — А.И. Ульянов), он, по мнению И.Е. Андреевского, представлял собой осколок «прежнего доброго университета», неотъемлемой принадлежностью которого были «приемы добра, теплоты и настоящей справедливости»³⁹. По словам тогда студента И.М. Гревса, Миллер «покорял мирной гармонией, царившей в его неутомимо деятельном существе»⁴⁰, и события 1 марта никак не отразились на его карьере.

Осенью, как всегда, он начал новый учебный год, но первая же его лекция, 24 августа, привлекла повышенное внимание. Миллер говорил о недопустимости смешения славянофильства (видными представителями которого были А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, И.С. Аксаков, убеждения которых Миллер полностью разделял) и идей Каткова, который, по мнению профессора, был представителем «не русских, а немецки-полицейских начал», о славянофильском «истинном русском духе», который и его, немца по происхождению, заставил «сознательно обрусеть». Но в той же лекции он сказал и о том, что «наука не признает никаких обязательных взглядов» и если студенты еще видят на кафедрах своих старых преподавателей, «то потому, что мы еще не потеряли веры в возможность свободного научного слова с кафедры»⁴¹.

На лекции 2 сентября присутствовал попечитель И.П. Новиков. В тот день Миллер говорил об игумене Киево-Печерского монастыря Феодосии Печерском, выступившем против киевского князя Святослава Ярославича (сына Ярослава Мудрого), который в 1073 г. изгнал со столичного престола своего старшего брата Изяслава. Обличительные письма Феодосия настолько разгневали князя, что и многие посчитали неизбежным заточение Феодосия. Узнав об этой угрожающей ему опасности, тот ответил: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими

³⁹ Письмо И.Е. Андреевский О.Ф. Миллеру от 4 июня 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 1380. Д. 14. Л. 1—1 об., 2.

⁴⁰ Цит. по: Волков В.П. Владимир Иванович Вернадский // Российские либералы. С. 421.

⁴¹ Миллер О.Ф. Дневник. Май-сентябрь 1887 г. // РГАЛИ. Ф.1380. Д. 6. Л. 51 об. — 52. Записи 24 и 27 августа 1887 г.

же и уйти из мира сего»⁴². «И во всякое время..., — завершил этот рассказ Миллер, — нужны люди, способные доводить свое потребности до *minimum*'а, чтобы иметь возможность сказать в ответ на угрозы: «Делайте со мной, что хотите, — я ничего не боюсь»»⁴³.

Возможно, эти слова были сказаны специально для попечителя, который после лекции пригласил на следующий день его к себе. Во время состоявшейся беседы Миллер пересказал содержание своей первой лекции, а попечитель всячески уговаривал его дать слово быть отныне более сдержанным. И Миллер такого слова не дал. «Я сказал, что не могу его дать, — записывал он в дневнике, — потому что завтра же нарушу такое слово. Я 29 лет читаю свободно, по внушению одной своей совести, и не считаю возможным и нужным меняться под старость. Мое влияние на студентов именно и опирается на их веру в безобязанность моего слова. Сам я с кафедры не сойду, а буду держаться на ней с тем же прямым словом до последней крайности; меня можно только уволить, и пусть меня увольняют на каких угодно основаниях — хотя бы без всякой пенсии».

Вряд ли попечитель мог не заметить в этом заявлении перекличку со словами Феодосия и с заключением, сделанным самим Миллером на лекции. Тем не менее он довольно долго уговаривал профессора, который упорно твердил, что «ко всему готов». «Не думайте только, что вам не позволяют иметь своей собственный образ мыслей, — сказал в заключении попечитель. — Нет, но от вас ожидают внимания к внушениям начальства, вызываемым теперешним временем»⁴⁴. Вечером того же дня об осторожности говорил Миллеру и вновь назначенный ректор М.И. Владиславлев. Однако Миллера это только лишь «взбесило»⁴⁵.

Впоследствии в литературе сложилось мнение, что причиной увольнения Миллера была «лекция о Каткове»⁴⁶ — критика консервативного журналиста, лишь за год до этого, 30 августа 1886 г., награжденного орденом Св. Владимира 2-й степени, при чем в сопроводившей награду высочайшей грамоте отмечалось «постоянное неустанное рвение», с которым Катков сделал все от него зависящее для «укрепления в умах ясного понимания истинных

⁴² Житие Феодосия Печерского / Подготовка текста, перевод и коммент. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 421.

⁴³ Миллер О.Ф. Дневник. Май-сентябрь 1887 г. Л. 54 об. Запись 2 сентября 1887.

⁴⁴ Там же. Л. 55 об. — 56. Запись 3 сентября.

⁴⁵ Там же. Л. 56 об.

⁴⁶ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. XXIII.

начал русской государственной жизни»⁴⁷. Но дело было не столько в лекции, сколько в жесткой позиции, которую занял Миллер. При этом он нашел поддержку у некоторых преподавателей университета и бывшего ректора Андреевского. Сначала казалось, что все обойдется. 14 сентября появился слух, что в министерстве решили «не трогать» Миллера. «Я так и думал, признаться, — записывал он в дневнике, — что и этот раз они не дерзнут»⁴⁸. Эта уверенность во вседозволенности, пренебрежение предупреждениями и увещеваниями и сыграла с профессором злую шутку.

18 сентября Миллеру принесли от попечителя бумагу с требованием «письменного отчета» о том, что он говорил о Каткове⁴⁹. И он написал сразу два письма. Одно с изложением лекции, а другое — краткую «отповедь попечителю», что все им было уже сказано во время устного объяснения и ему остается только повторить, что он остается при своем убеждении, что он «и вправе и обязан» руководствоваться на кафедре исключительно внушениями собственной «профессорской совести»⁵⁰. Это второе письмо было 24 сентября послано им попечителю, а подробное он, по совету друзей, решил отдать в печать. На следующий день, 25 сентября, Миллер по собственной инициативе обратился в редакцию «Сына Отечества», а после ее отказа — «Русского курьера» о напечатании своей лекции⁵¹.

Эта публикация вместе с его «отповедью» попечителю была воспринята в министерстве как прямое неуважение требований власти. Еще больше возмущений вызвали слова о руководстве исключительно «профессорской совестью». Таким образом, Миллер, гласило постановление о его увольнении, «предоставляет себе права, законом не признаваемые и с правильным ходом дел в государственной и общественной жизни несовместимые». Между тем, «для всякого общественного деятеля, следовательно и для профессора, обязателен как нравственный закон не в личной, а в общепризнанной форме, так и закон положительный, составляющий руководительную форму во всех функциях общественной деятель-

⁴⁷ Высочайшие грамоты // Правительственный вестник. 1886. № 193. 1 сент. С. 1.

⁴⁸ Миллер О.Ф. Дневник. Май-сентябрь 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 1380. Д. 6. Л. 62 об. Запись 14 сентября 1887 г.

⁴⁹ Миллер О.Ф. Дневник. Сентябрь-декабрь 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 1380. Д. 7. Л. 2 об. Запись 18 сентября 1887 г.

⁵⁰ Там же. Л. 5—5 об. Записи 23, 24 сентября 1887 г.

⁵¹ Там же. Л. 6. Запись 25 сентября; Миллер О.Ф. Славянофилы и Катков // Русский курьер. 1887. 28 сентября. № 267. С. 2.

ности... Было бы несообразно как со здравым смыслом, так и с законом давать полный простор всяким учениям в университете»⁵².

6 октября 1887 Миллер уволен⁵³, о чем ему официально было сообщено 8 октября. Причина была типична для увольнений 1880-х годов: вслед за другими профессорами О.Ф. Миллер нарушил тонкую грань между интеллектуальной свободой, принципиальной позицией ученого и фрондой. В проигрыше в этом случае оставались обе стороны — и государство, и вынужденный покинуть университет профессор.

Литература

- Андреев, А.Л.* Российское образование. Социально-исторические контексты. — Москва : Наука, 2008. — 359 с.
- Андреевский, И.Е.* Письмо О.Ф. Миллеру от 4 июня 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 1380. Д. 14. Л. 1—2.
- Аронов, Д.В.* Российская профессура в жерновах репрессивной политики министерства народного просвещения в последней трети XIX в. — Делянов против Муромцева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. — № 4 (81). — С. 7—11.
- Галахов, А.Д.* Записки человека / Вступ. статья, подг. текста и коммент. В.М. Боквой. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — 448 с.
- Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета 2 ноября 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887—1888 академического года. — № 37. — Санкт-Петербург : типолитография А.М. Вольфа, 1888. — 39 с.
- К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. В 2 т. — Т. 2. — Минск : Харвест, 2003. — 672 с.
- Кавелин, К.Д.* Собрание сочинений. — Т. 2. Публицистика / вступ. ст. В.Д. Спасовича, примеч. Д.А. Корсакова. — Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1898. — 1258 стлб.
- Катков, М.Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. — Москва : издание С.П. Катковой, 1898. — 671 с.
- Ковалевский, М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 784 с.
- Корнилов, А.А.* Василий Иванович Семевский и его исторические труды // Вестник Европы. — Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1916. — № 11. — С. 282—301.
- М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. В 5 т. — Т. 2 / под ред. М.К. Лемке. — Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1912. — 560 с.
- Мельгунов, С.П.* Памяти В.И. Семевского. Ученые мытарства // Голос минувшего. Голос минувшего. Журн. истории и истории лит. — Москва : Тип. Т-ва Рябушинских, 1916. — № 10. — С. XIX—XXXIV.
- Мещерский, В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868 / сост., вступ. ст., коммент. Н.В. Черниковой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 736 с.

⁵² Миллер О.Ф. Дневник. Сентябрь—декабрь 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 1380. Д. 7. Л. 10 об. — 11. Запись 8 октября 1887 г.

⁵³ Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета 2 ноября 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887—1888 академического года. № 37. СПб., 1888. С. 18.

- Миллер, О.Ф.* Дневник. Май—сентябрь 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 1380. Д. 6. 64 л.
- Миллер, О.Ф.* Дневник. Сентябрь—декабрь 1887 г. // РГАЛИ. Ф. 1380. Д. 7. 62 л.
- Миллер, О.Ф.* Славянофилы и Катков // Русский курьер. 1887. 28 сентября. — № 267. — С. 2.
- Никитенко, А.В.* Дневник / Подготовка текста и примечания И. Я. Айзенштока. В 3 т. — Т. 2. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы. 1955. — 652 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. — Т. 4 (1884). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1887. — 1126 с.
- Посохов, С.И.* Уставы российских университетов второй половины XIX в. в публицистике и историографии // Философский век. Альманах. Вып. 28. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. — Том 1 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Центр истории идей. 2005. — 326 с.
- Российские либералы. Сб. статей / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 576 с.
- Ростовцев, Е.А.* Столичный университет Российской империи. Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2017. — 904 с.
- Сватиков, С.Г.* Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. Журн. истории и истории лит. — Москва : Тип. Т-ва Рябушинских, 1917. — № 2. — С. 5—78
- Чичерин, Б.Н.* Воспоминания. Московский университет / Вступ. ст. и примеч. С.В. Бахрушина. — Москва : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. — 279 с.
- Чичерин, Б.Н.* Собственность и государство. — Ч. 1. — Москва : тип. Мартынова, 1882. — 472 с.

А.Н. Долгих

К вопросу о так называемом кризисе буржуазной историографии в России на рубеже XIX—XX вв.: А.А. Кизеветтер

On the question of the so-called crisis of bourgeois historiography in Russia at the turn of the XIX—XX centuries: A. A. Kisevetter

Аннотация: Статья посвящена характеристике российского историка рубежа XIX—XX вв. А.А. Кизеветтера. В ней обращено особое внимание на соответствие его воззрений на историю России XVIII—XIX вв. взглядам многих современных ему историков и отрицается наличие в его произведениях явлений так называемого «кризиса буржуазной историографии».

Ключевые слова: буржуазная историография, кризис, советская историография, А.А. Кизеветтер, И.Д. Ковальченко, самодержавие, крепостное право, либерализм, Екатерина II, Петр I.

Annotation: The article is devoted to the Russian historian of the XIX—XX century A.A. Kisevetter. It pays special attention to the correspondence of his views on the history of Russia in the XVIII—XIX centuries to the views of many contemporary to him historians and denies the existence in his works of the phenomena of the so-called «crisis of bourgeois historiography».

Keywords: Bourgeois historiography, Crisis, Soviet historiography, A.A. Kisevetter, I.D. Kovalchenko, Autocracy, Serfdom, Liberalism, Catherine II, Peter I.

Почти сто лет прошло со времени высылки из Советской России (1922 г.) одного из лучших учеников В.О. Ключевского (воспринявшего от учителя кроме знания «ремесла» и умение подать материал блестящее литературное мастерство) — А.А. Кизеветтера (1866—1933). Несмотря на наличие отдельных современных публикаций, открывающих некоторые стороны взглядов и значения творчества Кизеветтера для российской историографии¹, очевидно, что здесь не все еще сказано. Показательно на сей счет высказывание Е. Александрова, автора предисловия к одному из современных

¹ См.: *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; *Ее же.* Александр Александрович Кизеветтер // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. 1. Отечественная история / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов и Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000. С. 153—163; *Шаниро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С. 585—589; *Лачаева М.Ю.* А.А. Кизеветтер и А.А. Корнилов // *Историография истории России до 1917 г.* Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. Т. 2. М., 2003. С. 219—231 (часть главы) и др.

изданий произведений Кизеветтера: «Даже в новейшей историографии единственное комплексное монографическое исследование, посвященное А.А. Кизеветтеру, опубликованное М.Г. Вандалковской, что характерно, носит название “П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: история и политика”. Думается, что это не совсем справедливо, и фигура историка, безусловно, заслуживает самостоятельного детального изучения»². В этой связи попытаемся проанализировать некоторые издания его трудов, включающие в себя очерки, посвященные анализу ряду исторических проблем и характеристике исторических фигур XVII — начала XIX вв., особенно ярко раскрывающие именно ту сферу, где он был непревзойденным мастером³. Стоит только прочитать первые страницы его эссе, посвященного протопопу Аввакуму. Видимо, нигде, кроме, может быть, у Ключевского, не показаны так ярко те изменения в реальной жизни русского человека, которые имели место во второй половине XVII в. Кстати, у последнего этому посвящен целый том, а у Кизеветтера они даны на 8 страницах, причем необычайно ярко и афористично⁴. По словам М.Г. Вандалковской, действительно, «исторические труды Кизеветтера отличались чистым, ярким русским языком и талантом художника»⁵. Однако существовали на сей счет и иные суждения. Сам В.О. Ключевский критиковал своего ученика за эту его публицистичность («Фразы за него мыслят», «Мысли вслух на Красном крыльце»). Еще более жестко высказывались исследователи позднее. Так, Н.Л. Рубинштейн в свое время

² Александров Е. Александр Александрович Кизеветтер // *Кизеветтер А.А. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии.* М., 2006. С. 25. См. в подтверждение этого тезиса также: *Рубинштейн Н.Л. Русская историография* / Под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб., 2008; *Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки.* Л., 1985.

³ *Кизеветтер А.А. Исторические силуэты* / Сост., общ. ред. и вступ. ст. О.В. Будницкого. Примеч. С.М. Маркедонова. Ростов-на-Дону, 1997; *Его же. Исторические очерки...*

⁴ См.: *Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3* // *Его же. Соч.: В 9 т. Т. 3* / Под ред. В.Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В.А. Александров, В.Г. Зимина. М., 1988; *Кизеветтер А.А. Протопоп Аввакум* // *Его же. Исторические силуэты.* С. 52—33.

⁵ *Вандалковская М.Г. Русская историческая наука и литературоведение конца XIX — начала XX в. // VIII Баргневские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова* / Липецк, 5 октября 2018 г. Липецк, 2018. С. 174.

отмечал «журнально-публицистическую тенденцию» в произведениях историка, где «литературно-повествовательная сторона» господствовала «над научным исследованием»⁶.

Одной из причин того, что имя Кизеветтера было надолго забыто в отечественной историографии, была его политическая деятельность в среде партии кадетов, особенно в период первой русской революции. Да и как могло быть иначе, если сам В.И. Ленин в статье 1907 г. «Против бойкота (из заметок с.-д. публициста)» высказался следующим образом: «Так и наши герои контрреволюции, особенно из вчерашних “демократов” вроде Струве, Милюкова, Кизеветтера и tuttiquantí, соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции», поставив на многие годы «черную метку» на его имени. В комментариях к Полному собранию произведений В.И. Ленина отмечалось неоднократно, что Ленин относил этого «кадетского профессора» и «героя мещанства» к тем, кто «торгует наукой в угоду реакции»⁷. По словам А.Л. Шапиро, в период революции 1905—1907 гг. Кизеветтер отстаивал тезис о том, что «вооруженные восстания либо невозможны, либо бессмысленны, что нужно добиваться конституционной монархии, а не бороться за республику»⁸. А ведь известно, как в советской историографии реагировали на подобные оценки, не совпадавшие с официальной линией⁹.

При этом вряд ли официальной советской науке были известны строки из письма самого А.А. Кизеветтера своему однопартийцу-эмигранту В.А. Маклакову от 6 февраля 1924 г., где он так отозвался о смерти В.И. Ленина: «Умерший на днях в Москве дурак с самого начала своего эксперимента так и заявлял в печатной брошюре, что коммунизм в России невозможен, но Россия есть та охапка сухого сена, которую легче подпалить для начатия мирового социального пожара. Россия при этом сгорит; ну и черт с ней, зато мир вступит

⁶ См.: *Историография истории России до 1917 г.: Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 т. / под ред. М.Ю. Лачаевой. Т. 2. М., 2003. С. 228; Публицист Н.Л. Указ. соч. С. 573.*

⁷ *Ленин В.И. Против бойкота (из заметок с.-д. публициста) // Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 16. М., 1973. С. 25. См. также: Там же. Т. 12. М., 1968. С. 309; Т. 16. М., 1972. С. 532; Т. 16. М., 1973. С. 536; Т. 17. М., 1968. С. 407, 599.*

⁸ См.: *Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 585.*

⁹ См., например: *Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. С. 7. См. об этом также: Долгих А.Н. К вопросу о современных оценках советской историографии: Н.П. Ерошкин // Гуманитарные исследования Центральной России / HumanitiesresearchesofthecentralRussia. № 1 (14), 2020. С. 6.*

в рай коммунизма...»¹⁰. Несмотря на крайне жесткую форму оценки деятельности В.И. Ленина, в ней были свои резоны¹¹.

В этой связи интересным является то, как представляли А.А. Кизеветтера в главных советских и постсоветских энциклопедиях. В «Советской исторической энциклопедии» (автор статьи не указан) при оценке его воззрений отмечалась идеализация им деятельности Александра I, Николая I и Александра II, акцентировалось внимание на его оценках великих реформ 1860-х гг. как итога «взаимодействия царской власти и “общественного мнения”», негативно воспринималось зачисление им в либералы «реакционного деятеля кн. Щербатова и первых русских революционеров Радищева и Герцена»¹². Стоит здесь заметить, что положения энциклопедии насчет взглядов М.М. Щербатова в изображении Кизеветтера выглядят определенным преувеличением. Суммируя его позицию, выделим главное: с одной стороны, «...полицейское государство, наделенное всеми грозными орудиями правительственной репрессии, и общество, разбитое на отчужденные друг от друга классы с вельможной олигархией наверху и бесправной массой рабов внизу», с другой — некоторое ограничение прав самодержца, в особенности в отношении законодательной власти. В отношении же взглядов А.Н. Радищева и А.И. Герцена точка зрения историка об их «либеральной» природе¹³ является достаточно распространенной в позднейшей историографии.

В энциклопедии «Отечественная история» (автор статьи — И.Н. Нарский) отмечено, что Кизеветтер продолжал «традиции государственного направления российской историографии: главную роль в развитии российской истории он отводил политическому фактору, действиям государства». Обозначена и критика им социальной политики Екатерины II, и высокая оценка других преобразований ее царствования, а также и правления Александра I, проводившихся в сотрудничестве с «народными представителями». Указано на его взгляды в отношении оппозиционных властям общественного движения XVIII—XIX вв., определяемого им как «либерального»¹⁴.

¹⁰ Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»: Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера / Публ. О. Будницкого и Т. Эммонса // Источник. 1996. № 2. С. 16.

¹¹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. М., 1981. С. 453.

¹² Советская историческая энциклопедия: В 16 т. Т. 7. М., 1965. Стб. 234.

¹³ *Кизеветтер А.А.* Русская утопия XVIII столетия // Его же. Исторические очерки... С. 62—63, 73; *Его же.* Из истории русского либерализма // Там же. С. 83—84.

¹⁴ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Т. 3. М., 1996. С. 566—567.

Здесь можно согласиться с позицией автора статьи насчет роли сотрудничества власти с представителями народа или сословий, но у самого Кизеветтера эта мысль лишь мелькнула, а затем он только подчеркивал, что все удавшиеся и неудавшиеся преобразования или планы реформ проводились, в основном и прежде всего, в результате деятельности разного рода кулуарных комитетов и др., как раз без привлечения «общества». Что же касается оценок революционного движения, например, декабристов или петрашевцев, то и до Кизеветтера, и особенно в современной литературе существует (а часто и преобладает) именно такая точка зрения, и ее существование никто не именуется как свидетельство «кризиса» историографии.

Фигура Кизеветтера интересна и как отражение так называемого «кризиса буржуазной историографии», в отношении которого существовала целая литература, где видное место заняла известная статья И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло 1982 г. Согласно этой концепции, социальной основой этого кризиса «была утрата буржуазией той относительно прогрессивной роли, которую она играла в период утверждения капиталистической формации, что обусловило ее поворот от демократизма к консерватизму и реакции». Это обстоятельство «привело к отказу ее от понимания закономерного хода исторического развития», так как последнее «противоречило ее интересам, которые требовали... исторического обоснования незыблемости капитализма. Отсюда и антиисторизм, пессимизм, субъективность построений и выводов...». Развивавшийся в ту пору в России марксизм показал «их общую ограниченность и несостоятельность, что и знаменовало наступление ее кризиса». На возникновение кризиса оказал влияние также «крах идеи механического детерминизма» в естественных науках, воспринятый «буржуазной наукой как несостоятельность детерминизма вообще, что открывало путь к торжеству идеализма, агностицизму, иррационализму и субъективизму,... к отрицанию объективности исторического знания, ... возможности познания сущности исторических явлений, их конечных причин, ... внутренней обусловленности и закономерности исторического развития». Конкретным отражением всего этого стало появление «субъективных концепций», которые «искажали ход исторического развития», «освободительного и революционного движения», а также уход «от обобщенных исследований и синтеза к разработке конкретных и специальных проблем»¹⁵.

¹⁵ См.: Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX в. (итоги и задачи изучения) // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 18—35. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР: В 5 т.

Заметим, что позднее, говоря о «научном плюрализме» уже в середине 1990-х г. г., Ковальченко от этих своих позиций не отказался¹⁶. Иначе отнесся к этому известный историк А.Л. Шапиро, отмечавший, что «тезис о кризисе буржуазной историографии начала XX в., который на протяжении десятилетий проводили в своих работах советские исследователи, вряд ли соответствует современному пониманию и осмыслению развития в России исторической науки», историк, признавший ошибочность употребления им самим ранее этого «устаревшего, неверного по существу» тезиса. Однако тот же исследователь, по нашему мнению, напрасно упрекал Кизеветтера в числе историков второй волны так называемой «государственной школы» в том, что они «сводили важнейшие сдвиги в истории России к саморазвитию или заимствованию идей»¹⁷. Эти положения разделялись в советское время большинством историков, хотя и тогда были исследователи, придерживавшиеся иных позиций, в частности П.А. Зайончковский, считавший, что на рубеже XIX—XX вв. в России имел место подъем исторической науки («музыка имен»), отмечавший множественность подходов к изучению исторических явлений, обилие новых школ, полагавший, что «теория факторов» — наиболее характерная для большинства историков «буржуазного» направления — была новым шагом вперед, скажем, от С.М. Соловьева, труды которого советские историки считали вершиной «буржуазной» исторической науки, отмечая, однако, что среди главных факторов развития общества историография той поры не выделяла главного — экономического, заодно указывая на то обстоятельство, что первые представители марксистской науки, в частности М.Н. Покровский, отнюдь не во всех отношениях претендовали на роль лидеров в данной сфере¹⁸.

Возвращаясь к Кизеветтеру, выделим особо его взгляд на причины русских революций начала XX в., свидетелем которых ему пришлось быть. Так, при допросе 22 августа 1922 г. в органах ГПУ (незадолго до своей высылки за границу) он заявил о том, что

Т. 3. М., 1963. С. 6—7; *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период: Учебное пособие. М., 1978. С. 209—210.

¹⁶ См.: *Ковальченко И.Д.* Сущность и особенности общественно-исторического развития (заметки о необходимости обновленных подходов) // Исторические записки. Вып. 1 (119). М., 1995. С. 23—24.

¹⁷ *Шапиро А.Л.* Указ. соч. С. 589, 686.

¹⁸ См.: *Долгих А.Н.* О П.А. Зайончковском (1903—1983). Воспоминания ученика // Роль российского дворянства в формировании отечественной ментальности и государственности: Материалы Первой открытой научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти проф. Н.Н. Кузьмина. Липецк, 2013. С. 28.

стоит «на эволюционной точке зрения» и полагает, что «пролетарское государство является звеном эволюционного процесса, и установление его явилось результатом всех отрицательных сторон старого порядка»¹⁹. Насколько данное суждение историка ближе к истине, чем многие современные «изыски» насчет предательства Николая II его ближайшим окружением и др. С нашей точки зрения, А.А. Кизеветтер воплощал в своем творчестве либеральную традицию, стремясь обнаружить в прошлом те явления, которые бы подтверждали эту его доктрину, находя зарождение этого течения в русской общественной мысли уже в конце первой половине XVIII в., высказывая здесь и типичные для сегодняшней науки идеи, употребляя дефиницию «либерализм» применительно вообще к дореформенной России. Здесь явно необходим иной термин, более подходящий для данного явления²⁰.

Очевидно и скептическое отношение историка к российским монархам, что можно связать и с его идеологической платформой. Вот, например, его краткое резюме петровских реформ: «Преобразовывая по западноевропейским образцам русские государственные учреждения, Петр Великий усовершенствовал внешнюю технику русского административного аппарата. Вместе с тем он внес ряд перемен в организацию сословий. Но ни его административные, ни его сословные реформы не видоизменили принципиальных оснований, на которых был построен государственный порядок... России. Снабженная новыми правительственными учреждениями на шведский манер, переодетая из полуазиатских кафтанов на короткие немецкие камзолы, Россия осталась самодержавной монархией, утвержденной на системе принудительного прикрепления всех без изъятия слоев населения к государственной службе и государеву тяглу». Подобная оценка могла бы исходить даже от современного историка, например, она близка к позициям Е.В. Анисимова. Мы здесь не видим отражения общего «кризиса буржуазной историографии»²¹.

¹⁹ Александров Е. Указ. соч. С. 16.

²⁰ Кизеветтер А.А. Из истории русского либерализма. И.П. Пнин. 1773—1805 гг. // Его же. Исторические очерки. С. 76—77. См.: Долгих А.Н. О некоторых лакунах в терминологии в отношении истории России первой половины XIX в. // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Материалы Двенадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2018 г.). / Под общ. ред. В.Р. Глазьева. Воронеж, 2018. С. 77—81.

²¹ Кизеветтер А.А. Екатерина II // Его же. Указ. соч. С. 119. Ср.: Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Следование либеральной традиции не означало, что в угоду своей политической концепции исследователь извращал исторический материал. Он просто обращал внимание не на те стороны явлений, которые особенно интересовали, например, историков-марксистов, за что последние его и критиковали. Так, при анализе городских реформ Петра I и Екатерины II Кизеветтер обращал внимание не на социально-экономические процессы, первые робкие шаги капитализма, а именно на следование европейским образцам и организацию государственного хозяйства и налогообложения. Иное дело, что одновременно с этим он отмечал огромный разрыв между преобразовательными планами тогдашних властей в отношении «торгово-промышленного прогресса» и реальной жизненной практикой²², с чем можно согласиться. Особенно показательна здесь оценка деятельности Екатерины II. Заметим, что если в советское время наблюдалось скептическое отношение к ее политике и реформам при ориентации во многом на известные пушкинские строки («развратная государыня развратила свое государство», «отвратительное филярство в сношениях с философами», «фарса наших депутатов»)²³, акцентировалось внимание на лицемерии императрицы, рассматривая его чуть ли не как наиболее значительный среди других пороков власть имущих), то во времена Кизеветтера можно было, скорее, говорить об эйфории в отношении этой монархини²⁴.

Между тем, в противовес господствовавшему тогда мнению историк высказался здесь достаточно жестко. Указав на то, что на долю императрицы выпала «задача собрать жатву на поле, которое было распахано, обсеменено и возвращено» предшественниками, историк отметил, что «Екатерина оказалась не ниже и не выше своей задачи, а как раз вровень с нею... Вызывать на открытый бой враждебные жизненные стихии, встречать их лицом к лицу, разить их лобовыми ударами, — для этого нужен гений, нужен Петр. Подвигаться к своей цели по линии наименьшего сопротивления...; не опережать окружающей среды, а стараться идти с ней в ногу — для этого нет необходимости обладать гением, а достаточно и таланта, достаточно быть не Петром, а Екатериной». Анализируя основные

²² См.: *Шаниро А.Л.* Указ. соч. С. 585—587.

²³ См.: *Пушкин А.С.* Заметки о русской истории XVIII в. // Его же. Полн. собр. соч.: В 10 т. изд. 3-е. Т. VIII. М., 1964. С. 127—131.

²⁴ См.: *Долгих А.Н.* «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII — первой четверти XIX в. Историкографические очерки: В 2 т. Т. 1. Липецк, 2018. С. 152—173.

черты ее политики, автор обращал внимание на «расчетливое самообладание при выборе способов и средств к их достижению» и саморекламу²⁵.

Историк не акцентировал внимания, правда, на том, что реклама эта не всегда соответствовала истине, но и не считал эти этические моменты главными для ее царствования²⁶. Кизеветтер отмечал, что императрица «подыскала и установила определенные юридические формы для того вида сословно-дворянской монархии, который получился в результате социально-политической эволюции, наполнившей эпоху преемников Петра», сообщив «ей тот культурный лоск и блеск, которого вообще можно было достигнуть при тогдашнем уровне русской монархии XVIII столетия»²⁷. А в своей речи перед докторским диспутом историк опроверг и принятое тогда в историографии положение о том, что Екатерина, воспитанная на идеях Просвещения, «стремилась к ликвидации деспотизма и крепостничества и лишь со временем стала выражать интересы дворянства», отстаивая точку зрения, близкую к крайней позиции советского времени о том, что императрица «с самого начала своего правления защищала интересы дворянства и никогда не помышляла об отмене крепостного права»²⁸.

С нашей точки зрения, здесь все же имел место некоторый перекос в оценках, иначе трудно было бы объяснить сам факт появления крестьянского вопроса в российском обществе во многом с подачи императрицы Екатерины II²⁹. Полагаем, что автора, отстаивавшего подобные позиции, нельзя было обвинить в приукрашивании самодержавия и извращении истории в пользу имущих классов. Нечто подобное можно встретить и при анализе позиций еще более умеренного по своим политическим взглядам великого князя Николая Михайловича, отрицавшего вообще реформаторские идеи, например, у Александра I³⁰. Кстати, известно, что в начале

²⁵ Кизеветтер А.А. Екатерина II. С. 120, 122, 126—132.

²⁶ См., например: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 98—99.

²⁷ Кизеветтер А.А. Екатерина II. С. 136.

²⁸ См.: Будницкий О.В. Наследник Ключевского // Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 8.

²⁹ См. об этом: Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»... Т. 1. С. 153—156.

³⁰ См.: Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I / Предисл. Д.И. Исмаил-Заде. М., 1999. С. 35—36; Его же. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817): Историческое исследование эпохи императора Александра I: В 3 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 97—100.

своей научной и преподавательской карьеры Кизеветтер прямо называл отношения дореформенного дворянства и крестьянства «рабовладением»³¹.

Иногда историка обвиняли в том, что он не учитывал связи тех или иных правительственных постановлений, скажем, XVIII в., с определенными «классовыми интересами или социально-экономическими процессами»³². Но ведь мы знаем, что, с одной стороны, как писал В.И. Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»³³, но, с другой стороны, часто тот или иной исторический деятель, занимая ту или иную общественную позицию, руководствуется и некими своими, одному ему присущими мотивами. Здесь типичным представляется характеристика Кизеветтером фигуры Ф.В. Ростопчина³⁴, изображение которого представляется «тенденциозным» современному исследователю А.О. Мещеряковой³⁵. Но разве можно считать тенденциозным историка, который утверждал, что Ростопчин «от молодых ногтей и до гроба был неуклонным знаменосцем того “старого порядка”, который в России достиг окончательного завершения в царствование Екатерины II и существо которого сводилось к совмещению политического абсолютизма с социальным рабством», причем для этого деятеля рубежа XVIII—XIX вв., по словам Кизеветтера, «особенно характерно то, что эту идеологию всяческого рабства он развертывал как независимое общественно-политическое знамя», что он был увлечен ею «не за страх, а за совесть»³⁶. С этим утверждением историка мы согласны и не видим здесь проявления «кризиса буржуазной исторической науки»³⁷.

Есть у Кизеветтера еще одна черта, которая редко бывает присуща исследователям: отсутствие прямой увлеченности «своим героем», наличие оценок того или иного деятеля как «коктейля ума и глупости»,

³¹ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 264.

³² Шапиро А.Л. Указ. соч. 586.

³³ Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1968. С. 104.

³⁴ Кизеветтер А.А. Ф.В. Ростопчин // Его же. Указ. соч. С. 167—310.

³⁵ См.: Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 12 и др.

³⁶ Кизеветтер А.А. Ф.В. Ростопчин. С. 235.

³⁷ См.: Долгих А.Н. Некоторые проблемы идеологии консерватизма в России в начале XIX в.: Ф.В. Ростопчин и крестьянский вопрос // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: Материалы всероссийской научно-практической конференции, 23—24 апреля 2015 г. / Отв. ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосев; РГУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2015. С. 245—247.

как говорил когда-то П.А. Зайончковский³⁸. Показательным здесь является изображение известного государственного деятеля первой половины XVIII в. А.П. Волынского, с одной стороны, типичного карьериста и «держиморды», «ворюги» и «кровопийцы», выражаясь терминами Н.В. Гоголя и И.А. Бродского, а с другой, — способного смотреть шире на ситуацию в стране и выдвигать проекты преобразований в России. Полагаем, что подход к изображению данного сюжета находится вполне на уровне современной науки. При этом особенно ярко эти взгляды Кизеветтера смотрятся на фоне известных оценок деятельности Волынского в одной из «Дум» К.Ф. Рыльева или в исторических романах И.И. Лажечникова и В.С. Пикуля³⁹.

В наибольшей степени очерки Кизеветтера о событиях и людях первой половины XIX в. Среди подходов историка к эпохе Александра I особенно стоит выделить положение о том, что, хотя будущий монарх и воспитывался Ц. Лагарпом в либеральном духе (скорее, в духе идей «просвещенного абсолютизма»), но сам будущий император так и не стал либералом: речь могла идти лишь о подобных мечтаниях, так и не реализовавшихся причем не под влиянием негативного влияния «змея» А.А. Аракчеева (как писали об этом многие историки его времени), который был при нем лишь исполнителем, а из-за собственного нежелания доводить дело до реализации собственных мечтаний⁴⁰. При этом в данном случае (а сам историк практически нигде не говорит о реальной либеральной политике этого монарха) позиции Кизеветтера являются, как ни странно, фактически калкой с известной формулы его политического антагониста — В.И. Ленина: «Монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и “спускали” на верноподданных Аракчеевых»⁴¹, если, конечно, считать это высказывание классика

³⁸ См. об этом: *Долгих А.Н.* О П.А. Зайончковском... С. 26—30.

³⁹ *Кизеветтер А.А.* Артемий Петрович Волынский // Его же. Указ. соч. С. 63—116. См. также: *Гоголь Н.В.* Ревизор // Его же. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1949. С. 6, 21, 52 и др.; *Бродский И.А.* Письма римскому другу // Его же. Роман-хроника времен Анны Иоанновны // Его же. Избранные произведения: В 12 т. Т. 1. Кн. 1—2. М. 1992. Ср.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725—1740. СПб., 1994. С. 459—474; *Долгих А.Н.* «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...». Т. 1. С. 134—136.

⁴⁰ См.: *Кизеветтер А.А.* Император Александр I и Аракчеев // Его же. Исторические силуэты. С. 316—328.

⁴¹ *Ленин В.И.* Гонители земства и аннибалы либерализма // Его же. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1967. С. 30.

марксизма, в основном, относящимся именно к александровской эпохе. Применительно же к самому Аракчееву очевиден объективный подход к этой исторической личности, вполне соответствующий современным трактовкам этого государственного деятеля и его политических воззрений⁴², в частности историк утвердительно говорит о первоначально негативном отношении этого будущего шефа военных поселений к самой этой затее императора, что, кстати, лишь недавно было окончательно доказано в современной историографии⁴³.

Еще более жестко расценено Кизеветтером царствование Николая I, об идеализации которого этим автором не может быть и речи. Скорее, наоборот. Заключительное утверждение историка в статье о внутренней политике этого монарха выглядит так: «Жизнь выдвигала на очередь крупные и сложные задачи, но старый режим, в котором цепенела Россия, не был способен ни разрешить, ни снять их с очереди. Ему оставался только один исход: пасть жертвой собственного бессилия»⁴⁴. Если это есть идеализация николаевского режима, как утверждали авторы «Советской исторической энциклопедии», то тут и сказать нечего, кроме как назвать подобное утверждение фальсификацией. Если не брать во внимание анализ историком некоторых сторон экономической политики властей этого периода, которые Кизеветтер оставлял в стороне, то общая характеристика внутренней политики, например, «белого террора» в сфере просвещения и цензуры (которая дается по известной книге М.К. Лемке), решения крестьянского вопроса — почти по В.И. Семевскому (на которых автор и прямо ссылается), кодификации законов и др. выглядит вполне современно⁴⁵. Вместе

⁴² *Кизеветтер А.А.* Император Александр I и Аракчеев. С. 335—391 и др. Ср.: *Томсинов В.А.* Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996; *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 121—138.

⁴³ *Кизеветтер А.А.* Император Александр I и Аракчеев. С. 327. Ср.: «Во внимании к пользам государственным...»: Записка графа Аракчеева Александру I о реформе армии 1815 г. / Предисл. и публ. К.М. Ячменихина // Исторический архив. 2000. № 6. С. 4—20.

⁴⁴ *Кизеветтер А.А.* Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // Его же. Исторические очерки. С. 443.

⁴⁵ *Кизеветтер А.А.* Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича. С. 393—400, 423—437, 440—442. Ср.: *Долгих А.Н.* Хотел ли Николай I освободить крестьян в России? // Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Липецк, 10—11 октября 2014 г. Липецк, 2014. С. 34—41; *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб., 2015; *Высочков Л.В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. М., 2018 и др.

с тем, в одной из своих статей, посвященной политике Николая I в отношении Царства Польского, автор выдвигал несколько спорное положение о том, что монарх все же до Польского восстания 1830—1831 гг. не ликвидировал формально особенностей управления этим регионом Российской империи (как, кстати, и в отношении Великого княжества Финляндского), хотя ему и претили подобные «выкрутасы» александровского самодержавия. Но ведь это правда. Можно, конечно, найти всякого рода придирки к той же Конституции Царства Польского со стороны российской верховной власти или ее чиновников, которыми было богато на сей счет и царствование его старшего брата и которые можно при желании найти и в первые годы правления Николая, но ведь формально, да и по сути прав здесь именно А.А. Кизеветтер, а не его критики советского времени⁴⁶.

Итак, в заключение заметим, что термин «кризис буржуазной историографии» применительно к рубежу XIX—XX вв. носит слишком общий характер, и вряд ли стоит его использовать. Наоборот, надо гордиться этим периодом в развитии и российской историографии, и российской общественной мысли в целом особенно потому, что здесь имела место значительная панорама мнений, многие из которых и сегодня востребованы. Уровень же работ того времени с точки зрения качества анализа источников и др. был весьма высок, чего сегодня многим исследователям явно не хватает⁴⁷.

Во-вторых, стоит заметить, что во все времена были и хорошие, и посредственные историки, и из этого не стоит делать глобальных выводов насчет уровня развития исторической науки в определенные периоды. В-третьих, применительно к историческому творче-

⁴⁶ Кизеветтер А.А. Император Николай I как конституционный монарх // Там же. С. 361—374.

⁴⁷ См.: Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в России на рубеже XVIII—XIX вв.: об исторической памяти и кризисе современной науки // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции. Липецк, 24—26 сентября 2015 г. / ФГБОУ «РАНХиГС при Президенте РФ», Липецкий филиал; РОИИ; РФО. Тамбов, 2015. С. 207—215; *Его же*. К вопросу об интерпретации в современной историографии законодательства по крестьянскому вопросу рубежа XVIII—XIX вв. // Гуманитарные исследования Центральной России / HumanitiesresearchesofthecentralRussia. № 1 (6), 2018. С. 38—51; *Его же*. О крестьянском вопросе в России в предреформенную эпоху: к вопросу о кризисе современной исторической науки // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 626—629.

ству (не политической позиции) выдающегося русского историка данного периода А.А. Кизеветтера довольно жесткая критика, характерная для советского периода, неприменима.

Литература

- Анисимов, Е.В.* Время петровских реформ. — Ленинград : Лениздат, 1989. — 496 с.
- Анисимов, Е.В.* Россия без Петра: 1725—1740. — Санкт-Петербург : Лениздат, 1994. — 496 с.
- Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»: Переписка В.А. Ма-клакова и А.А. Кизеветтера / Публ. О. Будницкого и Т. Эммонса // Источники. 1996. — № 2. — С. 9—16.
- Бродский, И.А.* Письма римскому другу // Форма времени: Стихотворения, эссе пьесы: В 2 т. — Т. 1. Стихотворения / Сост. В.И. Уфлянд. — Минск : Эридан, 1992. — С. 269—271.
- Вандалковская, М.Г.* П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер: История и политика. — М., 1992. — 285 с., ил.
- Вандалковская, М.Г.* Александр Александрович Кизеветтер // Портреты историков. Время и судьбы. — Т. 1. Отечественная история / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов и Л.Т. Мильская. — Москва ; Иерусалим : Университетская книга, Gesharim, 2000. — С. 153—163.
- Вандалковская, М.Г.* Русская историческая наука и литературоведение конца XIX — начала XX в. // VIII Бартеневские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова / Липецк, 5 октября 2018 г. — Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. — С. 171—174.
- Вернадский, Г.В.* Русская историография. — Москва : «АГРАФ», 1998. — 448 с.
- «Во внимании к ползам государственным...»: Записка графа Аракчеева Александру I о реформе армии 1815 г. / Предисл. и публ. К.М. Ячменихина // Исторический архив. 2000. — № 6. — С. 4—20.
- Высочков, Л.В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. — Москва : Академический проект, 2018. — 999 с.
- Гоголь, Н.В.* Ревизор // Собр. соч.: В 6 т. — Т. 4. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1949. — С. 5—91.
- Долгих, А.Н.* К вопросу об интерпретации в современной историографии законодательства по крестьянскому вопросу рубежа XVIII—XIX вв. // Гуманитарные исследования Центральной России / Humanities researches of the central Russia. — № 1 (6), 2018. — С. 38—51.
- Долгих, А.Н.* К вопросу о современных оценках советской историографии: Н.П. Ерошкин // Гуманитарные исследования Центральной России / Humanities researches of the central Russia. — № 1 (14), 2020. — С. 31—41.
- Долгих, А.Н.* Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России на рубеже XVIII—XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — № 2 (52). 2015. — Ч. II. — С. 70—73.
- Долгих, А.Н.* Некоторые проблемы идеологии консерватизма в России в начале XIX в.: Ф.В. Ростопчин и крестьянский вопрос // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: Материалы всероссийской научно-практической конференции, 23—24 апреля 2015 года / Отв. ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосев; РГУ им. С.А. Есенина. — Рязань : Издательство «Концепция», 2015. — С. 245—247.

- Долгих, А.Н.* О крестьянском вопросе в России в предреформенную эпоху: к вопросу о кризисе современной исторической науки // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворниченко. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. — С. 626—629.
- Долгих, А.Н.* О некоторых лакунах в терминологии в отношении истории России первой половины XIX в. // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Материалы Двенадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2018 г.) / Под общ. ред. В.Р. Глазьева. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. — С. 77—81.
- Долгих, А.Н.* О Петре Андреевиче Зайончковском (1903—1983). Воспоминания ученика // Роль российского дворянства в формировании отечественной ментальности и государственности: Материалы Первой открытой научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти проф. Н.Н. Кузьмина. — Липецк: ЛГПУ, 2013. — С. 28.
- Долгих, А.Н.* «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII — первой четверти XIX в. Историкографические очерки: В 2 т. — Т. 1. — Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. — 354 с.
- Долгих, А.Н.* Хотел ли Николай I освободить крестьян в России? // Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Липецк, 10—11 октября 2014 г. — Липецк: ЛГПУ, 2014. — С. 34—41.
- Ерошкин, Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Высшая школа, 1983. — 352 с.
- Ерошкин, Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). — Москва: Мысль, 1981. — 252 с.
- Историография истории России до 1917 г. Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. Т. 2. — Москва: ВЛАДОС, 2003. — 383 с.
- Кизеветтер, А.А.* Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. — Москва: Территория будущего, 2006. — 448 с.
- Кизеветтер, А.А.* Исторические силуэты /Состав., общая ред. и вступ. ст. О.В. Будницкого. Примеч. С.М. Маркедонова. — Ростов-на-Дону, 1997. — 480 с.
- Ключевский, В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // Его же. Соч.: В 9 т. Т. 3 /Под ред. В.Л. Янина; Послесл. и коммент. сост. В.А. Александров, В.Г. Зимина. — Москва: Мысль, 1988. — 414 с.
- Ковальченко, И.Д.* Сущность и особенности общественно-исторического развития (заметки о необходимости обновленных подходов) // Исторические записки. — Вып. 1 (119). — С. 23—53.
- Ковальченко, И.Д., Шикло, А.Е.* Кризис буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX в. (итоги и задачи изучения) // Вопросы истории. 1982. — № 1. — С. 18—35.
- Лажечников, И.И.* Ледяной дом. — Минск: Издательство «Народная асвета», 1985. — 320 с.
- Ленин, В.И.* Гонители земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5. — Т. 5. — М., 1967. — С. 21—72.
- Ленин, В.И.* Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. — М., 1968. — С. 99—105.
- Ленин, В.И.* Против бойкота (из заметок с.-д. публициста) // Полн. собр. соч. — Т. 16. — М., 1973. — С. 1—36.
- Ленин, В.И.* Победа кадетов из задачи рабочей партии // Т. 12. — М., 1968. — С. 271—352.

- Ленин, В.И.* Примечания // Т. 16. — М., 1972. — С. 532, 536.
- Ленин, В.И.* «Левение» буржуазии и задачи пролетариата // Т. 17. — М., 1968. — С. 407—414.
- Мещерякова, А.О.* Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. — Воронеж : МД «Китеж», 2007. — 264 с.
- Николай Михайлович, великий князь.* Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817): Историческое исследование эпохи императора Александра I: В 3 т. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1903. XIV, — 380 с.
- Николай Михайлович, великий князь.* Император Александр I / Предисл. Д.И. Исмаил-Заде. — Москва : Богородский печатник, 1999. — 320 с.
- Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия / Гл. ред. В.Л. Янин. — Т. 3. — Москва : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1996. — 622 с.
- Очерки истории исторической науки в СССР: В 5 т. / Под ред. М.В. Нечкиной. — Т. 3. — Москва : Издательство АН СССР, 1963. — 831 с.
- Пиккуль, В.С.* Слово и дело. Роман-хроника времен Анны Иоанновны // Его же. Избранные произведения: В 12 т. — Т. 1. — Кн. 1-2. — Москва : Голос. 1992. — Кн. 1 — 608 с.; — Кн. 2 — 672 с.
- Пушкин, А.С.* Заметки о русской истории XVIII в. // Полн. собр. соч.: В 10 т. изд. 3-е. — Т. VIII. — Москва : Наука, 1964. — С. 127—131.
- Рубинштейн, Н.Л.* Русская историография /под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. — Санкт-Петербург : Издательство С.-Петербургского университета, 2008. — 938 с.
- Ружицкая, И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 240 с.
- Рылеев, К.Ф.* Вольнский // Полн. собр. соч. /Ред., предисл. и примеч. Ю.Г. Оксманна, вступ. ст. В. Гофмана. — Ленинград : Издательство писателей в Ленинграде, 1934. — С. 164—167.
- Сахаров, А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период: Учебное пособие. — Москва : Высшая школа, 1978. — 256 с.
- Советская историческая энциклопедия: В 16 т. — Т. 7. — Москва : Издательство «Советская энциклопедия», 1965. — Стб. 234.
- Томсинов, В.А.* Временщик (А.А. Аракчеев). — Москва : Теис, 1996. — 272 с.
- Цамутали, А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. — Ленинград : Наука, 1977. — 256 с.
- Шапиро, А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Культура, 1993. — 768 с.
- Яценчихин, К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. — Чернигов : Сіверяньска думка, 2006. — 444 с.

О.А. Плех

Дореформенное чиновничество в трудах историков второй половины XIX — начала XX в.

Pre-reform bureaucracy in the works of historians of the second half of the 19th — early 20th centuries

Аннотация: В статье рассматриваются труды дореволюционных историков, касавшиеся состояния бюрократии в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. Представлены основные теоретические положения, получившие развитие в современной историографии и сохранившие актуальность для дальнейшего изучения государственного аппарата Российской империи. Отмечено, что научное осмысление состояния дореформенной бюрократии было сопряжено со значительными трудностями (скудная документальная база, ограниченный доступ к архивным материалам, цензура и т.п.). Все это накладывало отпечаток на содержание публикаций и выводы исследователей.

Ключевые слова: бюрократия, чиновничество, гражданская служба, государственное управление, историография, С.М. Соловьев, В.А. Евреинов, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов.

Annotation: The article examines the works of pre-revolutionary historians on bureaucracy in the last quarter of the 18th — first half of the 19th century. The author describes the main theoretical provisions that have been developed in modern historiography and remain relevant for further study of the state apparatus of the Russian Empire. The article notes that the scientific analysis of the pre-reform bureaucracy was significantly complicated (insufficient documentary base, limited access to archival materials, censorship, etc.). All this was reflected in the content of publications and the conclusions of the researchers.

Keywords: Bureaucracy, Officials, Civil service, Public administration, historiography, S.M. Solovyov, V.A. Evreinov, V.O. Klyuchevskij, S.F. Platonov.

Попытки охарактеризовать бюрократический аппарат последней четверти XVIII — первой половины XIX в. начали предприниматься уже в пореформенный период, чему, безусловно, способствовали коренные перемены, происходившие в общественной жизни, в том числе, в сфере взаимоотношений с правительственными учреждениями. В это время проблемы государственной службы начали изучать правоведы¹, о пороках дореформенной системы управ-

¹ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: т. 1—3. СПб., 1881—1892; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. II. Административное право. Ч. 1. Органы управления. СПб., 1910; Нелидов Н.К. Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль, 1874; и др.

ления заговорили публицисты². Однако в исторической науке к анализу российского чиновничества обратились далеко не сразу.

С.М. Соловьев ограничился лишь общей характеристикой истории России интересующего нас периода, уделяя основное внимание внешнеполитическим событиям. По всей видимости, историк исходил из того, что для взвешенной оценки протекавших в этот период процессов требуется больше времени. Кроме того, историки, начинавшие свой творческий путь в период правления Николая I, были вынуждены учитывать правительственные установки, для которых критический взгляд на деятельность государственного аппарата являлся неприемлемым. Как признавался в своих «Записках» Соловьев, «написание русской истории считалось у нас, как некогда составление летописи, делом государственным. При изъятии намерения оказывались всевозможные пособия... Я принял свой труд с чисто научною целью выучиться самому, чтоб быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университета курс русской истории и дать средство другим знать основательно свою историю, а не толковать вкось и вкривь о ней... Но при этом я не либеральничал, и, когда правительственное лицо предложило мне отдать мой труд под покров государя, посвятив императору, хотя и антипатичному мне, я согласился»³.

Учитывая эти обстоятельства, автору было сложно излагать свои мысли относительно состояния дореформенного бюрократического аппарата, не оглядываясь на правительственную цензуру. В публиковавшихся сочинениях он предпочитал ограничиваться лишь констатацией некоторых фактов, имевших отношение к истории государственного управления. В частности, обозначил проблему «кадрового голода» на гражданской службе в последней четверти XVIII в. и указал, что Екатерина II, не желая принуждать дворян к службе, «хотела привлечь их к тому другими побуждениями»: «она дала им грамоту... они могли служить и не служить, но неслужащие дворяне в каждой губернии и уезде составляли собрания... присутствовать в собрании мог каждый дворянин, но участвовать в выборах мог только тот, кто в государственной службе

---

² Гессен В.М. О бюрократии // Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 3—26; Головин К.Ф. Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884; Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб., 1887; Карнович Е.П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897; и др.

³ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1995. С. 636—637.

дослужился до офицерского чина: это и должно было заставить дворянина служить»⁴. Особо отметил Соловьев и намерение императрицы искоренить «лихоимство»: «с первого дня своего восшествия на престол [она. — *О.П.*] должна была вооружиться против закоренелого обычая взяточничества»⁵. Эта мысль была озвучена в одном из первых ее указов (от 18 июля 1762 г.), причиной чему послужило известие из Новгорода, где регистратор губернской канцелярии, приводя к присяге на верность императрице, «брал и за то с каждого себе деньги»⁶. Кроме того, для поощрения гражданских служащих учреждался орден Св. Владимира, доступный не только высшим сановникам⁷. В целом, Екатерина II предстает в сочинениях историка как преемница Петра I, на долю которой выпало исполнение его намерений «и относительно управления областями, и относительно устройства судов»⁸.

Кадровую политику последующих императоров Соловьев практически не затрагивал в своих «официальных» исследованиях, однако на страницах «Записок» находится немало критических оценок порядка, установившегося при Николае I. Будучи современником этого «деспота по природе», историк полагал, что во второй четверти XIX в. «Россия предана была в жертву преторианцам; военный человек, как палка, как привыкший не рассуждать, но исполнять и способный приучить других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, самым способным начальником везде; имел ли он какие-нибудь способности, знания, опытность в делах — на это не обращалось никакого внимания»⁹. Император, ненавидевший умных и талантливых людей, выбивавшихся из общего строя, окружал себя «посредственностями и совершенными бездарностями, произведенными в великие люди по воле начальства», а все правительственные места заполнялись «фрунтовиками», способствовавшими расцвету «невежества, произвола, грабительства и всевозможных беспорядков» в системе государственного управления¹⁰. Конечно, в «Записках» представлен не

⁴ Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1908. С. 198.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1995. С. 468.

⁶ Там же. С. 469.

⁷ Там же.

⁸ Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1908. С. 199.

⁹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1995. С. 619.

¹⁰ Там же. С. 616, 619.

холодный научный анализ «николаевской» эпохи, основанный на документальных источниках, а яркая, эмоционально окрашенная оценка событий, очевидцем которых являлся автор.

«Великие реформы» 1860—1870-х гг. и произошедшие вслед за ними перемены обратили внимание следующего поколения историков на дореформенный государственный аппарат. В 1887 г. публикуется исследование В.А. Евреинова о гражданском чиновничестве в России, одна из немногих работ в дореволюционной историографии, посвященных чиновничеству. Первоначально этот исторический очерк появился в «Русском вестнике» (1887. № 3) «не в полном виде и с изменениями, существенно искажающими не только выводы автора, но и самое значение исторического материала»¹¹. Чуть позднее редакция «Исторического вестника» в приложении к журналу (1887. № 11) разместила полный текст, полагая, что исследование заинтересует читателей, поскольку в правительственных кругах активно обсуждался вопрос об упразднении гражданских чинов и чиновничества. Работа Евреинова написана с привлечением ранее неизвестных материалов из Государственного и Московского главного архивов МИД. Обосновывая актуальность своего исследования, автор особо отметил, что в российском обществе чины всегда имели большое значение, их предпочитали другим наградам, их добивались все — от низших служащих до высокопоставленных государственных лиц. Изменения в правилах чиновничества, приведшие к щедрой раздаче чинов, ничуть не ослабили желания пополнять ряды чиновничества, причем и среди частных лиц, «пользующихся известным общественным положением, и которые... не стремятся к поступлению на государственную службу»¹², и среди людей родовитых, происходивших из древних дворянских семей. Этот феномен историк связывал с сохранившейся в народном сознании первоначальной идеей о чине как о знаке отличия «за особенные заслуги престолу и отечеству» («великая царская милость»)¹³. При Екатерине II и Павле I оформилась новая система чинов, отличная от установленной Петром I, в результате чего сам чин приобрел «двойственный характер»: с одной стороны, повышение в чинах за выслугу лет, по сути, являлось не наградой, а правом, которое мог реализовать служащий,

¹¹ Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб., 1887. С. 3.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 57.

а с другой — предусмотренный порядок чиновничества «за отличие» рассматривался как особая «царская милость»¹⁴. Еще одним важным событием, подрывавшим «нравственный характер» и «внутреннее значение», стало принятие указа от 6 августа 1809 г. Помимо тех «неудобств и затруднений», которые отмечали и современники, и исследователи¹⁵, Евреинов выделил важное новшество, оказавшее сильное влияние на гражданскую службу, в особенности на местах. В указе отменялось правило, действовавшее с 1767 г., позволявшее производить в чины лишь одним классом выше занимаемой должности. Последствием стало то, что чины, даже относительно высокие, стали получать многие лица, «стоявшие на низком уровне в иерархическом служебном отношении»¹⁶. Положением от 25 июня 1834 г. гражданское чиновничество было упорядочено, а указ 1809 г. утратил силу. Отныне по общему правилу допускалось повышение в чинах не более «чем одним классом выше против класса занимаемой должности»¹⁷, и на практике это постановление при Николае I сохранялось в полной силе.

Рассуждая о том, какое влияние сложившаяся в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. система чиновничества оказала на кадровый состав государственных учреждений, Евреинов отмечал, что не следует ее связывать со всеми пороками бюрократического аппарата. Дворянство неохотно поступало на гражданскую службу, в особенности избегало должностей, «требующих усидчивых канцелярских занятий», и правительство было вынуждено рекрутировать канцелярские кадры из других сословий, не ограничиваясь лицами, обладавшими определенным об-

---

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Среди «важнейших неудобств в практическом приложении» указа 1809 г. отмечалось, во-первых, то, что устанавливались слишком общие правила, не учитывавшие многих особенностей службы в разных ведомствах; во-вторых, не принималось во внимание, что далеко не везде удалось открыть учебные заведения (не только высшие, но и средние и низшие), как это планировалось в соответствии с «Предварительными правилами народного просвещения» 1803 г.; в-третьих, экзамены на чин распространялись и на лиц, состоявших на службе, что должно было отвлекать их от должностей; в-четвертых, главной целью указа объявлялась необходимость наполнения учреждений образованными людьми, однако испытания проводились не на должности, а на чины. Кроме того, отмечалась и несвоевременность введения всех этих мер, поскольку в начале XIX в. остро ощущалась нехватка кадров для гражданской службы: «правительство затруднялось в замещении должностей лицами не только с высшим или средним образованием... но и вообще лицами, имеющими лишь право на поступление в гражданскую службу» (Там же. С. 45).

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Там же. С. 49.

разовательным цензом. Многие из них, занимая низшие и средние должности, всецело посвящали себя гражданской службе, но при этом имели «самые смутные крайне ничтожные познания». В условиях кадрового голода чины использовались как мера поощрения, что неизбежно приводило к умалению значения самой награды. «Чрезмерное размножение» чиновников (т.е. лиц, имевших чины) и охватившая служебный класс «чиномания» нередко находили отражение в анекдотических рассказах. Однако «корень зла», по мнению историка, произрастал из «несовершенства законодательства относительно самого приема на гражданскую службу лиц и повышения в должностях», а именно — то, что «занятие самой должности поставлено в зависимость от имеющегося у служащего чина», а не наоборот, как предполагалось изначально¹⁸. Такой порядок заставлял служащих «искать чинов», а действовавшие правила чиновпроизводства позволяли достигать этой цели простой выслугой лет. В следствие чего формировался «особый замкнутый класс, чуждый прочим слоям населения»¹⁹. В разных правительственных комитетах неоднократно обсуждалась идея восстановить «петровское единение должности с чином» и отменить «всякое отдельное от мест и должностей производство», но каждый раз признавалось, что для устранения от службы лиц, «мало к ней подготовленных, мало способных и вообще бесполезных»²⁰, следует изыскивать иные средства, не прибегая к такой коренной реформе. Эту мысль поддерживал и сам автор.

Не обошел вниманием историю государственного управления В.О. Ключевский. Историк подробно разобрал «сложный административно-судебный механизм», созданный положениями 1775 г., и пришел к выводу, что он лишь по форме отвечал модной европейской идее разделения ведомств, а по сути являлся уступкой дворянству, добивавшемуся «деятельного участия в местном управлении»²¹. Все управление губерниями, прямо и косвенно, сосредоточилось в руках дворянства, которое стояло во главе учреждений либо по выборам, либо по назначению от правительства. По итогам реформы «благородное» сословие, с одной стороны, превратилось в правящий класс русского общества («оно не руководило государством по закону, но оно и по закону, и на деле руководи-

---

¹⁸ Там же. С. 57, 59.

¹⁹ Там же. С. 57.

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории. Ч. III. СПб., 1902. С. 131.

ло местными обществами»²²), но с другой — оказалось совершенно не готово к новой роли и ее правительственному значению («предоставленное дворянству участие в местном управлении уже при Екатерине перестало быть серьезным делом, превратилось в карикатуру»: периодические съезды на губернские и уездные собрания, празднества, избирательные интриги и «очень мало участия в местных делах»²³).

Ключевский также попытался выделить изъяны новой системы управления, приведшие к тому, что на практике учреждения не оправдывали ни заложенные в них принципы, ни возлагавшиеся ожидания. Во-первых, реформа 1775 г. привела к противоречию между центральным и местным управлением: работа в столице строилась на бюрократической основе, а в провинции — на сословной. Во-вторых, нарушалось равновесие между правами и обязанностями сословий, в первую очередь дворянства, которое отныне не было обязано служить, но пользовалось большими правами. В-третьих, устройство сословных судебных учреждений, от которых «пахло чем-то феодальным, средневековым»²⁴, противоречило принципам, провозглашенным Екатериной II в Наказе, где «выражалось желание, чтобы люди всех состояний судились и управлялись себе равными»²⁵. В-четвертых, местное управление превратилось в громоздкий сложный механизм, включавший разные административные, финансовые и судебные учреждения («там, где прежде действовало 10—15 чиновников, теперь явилась сотня; где действовало одно учреждение, теперь их явилось 10»²⁶), что существенно увеличивало расходы на его содержание.

Период с 1796 по 1855 г. Ключевский характеризует как «эпоху господства бюрократии», когда на смену сословному, дворянскому характеру государственного управления пришел чиновничий, бюрократический²⁷. Начало этой политики связано с Павлом I и его стремлением «водворить порядок в управлении и справедливость в судах»²⁸. Характеризуя период его правления, историк опровергает распространенное в науке мнение об исключительности этого времени, якобы не имевшего внутренней связи с прошлым и ни-

---

²² Там же. С. 135.

²³ Там же. С. 225.

²⁴ Там же. С. 131.

²⁵ Там же. С. 149.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 277.

²⁸ Там же. С. 293.

чего не давшего будущему. Император вступил на престол с мыслью «придать более единства государственному порядку», в полной мере осознавал недостатки системы управления, созданной его предшественницей; «чувство порядка, дисциплины, равенства были руководящим побуждением деятельности», а «борьба с сословной привилегией — его главной целью»²⁹. Эта программа имела органическую связь с прошлым и ее «диктовал ход вещей», но попытка реализации оказалась неудачной. Деятельность «первого противодворянского царя» породила множество анекдотов и не оставила крупных правительственных актов; она была лишена цельности и последовательности, приобрела «патологический» характер.

Александр I «иначе приступил к исполнению программы, которую диктовал ход событий»³⁰, однако и эта попытка закончилась провалом. «Преобразовательные работы» первого десятилетия оказались поспешными, непродуманными и «мало гармонировали между собой и с общим строем управления». «Реформаторы», вооруженные «обильным запасом либеральных идей», имели очень слабое представление о российской действительности³¹. А во второй половине царствования Александр I вообще отказался от намеченной программы и охладел к реформам. Ключевский полагал, что 14 декабря 1825 г. явилось результатом непоследовательной деятельности императора, поскольку все его начинания в лучшем случае оказывались бесплодными, а иные только ухудшили положение дел³². После восстания декабристов дворянство окончательно потеряло свое прежнее политическое значение и превратилось во «вспомогательное средство бюрократических учреждений»³³.

Правление Николая I стало логичным продолжением второй половины предшествовавшего царствования; на первый план вышел «консервативный и бюрократический образ действия, поддержка существующего с помощью чиновников»³⁴. Здание бюрократизма, завершенное в этот период, приобрело вид неповоротливой машины с «размноженными» центральными учреждениями, которые «выбрасывали» тысячи бумаг в малочисленные провинциальные канцелярии. И этот непрерывный бумажный

---

²⁹ Там же. С. 296.

³⁰ Там же. С. 301.

³¹ Там же. С. 344.

³² Там же. С. 414.

³³ Там же. С. 418.

³⁴ Там же. С. 420, 421.

поток уничтожал всякую возможность обсуждать дела по существу, а главными двигателями системы стали «столоначальники» — низшие служащие, занимавшиеся «очисткой» бумаг. Именно на местном уровне наиболее ярко проявлялись все негативные черты сложившейся модели управления. Вторая четверть XIX в. стала временем развития чиновничества, к которому было «пристроено» дворянство как «его плодovitейший рассадник»³⁵.

Развитие бюрократического аппарата представлено в трудах С.Ф. Платонова. Анализируя результаты губернской реформы 1775 г., он справедливо отметил, что преобразования Екатерины II «составили эпоху местного управления»³⁶, и попытался выделить принципы, на которых основывалась новая система. Императрица хотела видеть на местах не просто сильную администрацию с многочисленным составом, а целую сеть учреждений, распределенных по ведомствам и предполагавших широкое участие местных обществ. По мнению историка, такое «систематичное и либеральное» устройство, с одной стороны, отражало влияние европейских учений, а с другой — отвечало «желаниям сословий». Между тем на практике местная администрация оказалась «в чувствительной зависимости и под контролем немногих правительственных лиц и бюрократических органов»³⁷, а «земское самоуправление», несмотря на представительство разных сословий, нивелировалось тем, что властные полномочия и на уровне уезда, и на уровне губернии сосредоточились «в дворянских руках». Платонов видел в этом закономерный итог кадровой политики, начатой еще Петром I и превратившей дворян в «ближайших помощников верховной власти в деле управления»: «с 1775 г. вся Россия от высших до низших ступеней... стала управляться дворянством: вверху они действовали в виде бюрократии, внизу — в качестве представителей дворянских самоуправляющихся обществ»³⁸.

В трудах Платонова подчеркивается противоречивость политики Павла I, когда, с одной стороны, император, недовольный процветанием злоупотреблений, предпринимал попытки изменить местное управление и отменить ряд «екатерининских» преобразований, в том числе ограничивал привилегии высшего сословия, а с другой — не был последовательным, не создавал ничего нового, а

³⁵ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. III. М., 1988. С. 9.

³⁶ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 583.

³⁷ Там же. С. 586.

³⁸ Там же. С. 588.

лишь нарушал стройность прежней системы³⁹. Не менее сложным представлен и период правления Александра I, на долю которого выпало продолжить преобразования августейшей бабки и исправить «ошибки» отца. Противопоставляя прогрессивные меры довоенного времени реакционной политике второй половины царствования, автор акцентировал внимание на двойственности природы императора и его непоследовательных действиях, приведших Россию к декабрьским событиям 1825 г.⁴⁰ С Николаем I историк связывал кардинальные перемены в настроениях правительства, ознаменовавшиеся желанием ограничить исключительность дворянских привилегий и создать себе опору в бюрократии, что привело к переходу от «дворянского» к «бюрократическому» режиму. Пытаясь представить взвешенную оценку деятельности императора, он признавал прогрессивный характер мероприятий первой половины царствования императора (время «бодрой работы, поступательный характер которой, по сравнению с концом предшествующего царствования, очевиден») и охранительную политику, «перешедшую понемногу в мелочную реакцию», — второй половины⁴¹. При этом Платонов видел закономерность в развитии государственного аппарата, полагая, что со времен Петра Великого Российская империя стала приобретать вид «полицейского государства», которое «во имя общего благополучия», отрицая личную предприимчивость и общественную самодеятельность, установило «особое “крепостное право”... на жизнь и труд всех сословий одинаково»⁴². Несмотря на попытки преемников изменить этот курс и раскрепостить «шляхетство», создать «односословную» монархию так и не удалось: уже при Павле I началась правительственная реакция, которая после 1825 г. «обратилась в систему, направленную к тому, чтобы создать... бюрократическую власть»⁴³. Все это привело к отчуждению власти от общественных сил, взаимному недоверию и непониманию: «к обществу не обращались и от него не брали ничего; канцелярии же давали только исполнителей-формалистов, далеких от действительной жизни»⁴⁴. Итоги царствования Николая I оказались неутешительными. Созданная бюрократическая система управления привела к господству канцелярского формализма и содейство-

---

³⁹ Там же. С. 603.

⁴⁰ Там же. С. 622.

⁴¹ Там же. С. 629, 631.

⁴² Там же. С. 635.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 633.

вала росту злоупотреблений и неисправностей «во всех сферах казенного хозяйства и канцелярской администрации»⁴⁵.

В публикациях других дореволюционных историков встречаются лишь отдельные суждения относительно государственного аппарата, причем характеристика российского чиновничества, как правило, имеет эмоционально-экспрессивную окраску. Так, А.А. Кизеветтер обратил внимание на кадровую политику в период «Аракчеевщины», когда все назначения на государственные посты стали исключительно делом рук «страшного графа», креатуры которого «отличались соединением посредственности с особенной способностью возбуждать против своей деятельности резкое и притом справедливое неудовольствие общества»⁴⁶ (полезным для государства исключением стало назначение лишь одного человека — Е.Ф. Канкрин). История преобразовательных попыток в царствование Николая I, по мнению Кизеветтера, являет собой «яркий образчик беспомощности всемогущей на вид бюрократии, отгородившейся от всякого общения с живыми силами страны»⁴⁷. Между тем чиновничество «царило по всей линии», а на местах процветали произвол, взяточничество, волокита, бумагописание, «под гнетом которых задыхалась страна и гибла всякая живая мысль»⁴⁸. Местные учреждения «николаевской» эпохи автор сравнивал с «воровскими и разбойничьими притонами», заполненными бюрократией, возмнившей себя всемогущей по отношению к незащищенному населению, но совершенно беспомощной перед стоявшими перед ней задачами в сфере управления.

В целом труды дореволюционных историков, касавшиеся состояния бюрократии в последней четверти XVIII — первой половине XIX в., немногочисленны. Исследователи только приступали к научному осмыслению дореформенного периода и вполне справедливо полагали, что еще слишком рано делать общие выводы. Так, Ключевский, излагая историю XIX в., отметил, что эти «явления, слишком к нам близкие, прямые причины тех, которые волнуют или волновали нас; в суждениях об этих явлениях довольно трудно сохранять спокойствие, с каким мы привыкли относиться к явлениям давно минувших дней; прошедшее — что картина; ее рассматривать лучше на известном расстоянии...»⁴⁹. Беспристрастной оценке препятствовала

---

⁴⁵ Там же. С. 634.

⁴⁶ *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 2006. С. 346.

⁴⁷ Там же. С. 376.

⁴⁸ Там же. С. 405.

⁴⁹ *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории. Ч. III. СПб., 1902. С. 302.

не только близость «расстояния», но и недоступность архивных документов, содержавших количественные и качественные показатели государственного аппарата. Отсутствие этих данных не позволяло судить о численности бюрократии и ее динамике, о составе служащих и источниках рекрутирования кадров. Характеристика чиновничества почти не подкреплялась конкретными цифрами и фактами, но нередко приводились свидетельства современников, сюжеты из художественной литературы и бытовавшие анекдоты о масштабах взяточничества и произвола. Между тем попытки проанализировать историю чиновничества в связи с эволюцией российской государственности не оказались бесплодными. Представленные в статье работы содержат теоретические положения, получившие развитие в современной историографии и сохранившие актуальность для дальнейшего изучения государственного аппарата Российской империи.

Литература

- Гессен, В.М.* О бюрократии // *Гессен В.М.* Вопросы местного управления. — Санкт-Петербург : Типо-лит. А.Е. Ландау, 1904. — С. 3—26.
- Головин, К.Ф.* Наше местное управление и местное представительство. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. — VII, 158 с.
- Градовский, А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 1: О государственном устройстве. — Санкт-Петербург : Тип. Морского м-ва, 1892. — XVI, 440 с.
- Градовский, А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 2: Органы управления. — СПб.: Тип. Морского м-ва, 1881. — VIII, 459 с.
- Градовский, А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 3: Органы местного управления. — Санкт-Петербург : Тип. Морского м-ва, 1883. — VII, 384 с.
- Евреинов, В.А.* Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. — Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1887. — 87 с.
- Карнович, Е.П.* Русские чиновники в былое и настоящее время. — Санкт-Петербург : Тип. П.П. Сойкина, 1897. — 127 с.
- Кизеветтер, А.А.* Исторические очерки. — Москва : Территория будущего, 2006. — 448 с.
- Ключевский, В.О.* Лекции по русской истории. — Ч. III. — Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Киришбаума, 1902. — 538, 8 с.
- Ключевский, В.О.* Сочинения: в 9 т. — Т. 3: Курс русской истории. Ч. III / под ред. В.Л. Янина. — Москва : Мысль, 1988. — 414 с.
- Лазаревский, Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. — Т. II. Административное право. Ч. I. Органы управления. — Санкт-Петербург : Тип. акц. общ. «Слово», 1910. — 276 с.
- Нелидов, Н.К.* Юридические и политические основания государственной службы. — Ярославль : Тип. Губ. зем. управы, 1874. — IV, 282, II с.
- Платонов, С.Ф.* Лекции по русской истории. — Санкт-Петербург : Изд. И. Блинов, 1907. — 4, 651 с.
- Соловьев, С.М.* Общедоступные чтения о русской истории. — Москва : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1908. — 232 с.
- Соловьев, С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет / отв. ред. И.Д. Ковальченко. — Москва : Мысль, 1995. — 717 с.

Сведения об авторах

Аверьянов Константин Александрович, Институт российской истории РАН (Москва), ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук.

Агейчева Татьяна Владимировна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент, кандидат исторических наук.

Амброзяк Томаш, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), Лаборатория эдиционной археографии, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Барыкина Инна Евгеньевна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Выборгский филиал), профессор; С.-Петербургский Институт истории РАН, ассоциированный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Вандалковская Маргарита Георгиевна, Институт российской истории РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Виноградов Михаил Анатольевич, школа № 1797 «Богородская» (Москва), учитель истории, кандидат исторических наук.

Грот Лидия Павловна, консалтингово-образовательное предприятие «НОРРКОН АБ» (Швеция), кандидат исторических наук.

Гурская Нина Валентиновна, музей «Страницы истории», научный сотрудник (Тольятти), кандидат исторический наук.

Дитяткин Дмитрий Геннадиевич, Институт российской истории РАН (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Долгих Аркадий Наумович, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор исторических наук.

Дубровский Александр Михайлович, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, профессор, доктор исторических наук.

Журавель Александр Васильевич, Межрегиональная общественная организация «Историческое сознание» (Брянск), главный редактор.

Иванов Александр Михайлович, Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии, доцент, кандидат исторических наук.

- Казакова Ольга Юрьевна**, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент, кандидат исторических наук.
- Корзун Валентина Павловна**, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, профессор, доктор исторических наук.
- Левченко Валерий Валерьевич**, Одесский национальный морской университет (Украина), доцент, кандидат исторических наук.
- Лобанова Ирина Владимировна**, Институт российской истории РАН (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.
- Малето Елена Ивановна**, Институт российской истории РАН (Москва), старший научный сотрудник, доктор исторических наук.
- Пашкова Людмила Владимировна**, г. Грязи, кандидат исторических наук.
- Петров Федор Александрович**, Государственный исторический музей (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.
- Плех Олеся Анатольевна**, Институт российской истории РАН (Москва), научный сотрудник, кандидат исторических наук.
- Поткина Ирина Викторовна**, Институт российской истории РАН (Москва), ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук.
- Сафонов Михаил Михайлович**, С.-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.
- Сидоров Александр Валентинович**, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, доктор исторических наук.
- Сидорова Любовь Алексеевна**, Институт российской истории РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.
- Тихонов Виталий Витальевич**, Институт российской истории РАН (Москва), ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук.
- Фомин Вячеслав Васильевич**, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор исторических наук.
- Цыганков Дмитрий Андреевич**, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент; Национальный исследовательский Томский государственный университет, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований, кандидат исторических наук.
- Черникова Наталья Владимировна**, Институт российской истории РАН (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.
- Чернобаев Анатолий Александрович**, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва), Институт российской истории РАН (Москва), профессор, доктор исторических наук.

Научное издание

**С.М.Соловьев и его эпоха:
К 200-летию со дня рождения историка**

Выпускающий редактор: М.И. Бьлхова
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 26.11.20
Формат 60×90/16. Гарнитура Newton.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,5. Уч.-изд. л. 27,2.
Тираж 500 экз. Первый з-д (300 экз.) Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80